

№

1841

2.

ПАНТЕОНЪ
РУССКАГО
И
ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ
ТЕАТРОВЪ.

Часть первая.

ПРОГРАММА ИЗДАНИЯ.

ПАНТЕОНЪ РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

предпринять съ тою цѣлю, чтобы доставить публикѣ чтеніе легкое, пріятное, разнообразное и въ тоже время исполнѣ знакомящее съ развитіемъ, ходомъ и настоящимъ состояніемъ драматическаго искусства, музыки, живописи и другихъ искусствъ въ Россіи и по всѣхъ образованныхъ странахъ Европы.

Пантеонъ заключаетъ въ себя слѣдующаго рода статьи:

I. *Отдѣльные піесы въ стихахъ и прозѣ, извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей:* трагедіи, драмы, комедіи, оперы, и только лучшіе водевилы. Въ составъ этаго отдѣленія входятъ піесы, *игранныя на сценѣ и неигранныя*, замѣчательныя по своему созданію и изложенію.

II. *Исторія театра:* взглядъ на развитіе сценическаго и драматическаго искусствъ, какъ у насъ, такъ и въ другихъ странахъ.

III. *Панорама всѣхъ современныхъ театровъ:* отчетъ о всѣхъ новостяхъ сцены, музыки, и другихъ художественныхъ явленіяхъ въ Европѣ и другихъ странахъ свѣта.

IV. *Біографическіе и характеристическіе очерки* знаменитѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ драматическихъ писателей и артистовъ.

V. *Отдѣльные сцены*—историческія и изъятыя изъ частной жизни, въ стихахъ и прозѣ.

VI. *Повѣсти и рассказы*, могущія подать мысль для драмы, комедіи или водевиля.

VII. *Забавныя куплеты и стихотворенія.*

VIII. *Библиографическіе обзоры сочиненій*, относящихся къ искусствамъ сценическому и драматическому и по всѣхъ другихъ родахъ.

IX. *Смѣсь:* анекдоты; замѣчанія на декораціи, костюмы и музыку значительныхъ піесъ; острія слова; каламбуры и театральныя слухи.

X. Кроме того при каждой книжкѣ *Пантеона* будетъ прилагаться номеръ *Текущаго Репертуара Русской Сцены*, состоящей изъ лучшихъ водевилей оригинальныхъ или переведенныхъ, имѣвшихъ успѣхъ на русскихъ театрахъ, и критическіе отчеты о всѣхъ піесахъ, представляемыхъ на московской и петербургской сценахъ.

Словомъ *Пантеонъ* есть полный сборникъ литературно-художественныхъ статей, который, слѣдя непрерывно за ходомъ искусствъ и театровъ, не можетъ быть издаванъ вдругъ и потому выходилъ *выпусками* или книжками, отъ пяти до десяти листовъ компактной печати, въ два столбца, и раздѣляется на *четыре части*. При каждомъ выпускѣ выдается по одному и по два художественныхъ приложенія, состоящихъ: изъ *портретовъ знаменитыхъ писателей и артистовъ; картинокъ театральныхъ, маскарадныхъ и модныхъ костюмовъ; забавныхъ сценъ, декорацій, гравированныхъ на стали, на мѣди, или литографированныхъ и раскрашенныхъ, за границею или въ Россіи, и изъ музыки, народной, или заимствованной изъ новыхъ оперъ, балетовъ, водевилей и танцевъ, аранжированныхъ для форте-піано.*

Редакцію *Пантеона* завѣдуетъ Федоръ Алексѣевичъ Ковн.

Подписная цѣна на все изданіе въ 1841 году: **СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ**, съ пересылкою во все города Россійской Имперіи и съ доставленіемъ на домъ въ С. Петербургъ.

Подписка принимается въ магазинѣ издателя, *книжпродавца Полкова*, на Невскомъ проспектѣ, вблизи Михайловской улицы, въ домѣ графини Строгановой; въ его же книжной лавкѣ въ Гостиномъ Дворѣ, по Суконой линіи, подъ № 17. Иногородныя особы благопожелать адресоваться въ *Газетную Экспедицію* Санктпетербургскаго Почтамта.

Издатель, С. Петербургскій книжпродавецъ Василій Поляковъ.

МАНФРЕДЪ,
ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА,

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. Лорда Байрона.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

А. БОРОДИНА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Манфредъ.

Охотникъ.

Аббатъ св. Маврѣя.

Мануиль, слуги Манфреда.

Германъ,

Фея Альповъ.

Арманъ.

Немезида.

Парки.

Духи.

*Дѣйствіе происходитъ на вершинахъ Альпахъ, частью въ замкѣ Манфреда,
частью въ горахъ.*

МАНФРЕДЪ,

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

БОЧ. ЛОРДА Байрона.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

А. Бородин.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Готическая галлерей. Полночь.

Манфредъ (одинъ.)

Наполнить нужно лампу, но она
Все догоритъ, куда я засну;
И сонъ мой — если я и сплю — не сонъ,
А длинный рядъ тяжелыхъ размышленій,
Противиться которымъ — силы нѣтъ.
Бьютъ сердце, и глаза я закрываю
Съ тѣмъ только, чтобъ читать въ своей
душѣ.

А между тѣмъ живу я; образъ мой
Таковъ же, какъ у всѣхъ живыхъ людей;
Но грусть должна наставникомъ быть му-
рыхъ:

Скорбь — знаніе; кто болѣе узналъ,
Сильнѣй скорбитъ объ истинѣ печальной,
Что древо знанья вмѣстѣ съ тѣмъ не есть
И древо жизни. Философскихъ истинъ,
Источниковъ чудесъ и мудрости мірской
Вкусилъ я, и въ душѣ моей есть сила
Ихъ покорить себѣ; но это мнѣ
Не помогло; добро я дѣлалъ людямъ,
Добро встрѣчалъ я даже межъ людьми,
Но это мнѣ не помогло; имѣлъ я
Своихъ враговъ и не былъ побѣжденъ,
Хоть не одинъ передо мною падалъ.
Но это мнѣ не помогло. Добро и зло,
Жизнь, сила, страсти, — все, что видѣлъ я

Въ сознаніяхъ другихъ, мнѣ было то же,
Что дождь пескамъ, — съ минуты той, ко-
торой
Названья быть не можетъ; не знакомъ
Я съ ужасомъ; на мнѣ лежитъ клеймо
Проклятій: — не знать естественнаго
страха,
Ни трепета желаній и надеждъ,
Ни склонности къ чему нибудь земному.
Но къ дѣлу.

О, таинственная сила!
Вселенной безпредѣльной духи! Вы,
Кого искалъ я въ свѣтѣ и во мракѣ;
Вы жители ээира вокругъ земли,
Которымъ перхъ утесовъ неприступныхъ
Обычная прогулка; вы, кому
Земли и воли пучины всѣ знакомы —
Могуществомъ полшебныхъ тѣхъ псы-
мень,

Которыя мнѣ власть даютъ надъ вами
Взываю къ вамъ: явитесь ко мнѣ!
(молчаніе)

Они нейдутъ; такъ голосомъ того,
Кто между вами главный, этимъ знакомъ,
Котораго дроздите вы, правами
Безсмертнаго — зову я васъ: явитесь!
(молчаніе.)

А, если такъ... не ускользнуть вамъ, духи
Ээира и земли; могучей властью,
Которая сильнѣй всего того,
Чѣмъ звалъ я васъ; той самовластной си-
лой,

Которой мать — погибшая звѣзда,
Осколокъ отъ разрушеннаго міра,
Блудящій адъ въ небесныхъ высотахъ;
Проклятемъ на душѣ моей лежащимъ,
Той мыслю, которая во мнѣ
И вокругъ меня, — я васъ зову: явитесь!
(Въ темномъ концѣ галлерей видна звѣзда: она
неподвижна; слышенъ поющей голосъ.)

первый духъ.

Смертный, слушаемая вельній,
Изъ заоблачныхъ селеній,
Гдѣ дыханіе ночей
Съ блескомъ западныхъ лучей,
Строить мнѣ дворець лазурный,
Золотистый и пурпурный,
(Хоть на зло меня ты звалъ),
Лучъ звѣзды меня примчалъ.
Мощный зовъ услышанъ твой;
Смертный! волю мнѣ открой!

второй духъ.

Монбланъ — монархъ могучій горъ;
Онъ царь ихъ вѣковой;
На престолахъ изъ скаль, и въ порфирѣ изъ
Тучь,
Въ лѣдемъ сидитъ свѣговой;
Стань властителя горъ, обвинь поясомъ
боръ,

И лавина въ десницѣ его;
Но задержанъ ударъ: чтобъ пустить стра-
шный шаръ
Приказанья онъ ждетъ моего.
Движенье хладныхъ массъ илетъ
День за день, все впередъ;
Но я даю имъ быстрый ходъ,
Я сдерживаю ледъ;
Я духъ утесовъ этихъ сферъ —
И гну ихъ съ высоты
Къ подошвамъ ихъ — жерламъ пещеръ...
На что меня звалъ ты?

третій духъ.

Въ глубинѣ лазурной моря,
Гдѣ борьбы пѣтъ у водъ;
Гдѣ вѣдомы вихри,
Гдѣ морской змѣй живеть;
Гдѣ сирены вплетаютъ
Жемчугъ въ зелень масовъ, —
Какъ гуль бури далекой,
Прокатился твой зовъ;
Въ мирномъ замкѣ коральномъ
Слухъ встревоженъ былъ мой;
Предъ тобой я: желанья
Духу моря открой!...

четвертый духъ.

Гдѣ землетрясенье мирно
На огнистомъ ложѣ спитъ,
И пучина жаркой лавы,
Воздымаяся, кипитъ;
Гдѣ съ усилениемъ корни Андовъ
Въ глубь груди земной впились,
А вершины ихъ съдыя
Гордо въ тучи вознеслись, —
Тамъ приютъ я свой покинулъ,
Мощнымъ зовомъ увлеченъ:
Силой чаръ твоихъ я скованъ,
Мнѣ слова теон — законъ.

пятый духъ.

Я вихрей всадникъ вѣковой,
Я царь всѣхъ бурныхъ силъ;
Тамъ ураганъ, слѣдъ вѣрный мой,
Отъ молній не остылъ;
Къ тебѣ летѣть, на зовъ поспѣть,
Какъ вихрь былъ лѣвой полетъ;
Я встрѣтилъ флотъ, овъ цѣль плыветъ,
Но въ ночь ко ду поидеть.

шестой духъ.

Приютъ мой — царство тьмы;
За чѣмъ меня терзаешь свѣтомъ ты?

седьмой духъ.

Звѣзда судьбы твоей была
Моей, когда земля спала
Еще въ хаосъ; какъ она,
Была тогда свѣжа, ясна!
Въ груди небесъ, прелестяѣ всѣхъ,
Имѣла плавный, вольный бѣгъ!
Но стала съ горестнаго дна
Блудящей массою огня,
Кометой съ странною стезей
Вселенной горемъ и грозой;
Катяся силой роковой,
Спершаетъ путь безфервый свой —
Уродомъ яркимъ въ облакахъ,
Чудовищемъ на небесахъ;
Подъ ней зажглася жизнь твоя...
О червь презрѣнный, не тебя,
Я силы слушаюсь иной,
(Она твоя, чтобъ ты былъ мой);
На мигъ спустился я съ высотъ
Туда, гдѣ приказаній ждетъ
Рой слабыхъ духовъ отъ тебя;
На что тебѣ, сынъ праха, — я?

всѣ семь духовъ.

Земля, ночь, море, воздухъ, вихри, горы,
Звѣзда твоя — вельній жлуть твоихъ!

На духовъ ихъ хотѣлъ сынъ персти бро-
ситъ взоры, —
Чего же онъ потребуеть отъ нихъ?

МАИФРЕДЪ.

Забвенія.

ПЕРВЫЙ ДУХЪ.

Кого, чего, зачѣмъ?

МАИФРЕДЪ.

Того, что здѣсь, въ груди моей; прочти-
те —

Узнаете, я самъ сказать не въ силахъ.

ДУХЪ.

Мы можемъ дать тебѣ лишь то, что на-
ше:

Проси рабовъ, царствъ, власти валь зем-
лей,

Надъ частію, валь всюю; или знака,
Который бы могъ передать тебѣ
Власть нашу надъ стихіями, одною
Иль всѣми вдругъ, скажи — и все твоё!

МАИФРЕДЪ.

Забвенья лишь, самозабвенья! Развѣ
Не въ силахъ вы изъ сокровенныхъ
стравъ,

Которыя такъ щедро мнѣ сулите,
То выжать мнѣ, о чемъ я васъ прошу?

ДУХЪ.

Не въ нашихъ силахъ то, не въ нашемъ
знаньи,

Но умереть ты можешь...

МАИФРЕДЪ.

Дастъ ли смерть

Мнѣ то, чего хочу я?

ДУХЪ.

Мы безсмертны —

И нѣтъ для насъ забвенья; вѣчны мы —
Прошедшаго и будущаго нѣтъ намъ,
Все настоящее; доволенъ ты?

МАИФРЕДЪ.

Вы издвигаетесь; но власть, которой
Я васъ привлекъ, мнѣ въ руки васъ дала.
Рабы, не смѣйтесь надъ моимъ вельвьемъ!
Моя душа, умъ — Прометея пламя,
Существованія молнія, — сверкаетъ,
Горитъ, разитъ, не хуже чѣмъ и въ васъ,
И не уступить вамъ, хоть сжата прахомъ!
Отвѣтъ, не то я покажу, кто я!

ДУХЪ.

Отвѣтъ дадимъ мы тотъ же, что и дали,
Въ твоихъ словахъ наши отзывъ.

МАИФРЕДЪ.

Почему?

ДУХЪ.

Ты говоришь, что существомъ намъ ра-
венъ;

А мы тебѣ сказали, что для насъ
То чуждо, что вы смертію зовете.

МАИФРЕДЪ.

Напрасно жъ я васъ призывалъ: нѣтъ силъ,
Или желанья нѣтъ у васъ помочь мнѣ?

ДУХЪ.

Что наше — предлагаемъ мы: скажи —
Оно твое; пока васъ не отпустишь
Подумай и потребуй: государствъ,
Могущества и силъ, иль долгихъ дней.

МАИФРЕДЪ.

Проклятые! на что мнѣ ваши лянъ?
И безъ того ихъ слишкомъ много. Сгинь-
те!

ДУХЪ.

Постой; здѣсь мы тебѣ хотѣли бъ услу-
жить;

Одумайся; помысли: нѣтъ ли дара
Съ какой нибудь цѣной въ твоихъ гла-
захъ?

МАИФРЕДЪ.

Нѣтъ; но еще мгновенье подождите, —
Лицемъ къ лицу я видѣть васъ хочу;
Я слышу ваши голоса, рядъ звуковъ
Плѣнительныхъ, какъ пѣсли на волнахъ,
И вижу тамъ большой звѣзды сіянье;
Но вотъ и все. Явитесь предо мной —
Одинъ иль всѣ — въ обычномъ вашемъ ви-
дѣ.

ДУХЪ.

Нѣтъ формъ у насъ, различныхъ тѣмъ сти-
хіямъ.

Которыхъ мы владыки и начала;
Самъ избери намъ видъ: и въ немъ пред-
станемъ мы.

МАИФРЕДЪ.

Что выбрать? для меня па свѣтъ формъ
Ни гнусныхъ нѣтъ, ни милыхъ; но пусть
тотъ
Кто между вами главный, приметъ об-
разъ,

Какой почтетъ приличнѣйшимъ; явись!

седьмой духъ (является въ ви-
дѣ прекрасной
женщины.)

Смотри!

МАНФРЕДЪ.

О, Боже! если такъ,
И то не плодъ безумья, не насмѣшка, —
Мнѣ счастье есть еще! Схватчу тебя,
И мы опять...

(Видявше исчезаетъ)

О, разорвалось сердце!

(Манфредъ падаетъ безъ чувствъ, невидимый
голосъ поетъ:)

Когда луна дрожитъ въ волнахъ,
Свѣтящій червь въ травѣ блещитъ,
Огни блуждаютъ на гробахъ,
И надъ болотомъ паръ стоитъ;
Летаютъ звѣзды съ облаковъ
И слышенъ вой протяжный совь;
Листы молчатъ на деревьяхъ
И тѣнь чернѣетъ на холмахъ, —
Мой духъ наляжетъ на твоёмъ
Могучимъ, тягостнымъ клеймомъ.
Хоть крѣпокъ можетъ быть твой сонъ,
Твой духъ не будетъ усыпленъ;
Есть тѣни, что не пропадутъ,
Есть мысли, что не убѣгутъ,
По власти гибельной тебѣ,
Одинъ не будешь ты нигдѣ.
Ты какъ бы саваномъ увить,
Ты черной тучею покрыть,
Волшебствомъ тайнымъ окруженъ,
Въ немъ жить на вѣки осужденъ.
Не будешь видѣть ты гдѣ я,
Но будетъ чувствовать меня,
Какъ то, что близко быть должно,
Хотя невидимо оно;
И въ тайномъ ужасѣ своемъ,
Когда согласишься ты кругомъ,
Дивиться будешь самъ, что я
Не при тебѣ, какъ тѣвъ твоя;
Ты долженъ будешь то скрывать,
Что духъ твой ставитъ убитъ.
Тебя проклятьемъ окропилъ
Волшебный голосъ тайныхъ силъ,
Эфирный духъ околдовалъ:
Ты въ западню его попалъ;
И вѣтеръ будетъ бушевать,
Чтобъ въ часъ веселый помѣшать,
Ночнаго неба тишина
Не дастъ ни грёзъ тебѣ, ни сна;
А съ солнцемъ такъ саружился ты,
Что будешь жаждать темноты.
Изъ живыхъ слезъ твоихъ извлекъ
Твой врагъ убійственный свой сокъ;
Въ твоёмъ же сердцѣ черномъ взялъ
И черной крови страшный ядъ;

Съ улыбки сорвана твоей
Змѣя, гнѣздившаяся въ ней,
И губъ твоихъ безцѣнный даръ,
Есть язва всѣхъ могучихъ чаръ;
Такъ, доказалъ мнѣ опытъ мой,
Что ядовъ всѣхъ сильнѣе твой!
Льюмъ сердца, бездной злыхъ страстей,
Улыбою, достойной змѣй,
Искусствомъ тѣмъ, съ какимъ другимъ
Казался съ сердцемъ ты лоскскимъ,
Притворной пѣжностью очей,
Коварствомъ злой души твоей,
Любовью къ горестямъ чужимъ
И духомъ канскимъ твоимъ —
Клянусь тебѣ! Въ твоей груди
Геенну самъ себѣ найди!
И на главу твою лию
Я чашу страшную мою:
Твой рокъ — не спать, не умирать,
Хоть смерти будешь ты желать,
Къ душѣ твоей, какъ страхъ, близка,
Она все будетъ далека.
Спершились чары надъ тобой:
Ты связанъ цѣпью тѣмой;
И умъ, и сердце мнѣ отдай;
Мой ядъ проникнулъ въ нихъ: стралай!...

СЦЕНА II.

Утро на горѣ Юнгфрау. Манфредъ одинъ на
утесѣ.

МАНФРЕДЪ.

Я вызывалъ духовъ — и брошенъ ими;
Наукой чаръ обмануть горько я:
Въ чемъ врачевства искалъ, тѣмъ лишь
измученъ...
На что мнѣ сверхъестественная помощь?
Нѣтъ власти надъ прошедшимъ у нея,
А будущность, пока не погрузится
Прошедшее во мракъ, — мнѣ ничто.
О, мать земли! и ты, разсвѣтъ веселый,
И ты, цѣпь горъ, за чѣмъ прекрасны вы?
Я не могу любить васъ. Око міра
Блестящее, живое, ты глядишь,
Равно на все, и льешь на все веселье...
Моей душѣ отрадой не блещешь.
Утесы, я стою на вашемъ краѣ,
И въ пропасти, гдѣ бѣсится потокъ,
Мнѣ кажутся кустарниками сесны,
Такъ далеки онѣ; одинъ скачекъ,

Движенъе, одно лишь дуновение—
И грудь моя, тамъ, на груди скалы,
Найдетъ покой — навѣки! Чтожъ я медлю?
Я чувствую порывъ — и не лечу;
Опасность вижу — и не отступаю;
Нога крѣпка, хотя кружится мозгъ;
Удержавъ я какой-то тайной силой;
Мой приговоръ — жить , если тотъ жи-

ветъ,
Кто такъ, какъ я, духъ носить помертвѣ-
лый

И гробомъ сталъ для собственной души.
Я пересталъ судить свои дѣянья,
А это—зло недугъ послѣдній. — О!

(пролетаетъ орелъ)
Посолъ крылатый, ты который режешь
тучи

И выше всѣхъ взлетаешь въ небеса,
Меня задѣть ты смѣло могъ; я долженъ
Добычею твоимъ орлятамъ быть;
Ты улетѣлъ, куда слѣдить не можетъ
Глазъ за тобой; но твой могучій взоръ
И въ стороны, и въ верхъ, и въ низъ все
видитъ;

Прекрасенъ, о, прекрасенъ этотъ свѣтъ!
Какъ пышенъ онъ и въ формахъ и въ
явленьяхъ!

Но мы, прозвавъ себя его царями,
Мы, полупрахъ и полубожество,
Которымъ ни парить, ни пасть не срод-
но, —

Мы смѣшаннымъ составомъ представля-
емъ

Одну борьбу стихій его, живемъ
Дыханіемъ величья и паденья,
Въ бореніи всегдашнемъ низкихъ нуждъ
Съ возвышеннымъ влеченіемъ гордой во-
ли;

Но наконецъ одержитъ смертность верхъ,
И люди станутъ тѣмъ, чего не скажутъ
Самимъ себѣ, не ввѣрятъ и другимъ.

(Вдали слышна пастушья свирѣль)

Чу! музыка! естественные звуки
Свирѣли горъ; — здѣсь патриаршій бытъ
Не сказка. Какъ свободный, тонкій воз-
духъ

Плѣнительно сливаетъ тоны тѣ
Съ звоночками играющаго стада!

Моя душа хотѣла бы упиться
Чудеснымъ эхомъ; о, когда бъ я былъ
Незримымъ духомъ сладостнаго звука,
Гармоніи живительной душой,

Безплотнымъ наслажденіемъ, и роди-
ся бъ,
И умеръ бы съ счастливымъ звукомъ
тѣмъ,

Которымъ былъ бы созданъ.

(Внизу показывается охотникъ.)

охотникъ.

Вотъ сюда

Прыгнула серна; легкою скакуньей
Обмануть я; успѣхъ охоты мнѣ
Едва ль воздастъ сегодня за работу
Опасную для жизни. — Это кто?
По виду онъ не нашъ братъ, а взобрался
На высоту, которой лишь съ трудомъ
Смѣлѣйшіе изъ насъ достигнуть могутъ?
Въ одежѣ онъ хорошей, видомъ смѣлъ
И горделивъ, какъ селянинъ свободный.
Я подожду къ нему.

манфредъ, (не замѣчая его).

И такъ все жить!

Такъ посѣдѣть отъ горя, какъ тѣ сосны,
Одной зимы добыча; — безъ коры,
Безъ сучьевъ, жить такъ — обнаженнымъ
стеблемъ

На корнѣ проклятомъ, который чувство
Развалинѣ даетъ, и жить все такъ,
И вѣчно такъ, когда я жилъ иначе!
Морщинами изрытъ я весь, но ихъ
Прорѣзали не годы, а минуты;
А тѣ часы, которые въ вѣка
Превращены мученьями, — часы тѣ,
Которые я пережилъ... О, вы,
Громады льдинъ, вы страшныя лавины;
Которыя однимъ дыханіемъ вѣтеръ
Бросаетъ внизъ, нагромождая горы,
Падите на меня всей массой; я слышу
Вверху, внизу вашъ безпрестанный трескъ;
Но вы меня минуете, и только
Разите то, что бы хотѣло жить:
Лѣсъ молодой, цвѣтушій, или кровлю,
Шалашъ, — приютъ невинныхъ поселянъ,

охотникъ.

Туманъ ужъ сталъ съ долины поднимать-
ся,

Остерегу его, чтобъ не сходилъ;
Стезю и жизнь онъ потеряетъ вдругъ мо-
жетъ.

манфредъ.

Вкругъ ледниковъ туманы закружились
И подо мной роется облака
Бурливыя и сѣрыя, какъ пѣна
Морей свирѣпыхъ въ адскихъ глубинахъ,

Гдѣ каждый валъ о брегъ живой дробит-
ся,
На грѣшниковъ, которые на немъ
Взгромождены, какъ камни... о, мнѣ дурно!

охотникъ.

Я долженъ осторожно подойти:
Отъ шороха внезапнаго онъ вздрогнетъ;
А кажется колеблется и такъ.

манфредъ.

Вѣдь падали-же горы, оставляя въ тучахъ
Прорывы; отъ паденья ихъ тряслись
Альпійскіе ихъ братья, наволялся
Обломками зеленый, пышный доль;
Ударъ внезапный засыпалъ потоки,
Валы въ туманъ давленьемъ обращалъ,
И родникамъ повелѣвалъ каналовъ
Другихъ искать; такъ Розенбергъ упалъ;
Зачѣмъ подъ нимъ я не былъ?

охотникъ.

Другъ, послушай.

Твой первый шагъ послѣднимъ можетъ
быть.

Любовію къ тому, кѣмъ сотворенъ ты,
Молю тебя, не стой тамъ на краю...
манфредъ, (не слыша его.)

Тогда бы я имѣлъ приличную могилу,
Тогдабъ костямъ подъ массой былъ по-
кой,

И по скаламъ онъ бъ не разлетѣлся
Забавою для вѣтра, какъ теперь,
Какъ суждено теперь,— въ одномъ уда-
рѣ...

О, небеса прिवѣтныя, простите!
Зачѣмъ смотрѣть съ упрекомъ на меня?
Не для меня назначены вы были;
Земля, прими атомы эти...
Манфредъ хочетъ вкнуться съ утеса; охотникъ
схватываетъ, и удерживаетъ его.

охотникъ.

Стой

Безумецъ! хотъ ты жизнию скучаешь,
Не оскверняй родныхъ моихъ долинъ
Твоей преступной кровью! Иди за мной!
Я не пущу тебя.

манфредъ.

Мнѣ дурно; вѣтъ,
Такъ крѣпко не держи меня;— какъ слабая,
Кружатся горы всѣ— темно въ глазахъ;
Кто ты такой?

охотникъ.

Отвѣтъ тебѣ дамъ послѣ;

Ступай за мной— сгустились облака;
Упрись же на меня, поставь тутъ ногу;
Вотъ палка, ухватись за этотъ кустъ;
Дай руку и держи меня за поясъ.

Потпше! такъ. Въ часъ къ хижинамъ
пойдемъ;
Ступай, сейчасъ путь будетъ безопас-
нѣй;

Промыли здѣсь потоки роль тропинки.
Иди-же, вотъ сюда теперь; прекрасно;
Тебѣ бы быть охотникомъ. За мной.

(Спускаются съ трудомъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Хижина въ бернскихъ Альпахъ.

Манфредъ и охотникъ.

охотникъ.

Нѣтъ, нѣтъ, стой; я не пущу тебя;
Нельзя еще душѣ твоей и тѣлу
Довѣриться другъ другу; погоди
Хоть нѣсколько; когда же будетъ лучше
Тебѣ, тогда я провожу тебя;—
Скажи, куда?

манфредъ.

Не нужно; самъ я знаю
Дорогу; для чего вожатый мнѣ?

охотникъ.

Твой видъ и платье говорятъ, что знатенъ
Ты родомъ и одинъ изъ тѣхъ господъ,
Которыхъ замки тамъ, съ утесовъ смо-
трать

Въ глубокія долины; по какой
Зоветь тебя владѣльцемъ? Знаю только
Я ихъ по виду; образъ жизни мой

Лишь изрѣдка мнѣ доставляетъ случай
Погрѣться у обширныхъ очаговъ
Тѣхъ древнихъ зданій, и вести бесѣду
Съ вассалами; но всѣ пути въ горахъ,
Къ воротамъ ихъ, съ ребячества я знаю:
Который твой?

манфредъ.

Что нужды?

охотникъ.

За вопросъ

Прости меня и будь повеселѣе,
Отвѣдай—ка вина: оно старо,
И въ ледникахъ меня отогрѣвало
Не разъ; пускай послужитъ и тебѣ.
Ну, чокнемся; развеселись!

манфредъ.

Прочь, прочь!

Здѣсь въ кубкѣ кровь! Ужели никогда
Земля ее не втянетъ?

охотникъ.

Что съ тобою?

Ты въявь себя.

манфредъ.

Я говорю тебѣ,

Что это кровь моя, тотъ чистый, теп-
плый

Ея потокъ, который пробѣгалъ
По жиламъ нашихъ предковъ и по на-
шимъ,

Какъ молоды мы были, и одно
Въ насъ было сердце и когда другъ друга
Любили мы, но не такъ, какъ должно.—
И пролилась та кровь, и все дымится,
И красить тучи, запирая входъ
На небеса—туда, гдѣ нѣтъ тебя,
Гдѣ не бывать и мнѣ.

охотникъ.

Мужъ съ рѣчью странной!

Къ безумью близкій духъ твой создаетъ
Видѣнія пустыя; но хоть страшень
Недугъ твой, все тебѣ надежда есть:
Духовныхъ лицъ совѣты и святое
Терпѣнье.

манфредъ.

Все терпѣнье, до терпѣнья!

Для въсвѣвшихъ лишь животныхъ это слово
Сотворено, а не для хищныхъ птицъ!
Ступай, его тѣмъ смертнымъ проповѣ-
луй,

Которыхъ персть равна твоей; а я
Не твоего десятка.

охотникъ.

Слава Богу!

Я не хотѣлъ бы стать такимъ, какъ ты
За славу всю Вильгельма Телл. Впрочемъ,
Какимъ бы ты недугомъ ни страдалъ,
Сносить его ты долженъ: изступленье
Помочь тебѣ не можетъ.

манфредъ.

Развѣ я

И не сношу его? Взгляни—я живъ.

охотникъ.

Такая жизнь—не жизньъ, а солроганье.

манфредъ.

Послушай, я ужъ много прожилъ лѣтъ,
Лѣтъ долгихъ; но они ничто въ срав-
ненъи

Съ тѣмъ, что еще прожить мнѣ суждено;
Вѣка, вѣка,—нѣтъ—безпредѣльность,
вѣчность,

Съ сознаніемъ, съ ужасной жадной
смерти

Неутолимой.

охотникъ.

А на взглядъ,

Чело твое—сава ли зрѣмый возрастъ
Успѣлъ своей печатью заклеить;
Гораздо старше я.

манфредъ.

Но какъ ты мыслишь?

Отъ времени ль зависитъ наша жизнь?

Да, но эпохи въ ней—дѣянья наши:

Я сдѣлалъ то, что стали дни мои
И ночи всѣ безсмертны, безконечны.

Они, какъ на песчаномъ берегу
Песчинки безъ числа сливались
Въ одну холодную, пустую степь,
Куда, явсь, бьютъ волпы, оставляя
На ней лишь остовы, обломки скалъ,
И горькія, печальныя растенья.

охотникъ.

Увы! помѣшанъ овъ, но все-жъ его
Оставить я не долженъ.

манфредъ.

О, когда бъ

Помѣшанъ былъ я точно;—все, что вижу,
Я могъ бы счесть тяжелымъ сномъ.

охотникъ.

Но что жъ

Ты видишь здѣсь? иль думаешь что ви-

манфредъ.

Себя съ тобой: жиньда простаго горъ,
Твой скромный бытъ, твой кровь госте-
примный,
Смиранный твой, благочестивый духъ,

Но гордый и свободный; уваженъе
Твое къ себѣ—великихъ мыслей плодъ,
Безгрѣшные труды, которымъ цѣву
Опасность придаетъ; надежды всѣ
Веселыхъ дней подъ старость, и могилу
Спокойную съ гирляндой и крестомъ
На свѣжемъ дерѣвѣ; вмѣсто эпитафій—
Любовь живую внука,— вотъ, что я
Здѣсь вижу; и потомъ я взоры устрем-

ляю
Въ себя... но что!—моя душа
Опалена давно.

охотникъ.

Такъ, стало быть,
Судьбою ты со мной бы помѣнялся.

МАНФРЕДЪ.

Нѣтъ, другъ, вредить тебѣ я не хочу:
Своей судьбы мѣнять не соглашаюсь
Я съ существомъ живымъ; я самъ могу
Снести,— хоть съ муками,— но все снес-

ти
На дѣлъ то, что для другихъ и въ гре-

захъ
Конечно смертью было бѣ.

охотникъ.

И съ такой

Боязню за чуждыя страданья
Ты очерневъ проступкомъ страшнымъ?

Нѣтъ,

Кто съ вѣжвою душою способенъ къ
мести

Безжалостной врагамъ?

МАНФРЕДЪ.

О вѣтъ, вѣтъ, вѣтъ!

Вредилъ я только тѣмъ, кого любилъ я
Нѣжнѣй всего, тѣмъ, кто любилъ меня!
Врага тѣснилъ лишь въ праведной за-

щитѣ,

Но погубны мои объятя были.

охотникъ.

Пошли Господь тебѣ покой, и пусть
Раскаиве твою врачуетъ душу;
Я за тебя молюсь буду.

МАНФРЕДЪ.

Нѣтъ!

Не нужно мнѣ молитвъ, но состраданье
Твое могу снести я. Я иду;
Пора, прости! Вотъ золото, спасибо!
Ни слова: это долгъ!—нейди за мной!
Я знаю путь: опасность миновала,
Еще разъ говорю: нейди за мной!

(Уходитъ.)

СЦЕНА II.

Долина въ Альпахъ. Водопадъ.

МАНФРЕДЪ.

Еще вѣтъ полдня: радуги лучи
Окрасили потокъ цвѣтами неба;
Сребристый столпъ, волнуясь, внизъ ле-

титъ

Съ отвѣснаго утеса, отдѣляя
Во всѣ концы ряды блестящихъ брызгъ,
И кажется хвостомъ коня съдаго,
Гиганта, на которомъ сядетъ смерть,
Какъ намъ гласитъ апокалипсисъ; только
Одни мои глаза пьютъ этотъ вилъ
Плѣнительный. О, какъ бы я хотѣлъ
Здѣсь жить одинъ въ убѣжищѣ отрадномъ
И съ феей этихъ мѣстъ дѣлиться токомъ
Кристалльныхъ водъ; я вызову ее.

Манфредъ беретъ воды на ладонь и броса-
етъ ее въ воздухъ, произнося заклинаніе. Черезъ
нѣсколько времени Фея Альповъ является надъ
радугую потока.

Прекрасный духъ, увѣчанный лучами!
Величіе очей твоихъ спитъ;
Въ тебѣ красы прелестныхъ дѣвъ зем-

ли

До формы не земной чудесно возросли,
До красоты стихій чистѣйшихъ.

Пѣтъ новости, румянецъ вѣжнѣй шекъ—
У спящаго, прекраснаго младенца,
Котораго колышетъ сердцемъ мать,
Иль отблескъ розовый, который лѣтомъ
Кладетъ закатъ на дѣвственныхъ снѣ-

гахъ

Высокихъ горъ,—земли стыдливой краска,
Когда ее лобзаютъ небеса,—

Твой райскій ликъ румянитъ, затмѣвая
Всю красоту блестящей той дуги,
Которая согнулась надъ тобою.

Духъ свѣтлый! па челѣ твоемъ спокой-

номъ

Вся чистота души отражена,
Сама въ себѣ безсмертья вѣрный при-

знакъ.

Читаю я прощенье сыну праха,
Которому согласемъ тайныхъ силъ
Даво по временамъ сблизаться съ ними
Волшебствомъ чаръ. Прости мнѣ, что

дерзнулъ

Я вызывать тебя; прости, что на мгно-

венье

Вопьюсь въ тебя глазами.

Фел.

Сынь земли!

Я зваю и тебя, и вся тѣ силы,
Которыми власть чаръ тебѣ дана!
Я знаю, что мыслитель ты глубокой,
До крайности доходишь, какъ въ добрѣ,
Такъ и во злѣ, твой рокъ — страдать; ждала я,
Что ты придешь. На что жь меня ты звалъ?

манфредъ.

На красоту твою взглянуть — и только.
Лицо земли мнѣ возмутило духъ;
Я въ таинствахъ ея искалъ приюта
И къ тѣмъ, кто ея править пропикалъ,
Но мнѣ они не помогли; просилъ я
У нихъ того, чего не могутъ дать,
И пересталъ просить я.

Фел.

Но чего же

Просить ты могъ, что не во власти
тѣхъ,
Кто всѣхъ сильнѣй, правителей могучихъ,
Невидимыхъ?

манфредъ.

Лишь дара одного,

Но повторять зачѣмъ о томъ... напрасно!

Фел.

Я этого не знаю, — говори!

манфредъ.

Такъ пусть себя измучу; все равно,
Страданиямъ тяжелымъ дамъ я голосъ.
Огъ юныхъ лѣтъ мой духъ не шелъ
дорогой
Другихъ людей, на землю не смотрѣлъ
Я тѣми же глазами, какъ всѣ люди;
Желанія ихъ не были моими,
Цѣль жизни ихъ моею не была.
И радостью, и скорбью, и страстями,
И свойствами я людямъ былъ чужой,
Подъ образомъ людскимъ не ощущалъ я
Наклонности къ живущимъ существамъ;
И вокругъ меня изъ всѣхъ дѣтей земли...
Одна лишь... но дойдетъ и до нея.
Я говорю, что мало сообщенья
Имѣлъ съ людьми и мыслями людей;
За то восторгъ и ощущалъ въпустыняхъ,
Любилъ вдыхать тяжелый воздухъ горъ
На ледяныхъ вершинахъ, гдѣ ни птицы
Не смѣютъ свить гнѣзда, ни мотылекъ
На зѣдѣвалъ крыломъ скалы безтравной;

Любилъ вырять въ потокъ, бросаѣться
въ бурѣ
Рѣчныхъ валовъ или морскихъ приливовъ:

Въ нихъ находилъ восторгъ для юныхъ силъ;

Или слѣдилъ всю ночь за луннымъ бѣгомъ,

Звѣздами и развѣсьемъ ихъ; смотрѣлъ
На молнию пока въ глазахъ темнѣло,

И замѣчалъ полетъ листовъ, когда
Осенній вѣтръ вечернюю пѣлъ пѣсню.

Вотъ какъ любилъ я время проводить;
Но все одинъ; при встрѣчѣ съ существами,

Къ которымъ я и самъ принадлежалъ
Я чувствовалъ, что упадалъ душой

Опять до вихъ, и всеъ былъ снова прахомъ.

Такъ страпствуя, порой я заходилъ
Въ жилища тихой смѣрти, и хотѣлъ

Въ ея слѣдахъ найти ея причину.

Я извлекалъ изъ череповъ изгнившихъ,
Сухихъ костей и праха страшныхъ грудъ

Запретный познавя. Ночи многихъ лѣтъ
Я посвящала наукамъ, что известны

Лишь древности глубокой. Время, трудъ,
Рядъ опытовъ тяжелыхъ и лишений,

(Которыи одинъ дать могутъ власть
Надъ духами земли и царствъ воздушныхъ,

Которымъ есть предѣловъ), послужили
Къ тому, что я взоръ съ вѣчностью

сдружилъ,
Какъ маги, какъ мудрецъ, который вызвалъ
Изъ тайнаго жилища родниковъ

Эроса и Антероса въ Галаръ, (*)

(*) Философъ Ямвликъ. Евпатій, описывая жизнь его, говоритъ, что купался однажды въ Галаръ, въ Сиріи, съ учениками своими, спорившими съ нимъ о качествахъ различныхъ тамошнихъ водъ, онъ приказалъ имъ спросить у жителей имена двухъ ближайшихъ и красивѣйшихъ источниковъ, и получивъ въ отвѣтъ, что неизвѣстно почему одинъ называется Эросомъ, а другой Антеросомъ. Тогда Ямвликъ съелъ у одного изъ этихъ источниковъ нѣсколько словъ, вызвалъ оттуда прелестнаго мальчика, съ золотыми локонами, потомъ пошелъ къ другому источнику, и такимъ же образомъ вызвалъ другаго амура съ черными кудрями; оба купидона прильнули къ Ямвлику, но онъ тотчасъ же велѣлъ имъ возвратиться по мѣстамъ. Послеъ того, друзья уже во всемъ втрип и ему.

Какъ я тебя, и съ знаніемъ моимъ
Росла все жажда знанія, и сила,
И мудрости блистательный восторгъ,
Пока...

ФЕЯ.

Что жъ? продолжай!

МАНФРЕДЪ.

О, я нарочно для
Слова мои, нарочно набираю
Тьмувозгласовъ, за тѣмъ, что близокъ часъ
Къ зародышу моей сердечной скорби.
Но къ дѣлу... я не говорилъ тебѣ
Про мать, отца, любовницу иль друга,
Про существо, съ которымъ бы я былъ
Земною цѣпью связанъ, если были
Такіе, то не тѣмъ казались мнѣ...
Но среди всѣхъ одна...

ФЕЯ.

Оканчивай смѣлѣе.

МАНФРЕДЪ.

Она была похожа на меня,
Черты, глаза и волосы, все, даже
Тонъ голоса,—все было въ ней мое;
Но все ябжнѣй и смягчено красую.
Она была полна тѣхъ самыхъ думъ:
Одна, какъ я, блуждала съ жадной стра-
стью

Къ познаваніямъ таинственнымъ, съ душой,
Способною постигнуть тайны міра;
Но съ этимъ вѣсѣмъ явленья были въ ней
И вѣжныя: улыбка, жалость, слезы,
Которыхъ я не звалъ, и вѣжность,—во ее
Къ ней чувствовалъ и самъ я—и смире-
нье,

Котораго не зналъ я никогда,—
Всѣ недостатки въ ней—моими были,
Все доброе—ея, одной ея... любилъ я—
И погубилъ ее.

ФЕЯ.

Своей рукою?

МАНФРЕДЪ.

Нѣтъ, не рукою, а сердцемъ; имъ раз-
билъ
Я сердце ей: оно въ мое глядѣло
И отъ того поблекло. Лишь я кровь,
Но не ея, а между тѣмъ, была
И кровь ея пролита; видѣлъ это я—
И помѣшать не могъ.

ФЕЯ.

И для вся,

Для члена племени, къ которому пре-
зъенье.
Ты почувствуешь, бросаешь ты дары

Таинственныхъ познаній, унижаясь
До смертности трусливой?... Прочь!

МАНФРЕДЪ.

Дочь воздуха! скажу тебѣ, что я
Съ минуты той.. почто слова?—дыханье..
Нѣтъ, на меня взгляни, когда я сплю,
Днемъ наблюдай за мною, сиди возлѣ.
Когда одинъ я,—я не одинокъ,
А «ури со мной; не разъ зубами
Я скрежеталъ всю ночь до утра, а по-
томъ

Клялъ самъ себя до захожденья солнца;
Безумія, какъ милости, просилъ;
Напрасно! Шелъ не разъ на встрѣчу
емерти;

Но средь борьбы стихійной, отъ меня
Бѣжали прочь валы и проносились
Надъ головой безъ всякаго вреда
Смертельные говцы: рукою холодной
Безжалостный какой—то демонъ зла
Меня держалъ на волоскѣ, который
Нпкакъ не могъ порваться. Я нырялъ
Въ фантазію, въ потокъ воображенія,
Въ приливы всѣ души, которая была
Когда-то Крезомъ въ торжествѣ, по
тшетно:

Какъ бы отливъ могучій относилъ
Меня опятьвъзаливъ бездонныхъ мыслей;
Мѣшался я въ толпѣ людей, искалъ
Забвеніе вездѣ—по тамъ лишь только,
Гдѣ могъ найти его;—стремлюся я
Его узнать; мои познанья, опытъ
И высшихъ силъ пособие—смертнызлѣсь.
Съ отчаяньемъ вездѣ я, съ нимъ живу я
И все живу.

ФЕЯ.

Но, можетъ быть, могу

Я злѣсь тебѣ помочь.

МАНФРЕДЪ.

Чтобъ это сдѣлать,

Должна умѣть ты мертвыхъ пробуждать,
Или меня къ нимъ положить въ могилу.
Исполни: какъ, когда—мнѣ нужды нѣтъ,
Съ мученьями, какими хочешь; лишь бы
только

Все кончить.

ФЕЯ.

Не въ власти то моей;

Но если ты произнесешь мнѣ клятву
Въ покорности и будешь исполнять,

Что я веляю, найти въ томъ можешь по-
мошь.

МАНФРЕДЪ.

Нѣтъ, не хочу! Покорность, а кому?
Не духамъ ли, которыми я правлю?
Рабомъ стать тѣхъ, кто прежде мнѣ
служилъ?

Нѣтъ, никогда!

ФЕЯ.

И все тутъ? Ты не дашь мнѣ
Поласковѣй отвѣта? Посмотри:
Одумайся, пока меня отвергнешь.

МАНФРЕДЪ.

Я все сказалъ.

ФЕЯ.

Довольно; такъ могу
Сокрыться я, прикажешь ли?

МАНФРЕДЪ.

Сокройся!

(Фея исчезаетъ)

Мы времени и ужаса шуты;
Дни вновь идутъ къ намъ и отъ насъ
уходятъ,
А мы, живемъ все, неавила жизнь,
Но въ вѣчномъ страхѣ смерти, во все
время,

Пока на насъ несносное ярмо,
Живая цѣпь на борющемся сердцѣ,
Которое—то въ скорби упадетъ,
То вдругъ сильнѣй забьется отъ страда-
ній,

Иль радости, переходящей вдругъ
Въ мученія или слабость;—во всѣ дни
Прошедшіе и будущіе (въ жизни
Что можно настоящимъ звать?) какъ мало,
Какъ менѣе, чѣмъ мало, мы начтемъ
Такихъ часовъ, въ которые предъ смер-
тью

Мы не дрожимъ, но и тогда отъ ней
Отпрянемъ мы, какъ изъ рѣки зимою,
Хоть холодъ и мгновенный. Средство
мнѣ

Еще одно осталось—вызвать мертвыхъ,
Спросить у нихъ: чего боимся мы?

Отвѣтомъ худшимъ можетъ быть: «моги-
лы!»

А что она? А если не дадутъ
Отвѣта мнѣ? но вѣдъ пророкъ изъ гроба
Волшебницѣ Эндорскій далъ отвѣтъ (*),
И Спарты царь духъ византійской дѣвы

(*) Самуилъ, духъ котораго вызванъ былъ
Эндорскою гадательницею, по желанію Саула
и предсказалъ ему смерть.

Не дремлющій къ отвѣту понуждалъ,
Чтобы узнать судьбу свою,—въ незнавьи
Убилъ онъ ту, которую любилъ,
И умеръ не прощенный, хоть на помощь
Фиксійскаго звалъ Зевса, прибѣгалъ
Въ Фигаліи къ волшебникамъ аркадскимъ
Тѣмъ злобую просилъ овъ гнѣвъ смирить
Или предѣлъ назначить для отмщенья.
Сомнительный отвѣтъ она дала,
Но овъ сбился (*). Когда-бъ я вовсе не
жилъ,

Любезная моя была бъ жива;
Когда бы не любилъ я, и теперь бы
Любезная моя цвѣла красой,
Средь счастья, и счастиемъ дарила.
И чтожъ она? о, что она теперь?
Страдалица за грѣшный духъ мой; что то,
О чемъ боюсь и мыслить, иль—ничто.
О, скоро я не буду звать напрасно;
Но въ этотъ часъ я трепещу того,
На что рѣшусь въ послѣдствіи. Досель
Безтрепетно взиралъ я на духовъ,
Какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, теперь дро-
жу я

И чувствую какую-то росу
Холодную на сердцѣ; но могу я
Творить и то, что ненавистно мнѣ
Повелѣвать и страхомъ. Ночь близка.

=

СЦЕНА III.

Вершина горы Юнгфрау.

Луна взошла: она полна, ярка
И на снѣгахъ, не поправныхъ стопами
Ничтожными людскими, по ночамъ
Мы безъ слѣдовъ скользимъ, надъ дикимъ
моремъ—
Зеркальнымъ океаномъ горныхъ льдовъ,
По ихъ буграмъ суровымъ, видъ кото-
рыхъ

(*) Павзаній, царь спартапскій, во время пре-
быванія своего въ Византіи, убилъ по неос-
торожности любимую имъ дѣвицу Клеонису,
и духъ убитой не переставалъ потомъ трево-
жить его. Желая умиловить гнѣвную тѣнь,
Павзаній отправился въ Ираклею, и тамъ въ
храмъ, гдѣ вызывали тѣни усопшихъ, выз-
валъ Клеонису и умолялъ ее о прощеніи. Она
явилась и сказала ему, что «онъ избавится отъ
всѣхъ безпокойствъ по возвращеніи своемъ
въ Спарту». Это было загадочнымъ предска-
заніемъ смерти Павзанія.

Похожъ на рой бунтующихъ валовъ,
Замерзшихъ вдругъ, — картину мертвой
бури. —

Вотъ этотъ фантастическій утесъ,
Внезапное дитя землетрясенья,
Гдѣ облака привыкли отдыхать, —
Святилище забавъ и таинствъ нашихъ.
Здѣсь жду теперь своихъ, чтобы потомъ
Отправиться всѣмъ въ замокъ Арамана:
Тамъ праздникъ въ эту ночь. Но что-жь
ихъ нѣтъ?

первый голъ оспоетъ.

Съ престола низвергнуть,
Въ оковахъ злодѣй.

Въ темницу онъ свергнуть:
Забить всеми въ ней.

Я сонъ въ немъ разсѣю,
Цѣпь мигомъ спадетъ;

Дамъ войско злодѣю,
Тиранъ оживетъ.

Онъ за трудъ мнѣ воздастъ кровью цѣ-
лыхъ плъ сменъ,
И всеобщей бѣдой за свой стыдъ и свой
плѣнъ.

другой голосъ.

Корабль плыветъ, корабль скользятъ;
Съ него парусъ летитъ, съ него мачта ле-
титъ;

Я всѣ доски его разметала кругомъ —
И души нѣтъ живой, чтобы плакать по
немъ:

Одного я спасла, какъ въ смлѣннн онъ
плылъ,

Но заботу мою этотъ самъ заслужилъ;
Онъ пиратъ на волнахъ, онъ на сушѣ
злодѣй:

Я спасла его съ тѣмъ, чтобъ губилъ онъ
людей!

первая парка.

Спитъ городъ въ молчаньи,
Заря окропитъ

Слезами страдающаго,
Внезапной бѣдой

Чума налетитъ:

Все въ прахъ подъ грозою.

Отъ труповъ громады
Живыя бѣгутъ,

Родныхъ бросить рады;

Но въ скорби глубокой

Отъ доли жестокой

Они не уйдутъ.

Гроза во всей силѣ

Льетъ ужасъ въ народъ;

Блаженъ, кто въ могилѣ

Не видитъ страданій,

Къ кому не дойдетъ

Вопль страшныхъ стѣнаний.

Гибель царствъ въ почвѣ одну — вотъ забава
мол

Искони, и всегда ей вѣрна буду я!

Входятъ вторая и третья Парки.

хоръ.

Сердца людей въ рукахъ у насъ,

А прахъ ихъ подъ ногами:

Рабамъ даемъ свободы часть,

Но быть опять имъ съ нами.

первая парка.

Привѣтъ вамъ, сестры, гдѣ же Немезида?

вторая парка.

Не знаю, чѣмъ — то важнымъ занята —

И у самой меня дѣлъ были полны руки.

третья парка.

Вотъ и она.

Входитъ Немезида.

первая парка.

Скажи, гдѣ ты была?

Замѣшкалась ты точно какъ и сестры.

Немезида.

Да, занята была я.

.

. винувала людямъ

Местъ ко врагамъ, и послѣ ихъ самихъ

Раскаяться въ той мѣсти заставляя. а

Въ безуміе вгоняла мудрецовъ,

А изъ глупцовъ ораку. ютворюи а,

.

. Но опоздали мы.

Пора давно; на облака скорѣ!

=

СЦЕНА IV.

Дворецъ Арамана. Ариманъ сидитъ на ог-
ненномъ шарѣ, окруженный духами.

гнннхъ духовъ.

Владыка нашъ! Царь неба и земли

И вошь, и тучъ, прими привѣтъ смирен-
ный!

Въ рукъ твоей скиптръ мощный: повели —
И нѣтъ стихій, и хаосъ во вселенной!

Дохнулъ — валы ярятея на моряхъ;

Сказалъ — и громъ по облакамъ катится;

Взглянулъ — и нѣтъ свѣтилъ на небесахъ;

Махнулъ — и ширь на части разлетится;

Гдѣ ты ступилъ — волкамъ родить земля;

Твои гонцы — трескучія кометы;
Зараза — тьма могучая твоя,
И яростью ты пепелишь планеты.

На твой алтарь тьму жертвъ кладеть вой-
на

И смерть тебѣ даць каждый день прино-
ситъ;

Жизнь съ бездной мукъ тебѣ подчинена
И всякій рабъ тебѣ, кто душу въ тьмѣ по-
ситъ.

Входятъ Парки и Немезида.

первая парка.

Честъ Ариману! власть его растетъ;
Исполнили его велѣнья сестры,
И на землѣ я долгъ свой соблюла.

вторая парка.

Честъ Ариману! люди перель нами
Во прахъ; мы — во прахъ передъ нимъ!

третья парка.

Честъ Ариману! мы покорны знаку
Его руки...

Немезида.

О, царь царей! мы все твои,

..... много
Заботъ у насъ умножить власть свою,
Твою тьму умножая; но бодры мы;
Послѣднія велѣнія твои
Исполнены все въ точности.

Входитъ Манфредъ.

первый духъ.

Кто это?

Какъ? смертный? О, ничтожный, дерзкій
рабъ!

Скорѣй во прахъ!

второй духъ.

Скорѣй во прахъ, презрѣнный! иль не
знаеши

Ты своего и вашего царя.

Дрожи и повинуйся!

треть духи.

Въ прахъ повергни

Персть грѣшную твою, дитя земли!

Или-всѣхъ зольъ страшишь!

манфредъ.

Я это знаю;

Но видите, что я колѣвъ не гну.

четвертый духъ.

Научимъ мы тебя!

манфредъ.

Ужъ я учился;

О, сколько разъ я ночью на землѣ

На прахъ сырой лицемъ своимъ склонял-
ся

И голову золою посыпалъ;
Я осушилъ всю чашу униженья;
Я пазалъ предъ отчаяньемъ моимъ,
И въ прахъ преклонялъ колѣна
Предъ собственной тоской...

пятый духъ.

Какъ смѣешь ты

Отказывать престолу Аримана,
Въ томъ, чѣмъ его почтила вся земля,
Не види, какъ ужасенъ онъ во славу.
Въ прахъ, говорю!

манфредъ.

Пусть онъ падаетъ во прахъ
Предъ Высшимъ, Всемогущимъ, Безко-
нечнымъ,
Перель Творцомъ, который сотворилъ
Его не съ тѣмъ, чтобъ былъ онъ намъ ку-
миромъ;
Пусть онъ падетъ, такъ вмѣстѣ мы па-
демъ!

духи.

Давите червя — на куски его!

первая парка.

Прочь, прочь! онъ мой! О, царь незримыхъ
силъ!
Онъ — смертный не такой, какъ все дру-
гие;

Присутствіе его и гордость здѣсь, —
Свидѣтели тому; его страданья

Природою безсмертны, какъ и мы;

А знаніе, могущество и воля

(Какъ только персть позволить то могла,
Которая вѣрвь души стѣсняетъ),

Являлись съ нимъ такими, какъ земля

Лишь изрѣдка родить; его стремленье

Летѣло вдаль отъ жителей земли

И одному его лишь научило,

Что знаемъ мы — что знаніе не есть

Блаженство, и науки все — обмѣвъ лишь
Невѣжества на новый только видъ

Невѣжества того же; но не все тутъ:

Земли и неба принадлежность — страсти,
Которыхъ, начиная съ червяка,

Не избѣжитъ ничто съ душой и жизнью, —
Ему разбили сердце, и его

Тѣмъ сдѣлали, что я хоть не жалю

Его сама, — но и винить тѣхъ не могу,

Въ комъ жалость есть къ нему. Опъ мой,
быть можетъ,

И твой; — такъ или нѣтъ, но у другихъ

Духовъ здѣсь нѣтъ такой души, какъ эта,
Ни власти надъ его душой.

НЕМЕЗИДА.

За чѣмъ же

Опъ здѣсь?

ПЕРВАЯ ПАРКА.

Пускай на то отвѣтитъ самъ.

МАВРЕДЕ.

Вы знаете, что знаю я; безъ власти
Не могъ бы я быть здѣсь; силы естъ
Могучѣй васъ; пришелъ я, чтобъ ихъ вы-
звать

И получить отъ нихъ, что нужно мнѣ.

НЕМЕЗИДА.

Чего жъ ты хочешь?

МАВРЕДЕ.

Ты мнѣ не отвѣтишь.

Зови умершихъ; имъ я дамъ вопросъ.

НЕМЕЗИДА.

Великій Ариманъ! сонзвояешь
Ты на его желанье?

АРИМАНЪ.

Да!

НЕМЕЗИДА.

Кого же

Ты воплотить желаешь?

МАВРЕДЕ.

Зови Астарту мнѣ.

НЕМЕЗИДА.

Духъ безтѣлесный!

Гдѣ бы ни жилъ ты,

Силой чудесной

Все сохранилъ ты

Часть твоей формы природной,

Персти бывалой твоей

Что въ землѣ спишь холодною:

Явися намъ въ формѣ своей!

Образъ тотъ, въ какомъ жилъ ты,

Слей съ душою своею,

И тотъ видъ, что носилъ ты,

Возврати отъ червей!

Покажись, покажись, покажись,

Тѣмъ, по чьей волѣ ты тамъ, здѣсь явися!

Тѣнь Астарты является по срединѣ.

МАВРЕДЕ.

И это смерть? румянецъ на щекахъ...

Нѣтъ, вижу я теперь, то не румянецъ;

А мертвый цвѣтъ, какъ живой пурпуръ

тотъ,

Которымъ листь иссохшій покрываетъ

Длань осени! Все таже, Боже мой!

И до того я дожидъ, что страшуся

Взоръ бросить на нее. Астарты, нѣтъ!

Я не могу съ ней говорить, велите

Ей осудить меня или простить.

НЕМЕЗИДА.

Заклинаю тебя той могучею силой,
Персть которой тебѣ стѣны гроба раз-
билъ;

Отвѣчай ты тому, кто сейчасъ говорилъ,
Или тѣмъ, кто тебя разлучить могъ съ мо-
гилой.

МАВРЕДЕ.

Она безмолвна; но ея молчанье

Понятнѣй мнѣ отвѣта.

НЕМЕЗИДА.

Власть моя

Итти не можетъ дальше. Царь воздушный!

Еще твоя осталась: повели

Ей говорить.

АРИМАНЪ.

Духъ, скиптру Аримава

Покорствуй!

НЕМЕЗИДА.

Все молчать; она не наша,

Другимъ властямъ принадлежитъ. На-
прасно

Твое старанье, смертвый; здѣсь и мы —
Безсильны.

МАВРЕДЕ.

О, услышь меня, услышь!

Астарты, ангель мой! скажи хоть слово;

Я много такъ терпѣлъ, я такъ терплю;

Взгляни, тебя не такъ могила измѣнила,

Какъ чрезъ тебя я измѣненъ. Любила

Меня ты слишкомъ, какъ и я тебя;

Не для того, чтобъ такъ терзать другъ
друга

Сотворены мы были, хоть грѣхомъ

Смертельнымъ въ насъ была любовь та-
ка,

Какою мы любили. О, скажи,

Что я тебѣ не гнусенъ, что несу я

Казнь эту за обоихъ насъ, что есть

Тебѣ межъ праведными мѣсто, что ум-
ру я.

Всѣ ужасы вступили въ заговоръ,

Чтобы связать меня существованьемъ,
жизнью,

Которая велитъ мнѣ трепетать

Безсмертья и—грядущимъ, страшно сход-
нымъ

Съ прошедшимъ. Я съ покоемъ незна-
комъ,

Не знаю самъ чего ищу, прошу я,

Но чувствую, что ты и что я самъ,

И разъ еще предъ гибелью хотѣлъ бы

Услышать голосъ тотъ, который былъ

Мнѣ музыкой: заговори со мной.

Птицъ дремлющихъ сгоняя съ вѣтвей;
 Въ лѣсахъ, волковъ и эхо горъ знакомятъ
 Напрасно съ именемъ твоимъ; отвѣтъ
 Давало все мнѣ — люди, какъ и духи;
 Молчала ты одна; заговори!
 Не разъ я ждалъ, пока исчезнуть звѣзды
 И въ небеса впередъ напрасно взоръ,
 Ища тебя; заговори! Всю землю
 Я обходилъ, но не нашелъ ягдъ
 Полобья твоего; — заговори же!
 Вокругъ враги — и въ нихъ ко мнѣ есть
 Жалость;
 Я не боюсь ихъ; ты одна въ умѣ;
 Заговори, — хоть гнѣвно, — только слово!
 Мнѣ все равно какое, лишь бы слышать
 Тебя еще разъ, разъ одинъ...

ТѢНЬ АСТАРТЫ.
 Манфредъ!
 манфредъ.

Еще, еще! я весь живу лишь звукомъ;
 То голодъ твой.

ТѢНЬ.
 Манфредъ! жди завтра
 Конца земнымъ страданіямъ; — прости!

О, вымоли еще! прощенья ли я?

манфредъ.
 тѢНЬ.

Прости!

манфредъ.
 Скажи, увидимся ль опять мы?
 тѢНЬ.

Прости!

манфредъ.
 Еще изъ жалости хоть слово!
 Скажи, что любишь ты меня.

Не разъ я звалъ тебя въ ночномъ без-
 молвьи...

ТѢНЬ.

Манфредъ!

(ТѢНЬ АСТАРТЫ исчезаетъ.)

НЕИЗНАДА.

Она сокрылась съ тѣмъ, чтобъ не яв-
 ляться;
 Ея слова свершатся; — удались!

ДУХЪ.

Онъ въ мукахъ: вотъ что значить смерт-
 нымъ быть

И за предѣлы смертности стремиться.

ДРУГОЙ ДУХЪ.

Но у него и власть есть надъ собой,
 И воля оупъ мученья покорилъ;
 Будь онъ одинъ изъ насъ, явился бъ въ
 немъ

Ужасный духъ.

НЕИЗНАДА.

Еще прощенья у тебя

Нѣтъ къ нашему великому владыкѣ,
 Иль къ намъ — рабамъ его?

манфредъ.

Нѣтъ никакого.

НЕИЗНАДА.

Прости же, до свиданья!

манфредъ.

Такъ опять

Мы свидимся? гдѣ? на землѣ? Какъ хо-
 чешь!

За милость, мнѣ оказанную здѣсь,
 Я должникомъ останусь тамъ. Прощайте!
 (Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

СЦЕНА I.

Зала въ замкѣ Манфреда.

Манфредъ и Германъ.

манфредъ.
 Который часъ?

германъ.

Одинъ остался до заката
 И сумерки пріятны сулятъ.

манфредъ.

Скажи, теперь устроено ли въ башнѣ
 Все, какъ велѣлъ я?

ГЕРМАНЪ.

Все готово;
Вотъ ключъ и ящикъ.

МАНФРЕДЪ.

Хорошо, ступай!

(Германъ уходитъ.)

Тишь чудная какая-то теперь
Въ моей душѣ, покой неизъяснимый!
Доселѣ не встрѣчался онъ мнѣ въ томъ,
Съ чѣмъ въ жизни я знакомился. О, ес-
ли бь

Не зналъ я, что изъ нашихъ всѣхъ суетъ
Смѣлѣйшій всѣхъ философія; что врядъ
ли

Въ вартчинъ педагогскомъ слово есть
Пустѣйшее для оболыщенья слуха, —
Я думалъ бы, что золотую тайну,
«Канонъ» желанный я теперь открылъ
И утверждалъ въ душѣ. Мгновенно это
чувство,

Но хорошо и разъ его узнать;
Душа моя теперь богаче стала
И на ея скрижалихъ написать
Могу я, что такое чувство *быть*.
Кто тамъ?

(Входитъ Германъ.)

Аббатъ Мавриція святаго
Желаетъ видѣть васъ.

АББАТЬ. (входитъ.)

Миръ, графъ Манфредъ, съ тобой!

МАНФРЕДЪ.

Благодарю тебя, святой отецъ!
Привѣтъ тебѣ въ стѣнахъ моихъ; при-
ходь твой
Привесъ имъ честь, и счастье ихъ жиль-
цамъ.

АББАТЬ.

Дай Богъ, чтобъ было такъ; но я хо-
тѣлъ бы
Поговорить съ тобой наединѣ.

МАНФРЕДЪ.

Видь Германъ. Что почтенный гость мой
скажешь?

АББАТЬ.

Начну безъ предисловій: возрастъ, савъ
мой,

Усердіе и цѣль благая — вотъ
Предстатели мои; сосѣдство наше
И близкое, хотя не скрѣплено
Знакомствомъ близкимъ, также мой хо-
да-
тай.

Разносить слухи странные молва,

Нечистые, сливая съ ними имя,
Которое ты носишь; безъ пятна
Его вѣка передавали: дай Господь,
Чтобы его не запятналъ и тотъ,
На комъ оно теперь.

МАНФРЕДЪ.

Готовъ я слушать;

Что дальше?

АББАТЬ.

Говорятъ, что ты завелъ
Свошенья съ тѣмъ, отъ смертныхъ что
сокрыто,
Съ жильцами адскихъ стравъ, съ толпой
духовъ

Нечистыхъ, злыхъ, которые блуждаютъ
Въ долину мрачной смерти, гдѣ и ты
Привыкъ ходить. Я знаю, какъ ты рѣдко
Въ сношенья входилъ съ ближними, съ
людьми,

Что ты живешь въ уединеніи только...
Да свято ли оно?

МАНФРЕДЪ.

И это все

Кто говоритъ?

АББАТЬ.

Мои святыя братья,
Селяне удивленные; и даже
Твои вассалы смотрятъ на тебя
Тревожными глазами; жизнь твоя
Въ опасности.

МАНФРЕДЪ.

Возьми се!

АББАТЬ.

Пришелъ я
Сюда спасать, не разрушать; проникнуть
Въ тайникъ души твоей я не хочу;
Но если это правда, время не ушло
Покаяться, спастися; заключи
Миръ съ церковью, а черезъ церковь съ
небомъ.

МАНФРЕДЪ.

Я выслушалъ; вотъ мой отвѣтъ: чѣмъ
былъ я,
Что я теперь — извѣстно только мнѣ
Да небу; — межъ людьми искать не стану
Посредника себѣ; а если погрѣшилъ
Противъ уставовъ вашихъ, — докажите
И накажите...

АББАТЬ.

Сынъ мой! говорилъ
Я не о казни, а о покаяньи
И о прощеніи: въ первомъ властенъ ты;
Въ послѣднемъ же уставами святыми

И вѣрой твердою дана мнѣ власть
Путь пролагать изъ пропасти грѣховной
На верхъ владѣя и помысловъ святыхъ.
Оставимъ небу власть наказывать: «мнѣ

только
Довлѣетъ судь», такъ говоритъ Господь.
И я слуга его, со всею смиренностью,
Держану глаголь священный повторить.

МАИФРЕАЛЬ.

Нѣтъ, мой отецъ, ни власть особъ духов-
ныхъ,

Ни мощь молитвъ, ни сила покаянья,
Ни строгіе обряды, ни посты,
Ни муки смертныя, ни то, что силой
Все превзойдетъ — терзанія души,
Въ отчаяннѣ глубокомъ угрызенія,
Которыя безъ страха адскихъ мукъ
Способны сами сдѣлать небо адомъ, —
Ничто не можетъ безпредѣльный духъ
Освободить отъ пагубнаго чувства
Своихъ грѣховъ ужасныхъ, тяжкихъ мукъ
И мести самому себѣ. Въ грядущемъ
Мученья вѣтъ, которое могло бы
Карать смѣлѣйшій преступника, чѣмъ это, —
Казнь грѣшника, надъ собственной душой,
Самимъ имъ осужденной.

АББАТЬ.

Это такъ;

Но все пройдетъ и замѣнится свѣтлой
Надеждою, которая воззрится
Въ спокойномъ упованіи на мѣсто
Блаженное, куда достигнуть всѣмъ,
Кто будетъ лишь искать его, какіе бѣ
Грѣхи земныя ни были, пусть только
Заглядятся они, а первый шагъ
Къ тому, чтобъ ихъ заглядить — есть со-
знание,

Что нужно это сдѣлать; — говори
И все, чему наставить можетъ церковь
Узнаешь ты; и все, что разрѣшать
Намъ власть дана, все разрѣшимъ про-
щепьемъ.

МАИФРЕАЛЬ.

Когда готовъ былъ римскій императоръ,
Шестой, проститься съ жизнью, — жертва
раны,

Которую онъ самъ себя нанесъ,
Чтобы спастись позорной смерти, дара
Сенаторовъ, — сперва его рабовъ, —
Одинъ солдатъ, въ движеніи благород-
номъ
Участіи, хотѣлъ остановить

Одеждою своею стремленье крови;
Но, оттолкнувъ его, Оттонъ сказалъ,
Съ величьемъ царственнымъ и въ поту-
хавшемъ взорѣ:
«Ужъ поздно! это ль вѣрность?»

АББАТЬ.

Въ чѣмъ же дѣло?

МАИФРЕАЛЬ.

И я скажу тебѣ съ владыкой Рима:
Ужъ поздно!

АББАТЬ.

Нѣтъ, не поздно никогда
Съ своей душой мириться, а чрезъ душу
И съ небомъ. Какъ, владѣя никакой?
Дивлюсь; но даже тотъ, въ чью душу
вкралось
Отчаянье въ прощеніе небесъ,
Здѣсь на землѣ себѣ утѣхи строитъ,
За ломкую опору ухватясь,
Какъ утопающій.

МАИФРЕАЛЬ.

Отецъ! земнѣя,

Блестящія видѣнья я и самъ
Имѣлъ, когда былъ молодъ; я былъ по-
ловъ
Стремленье благороднымъ перелить
Свой духъ въ другихъ и просвѣщать на-
роды;

Вспестись хотѣлъ, не зная самъ куда,
Быть можетъ, чтобъ упасть; но я упалъ
бы,
Какъ водопадъ нагорный: соскочивъ
Въ глубь пропасти съ высокаго утеса,
Онъ пѣнясь, шлетъ туманные столбы
На небеса и тамъ раждая тучи,
Дождемъ опять съ нихъ сыплетъ; онъ ве-
ликъ

И тамъ, гдѣ падъ... Но все прошло; об-
мануть
Я былъ мечтой...

АББАТЬ.

Но почему же такъ?

МАИФРЕАЛЬ.

Я укротить не могъ своей природы;
Кто властвовать стремится, долженъ
самъ
Сперва служить, и льстить, и увиваться,
Ловить минуты всѣ; вползати по всѣмъ мѣ-
ста;

Живою ложью быть, чтобъ надъ теплою
Потомъ взвестись. Такъ поступаютъ всѣ.
Я низостью считалъ мѣшаться въ стадо,

Хоть для того, чтобъ быть вождемъ вол-
ковъ.
Левъ одинокъ, я — тоже.

АББАТЬ.

Но за чѣмъ же

Жить не хотѣлъ ты, дѣйствовать съ людь-
ми?

МАНФРЕДЪ.

Противна жизнь была моей природѣ;
Но не былъ я жестокъ; я не рождалъ,
А находилъ вездѣ опустошенье;
Какъ вѣчно одинокій, страшный вихрь,
Каленое дыханіе самума,
Который лишь съ пустынями знакомъ,
Бушуетъ надъ безплодными песками,
Гдѣ нечего палить ему; летить,
Играя съ ихъ сыпучими волнами;
Не ищетъ самъ, не ищутъ и его;
Но встрѣча съ нимъ смертельна. Вотъ та-
ковъ

Былъ на землѣ и мой путь; тамъ встрѣ-
чались

Мнѣ существа, которыхъ нѣтъ теперь.

АББАТЬ.

Увы! я самъ бояться начинаю;
Что пособить тебѣ ни я не въ силахъ,
Ни званіе мое; но ты такъ молодъ
И мнѣ хотѣлось бы...

МАНФРЕДЪ.

Вглядись въ меня:

Есть на землѣ разрядъ людей, къ кото-
рымъ

Приходитъ старость въ юности, и смерть
До зрѣлыхъ лѣтъ, но не на полѣ брани.
Кто гибнетъ отъ излишка удовольствій,
Кто отъ трудовъ, кто отъ ученья, кто
Отъ слабости, болѣзни или безжизня;
Иному смерть зияетъ въ безднѣ мукъ
Увядшаго, растерзаннаго сердца;
У этого недуга больше жертвъ,
Чѣмъ на листахъ судебъ: онъ въ разныхъ
видахъ,

Подъ разными названьями мертвить.
Вглядись въ меня! я перенесъ все это;
Всѣ муки, хоть довольно и одной.
Такъ не дивись тому, чѣмъ сдѣлался те-
перь;
Дивись тому, чѣмъ былъ я, и притомъ
Остался живъ...

АББАТЬ.

Но выслушай.

МАНФРЕДЪ.

О, старецъ!

Я чту лѣта твои и санъ; я знаю,
Ты съ цѣлюю благочестивой здѣсь;
Но тщетно все.
. прости!

(Уходитъ).

АББАТЬ.

Онъ долженъ бы прекраснымъ
Создашемъ быть: съ могучею душой
Онъ могъ явить изящное слиянье
Возвышенныхъ стихій, когда бъ онъ
Приличіе размѣрены въ немъ были;
Теперь онъ страшный хаосъ — свѣтъ и
мракъ,
И духъ и прахъ; смѣсь благородныхъ мы-
слей
И злыхъ страстей, безъ всякаго порядка,
Безъ цѣли; въ немъ все сгибло или спитъ;
Погибнетъ онъ; но итъ — я попытаюсь
Еще разъ; искупленья духъ такой
Достоинъ; мнѣ же долгъ велитъ на все
Рѣшиться для благочестивой цѣли.
Не перестану наблюдать за нимъ
Внимательнымъ и осторожнымъ взоромъ.

(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Другая комната.

МАНФРЕДЪ И ГЕРМАНЬ.

ГЕРМАНЬ.

Ты, господишь, явиться мнѣ велѣлъ
При заходеньи солнца; за горами
Оно скрываться стало.

МАНФРЕДЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?

Сейчасъ взгляну...

(Подходитъ къ окну)

Величественный шаръ!

Кумиръ природы юной и могучей
Породы неболевнейшихъ людей,
Сыновъ-гигантовъ брака свѣтлыхъ духовъ
Съ подругами, прелестнѣй ихъ санихъ,
Которыя и ангеловъ небесныхъ
Къ землѣ; невозвратно привлекли;
Чудесный шаръ! шаръ слышій боже-
ствомъ,

Пока еще творенья твоего

Была сокрыта тайна; вѣчный, первый
Служитель Всемогущаго, ты лиль
На пастырей халдейскихъ свѣтъ отрады,
Когда они на горнихъ высотахъ
Сердца свои въ молены изливали.

Ты—богъ стихій; блестящій представи-
тель

Безвѣстнаго, который намъ въ тебѣ
Являетъ тѣвсюю; центръ звѣздъ небес-
ныхъ!

Глава свѣтля! который сдѣлать могъ
И вашу землю сносною; причина
Различія и вида, и сердце
Тѣхъ, на кого лучи твои сіяютъ.

Царь времени! монархъ всѣхъ странъ
земныхъ

И тѣхъ, кто въ нихъ живетъ; далеко ль,
близко ль

Мы отъ тебя, а намъ врожденный духъ
Печать твою приементировать, точно также,
Какъ вѣтшій видъ нашъ. Въ славѣ ты
встаешь,

Блещаешь и скрываешься. Прости!
Тебя ужъ не увижу я; мой первый
Любови и удивленья взглядъ былъ твой;
Прими жъ и мой послѣдній; ты не встрѣ-
тишь

Лучемъ своимъ того, кому дары
И теплоты, и жизни были бь столько
Губительны, какъ мнѣ. Оно зашло —
Послѣдую за нимъ.

(Уходитъ).

СЦЕНА III.

Терраса предъ башнею, въ некоторомъ расто-
яніи отъ замка Манфреда. Сумерки.

Германъ, Мануиль и другіе служители Ман-
фреда.

германъ.

Престранно; ночь за ночью, сколько лѣтъ
Проводить онъ безъ сна, все въ этой
башнѣ

И безъ свидѣтелей. Я былъ внутри,
Бывали тамъ и всѣ мы; но по виду

И по тому, что тамъ, мы не могли
Никакъ повяты въ какихъ занятыхъ вре-
мя

Проводить онъ. Нѣтъ, комната одна

Должна быть тамъ, куда никто не вхо-
дитъ;

Я отдамъ бы, что получу въ три года,
Чтобъ только тайну эту разгадать.

мануиль.

Опасно былобъ это; будь доволенъ
И тѣмъ, что ты ужъ знаешь.

германъ.

Мануиль,

Ты старше и умѣе — знаешь больше,
Ты долговъ замкъ жилъ; вѣдь много лѣтъ?

мануиль.

Какъ графъ Манфредъ еше и не родился,
Отцу его служилъ я; па него

Онъ не похожънисколько.

германъ.

Сыновей

Такихъ не мало; но не сходство въ чемъ
же?

мануиль.

Я говорю не о чертахъ лица,
Но о душѣ и склонностяхъ. Покойный

Графъ Сигизмундъ былъ гордъ, по веселью,
любръ,

И хлѣбосоль, и воинъ; не возмися
Онъ съ книгами наединѣ, и ночь

Не бдѣнемъ какимъ-то мрачнымъ лѣ-
лалъ,

А свѣтлымъ пиромъ, веселѣе дня;
Не рыскалъ онъ въ лѣсахъ и по утесамъ,
Какъ волкъ и отъ людей, и ихъ забавъ

Не бѣгалъ.

германъ.

Что ни говори, а время

Веселое то было. О когда бь
Оно сошло опять на эти стѣны;

А то оно забыло ихъ совсѣмъ.

мануиль.

Перемѣнить сперва владѣльца надо.
О, Германъ, много видѣть довелось

Мнѣ страшнаго здѣсь въ замкѣ.

германъ.

Разскажи

Мнѣ что нибудь, покуда мы па стражѣ.
Я слышалъ смутный твой разказъ о чемъ-
то,

Что было здѣсь, въ той самой башнѣ.

мануиль.

Да!

Вотъ ночь была! я помню какъ смерка-
лось;

И вечеръ былъ такой же, какъ теперь,
То облако багрляное, которыми

Закрѣть теперь верхъ Игера, такъ точно!
На немъ тогда лежало, я почти
Готовъ его счесть тѣмъ же самымъ. Вѣ-
теръ

Былъ душень, слабъ, и мѣсяцъ начиналъ
Сребрить свѣга нагорные. Такъ точно
Какъ и теперь, былъ въ башнѣ графъ Ман-
фредъ;

Чѣмъ занятъ, мы не знали; съ нимъ же
былъ

Единственный товарищъ всѣхъ его
Прогулочъ и занятій; та, кого онъ
Изъ всѣхъ земныхъ существъ одну лю-
билъ,

Какъ по родству и долженъ былъ лю-
бить,

Астарта... Тсс! кто-то къ намъ идетъ.
(Входятъ Аббатъ).

АББАТЪ.

Гдѣ графъ?

ГЕРМАНЪ.

Тамъ, въ башнѣ.

АББАТЪ.

Мнѣ поговорить съ нимъ нужно.

МАНУИЛЬ.

Нельзя; онъ занятъ тамъ, и мы несмѣемъ
Ему мѣшать.

АББАТЪ.

Я на себя беру

Вину, когда тутъ есть вина какая:
Я долженъ съ нимъ увидѣться.

ГЕРМАНЪ.

Ты видѣлъ

Его ужъ въ этотъ вечеръ.

АББАТЪ.

Я тебѣ

Приказываю, Германъ, постучаться
И графу доложить, что я пришелъ.

ГЕРМАНЪ.

Не смѣю...

АББАТЪ.

Значитъ самъ итти я долженъ
Съ докладомъ о себѣ?

МАНУИЛЬ.

Отецъ почтенный,

Прошу тебѣ, постой!

АББАТЪ.

Зачѣмъ?

МАНУИЛЬ.

Пойдемъ,

Я расскажу тебѣ все на свободѣ.

СЦЕНА IV.

Внутренность башни.

МАНФРЕДЪ (однѣнъ).

Зажглися звѣзды и луна взошла
Надъ яркими свѣгами горъ; прекрасно!
Съ природой я сдружился; для меня
Знакомый лицъ людскихъ ликъ чуждый
почи,

И подъ ея навѣсомъ звѣднымъ я
Учился языку другаго свѣта
У темныхъ, неземныхъ ея красоть.
Я помню, въ молодыхъ лѣтахъ, какъ
вздилъ

По свѣту я, — въ такую точно ночь
Я разъ стоялъ въ срединѣ Колизея,
Въ святилищѣ остатковъ отъ чудесъ
Величья Рима; влолъ разбитыхъ арокъ
Деревья, колыхаясь, клалъ тѣнь,
На синій куполь полночи, и звѣзды
Сквозь трещины разваливъ лили свѣтъ;
Вдали за Тибромъ лаяли собаки,
А ближе раздавался вой совы
Изъ цезарскихъ палатъ; и пѣсни стра-
жей,

По временамъ до слуха допосаясь,
Подъ вѣтеркомъ прохладнымъ замирали.
За дряхлую оградой древнихъ стѣнъ
Печальные видѣлись кипарисы;
На край небесъ мой взоръ ихъ относилъ,
А между тѣмъ они росли на выстрѣлъ
Не больше, тамъ гдѣ Цезари живали
И стали жить почивы птицы; — въ рошѣ,
Которая среди обломковъ стѣпъ
На царственныхъ дворахъ укоренилась.
Плющъ замѣнилъ вездѣ побѣднй лавръ;
Въ блистательномъ величьи разваливъ
Стоялъ еще окровавленный циркъ;
А Цезарей и Августовъ палаты
Легли во прахъ смиренной головой.
И ты сіялъ тогда, блестящій мѣсяцъ,
На это все. Твой томный, нѣжный свѣтъ
Смягчалъ собой унылую суровость
Картины разрушенія; наполнялъ
Какъ будто вновь столѣтій промежутковъ,
Прекрасное храни во всей красѣ,
И дѣлая прекраснымъ и дурное.
Святилищемъ казалось мѣсто то
И сердце переполнилось безмолнымъ,
Благоговѣйнымъ чувствомъ къ тѣнямъ
тѣхъ,

Которыхъ скиптръ могучъ и по кончинѣ,

А прахъ изъ уриъ законы намъ даетъ.
Такая ночь тогда была ; мнѣ странно,
Что вспомнилъ я ее теперь, но такъ
Почти всегда бываетъ: наши мысли
Сильный парятъ въ тотъ мигъ, когда

Спокойствіемъ должны бы одѣваться.

ЛЕВАТЬ (входитъ.)

Вторично, графъ, осмѣлюсь я про-
снить

Прощенья, что тебя обезпокоилъ.
Но ревностью смиренною моею
Не оскорбись; и все дурное въ этомъ
Пусть на меня падетъ; а лобное
На голову твою. О, если бъ могъ я
Сказать, что иша сердце; если бъ тропутъ.
Я могъ его словами и мольбой
На правый путь тогда бы возвратилъ я
Духъ доблестный, заблудшій, но еще
Погибшій не совѣмъ!

МАНФРЕДЪ.

Не знаешь ты меня.

Мои часы исчислены, проступки
Записаны; ступай, или себя
Опасности подвергнешь; удались же.

ЛЕВАТЬ.

Не думаешь ли ты грозить мнѣ?

МАНФРЕДЪ.

Нѣтъ;

Сказалъ я только, что близка опасность,
Хотѣлъ тебѣ предостеречь.

ЛЕВАТЬ.

Какъ это?

МАНФРЕДЪ.

Смотри сюда: что видишь?

ЛЕВАТЬ.

Ничего.

МАНФРЕДЪ.

По пристальнѣй смотри, я говорю.
Теперь скажи: что видишь?

ЛЕВАТЬ.

То, чего бы

Я утрашиться могъ, — по не страшусь!
Я вижу, что туманный, страшный образъ
Тамъ, изъ земли встаетъ, какъ адскій

богъ;

Лице его сокрыто покрываломъ;
Онъ какъ бы тучей гнѣвною одѣтъ
И сталъ между тобой и мной; но только
Я не боюсь его.

МАНФРЕДЪ.

Тебѣ къ тому

Причины вѣтъ, тебѣ не повредитъ онъ.
Но вилъ его способенъ потрасти
Болѣзнию дряхляющіе члены;
Я говорю тебѣ, ступай.

ЛЕВАТЬ.

Не выду

Отсель, пока не поборюсь съ врагомъ.

За чѣмъ онъ здѣсь?

МАНФРЕДЪ.

Да, да, за чѣмъ онъ здѣсь?

Его не звалъ я; онъ пришелъ безъ зова.

ЛЕВАТЬ.

Увы! погибшій смертный! что за связь
Есть у тебя съ подобными гостями?

Я за тебя дрожу; зачѣмъ онъ смотритъ
Такъ на тебя? ты на него? раскрылъ онъ
Свое лицо; заклеяно чело

Ударомъ громовымъ; въ глазахъ свер-
каетъ

Безсмертіе геенны... Сгинь!

МАНФРЕДЪ.

Зачѣмъ

Явился ты?

ДУХЪ.

Ступай!

ЛЕВАТЬ.

Кто ты, безвѣстный?

Дай мнѣ отвѣтъ!

ДУХЪ.

Духъ смертнаго,

Передъ тобой; пойдемъ, пора.

МАНФРЕДЪ.

О, я

На все готовъ, но отрицаю силу,
Которая зоветъ меня; скажи,
Кѣмъ посланъ ты?

ДУХЪ.

Ступай, узнаешь послѣ.

За мной; иди!

МАНФРЕДЪ.

Я самъ повелѣвалъ

Сильнѣйшими, чѣмъ ты, не разъ боролся
Съ владыками твоими; прочь отсель!

ДУХЪ.

Насталъ твой часъ; иди же, говорю я!

МАНФРЕДЪ.

Я зналъ и знаю, что мой часъ насталъ,
Но не за тѣмъ, чтобы тебѣ подобнымъ
Отдать мой духъ. Я умереть хочу
Одинъ, какъ жилъ. Прочь, сгинь!

ДУХЪ.

Такъ долженъ я

Позвать на помощь братьевъ; появитесь!

(Являются духи)

АББАТЪ.

Прочь, демоны, прочь говорю я вамъ!
У васъ вѣтъ власти тамъ, гдѣ есть
власть вѣры;

Клянусь васъ именемъ...

ДУХЪ.

Старикъ, мы знаемъ
Себя самихъ, права свои и силу твою.
Не расточай безъ пользы словъ святыхъ,
Здѣсь все напрасно: онъ добыча наша;
Зову его еще: иди! иди!

МАНФРЕДЪ.

Смѣюсь падъ вами; хоть моя душа—
Я чувствую—готова прахъ свой сбросить;
Смѣюсь падъ вами! Не пойду отсель
Пока во мнѣ земное есть дыханье,
Чтобы на васъ презрѣнемъ дышать;
Земная сила, чтобы бороться даже
И съ духами. Хотите взять меня? —
Берите членъ за членомъ.

ДУХЪ.

Станный смертный!

И вотъ волшебникъ тотъ, который такъ
Старался въ мѣръ невидимый проникнуть
И сталъ почти намъ равнымъ! Можно

Любить такъ жизнь, ту жизнь, въ кото-
рой былъ

Ты обреченъ несчастно?

МАНФРЕДЪ.

Лжешь ты, демоны!

Последній часъ насталъ мой, знаю я,
И не хочу жить лишней ни минуты;
Борюсь я не со смертію, а съ тобою
И братьями твоими; власть свою
Купилъ я не сближеніемъ рабскимъ съ
вами,

А вышею наукою, трудомъ,
Отважностью и бдѣніемъ, силой духа
И знаніями отцевъ; въ то время, какъ
земля

Людей и духовъ видѣла ходящихъ
Другъ съ другомъ объ руку и не давала
Вамъ первенства. Самъ по себѣ я силенъ
И отвергаю, прогоняю васъ,
Съ презрѣніемъ, съ насмѣшкой!

ДУХЪ.

Но забылъ ты,
Что преступленія сдѣлали тебя...

МАНФРЕДЪ.

О, что они въ сравненіи съ тобою?
Проступками проступковъ не казнять
И большими злодѣями злодѣевъ.
Ступай въ свой адъ! Я чувствую, что ты
Безсиленъ надо мной; я твердо знаю,
Что я твоимъ не буду. Что я сдѣлалъ—
То сдѣлано; такія муки я
Ношу въ себѣ, которыхъ не услышишь
Своими ты; бессмертная душа
Судья всѣхъ дѣлъ своихъ, и злыхъ, и
добрыхъ,

Начало и конецъ всѣхъ золъ,
И время ихъ, и мѣсто; въ ней есть чув-
ство,

Которое, вѣтъ праха, отъ другихъ
Предметовъ вѣншихъ вовсе независитъ,—
Въ блаженство или страданіе она
Погружена отъ собственнаго знанія
Своихъ дѣяній прошлыхъ. Ты меня
Не искушалъ, да и не могъ, я не былъ
Игралищемъ твоимъ, а потому
Я не твоя добыча: буду

Мучителемъ своимъ и самъ. Прочь,
прочь,
Вы демоны презрѣнные! прочь! смерти
Рука теперь на мнѣ—не ваша! прочь!...

(Духи исчезаютъ.)

АББАТЪ.

Какъ блѣденъ ты! какъ губы посинѣли
И тяжело дыханье, а въ груди
Христіане. Пошли молитву къ небу!
О, помолись хоть мысленно, но такъ
Не умирай.

МАНФРЕДЪ.

Все кончено; взоръ тусклый
Тебя уже не видитъ; все кружится
И будто воздымается земля!
Дай руку мнѣ, прости!

АББАТЪ.

Онъ холодѣетъ

И сердце стынеть. О, прошу тебя,
Хотя одну молитву; что съ тобою?

(Умираетъ.)

Онъ мертвъ; духъ улетѣлъ—куда же?
Страшусь подумать! только улетѣлъ онъ.

РОЗЫ И МАСКА,

АНЕКДОТИЧЕСКАЯ ДРАМА ИЗЪ ЖИЗНИ ШЕКСПИРА,

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. П. Каменскаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

- Елисавета, королева англійская.
Эми Грей, фрейлина и любимица королевы.
Графъ Сутгамтонъ.
Лордъ Честеръ.
Лордъ Брогиль.
Лордъ Дерби.
Лордъ Кингсломъ.
Сиръ Генри, пажъ королевы.
Сиръ Блаудъ, начальникъ королевскихъ пансіонеровъ.
Сиръ Боеръ, привратникъ аудіенцъ-залы.
Сиръ Вилліамъ Шекспиръ.
Тони Гольтридъ, служитель при медвѣжей травлѣ.
Джемсъ Холде, театральнй сторожъ.
Джилъ Гослингъ, могильщикъ.
Пирквессъ, разнощикъ.
Мастеръ Посвягъ, трактирщикъ.
Джовъ, придворный слуга.
Джемсъ Ланкастеръ, мореплаватель.
Сиръ Баконъ, юрисъ-консулъ парламента.
Вестникъ.
Пажи, стража, свита королевы, крестьяне и придворные слуги.

Дѣйствіе происходитъ въ Лондонъ и Виндзоръ.

РОЗЫ И МАСКА,

АНЕКДОТИЧЕСКАЯ ДРАМА ИЗЪ ЖИЗНИ ШЕКСПИРА.

ВЪ ПРЯМЪ ДѢЙСТВІИХЪ.

Соч. П. Каменскаго.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Небольшая площадка передъ таверной «Трехъ Журавлей». На право рядъ домовъ, по срединѣ, въ углубленіи сцены, столы; за столами разныхъ сословіи гости.

ЯВЛЕНІЕ I.

Тони Гольтридъ, Джемсъ Холмде, Пиркисъ, Джимъ Гослингъ и другіе собесѣдники.

Пиркисъ. Пяту водки готовъ прозакладывать; Тони, тебя укусилъ Брейкъ. (*). Чертъ знаетъ, что съ тобою съдѣлалось, слова недобьешься. Да ты, братъ, скучишь проповѣди Пуританина Томаса Глоса.

Одинъ изъ собесѣдниковъ. Тони Гольтридъ влюбленъ, вотъ и все тутъ.

Многіе. Влюбленъ?

Другой изъ собесѣдниковъ. Да и есть въ кого, правду сказать. Кити Орсонъ съ ума сведетъ любого медвѣдя звѣрица своего палиньки, не только что Тони Гольтрида.

Пиркисъ. Каковъ! скрытничаетъ. Мастеръ Носингъ, водки! Мы выпьемъ за здоровье Кити Орсонъ, авось Тони развеселится.

Многіе. Водки, водки, мастеръ Носингъ! За здоровье Кити!

Джемсъ Холмде. Напрасно. Тони вовсе не любитъ Кити. Тони не отъ того скученъ, Тони побилъ вчера и полъломъ! какъ позабыть отнести медовую лепешку Брейну, любимому медвѣдю хозяйскому.

Многіе, (перебивая). Такъ вотъ оно. (Смѣются).

Одинъ изъ собесѣдниковъ. Тони побилъ.... (смѣется).

Другой. И добро бы за кого? за медвѣдя! (смѣется.)

Третій. Было бы за что? за лепешку! (смѣется.)

(*) Кличка медвѣдя.

Пиркинсъ, (плачевнымъ голосомъ.) Другъ, залечи же, если не раны сердца, то раны спины и шеи, выпей водки... *(Подноситъ стаканъ.)*

Тони, (вскакивая.) Къ черту съ водкой! *(отталкиваетъ стаканъ.)* Не отъ побоевъ и не отъ любви страдаю я душою, честь Авглин—вотъ бользвъ моя. *(Всѣ встаютъ въ изумленіи и почти-тельно.)* Вы шутите; вы смѣетесь; вы бражничаєте; а отечество въ опасности. *(Всѣ смотрятъ другъ на друга съ недо-вѣрчивостію и возрастающимъ удивле-ніемъ.)* Шотландцы грозятся; Ирландцы вольничаютъ; Испанцы тѣвятъ насъ; Голландцы грабятъ; а никто и не думаетъ остановить ихъ. Мужество наше исчезло: ничто не одушевляетъ его; ничто не возбуждаетъ насъ къ храбрости; ничто не приучаетъ къ военнымъ подвигамъ, къ сраженіямъ; всё гибнетъ, все рушится, вмѣстѣ съ медвѣжьей травлей.

Пиркинсъ. Болванъ Тони, ты съ ума сошелъ, освѣжись.... *(Насильно заста-вляетъ его выпить стаканъ водки. Всѣ хохочутъ.)*

Тони, (захлебываясь и стараясь от-толкнуть стаканъ, кричитъ.) Право такъ! Ей Богу, такъ! клянусь честію сво-єю, хозяйскою, англійскою, такъ.... Под-лецы Блэкъ-Фріарцы! обманщики! Мо-шепники отбиваютъ хлѣбъ и честь у бед-лаго Орсона Пивита. Вмѣсто истинно благороднаго удовольствія, гдѣ иногда кровь льется рѣкою, гдѣ храбрый Нусъ (*) рыцаремъ отбивается отъ мордашекъ, какъ мечемъ машетъ и разить лапами и умираетъ наковецъ геройски, — вмѣсто этихъ высокихъ, великодушныхъ примѣ-ровъ мужества и самоотверженія, не-голяи Блэкъ-Фріарцы собираютъ народъ для того, чтобы морочить его какими-то мистеріями, комедіями, гдѣ дерутся тоже да деревянными только шпаженками; пус-каютъ кровь другъ другу только вмѣсто своей изъ пузыря бычачьяго; умираютъ,

видишь ты, а на другой день, гляди, жи-вехоньки.... Обманщики, плуты! всѣхъ бы ихъ на висѣлицу....

Джемсъ. Нѣтъ ужъ это слишкомъ, не дамъ своихъ въ обиду. *(Замахивает-ся кулакомъ на Тони.)*

Тони, (уклоняясь.) Драться, god dam! выходи!

Джемсъ. Выходи!

(Бойцы идутъ на аванъ-сцену, собесѣдники становятся зрителями: одни на сторонѣ Джем-са, другіе на сторонѣ Тони.)

Тони, (снимая куртку.) Погоди, го-лубчикъ, я докажу тебѣ дружбу.... наси-лу-то дорвался хоть до одного Блэкъ-Фріарца. Отродье обезьянское, я обло-маю тебѣ ноги и руки.

Джемсъ, (снимая тоже куртку.) Медвѣжья порода, я оборву тебѣ уши.

(Начинаютъ драться.)

Одинъ изъ зрителей. Словно, Джемсъ!

Другой. Лихо, Тони!

Третій. Подъ бокъ его.

Четвертый. Держись, Тони.

Первый. Эхъ промахнулся.

(Бойцы сцепились; всѣ, въ ожиданіи, умолк-ли. Входитъ Шекспиръ.)

=

ЯВЛЕНІЕ II.

Шекспиръ и прежніе.

Шекспиръ, (остановившись.) Просвѣ-щай этотъ народъ; смягчай его чувства, дѣйствуй на него трогательными спева-ми..... А тоже люди.... Боже мой! Бо-же мой! кому я отдалъ моего Ромео и Юлію.... *(Подходитъ скорыми шагами къ бойцамъ и, взявъ того и другую за руки, разжимаетъ.)* Разойдитесь!

Нѣкоторые изъ зрителей. Не мѣшай-те, честной госполицѣ.

Другіе. Дѣло кровное, почтеннѣйшій.

Третій. Не здѣсь, такъ въ другомъ мѣстѣ додерутся.

Джемсъ. Экъ стиснулъ, словно же-лѣзной лапой, не вывернешься.

(*) Кличка медвѣдя.

Тони, (вырвавшись.) Да кому какое дѣло ввязываться въ нашу драку? Какая тебѣ нужда, любезный? Да что ты за птица? Кто ты таковъ?...

Шекспиръ. Кто?... Вилліамъ Шекспиръ..

Всѣ, (кромя Тони.) Вилліамъ Шекспиръ? нашъ Вилліамъ! нашъ дивный, славный Вилліамъ! Да здравствуетъ Вилліамъ! *(Бьютъ къ столамъ, хватаютъ стаканы и пьютъ.)*

Джемсъ. Я узналъ его, да притаился... Да здравствуетъ Вилліамъ!

(Изъ внутреннихъ покоевъ таверны выбѣгаютъ лордъ Честеръ, лордъ Кингсдомъ, лордъ Бронгиль, лордъ Дерби.)

=

ЯВЛЕНІЕ III.

Лордъ Честеръ, лордъ Дерби, лордъ Кингсдомъ, лордъ Бронгиль и пружіе.

Лордъ Честеръ. Прекрасно, Вилліамъ! прекрасно! Мы ждемъ его, какъ королевскаго выхода, а онъ изволитъ разтабарывать здѣсь, да и добро бы съ людьми, а то съ бродягами, изъ которыхъ ни на одномъ нѣтъ человѣческаго лица: посмотрите на эту рожу. *(Показываетъ на Тони.)*

Тони. Рожа какъ рожа, милордъ, похожъ на всѣхъ. Пока не разбили ее, была человѣческою; а разобьютъ и твою, такая же будетъ.....

Лордъ Честеръ. Что!.... *(бросается на Тони, Шекспиръ его удерживаетъ.)*

Шекспиръ. Лордъ Честеръ, не забудьте, что вы лордъ.

Лордъ Честеръ, (старался высвободить руку.) Потому-то я имѣю право уничтожить этаго....

Шекспиръ, (перебивая, насмѣшливо.) Высокое право.... Я только что рознялъ двухъ пѣтуховъ, теперь пѣтушится одинъ благородной англійской крови и при рыцарской шпорѣ.

Лордъ Честеръ. Твои насмѣшки, Вилліамъ, не удержатъ меня; я наважу наглеца,

Шекспиръ, (тѣмъ же тономъ.) И прекрасно, милордъ, прекрасно; неожиданный спектакль дороже подготовленнаго: драма хоть куда, съ интересомъ, съ трагической развязкой, съ борьбой, съ ударами, гораздо сильнѣе театральныхъ, съ потоками крови, хоть разъ наконецъ настоящей, дѣйствительной. Для нашего брата, комедіанта, это просто находка. Деритесь, милордъ, деритесь, я вамъ не помѣшаю.... *(Освобождаетъ руку Лорда Честера).* Я не видалъ еще, не вѣрилъ, чтобы изъ однихъ и тѣхъ же рукъ могли сыпаться рукоплесканія вами прославленному поэту, и потомъ при случаѣ удары, по всѣмъ правиламъ бокса, въ лицо простолюдина, котораго вы сами же обидѣли.... Вы убѣдите меня въ возможности того и другаго, вы подарите меня новымъ зрѣлищемъ.

Лордъ Честеръ, (перебивая.) Вилліамъ!

Шекспиръ. Да, да, милордъ... Я увижу, благодаря васъ, какъ одни и тѣ же глаза, которые часъ тому назадъ плакали отъ душевнаго умиленія, будутъ высматривать, выскрывать мѣсто, гдѣ бѣ побольнѣе ударить мнимаго оскорбителя; я увижу наконецъ, какъ одно и тоже сердце, трепетавшее любовью.... ха! ха! ха! любовью отъ монологовъ страстной моей Юліи, моего Ромео, будетъ биться отъ жажды крови, казалось бы, далеко, ниже вашей, милордъ.

Лордъ Кингсдомъ, (перебивая.) Вилліамъ, Вилліамъ! пощадите хоть насъ въ лицѣ лорда Честера.

Шекспиръ. Нѣтъ, милорды, нѣтъ пощады. Вы всѣ, англійскіе лорды нашего времени, на одну складку: унижить и безъ того униженнаго; оскорбить обиженнаго, затравить безответнаго, доказать бѣдному, что вы богаты, слабому, что вы сильны, даже, можетъ быть, глупому, что вы должны быть непременно умны; о! это ваше дѣло. И васъ на это станетъ, вы готовы и въ домъ, и въ таверну, и на улицѣ, на каждомъ перекрест-

къ Лондона, при каждомъ случаѣ, не пощадивъ себя, собственными руками, собственнаго же конюха убѣдить въ нашемъ преимуществѣ. И онъ повѣритъ вамъ; но нерасчетливо, милордъ: (*обращается опять къ Лорду Честеру.*) слишкомъ много риску съ вашей стороны; вы можете распорядиться иначе; вы можете скликнуть вашихъ прислужниковъ, оруженосцевъ, вы можете приказать связать бѣдняка, отдать его имъ въ руки, заставить поколотить; вы можете.... пѣтъ, пѣтъ! Вы могли это дѣлать прежде, милордъ, теперь не можете.... Елисавета англійская не позволитъ вамъ, удержитъ отъ самоуправства; Вилліамъ Шекспиръ, при тысячѣ зрителей, на помостахъ Блакъ-Фриара, осмѣетъ насъ публично.

Лордъ Честеръ, (презрительно.) Не въ первый разъ, въ выходкѣ комедіанта, насмѣшка замѣнитъ благодарность.

Шекспиръ, (перебивая.) Благодарность милордъ? За что.... вы не говорите; вамъ совѣстно; по вы хотѣли сказать: за ваши ужины и ласки.... Я презираю шоссльннми, я избавляю васъ отъ первыхъ, начиная съ выпѣшняго.... (*Створачивается и идетъ отъ аванс-сцены.*)

Джемсъ. Bravo, Вилліамъ! bravo! И говорить, какъ представляеть.

(Шекспиръ остается вивается; мнѣяетъ на мѣрпепе и направление и идетъ не на право, а прямо къ столамъ, гдѣ Джемсъ и другіе собесѣдники устали уже снова.)

Джемсъ. Къ намъ, Вилліамъ, къ намъ! Вотъ такъ-то лучше; мы не попрекнемъ, по крайней мѣрѣ.... Мастеръ Носингъ, ужинать!

Пиркинсъ. И водки.

Джемсъ, (обращаясь къ Шекспиру.) Милости просимъ. (*Шекспиръ садится, молча.*)

Лордъ Честеръ. Этого только недоставало; полюбуйте, милорды: это нашъ пріятель, другъ и въ тоже время честь и слава Англии; посмотрите: за однимъ

столомъ съ бродягами.... Мы совѣстно за себя, за васъ, за нашъ выборъ и пружисе съ нимъ обращеніе. Творецъ «Ромео и Юліи» за пинтой водки, въ кругу уличныхъ неголяевъ. Пѣтъ, это не выноσιμο; пельза оставаться равнодушнымъ свидѣтелемъ; пойдемте, милорды....

Лордъ Кингсдолмъ. Безъ Вилліама?

Лордъ Честеръ. Смѣшной вопросъ! Кажется, послѣ его поступка, онъ не товарищъ вамъ, по крайней мѣрѣ въ одно время со мною.

Лордъ Кингсдолмъ. Но что скажетъ мнѣ, ннѣ, что скажутъ другіе? Что скажетъ Судгамтонъ, Пемброкъ, Монгомери?

Лордъ Честеръ. Что имъ угодно. Я не обязаиъ терпѣть грубостей отъ покровительствуемаго ими мужика-поэта. Угодно вамъ со мной ужинать, милорды, милости просимъ; пѣтъ—я иду одинъ. (*Идетъ во внутренность таверны; за нимъ слыдуютъ другіе лорды. Остается одинъ Тоин на презрелъ мнѣсть и, не принимал участія въ ужинѣ своихъ товарищей, смотритъ съ комическою важностью и презрѣлемъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, кроме лорда Честера, лорда Бронгилл, лорда Кингсдома и лорда Дерби.

Джемсъ. Очередь, братцы, очередь; не вдругъ напиваться.

Пиркинсъ. Какая тутъ очередь, онъ стоять за насъ безъ очереди, за всѣхъ безъ разбора; амы станемъ чередоваться, вотъ еще вздоръ какой. Нутка, братцы, грянемъ всѣ разомъ еще за здоровье Вилліама: да здравствуетъ Вилліамъ!

Всъ. Да здравствуетъ Вилліамъ!

Джемсъ. Да пить-то, пожалуй, я готовъ, только, повторю вамъ, не папиваться; а то Вилліаму будетъ не съ руки наша буйная бесѣда. Правда, Вилліамъ?

Шекспиръ. Друзья мои, я въ гостяхъ у васъ и не хочу никому мѣшать. Буду

равняться съ вами и въ словѣ, и въ станкѣ; а удержатъ во время и не дать вамъ обидѣть другъ друга, не дать драться... о, на это меня станетъ, не беспокойтесь.

Джемсъ. Слышите ли, не драться?

Пиркинсъ. Мы-то слышимъ, слушай тотъ, кто первый съ кулаками лезетъ....

Джемсъ. Ну, ну, дѣло прошлое, вѣдь за него же....

Джилъ Гослингъ, (*перешепнувшись съ Пиркинсомъ.*) Спрошу.

Пиркинсъ. Не советую.

Джилъ Гослингъ. Право, спрошу....

Пиркинсъ. Не дѣло, говорю тебѣ.

Джилъ Гослингъ. Ну, какъ ты хочешь, спрошу. Вилліамъ!.. (*Пиркинсъ зажимаетъ ему ротъ.*)

Шекспиръ. Что такое?

Джилъ Гослингъ, (*отводя руку Пиркинса.*) Да вотъ мѣшаетъ.

Пиркинсъ. Осрамишься, пріятель!

Шекспиръ. Не мѣшай, братъ!

Всъ. Не мѣшай же, Пиркинсъ.

Шекспиръ, (*съ любопытствомъ.*) Ну говори, любезный другъ.

Джилъ Гослингъ. Да вотъ что, мастеръ Шекспиръ; хотѣлъ спросить васъ, что вы еще намъ сыграете?

Шекспиръ. Новаго?

Джилъ Гослингъ. Ну, да.

Шекспиръ. Пока не скажу.

Джилъ Гослингъ. Опять итальянщина?

Шекспиръ. А что?

Джилъ Гослингъ. Скучно, мастеръ Шекспиръ.

Пиркинсъ, (*вскакивая.*) Что? а? говорилъ — осрамишься; не послушался....

Джемсъ. Вздумалъ учить Вилліама, дуралей!

Пиркинсъ. Болванъ!

Джемсъ. Старый колапакъ!

Всъ. Вонъ его!

Шекспиръ, (*спокойно.*) За что? за что,

братцы, вы на него нападаете? Онъ говоритъ дѣльно, онъ правъ....

Всъ. Правъ?

Шекспиръ. Да, правъ: точно скучно.

(*Всъ умолкаютъ; въ это время входитъ Генри, пажъ королевскій, и обращается прямо къ Тони.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И ГЕНРИ.

Генри. Здѣсь Вилліамъ Шекспиръ?

Тони. Можетъ быть.

Генри. Какъ можетъ быть? говори, онъ долженъ быть здѣсь.

Тони. А если долженъ быть, такъ вѣрно здѣсь.

Генри. Да говори толкомъ.

Тони. Не скажу, а покажу.... (*Указываетъ на Шекспира и уходитъ.*)

Генри. Шекспиръ! Между чернью! (*останавливается въ изумленіи.*)

Шекспиръ. Точно скучно, когда непонятно; онъ не понимаетъ и потому скучаетъ, слѣдовательно, правъ съ своимъ откровеннымъ мнѣніемъ. Спасибо ему за искренность, а вы тоже не понимаете, стало быть, тоже скучаете; но не такъ искренны, какъ онъ, и потому обманываете и себя и вашего друга, Вилліама. Стыдно вамъ, стыдно, братцы.

Джилъ Гослингъ. Нѣтъ, нѣтъ, мастеръ Шекспиръ! нѣтъ, я понимаю итальянщину, а все таки скучно.

Шекспиръ. Такъ скажи же, любезный, почему? Но прежде скажи мнѣ, кто ты таковъ? можетъ быть, тутъ вся и загадка. Скажи мнѣ, чѣмъ ты занимаешься, чѣмъ промышляешь?

Джилъ Гослингъ. Кто, я? Самымъ вернымъ ремесломъ, мастеръ Шекспиръ: строю дома, хоть не красивые, да за то прочные; доживуть, пожалуй, хоть до свѣта преставленія.

Шекспиръ, (перебивая). Да кто же ты? *Джилъ Гослингъ.* Я, какъ вамъ сказать, мастеръ Шекспиръ, я человекъ не важный; но тоже и не вовсе лишній въ этомъ мѣрѣ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не выведется обычай межъ людей, поживши, помаявшись, хлопотавши, умирать непремѣнно. Я на службѣ у смерти, мастеръ Шекспиръ: кормятъ меня повелѣть тѣ, которые сами и рта не разбавяютъ ни для чего, куда ужъ для хлѣба; мое дѣло сберегать ихъ за это, хоть они ни кому и ни къ чему уже негодны; защищать ихъ, хоть и безъ того никто ихъ не обидитъ; поконить—ну да это не трудно: народъ и безъ того покойный.... Я не требую ничего, кромѣ платы за службу; не жду слова привѣтливаго отъ моихъ кормильцевъ, смѣшно бы.... Ремесло мое, стало быть, какъ видно, не вовсе веселое, да за то выгодное, и во столько выгоднѣе, во сколько смерть нвогда бываетъ сильнѣе жизни; въ слѣдствіе чего рекомендую себя, Джиль Гослинга, честнаго и перваго могильщика въ Лондонѣ, покорнымъ слугою всѣхъ и вашимъ, въ случаѣ вдобности.

Шекспиръ, (улыбаясь). Теперь скажи же, любезный Джиль Гослингъ, честный и первый могильщикъ въ Лондонѣ, покорный слуга всѣхъ и мой въ случаѣ надобности, почему тебѣ не нравится итальянщина?

Джилъ Гослингъ. А потому, мастеръ Шекспиръ, что для меня и хороши все таки сручнѣе своего роднаго, чѣмъ безроднаго въ землѣ нашей, такъ ужъ мы сдѣланы; стоимъ себѣ землякъ за земляка, вездѣ и во всемъ, да и все тутъ. Свое намъ дорого, чужаго хоть бы не было; такъ ли братцы? *(Обращается къ другимъ собесѣдникамъ; всѣ молчатъ.)* Да, бишь, я и позабылъ; что рѣчь о правдѣ и о покойникахъ—не по сердцу живымъ людямъ; а я ихъ таки разшевелилъ порядкомъ; простите, братцы.

Шекспиръ, (въ мечтательности.) Смерть лучшая книга жизни; безъ словъ, на языкѣ нѣмомъ, она учитъ понимать яснѣе все то, что говорится. Мертвецы краснорѣчивѣйшіе учителя живыхъ людей: смотришь на разрушенное уже тѣло, а думаешь о душѣ, мысляхъ, чувствахъ, оживлявшихъ его нѣкогда. Прибавлю.... прибавлю непремѣнно новую сцену.... *(Обращается къ Джилъ Гослингу)* Другъ! дай руку, я благодарю тебя и воспользуюсь твоею умною рѣчью.

Джилъ Гослингъ, (въ восторгѣ.) Вотъ оно! Слышите ли, братцы: Джиль Гослингъ не неучъ, не дуралей, стало быть, и тотъ будетъ не честный человекъ, кто ему позавидуетъ и не выпьетъ съ нимъ вмѣстѣ еще разъ за здоровье нашего Вилліама: да здравствуетъ Вилліамъ!

Всѣ. Да здравствуетъ Вилліамъ! *(Пьютъ; Генри подходитъ въ это время къ Шекспиру и подаетъ ему письмо, обвернутое снуркомъ. Шекспиръ, смущенный неожиданнымъ появленіемъ пажа королевскаго, беретъ письмо развертываетъ, читаетъ и, въ изумленіи, молчитъ нѣсколько времени.)*

Генри. Сиръ Вилліамъ Шекспиръ, я ожидаю вашихъ приказаній. *(Шекспиръ встаетъ; беретъ за руку Генри и идетъ съ нимъ къ авансценѣ.)*

Многіе изъ собесѣдниковъ. Куда жъ Вилліамъ уходитъ?

Шекспиръ, (въ смущеніи). Сейчасъ... *Собесѣдники между собой.* Не отпустить его.....

Джилъ Гослингъ. Невольно вельзя, по крайней мѣрѣ, проводить по-королевски до дому: съ криками и пѣснями.

Всѣ. Пожалуй, идетъ.

Шекспиръ, (остановившись.) Отъ кого это письмо?

Генри. Моя обязанность была доставить его только по адресу.

Шекспиръ, (въ недоумѣніи и скоро.) Я

не знаю что дѣлать; научите меня; скажите....

Генри. Я только слушаю и исполняю, а не распоряжаюсь, мастеръ Шекспиръ.

Шекспиръ. Въ такомъ случаѣ, таинственный Меркурій, ваше дѣло доставить меня по крайней мѣрѣ на мѣсто тайнаго свиданія.

Генри. О, не безпокойтесь, мастеръ Шекспиръ; что касается до этого, всѣ мѣры уже приняты мною, и менѣе чѣмъ въ мигъ любви, быстрѣе дуновенія зефира, розолавиный Адо니스ъ долетитъ до объятій своей меланхолической Венеры: лошади готовы на концѣ улицы; стоитъ только подтянуть подпруги сизобрылымъ горлицамъ, съестъ и летѣтъ, куда зоветъ васъ ваша царица пѣвностей и любезности....

Шекспиръ, (нетерпѣливо.) Избавьте меня отъ болтовни вашей. Ѣдемъ, я готовъ!

Генри. Вотъ прекрасно: отъ болтовни! Не вы ли сами напечатали это?

Шекспиръ, (перебивая.) Ѣдемъ...

Генри. А королева заставила насъ всѣхъ выучить панзустъ...

Шекспиръ, (скоро.) Королева заставила выучить?... Ѣдемъ... Ѣдемъ... а то опоздаемъ еще...

Генри. Повинуюсь... (*Идетъ, Шекспиръ слѣдуетъ за нимъ.*)

Джемсъ. Куда же ты, Вилліамъ? Уходишь совсѣмъ?

Миоіе. И не простая?

Шекспиръ, (торопливо.) Прощайте, друзья, прощайте! мнѣ некогда, я спѣшу...

Джемсъ, (обращаясь къ собесѣдникамъ.) Условіе, братцы, ну! (*Всѣ вскакиваютъ и бѣгутъ за Шекспиромъ.*)

Шекспиръ, (остановившись.) А вы куда?

Джемсъ. За тобой.

Генри. Это что за свита? Ради Бога, мастеръ Шекспиръ, не берите этихъ кабановъ съ собою: они заѣдятъ и васъ и вашу богиню...

Шекспиръ. Осторожнѣе, молодой человекъ, не раздражайте ихъ.. (*обращается кротко къ толпѣ.*) Нельзя, друзья...

Джилъ Гослинъ. Отчего? проводить-то?...

Шекспиръ. Нельзя, говорю вамъ...

Джилъ Гослинъ. До конца улицы только...

Шекспиръ. Не дальше?...

Джилъ Гослинъ. Слово могильщика!.. Ну, братцы, дружны: да здравствуетъ Вилліамъ, другъ Джилъ Гослинга и всѣхъ насъ! Да здравствуетъ Вилліамъ!

Шекспиръ, (уходя.) Довольно, друзья..

Всѣ. Не слушаемъ; да здравствуетъ Вилліамъ! (*Шекспиръ уходитъ, толпа бѣжитъ за нимъ.*)

ДѢЙСТВІЕ VI.

Ночь. Часть Виндзорскаго парка съ одною изъ уединенныхъ его аллей; на право видна бесѣдка въ греческомъ вкусѣ, украшенная цвѣтами, аллегорическими изображеніями, статуями и барельефами мифологическими; на лѣво живописно раскинутыя купы розовыхъ кустовъ, прищипывающія къ деревьямъ аллей.

Елисавета и Эми Грей, съ масками въ рукахъ.

Елисавета. Неужели чудакъ Вилліамъ рѣшится не принять приглашенія бѣсымянной ламы и откажется отъ свиданія? Это будетъ очень мило, тогда не мы, а онъ съ нами сыграетъ шутку.

Эми Грей, (тихо.) О, Боже мой! Если бъ это было.... (*грозоко*) Рыцарская вѣжливость неразлучная спутни-

ца поэзиі... Онъ долженъ явиться не-премѣнно, ваше величество.

Елисавета. Во-первыхъ, безъ вашего величества: съ глазу-на-глазъ съ тобой и особливо въ нашихъ шалостяхъ, я для тебя просто Елисавета. Во-вторыхъ, не увлекайся, слѣмай милость, и не вѣрь въ дружбу и перазлучность поэзиі не только съ рыцарскою вѣжливостью, даже съ обыкновеннымъ приличіемъ: у этихъ мечтателей есть всегда свои дамы, свои женщины, ими созданныя, для которыхъ они готовы жертвовать безъ исключенія и пощады самыми избравѣйшими представителями нашего пола. У Шекспира есть теперь своя дама, своя Юлія, царица, богиня; словомъ, воображаемая повелительница, для которой онъ не побѣдетъ, можетъ быть, даже и къ дѣйствительно существующей, законной своей королевѣ...

Эми Грей. Да онъ не знаетъ, что зоветъ его королева. Записка безъ подписи, имя скрыто...

Елисавета, (перебивая). Не объявить же мнѣ его; тогда не было бы шутки...

Эми Грей (тихо). Роковая шутка!

Елисавета. Тогда я приказала бы ему явиться, а не просила бы его, какъ можешь ты, и имѣть право просить каждая женщина. Неужели я должна дѣлать исключеніе въ этомъ случаѣ? Неужели же для меня нѣтъ свиданій, а существуютъ одни только аудіенціи? Хочу быть и королевой и женщиной, и я не прошу чудаку Вядліяму, если онъ вздумаетъ оскорбить меня и не явится на мой безымянный вызовъ.

Эми Грей, (съ участіемъ). И вы его накажете, жестоко накажете?

Елисавета. Я накажу его презрѣньемъ женщины.

Эми Грей, (тихо). Слава Богу, что не королевскимъ судомъ. (громко). Но онъ не заслужитъ этого презрѣнья; онъ непрогнѣвитъ васъ.... (прислушивается-

ся) Онъ идетъ, кажется... (Слышны шаги).

Елисавета. Если это онъ, то кто же изъ насъ начнетъ комедію? Кто первая пойдетъ на свиданіе? (Во глубинѣ аллеи показывается Шекспиръ).

Эми Грей. Я уступаю охотно первенство.

Елисавета. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу! пусть рѣшитъ судьба; я и въ мелочахъ моей жизни только ей одной позволю распоряжаться; мнѣ не нужно вашей ни услужливой, ни равнодушной уступчивости... Слышите ли, миссъ Эми?... Да я и не вѣрю, признаюсь вамъ, этой уступчивости. Женщина отъ души любитъ играть сердцемъ мужчины и никому не уступаетъ охотно своего права; только, чтобы шутка и оставалась шуткой, а не шла бы дальше. Эми, смотри, (грознитъ шутливо пальцемъ) чтобы не влюбиться.... (Бѣжитъ къ цѣптамъ).

Эми Грей, (тихо). Поздно, ваше величество.

Елисавета, (стол у цѣптовъ). Что?

Эми Грей. Скорѣе, ваше величество, онъ идетъ уже.... (Елисавета срываетъ два жасмина; возвращается къ Эми Грей и вмѣстѣ съ нею прячется за розовый кустъ. Въ это время Шекспиръ подходитъ къ авансценѣ).

=

Я В Л Е Н І Е VII.

Шекспиръ и прежніе.

Шекспиръ, (въ задумчивости). Странное приглашеніе, странное свиданіе. Но, можетъ быть, это не болѣе, какъ шутка... Шутка? Неужели между женщинами есть хоть одна, которая рѣшится оскорбить шуткой меня, ихъ обожателя; за что? За мою любовь, за мои мечты объ нихъ, за мое отчаянье иногда создать въ драмѣ, или поэмѣ чтонибудь похожее на тѣ совершеннѣйшіе идеалы, которыми красуется ихъ полъ? Нѣтъ,

нѣтъ! женщины не могутъ шутить, не могутъ издѣваться надо мною. Юлія подружила ихъ со мною; возбудила въ нихъ, хотя сколько нибудь, пріязнь и уваженіе ко мнѣ; но они не знаютъ еще другихъ моихъ созданій, другихъ образовъ достоинствъ и добродѣтелей женскихъ; они здѣсь — въ груди моей; душа и воображеніе полны ими и вы узнаете ихъ, женщины; вы ихъ оцѣните; вы полюбите за нихъ Вилліама..... (Идетъ къ бестѣдкѣ).

Эми Грей, (за розовымъ кустомъ). И это васъ не трогаетъ? и вы не оставите своего намѣренія?

Елисавета, (перебивая). Сколько у тебя листковъ?...

Эми Грей. Разъ, два, три, четыре, пять.

Елисавета. У меня шесть, семь.... Я иду.... (Выходитъ изъ за кустовъ, а Шекспиръ, не замѣчая ея, возвращается къ аванс-сценѣ).

Шекспиръ, (мечтательно). Но, можетъ быть, эта женщина, какъ лучъ надежды, отрадный для страдальца, какъ ангелъ съ привѣтомъ неба за земную пытку; можетъ быть, эта женщина съ участіемъ любви и дружбы взялась облегчить судьбу, утѣшить бѣднаго, страждущаго мученика Вилліама, съ его палящимъ и мятежнымъ пламенемъ творчества, съ его сознаніемъ и сомнѣніями, съ его чарами мечты и разочарованьями въ жизни; можетъ быть, эта женщина осуществить для меня все несбыточное; наполнить эту пустоту мечтательности дѣйствительнымъ блаженствомъ; придетъ жить въ это сердце вмѣстѣ съ моими призраками любви и страсти.... Можетъ быть, это свиданье будетъ первымъ мигомъ наслажденія, котораго я не зналъ и которое до сихъ поръ мелькало для меня въ какихъ-то блестящихъ, туманныхъ видѣніяхъ неземнаго міра. О! явись, явись желанная! не слетай съ неба, выйди изъ объятій зем-

ли, изъ круга твоихъ земныхъ подругъ, и заключись въ объятія заранѣ тобой вдохновеннаго Вилліама!

Елисавета. Мечтатель, мечтатель!...

Шекспиръ, (оборачиваясь и увидавъ Елисавету въ маскѣ). Это она?...

Елисавета, (подойдя къ Шекспиру и положивъ на плечо къ нему руку). Кто она, Вилліамъ?

Шекспиръ. Моя осуществленная мечта, моя женщина, моя утѣшительница. О, дивная незнакомка! вы меня пригласили, вы назначили мнѣ это свиданіе; вы вызвали меня къ новой жизни; вы раскинули передо мной цѣлый рядъ невѣдомыхъ мнѣ еще ощущеній; вы, можете быть, изъ лучшаго, высшаго круга общества, обратили вниманіе на бѣднаго, ничтожнаго комедіанта. О, чудное созданіе! Онъ у ногъ вашихъ, онъ благодарить за это вниманіе.... (падаетъ на колѣно передъ Елисаветой).

Елисавета. Поэтъ въ мечтахъ своихъ и поэтъ въ общежитіи, въ облакахъ незримаго міра и въ кругу обыкновеннаго человѣческаго, съ глазу-на-глазъ съ богами, богинями, и въ свиданіяхъ съ простою женщиной—все тотъ же поэтъ-мечтатель, и, простите мнѣ, Вилліамъ, въ тѣхъ же папыщенскихъ фразахъ, надутыхъ восклицаній, въ тѣхъ же павлиньихъ перьяхъ.... Я знала, слышала, читала объ этомъ; но захотѣла убѣдиться сама, своимъ собственнымъ опытомъ, и благодаря намъ, убѣдилась несомнѣнно....

Шекспиръ, (вставъ.) Такъ вотъ цѣль этаго свиданія, вотъ зачѣмъ звали меня?.... О бѣдный, жалкій Вилліамъ, на тебѣ хотѣли повѣрить судъ міра о поэтахъ,—безсмысленные толки людей, ничтожныя сужденія ничтожныхъ писакъ.... Ты мечталъ о любви, а слѣдался предметомъ только любопытства; ты искалъ ангела-утѣшителя, а встрѣтилъ холоднаго испытателя, только, вмѣсто ученой педантической тоги,

въ женскомъ маскарадномъ платьѣ....
(Хочетъ идти).

Елисавета, (останавливая). Постойте, постойте, Вилліамъ, я позабыла еще одно обстоятельство въ моей повѣркѣ общаго мнѣнія о поэтахъ—это ихъ невѣжливость, неумѣнье говорить съ людьми, даже грубость съ женщинами, и во всемъ этомъ, благодаря вамъ, я тоже не сомнѣваюсь больше....

Шекспиръ, (остановившись; въ смущеніи). Я думалъ.... я ожидалъ....

Елисавета, (перебивая). Чего, чего ожидали вы? Чтобы я бросилась въ ваши объятія, какъ вы бросились передо мною на колыба?... Нѣтъ, Вилліамъ, нѣтъ, такъ не любятъ женщины въ натурѣ и что едва ли хорошо и въ драмѣ,—то никуда ужъ не годится въ настоящей жизни. Простите меня, Вилліамъ, еще разъ за этотъ урокъ приличія; онъ можетъ быть полезенъ вамъ даже и въ вашихъ представленіяхъ, если захотите, чтобы они правились совершенно и увлекали своєю естественностію:

Шекспиръ. Зачѣмъ же нарушать это приличіе? зачѣмъ назначать свиданія?

Елисавета. Я вамъ сказала, Вилліамъ, изъ любопытства....

Шекспиръ, (съ жаромъ). Но это любопытство....

Елисавета, (перебивая). Это любопытство можетъ быть началомъ самой пылкой любви въ женщинѣ. Вилліамъ, вы, какъ и всѣ мужчины, не понимаете этого любопытства; не знаете, что въ немъ-то и таятся всѣ ваджды, ожиданія, волненія, порывы и жертвы будущей страсти женщины; вы браните это любопытство, а иногда имъ пользуетесь, возбуждаете его, но безъ расчета; вы смѣетесь надъ этимъ любопытствомъ, а лучше бы смѣялись надъ собою, вадъ своимъ неумѣньемъ болшею частію подстрекиувъ, удовлетворить ему.

Шекспиръ, (отворачиваясь, про себя.) Холодный разсудокъ, я не люблю тебя въ женщинѣ....

Елисавета, (подойдя къ Шекспиру и съ нѣжностью взявъ его за руку.) Вы разсердились на меня, Вилліамъ, за истину, за нѣсколько словъ правды, я напротивъ; я прощаю васъ за оскорбленіе, которымъ вы начали наше знакомство.

Шекспиръ, (холодно.) Завосчивость поэта—урямство ребенка: вы знали это; вы звали его раздражительностью; его невниманіе къ приличіямъ; вы были заранѣе убѣждены въ нихъ, таинственная незнакомка. *(Насмѣшливо.)* Я не хотѣлъ разрушить вашего убѣжденія, и на вашу затверженную роль, проимпровизировалъ свою и довольно удачно, кажется....

Елисавета, (оскорбившись, но съ поддѣльнымъ чувствомъ.) Терплю, терплю насмѣшку; я заслужила ее: моя доврчивость, мой дѣтскій вызовъ на дружбу и любовь не могли остаться не наказанными; но я ожидала въ свою очередь, я думала.... *(останавливается, потомъ дрожащимъ голосомъ.)* Поэты! вы такъ же дурны, какъ обыкновенные люди.... *(Оборачивается и идетъ, въ это время показывается сиръ Блаундъ со стражею.)*

Шекспиръ, (трогнутый.) Безумецъ, что я дѣлаю? я ее не повялъ.... *(бѣжитъ за Елисаветой и хватаетъ ее за руку.)* Простите, простите, простите меня! я виноватъ; я преступникъ передъ вами, передъ цѣлымъ міромъ вамъ подобныхъ женщинъ: неожиданность, увлеченіе, порывы вадругъ забушевавшей страсти—вотъ участники преступленія, пусть они будутъ и заступниками моими; пусть извинятъ меня въ глазахъ вашихъ.... я... я обещалъ... я видѣлъ холодность тамъ, гдѣ былъ затаенный огонь; разсудокъ, гдѣ была страсть; вражду во взаимной привязанности; оскорбленіе въ со-

вѣтахъ дружбы; насмѣшку наконецъ въ снисходительномъ прощеніи неподдѣльнаго чувства любви. Я самъ разрушилъ рай блаженства и наслажденій, открывшійся передо мною; я оттолкнулъ было руку ангела-утѣшителя, подавную мнѣ неожиданно. О, умоляю васъ, простите меня, простите безумнаго Вилліама.

==

Я В Л Е Н І Е VIII.

Блаундъ со стражей, и прежніе.

Блаундъ. Именемъ королевы арестую васъ! (*обращаясь къ Шекспиру.*) Развѣ вы не знаете повелѣнія ея величества не ходить ночью по Виндзорскому парку? Кто вы таковы? По платью должно быть что-то комедіантское, да впрочемъ, кто бы ни былъ, хоть бы самъ Вилліамъ Шекспиръ, самый первый комедіантъ, су-перъ-комедіантъ, генераль-комедіантъ,

мнѣ все равно, я исполняю свой долгъ. (*Къ стражѣ.*) Взять его! (*подойдя близко къ Елисаветѣ.*) А вы, сударыня, нашли время и мѣсто для любовныхъ свиданій? Слово только скажу, такъ завтра же ...

Елисавета, (оттолкнувъ Блаунда и подойдя къ Шекспиру, тихо.) Покоритесь необходимости; черезъ пять минутъ вы будете свободны, только съ условіемъ: завтра въ это же время, на этомъ же мѣстѣ мы увидимся съ вами, слышите-ли?... (*Вернувшись къ Блаунду.*) Скажите графу Эссексу, что онъ вѣчно вытаскиваетъ въ люди такихъ дураковъ, какъ вы.... (*Уходитъ поспѣшно, стража уводитъ Шекспира.*)

Блаундъ. Графъ Эссексъ дураковъ вытаскиваетъ въ люди, — что же это такое? Кого же графъ Эссексъ вытаскиваетъ въ люди? Меня, стало быть я дуракъ.... вѣтъ, это что-то не повѣрно.... (*Уходитъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ комнату Эми Грей въ королевскомъ дворцѣ, въ Виндзорѣ.

Я В Л Е Н І Е I.

Эми Грей, (сидя передъ столикомъ, читаетъ вслухъ книгу.)

- Она глядитъ за нимъ, какъ другъ отъ бере-гошь
- За другомъ ослѣдъ глядитъ, съ невольными слезами,
- Пока слѣдовъ его, позѣставъ до облаковъ,
- Не занесла рѣка широкия волны:
- Завистливая ночь подъ флеромъ темноты
- Скрываетъ миляя, знакомыя черты.

Восхитительный, неподражаемый Шек-

спиръ! сколько граци, сколько чувствъ, сколько неподдѣльной простоты въ твоихъ твореніяхъ! Нѣтъ, такого поэта не бывало еще на землѣ.

• Какъ тотъ смущается, кто въ воды подъ со-бою

- Изъ рукъ драгой алмазъ случайно уронилъ,
- Какъ путешественникъ, кто позднею порою,
- Во тѣмъ густыхъ лѣсовъ свой факель пога-силъ,

• Такъ и она, тоской обѣтлая холодной,

• Дрожитъ, покинута звѣздою путеводной.

(Снова опутивъ книгу.)

Правда ли, что у поэта есть всегда любимая женщина, къ которой стремятся всѣ мечты, всѣ вдохновенія, вся жизнь, все существо его? И у Шекспира есть любимая женщина. Эми, зачѣмъ ты не любимая женщина Шекспира?... Но, можетъ быть, ея нѣтъ еще? Можетъ быть не далѣе, какъ вчера совершился выборъ поэта; не зналъ, онъ полюбилъ Елисавету, и я не была при ихъ свиданіи, я ушла; я не слышала, что говорили они.... Зачѣмъ я не была, зачѣмъ ушла, зачѣмъ я не подслушала?... Эми, спроси лучше, зачѣмъ ты приняла участіе въ этой роковой шуткѣ надъ поэтомъ? Онъ можетъ полюбить ее; а она? она никогда никого не любила и никогда не будетъ любить. Это только шалость Елисаветы; одна изъ обыкновенныхъ ея шалостей.... Преступная шалость! Эми, ты помогаешь ей.... *(Плачетъ)*. Я не виновата; я участница противъ воли; судьба вызвала меня изъ моего уединеннаго, скромнаго убѣжища; судьба бросила меня въ этотъ страшный кругъ обмановъ, интригъ, блистательныхъ пороковъ и преступленій; судьба, — въ лицѣ моей повелительницы, благодѣтельницы, матери почти, — привела меня шутить и смѣяться надъ тѣмъ, кто для меня милѣе и дороже всѣхъ въ этомъ мѣрѣ; но развѣ мнѣ легко это, развѣ я торжествую, развѣ не шучу и не смѣюсь въ тоже время сама надъ собою.... *(Плачетъ и читаетъ.)*

- Она терзаетъ грудь, томится и дрожить;
- Унылымъ жалобамъ и лѣсь, и доль внимають;
- Отъ сна возсталъ ночь и вмѣстѣ съ ней гру-

стнть,

- И жалобамъ ея печально отвѣчаетъ.
- Увы! твердить она: о горе, горе мнѣ!
- И эхо вторить ей: «о горе!» въ тишинѣ!
- И слышитъ, бѣдная, таинственные звуки,
- Въ нихъ состраданіе ей тихо говорить,
- И лаской живую они смягчаютъ муки,
- И ночь печальная скорѣе пролетитъ....
- О, горе! вновь она твердить съ слезой во взорѣ,
- И эхо дальнихъ горъ ей вторить: горе, горе...

(бросил книгу.)

Горе и тебѣ, Эми, горе! Но оставленная Венера была чиста и невинна передъ жестокосердымъ Адонисомъ; а ты?... прежде нежели узвалъ, прежде нежели увидалъ тебя любимый тобою, ты уже преступна передъ нимъ. Горе тебѣ, Эми, вдвое горе! *(Заливается слезами; входитъ Блаундъ.)*

==

ЯВЛЕНІЕ II.

Блаундъ и Эми Грей.

Блаундъ, (въ дверяхъ.) Боги, богини, приличіе, вѣжливость, этикетъ придворный — все на помощь! *(Идетъ скоро и вывернувъ ноги.)* Покровительства, миссъ Грей, прошу покровительства! Защитите меня.

Эми Грей, (встревожившись и вставъ съ мѣста.) Что вамъ угодно, Блаундъ?

Блаундъ, (не взглянувъ на нее, кланяется церемоніально.) Вы.... *(взглянувъ),* вы плакали....

Эми Грей. Да плакала; что жъ такое?

Блаундъ. Какъ что жъ такое, прелестная нимфа? Я это зналъ, я предчувствовала.... Молва всегда услужливая, молва на своихъ.... своихъ.... Шекспиръ на помощь!.... На своихъ стрекозиныхъ крыльяхъ донесла уже до васъ горестную вѣсть о моемъ несчастіи, и сострадательная Эхо не могла остаться равнодушною къ плачевной судьбѣ Нарциса: отозвалась на грусть его, заплакала....

Эми Грей, (перебивая.) Я васъ не повижаю, Блаундъ....

Блаундъ. Не понимаете, прелестная нимфа; вотъ въ чемъ и все преступленіе Нарциса, что онъ недоволенъ еще посвященъ въ таинства языка и образа жизни боговъ и богинь, плохо знаетъ мифологию, миссъ Эми, за то и наказанъ....

Эми Грей, (съ нетерпѣніемъ.) Пожалуйста, Блаундъ, или я уйду, или го-

ворите ясъе, что вамъ угодно; говорите просто....

Блаундъ, (перебивая.) Просто? вы позволяете говорить просто? вы приказываете? Блаундъ, слышишь ли? говори просто.... Такъ знайте же миссъ Грей, что старшаго въ родѣ своемъ дворянина Ярмутъ-Ширскаго, громомъ прозваннаго въ пяти кампаніяхъ, побѣдителя ирландскаго, вѣрнаго и честнаго слугу королевскаго — меня, Блаунда, выгнали изъ службы за то, что я черезъ чуръ ужъ видно вѣрнѣй слуга ея величеству; за то, что, исполняя долгъ свой, какъ начальникъ пансіонеровъ дворцовыхъ, и открылъ тайное и неприличное свиданіе какихъ-то двухъ любовниковъ въ аллеѣ парка Виндзорскаго; арестовалъ одного изъ нихъ, по видимому, не болѣе, какъ бродягу уличнаго, и обошелся безъ должныхъ церемоній съ другой, вѣроятно, хоть и дамой, но дамой, простите меня, миссъ, хоть и примѣрнаго, но, простите меня, миссъ, примѣрнаго въ дурномъ смыслѣ поведенія....

Эми Грей, (встревожившись.) Кто былъ первый.... вы знаете?....

Блаундъ. По платью и ухваткамъ долженъ быть комедіантъ.....

Эми Грей, (въ волненіи.) Онъ арестованъ?....

Блаундъ. Освобожденъ, освобожденъ, миссъ; черезъ пять минутъ послѣдовало его и мое освобожденіе: его отъ ареста, мое отъ службы; онъ былъ выпущенъ, я отставленъ. Я.... я.... Блаундъ отставленъ; выгнанъ.... за что, миссъ Грей, за что эта немилость?.... За мою службу, за честное поведеніе, за подвиги храбраго капитана въ рядахъ графа Эссекса; но, къ черту ихъ! Извините, миссъ.... къ черту мои походы, мои раны и смѣлыя стычки съ кернерами ирландскими! Къ черту, говорю, мои заслуги! Отозвали меня отъ бивачной жизни, отъ этой вольной, славной жизни; отучили отъ любимыхъ привычекъ —

браниться, курить табакъ, ѣсть копченую рыбу, даже пить обычную чарку водки, взяли въ Лондонъ и, во что бы ни стало, приказали сдѣлаться щеголемъ, и я ли не рвался исполнять приказанія!.... По цѣлымъ днямъ, бывало, кривлялся передъ зеркалами въ галлерейхъ Виндзорскихъ и учился стоять, ходить и кланяться; выучился ли я? знаютъ протѣ другіе; старался ли я? знаютъ мои ноги, которыхъ я самъ не узнаю болѣе: они были прямы, миссъ, прямы, какъ моя честь и шпага, теперь что они? Ножницы портнаго: ходятъ врозь и съ вывертомъ; перердидилъ я ихъ тоже красиво: изъ сапоговъ, широкихъ, походныхъ сапоговъ, въ башмаки узкіе и тѣсныя; ношу и плачу.... даже другимъ жалко; изъ шпоры, рыцарской шпоры, въ ленты и банты; смотрю и краснѣю, самому даже совѣстно....

Эми Грей, (перебивая.) Трогательныя воспоминавія....

Блаундъ. Да, да, миссъ, точно трогательныя; но не конецъ еще преобразованію Блаунда: стали пересаживать къ намъ все чужое — и политику, и нравы, и обычаи, и привычки, даже рѣчи итальянскія; захотѣли, чтобы всѣ приняли ихъ, учились имъ, и бѣдный Блаундъ день и ночь ломалъ языкъ свой и память; читалъ по складамъ Маккиавеля, слова не понимая; пѣлъ октавы Петрарки и Тасса, тоже съ грѣхомъ пополамъ, въ носъ, сберегая ротъ и зубы для роднаго англійскаго. Вошли въ обычай греческія и другія ибжности; явились Марловъ, Спенсеръ и наконецъ убійственныи Шекспиръ; всѣ заговорили по ихъ книгамъ, что же Блаундъ — смутился? Ни чуть не бывало; выучилъ наизусть отъ доски до доски и похищеніе Елены, и королеву Фей, и Венеру и Адониса — и къ дѣлу, не къ дѣлу душитъ стихами, даже цѣлыми строфами изъ бредней этихъ господъ писателей. Угодно, миссъ, испытайте меня?....

Эми Грей. Блаундъ, я васъ отъ души жалю....

Блаундъ, (перебивая.) Знаю, знаю, добрая миссъ Грей.... знаю....

Эми Грей. Пожалуйте жеи вы меня....

Блаундъ, (съ участіемъ.) Какимъ образомъ, миссъ?....

Эми Грей. Избавьте меня отъ вашихъ скучныхъ подробностей....

Блаундъ. Но не вы ли позволили мнѣ высказать вамъ мое горе просто, или вамъ можетъ быть угодно, чтобъ я заговорилъ снова по столичному: готовъ... *(Становится въ позицію)* Прелестная нимфа Эхо....

Эми Грей, (съ досадой.) Вы, Блаундъ, выводите меня изъ терпѣнія вашими нѣжностями, оставьте ихъ и скажите коротко и ясно, чѣмъ могу я пособить вамъ въ бѣдѣ?

Блаундъ. Вы? вы можете все: во-первыхъ, возвратитъ мнѣ милость королевы, — ваше предстательство важнѣе предстательства всѣхъ перовъ вмѣстѣ; во-вторыхъ, миссъ, во-вторыхъ... *(конфузится)* я... я... А, да что такое, Господи мой! Я все таки солдатъ въ душѣ и скажу вамъ откровенно: вы единственная женщина изъ всѣхъ, которыхъ зналъ я; вы мнѣ нравитесь; вы меня съ ума сводите; я... я... выражусь по старому, — влюбленъ въ васъ отъ шпоры до каски, сдѣлайте меня счастливымъ: будьте моею женою. Тогда Богъ съ вами — и съ прежнимъ званіемъ начальника пансіонеровъ королевскихъ, и съ придворнымъ церемоніаломъ; мы бросимъ все и пойдемъ наслаждаться жизнью въ мои ярутскія помѣстья. Миссъ Грей, жду у ногъ вашихъ отвѣта.... *(бросается на колѣна; входитъ Генри и останавливается въ дверяхъ.)*

Эми Грей, (съ возможнымъ спокойствіемъ и гладнокровіемъ, и не видя Генри.) За первое, мастеръ Блаундъ, я возьмусь охотно; пусть утихнетъ только гнѣвъ королевы; за второе — я не ру-

чаюсь, чтобъ ея величество для васъ однихъ сдѣлала исключеніе, которое можетъ быть вредно для ея пововведеній; на третье... *(смѣется.)*

Блаундъ, (перебивая.) На третье, миссъ?

Эми Грей, На третье.... *(присѣдаетъ и кланяется церемоніально.)*

Блаундъ, (вскакивая съ колынь.) Говорите, говорите, миссъ....

Эми Грей. На третье нимфа Эхо, во всемъ покорная вельніямъ раздраженной Юноны, не властна отвѣчать сама, *(снова кланяется и присѣдаетъ.)* и потому просить Нарциса обратиться къ ея всеильной повелительницѣ; *(кланяется и присѣдаетъ),* а до тѣхъ поръ, повинуюсь судьбѣ своей, находить не приличнымъ оставаться съ нимъ долѣ... *(Показываетъ на дверь, видитъ Генри и млынетъ толкъ.)* Да, вы и позабыли, мастеръ Блаундъ, что настоящий Нарцисъ не ухаживалъ за Эхо, напротивъ, Эхо преслѣдовала его; а отъ фальшивой Эхо, фальшивый Нарцисъ врядъ ли дождется чего нибудь другаго, кромѣ церемоніальныхъ проводовъ.... *(Смѣется, присѣдаетъ и кланяется; Блаундъ въ смущеніи, заикаясь, раскланивается тоже и отодвигаясь къ дверямъ сталкивается съ Генри, который передразнивая его и обращаясь къ Эми Грей, также раскланивается и расшаркивается церемоніально.)*

Блаундъ, (въ дверяхъ.) Проклятыя приличія! вы губите Блаунда.... *(Уходитъ.)*

=

ЯВЛЕНІЕ III.

Эми Грей и Генри.

Эми Грей, (тихо.) Одного избавилась, другой, какъ будто на смѣну.... *(громко)* Что вамъ угодно, сиръ Генри?

Генри, (тихо.) Такъ ли меня спрашивали прежде? Та ли это, Эми? *(Гром-*

ко) съ повелѣніемъ королевы, миссъ: ея величество ожидаетъ васъ въ паркѣ.

Эми Грей, (встревожившись.) Ожидаетъ уже?

Генри. Будетъ ожидать чрезъ полчаса....

Эми Грей. Глупая шутка.... Черезъ полчаса?... Къ чему вы такъ поторопились?....

Генри. Я не шутилъ, миссъ Грей, я хотѣлъ предупредить васъ; думалъ прислужиться....

Эми Грей, (сухо.) Благодарю покорно.

Генри, (тихо.) Какъ это сухо, насмѣшливо, презрительно.... Боже мой! за что она такъ обращается съ Генри, который любилъ ее мальчикомъ, который любить и до сихъ поръ еще страстно!

Эми Грей. Что вы тамъ шепчете?... Вотъ прекрасно.... притти къ дѣлу и разговаривать съ самимъ собою — вѣжливо очень.... что вы говорили?....

Генри. Ничего, миссъ Грей, ничего.... я вспоминалъ велухъ, что было три года назадъ и что теперь; вашъ тринадцатилѣтній возрастъ и настоящій....

Эми Грей. И что же?....

Генри. Вижу не большую разницу....

Эми Грей. Не мудрено, я была тогда ребенкомъ....

Генри, (перебивая.) А теперь вы дама и очень важная дама, до которой нѣтъ доступа ни кому; а сверстнику, братцу Генри, какъ называли меня нѣкогда, и подавно....

Эми Грей, (съ участием.) Нѣтъ, Генри! нѣтъ, я и теперь... *(останавливается)* иногда разговариваю съ вами.

Генри. Только-то? А прежде?....

Эми Грей, (перебивая.) Прежде какъ дѣти, мы бѣгали съ вами по аллеямъ парка, бросались цвѣтами, брызгались у фонтановъ; прежде я каталась одна по Темзѣ, рѣзвилась, шалила, теперь...

Генри, (перебивая.) Не то, не то,

миссъ Грей: прежде вы меня любили, любили нѣжно, страстно, а теперь...

Эми Грей. И теперь...

Генри, (въ восторгѣ.) Любите такъ же?...

Эми Грей. Люблю, но не такъ же... Оставимъ этотъ разговоръ, Генри... *(Идетъ къ столу, садится, беретъ книгу и читаетъ.)*

Генри, (тихо.) Измѣнница! коварная! не стоишь ли ты всего презрѣнія Генри? не стоишь ли ты, чтобы въ отчаяніи, въ порывѣ оскорбленной страсти, онъ разгромилъ тебя упреками, жестокая... Нѣтъ Генри, успокойся, успокойся, отпусти измѣнницу, отпусти хладнокровно... *(громко.)* Что вы читаете, миссъ?...

Эми Грей. Шекспира.

Генри. И вамъ не скучно?

Эми Грей. Всѣ веселье, чѣмъ говорить иногда, и говорить о вздорахъ...

Генри, (тихо.) О вздорахъ... жестокая!

Эми Грей, (читая.) Что?

Генри. А мнѣ такъ онъ наобѣлъ жестоко...

Эми Грей. Не мудрено: вы будущій владѣлецъ девонширскій; вамъ самимъ пріятнѣе охотиться съ собаками, рыскать за оленемъ, чѣмъ читать божественный описанія охоты Адониса...

Генри, (тихо.) Хорошо миссъ, хорошо! Я отмишу вамъ и за эту насмѣшку... *(громко.)* Такъ вы читаете Венеру и Адониса?

Эми Грей, (отрывисто и читая.) Да...

Генри. Въ первый разъ?

Эми Грей. Въ первый...

Генри. А знаете ли чѣмъ кончится?

Эми Грей. Не знаю, не говорите...

Генри. Такъ скажу же... *(Подбѣгаетъ къ Грей и наклоняясь почти на ухо.)* Адониса заѣсть кабанъ... *(отвернувшись.)* Отметилъ...

Эми Грей. Вы съ ума сошли, вы забылись... *(Встаетъ.)*

Генри, (отскакиваетъ и разкланивался)

почтительно, церомоніально). Полчаса прошло, миссъ: королева изволить ожидать васъ...

Эми Грей, (разсердившись). Знаю, знаю, что она ждетъ меня, я увижу ее, я... (Остонавливается и спокойнѣе). За что же жаловаться на шутку, за что требовать наказанія, когда я сама готова, иду шутить, и, Эми, далеко вреднѣе, далеко преступнѣе... (Ласково, обращаясь къ Генри). Ступайте Генри, я сейчасъ буду... (Идетъ въ боковую комнату, Генри остается).

Генри, (одинъ). Ей стало жаль меня... Она любитъ еще Генри... (Эми возвращается съ маской и плащемъ).

Эми Грей, (не замѣчая Генри, въ волненіи). Нѣтъ, нѣтъ! я не въ силахъ притвориться, не въ силахъ шутить надъ поэтомъ, котораго люблю больше жизни, люблю еще безъ взаимности, люблю за одни его чувства, мысли, за его свѣтлую душу. Нѣтъ, Елисавета! нѣтъ: не помогать твоей капризной, своеправной шуткѣ иду я на свиданье съ поэтомъ; а высказать чистую, дѣвственную любовь и умоляю мое сердце, совѣсть, умоляю все въ мірѣ удержатъ меня отъ преступленья, даже тебя маска, тебя заклинаю: не скрывай моего стыда, изблочи меня, сорвись въ минуту лжи и обмана... (Оборачивается и увидѣвъ Генри). Онъ здѣсь еще! онъ подслушалъ меня... (Зоветъ). Генри!

Генри. Миссъ?...

Эми Грей, (въ смущеніи, тихо). Просить ли его скрыть, молчать о моей тайнѣ?... или... нѣтъ, рѣшено: не хочу увижаться... Эми дорожить мнѣніемъ одного только человека... (Громко). Пойдемте... (Уходитъ).

Генри, (пропустивъ ее и останоившись въ дверяхъ). Такъ вотъ кто счастливъ, вотъ кто соперникъ Генри!... Поэтъ-мечтатель, вы и не думаете объ вашихъ успѣхахъ...

Эми Грей, (за кулисами). Генри!

Генри. Вы и не подозреваете тайныхъ друзей вашихъ...

Эми Грей. Генри!

Генри. Вы ихъ и узнаете, да поздно. За это ручается вамъ пажъ Елисаветы...

Эми Грей. Генри! Генри!

Генри. Сейчасъ! сейчасъ, измѣнница!

(Уходитъ).

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

Декорация Виндзорскаго парка.

Шекспиръ, потомъ Елисавета и Эми Грей.

Шекспиръ, (сидя на дерновой скамьѣ около беспѣдки). Ночь, подруга дня, ты неподкупная свидѣтельница тайныхъ думъ поэта; твоими черными очами ты смотришь и слѣдишь за приливами и отливами, волненьями и бурями, что иногда бушуютъ въ этомъ широкомъ морѣ, въ этой необъятной душѣ, тебѣ преданнаго поэта; ты какъ поцѣлуемъ любовнымъ освѣжаешь твоею прохладою палящій жаръ его мечтаній, его раздражительныхъ желаній, ты приносишь покой поэту... Ты разрушаешь его сомнѣнья хоть на мигъ твоими чарующими снами, ты облегчаешь его страданія, положимъ, что безъ видимыхъ причинъ; его мученья, пускай безъ явныхъ орудій пытки, но не менѣе отъ того страданья и мученья,—ты одна не сомнѣваешься въ этомъ; внимаешь его жалобамъ, и плачу и безъ распросовъ, не выбалтывая ни участя, ни не доверчивости, ты осѣняешь его своимъ широкимъ, тѣнистымъ крыломъ: и дитя мечты, дитя поэзии засыпаетъ безмятежно, какъ первенецъ съ колыбели подъ нѣжную пѣсню заботливой матери... Благодарю тебя ночь, благодарю за всѣхъ призрѣнныхъ тобою поэтовъ... (Встаетъ; въ глубинѣ показываются въ это время Елисавета и Эми). Но сегодня благотворительница наша, поэтъ ничѣмъ не огорчить

тебя, ничѣмъ не нарушить твоего царственнаго величія, онъ принесетъ тебѣ одну лишь радость, одинъ лишь тихіе восторги любви, которыми переполнена душа его; онъ выскажетъ отрадную вѣсть его обновленія, онъ назоветъ тебѣ то дивное созданіе, которое взялось за подвигъ обновленія; покажетъ тебѣ ее и будетъ молить объ одномъ подругу дня, — не позабывать подругѣ поэта...

Елисавета, (толкая Эми). Послушаемъ, послушаемъ, любезностей поэта и посмотримъ хорошо ли затвердила урокъ моя ученица, не забудь же условнаго знака: «розы и маска!» *(Скрывается въ кустахъ.)*

Шекспиръ, (обернувшись и увидѣвъ Эми, въ поэтическомъ восторгѣ.)

Вотъ она, звезда поэта!
Диво, чудо красоты!
Вся изъ блеска, вся изъ свѣта,
Гостыя горней высоты!
Ты надолго ли слетѣла,
Лучезарная звезда?
И оттуда, гдѣ горѣла,
Кто прислалъ тебя сюда?...
(останавливается.)
Ты слетѣла на мгновенье,
По велѣнію Творца:
Зажигай же вдохновенье,
Прольвай же утѣшенье
Въ сердце бѣднаго пѣвца...

Эми Грей, (подбѣгаетъ и бросается передъ нимъ на колѣни). Простите, простите великій поэтъ! Я виновата передъ вами...

Шекспиръ. Кто? вы? *(поднимаетъ ее съ колѣнъ).* За что же, за что такъ жестоко смѣяться надо мною?...

Эми Грей. Не я... не я изобрѣтательница, не я главная виновница...

Шекспиръ, (перебивая). Знаю, знаю и прошу заранее простить главнаго преступника, онъ не успѣлъ еще умножить вашего справедливаго гнѣва, не успѣлъ вымолить вашего прощенія, онъ...

Эми Грей, (въ недоумѣніи). Вы знаете кто онъ?...

Шекспиръ, (падая на колѣно). Онъ — у ногъ вашихъ...

Эми Грей, (въ волненіи, тихо). Боже мой! я не могу, я не смѣю высказать истины... *(громко).* Великій поэтъ у ногъ обыкновенной женщины! Встаньте, Вилліамъ! заклинаясь, встаньте!..

Голосъ Елисаветы. Bravo, bravo, юная ученица, хоть бы и учителю...

Эми Грей, (услышавъ). О, Боже! *(шопотомъ).* Вилліамъ, Вилліамъ! отойдемъ отсюда... *(беретъ за руку Шекспира и ведетъ его поспѣшно къ дерновой скамейкѣ; останавливается и продолжаетъ говорить шопотомъ).* Тамъ, *(показывая на прежнее мѣсто),* тамъ духи подземные могли бы подслушать небесный говоръ чистаго гения и заглушить его своимъ адскимъ хохотомъ, тамъ за каждымъ кустомъ, за каждой розой можетъ таиться слухъ предателя и бросить на посмѣянье обыкновеннымъ смертнымъ слова любви, слова райскаго блаженства изъ устъ безсмертнаго. Эми скрывается въ цвѣтникъ розъ, люди смѣются тому, чего они понимать не въ силахъ: не въ первый разъ, Вилліамъ, не въ первый разъ... *(Садится на скамейку, не выпуская руки Шекспира).* Я спокойнѣе здѣсь...

Шекспиръ. Скажите мнѣ, скажите, что тревожитъ васъ? О! вчера вы были равнодушнѣе; вы даже шутили, смѣялись...

Эми Грей, (снова въ волненіи). Я?... я?... когда поэтъ? вчера, говорите вы... Нѣтъ, Вилліамъ, нѣтъ!... А!... *(встаетъ поспѣшно съ мѣста).* Помню... помню роковое свиданіе... Забудьте его, Вилліамъ, забудьте, какъ бы не было вчерашняго свиданія... какъ бы не та женщина была передъ вами... О, Вилліамъ, простите меня за все, что говорила, что сдѣлала, чѣмъ оскорбляла васъ вчера... Вчера я была горда, своевольна, самолюбива и никому бы въ мірѣ не усту-

пила первенства... Вчера я была просто придворной дамой и вбродячю старалась завлечь васъ въ сѣти, такъ, для шутки... О! вчера я была готова изъ моихъ ничтожныхъ титуловъ сковать нечтожнй вѣнецъ и накрыть имъ вѣнецъ безсмертія великаго поэта... А нынче... нынче... я прошу васъ взглянуть на меня привѣтливо, взглянуть съ любовію и за чувство... (*останавливается*). награждать хоть дружбою поэта...

Шекспиръ, (въ восторгъ). Дружбою? простою дружбою? Нѣтъ, нѣтъ! нѣтъ! дѣлится поэтъ: за любовь—возьмите любовь, за страсть—страсть и за одинъ мигъ блаженства—всю жизнь, чувства, душу, всю вѣчность памяти о немъ...

Эми Грей, (въ страхъ). Тсъ!... тише... она подслушаетъ...

Шекспиръ, (въ недоумѣніи). Кто, кто подслушаетъ?...

Эми Грей, (въ отчаяніи). Она... что я дѣлаю, несчастная!.. Я погибну... Защитите меня, защитите, Вилліамъ! (*прижимается къ Шекспиру*). Она готова очернить меня перель людьми, перель цѣлымъ міромъ... Раздраженная, она готова медленно свести меня въ могилу, по капль выточить кровь мою. О! она готова на все!...

Шекспиръ. Кто, кто она?... Скажите мнѣ, закликаю скажите?...

Голосъ Елисаветы. Розы и маска!

Эми Грей, (въ ужасъ отодвигаясь отъ Шекспира и показывая на розовые кусты). Она... она.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Театръ представляетъ небольшую галерею въ замкѣ Сутгамтона, за нею видна танцевальная зала, блистательно освѣщенная. Королева и весь дворъ на балѣ, вдали мелькаютъ пары танцующихъ. Дѣйствіе въ Лондонѣ, годъ спустя.

ЯВЛЕНІЕ I.

Генри, (входя поспѣшно съ радостнымъ лицемъ). Торжествуй, Генри, торжествуй! Нынче праздникъ для твоего ревниваго чувства, кажется, въ полномъ смыслѣ пробный день твоей смѣтки и готовности всегда быть послушнымъ волю королевской. Шекспиръ приглашенъ на балъ къ графу. Эми здѣсь уже,—они могутъ встрѣтиться... Не допускай ихъ до этой встрѣчи, Генри! слѣди за ними, какъ слѣдилъ цѣлый годъ. Но пусть случится и эта встрѣча, самая нежданная, встрѣча гдѣ бы то не было, все ничего, лишь бы безъ объясненій, вотъ главное... И для того, мѣшай имъ Генри, не теряй ихъ изъ виду, ревнуй и бодрствуй, и будь вполне достоинъ

добренности, избравшей тебя въ почетное званіе... какъ бы поблагороднѣе назвать его?... Положимъ хоть званье наблюдателя за двумя несчастными любовниками... Къ этой обязанности ты можешь прибавить, изъ усердія къ твоей собственной ревности и оскорбленному самолюбію, что нибудь и новелькое: родить надежду, на примѣръ, и разрушить ее; или пробудить сомнѣнье, и потомъ смѣнить его убѣжденіемъ, но тогда уже, когда нельзя будетъ исправить дѣла, наконецъ даже позволить имъ сойтись, но для того развѣ, чтобы разлучить и разлучить навсегда, если можно... (*Показываются лордъ Книгдомъ и лордъ Честеръ; увидѣвъ ихъ*). Еще балльные гости... (*тихо*). Поздненько, господа... Какъ бы кому изъ васъ

не угодить въ ночной караулъ по Тем-отнимаешь охоту не только убивать, по
зѣ.. Королева полчаса ужъ какъ тутъ... даже не любить и вредить ближнему. (Вхо-
Къ дѣлу Геври, къ дѣлу! (Уходитъ). дятъ лордъ Дерби, и лордъ Броуль).

ЯВЛЕНІЕ II.

Лордъ Киинсдомъ и лордъ Честеръ.

Лордъ Киинсдомъ. Чудо, диво Гамлетъ! только что изъ Блакъ-Фріара. Ахъ, Чарльсъ, Чарльсъ! что ты отнялъ самъ у себя такъ даромъ, изъ пустаго каприза, изъ упрямства? Ты вообразить себя не можешь, что такое первое представленіе Гамлета...

Лордъ Честеръ, (съ гордостію). Для меня нѣтъ ни перваго, ни послѣдующихъ, ни послѣдняго. Я не былъ свидѣтелемъ триумфа Шекспира, потому что чувство личнаго оскорбленія не поладило бы, можетъ быть, со всеобщимъ восторгомъ.

Лордъ Киинсдомъ. Ты позабылся бы, Чарльсъ, увѣряю тебя.

Лордъ Честеръ. Врядъ ли.

Лордъ Киинсдомъ. Клянусь тебя, Чарльсъ! Взглянувъ на Гамлета, передъ твоимъ колоссомъ вражды къ людямъ, къ близкимъ, къ міру цѣлому—твоя шпатожила испавнеть, твоя ничтожная вражда исчезла бы, поблѣднѣла; въ ужасѣ ты самъ позабылъ бы все прежнее и изъ страха сталъ бы снова уважать и любить творца этого непостижимо високаго создавія. Я не говорю о характерахъ самого Гамлета, Офеліи, Полопія, не говорю о сценѣ молитвы Клавдія, сценѣ могильщиковъ,—я назову только ужасную, грозную сцену развязки: кровь льется, трупы лежатъ во прахѣ, а вражда еще посится пасть вами, обитаетъ въ юдоли смерти... Страшно, Чарльсъ! страшно! волосы становятся дыбомъ.

Лордъ Честеръ. Какъ отъ всякой рѣзни...

Лордъ Киинсдомъ. Нѣтъ, не рѣзни просто, а истребленія, зрѣлище котораго

ЯВЛЕНІЕ III.

Лордъ Дерби, лордъ Броуль и прежніе.

Лордъ Дерби. А! Киинсдомъ, Честеръ! здравствуйте, милорды; о чемъ такъ горячо спорите?

Лордъ Честеръ. Ни о чемъ...

Лордъ Киинсдомъ, (взглянувъ съ неудовольствіемъ на лорда Честера). О Гамлетѣ.

Лордъ дерби. Удивляюсь, какъ можно спорить: одно слово—чудо да и только...

Лордъ Броуль. Да за то же была и почесть творцу этого превосходнаго созданья. Ты не видалъ, Честеръ, стало быть не можешь и представить, что дѣлалось въ Блакъ-Фріарѣ. Дамы вывѣшивались изъ ложъ, сыпали цветы, рукоплескали. Сама королева даже, привставъ, кричала «браво! браво!» А толпа бросала трубки, стаканы съ виномъ и водкой, ревѣла, стонала, бѣсновалась и наконецъ, позабывъ все, въ исступствѣ, кинулась на театральные подмостки и при громѣ криковъ и рукоплесканій, среди всеобщаго восторга, вытащила на сцену споконнаго, задумчиваго Шекспира... (Входитъ Генри).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Генри и прежніе.

Генри. Танцы начались, милорды.

Лорды. Начались? начались?

Лордъ Дерби. Я танцую противъ королевъ... (уходитъ).

Лордъ Честеръ. Моя дама ищетъ меня... (уходитъ).

Лордъ Броуль. И моя также; хороши же мы... (уходитъ).

Лордъ Киинсдомъ. Какъ эти люди могутъ танцовать послѣ Гамлета... (уходитъ).

Генри, (однѣ). Отправились. Добрый путь, господа... Гдѣ это Эми? Ея нѣтъ въ танцевальной залѣ. Одна гдѣ нибудь бродить съ своимъ горемъ, съ своей томительной мечтою. Ага, миссъ Эми! узнали какво любить и страдать... *(Слышны шаги).* Чу! идетъ кто-то... Не она ли?... Подсматривать первое правило тактики твоей, Генри, подслушивать — второе... *(Оглядывается вокругъ и видитъ опущенный занавѣсъ).* А, кстати и мѣсто готово... *(бѣжитъ къ занавѣсу и прячется. Входитъ Шекспиръ).*

Генри, (раскрывъ слегка занавѣсъ и увидѣвъ Шекспира, тихо). Не голубка полстрѣленная, а самъ соколъ... Генри, держи ухо востро!... *(Снова прячется).*

=

ЯВЛЕНІЕ V.

Шекспиръ, (въ задумчивости, и грусти). И годъ какъ мигъ, какъ будто бы вчера разстался я съ нею. Ищу небеснаго созданія, ищу потеряннаго рая и не нахожу его. Куда ты унеслась, посланница неба? Куда сокрылась ты?... Знаю, знаю, ангелъ жизни, ты прилеталъ на мгновенье къ одинокому поэту, на мгновенье утолил тоску и грусть его и отлетѣлъ снова въ твою горнюю родину. Нѣтъ... нѣтъ... ты не житель неба: въ твоихъ словахъ, въ твоёмъ привѣтѣ была любовь мірская, въ твоихъ волненіяхъ кипѣла страсть земная, ты лучшая только половина человека, ты женщина, ты женщина этого міра. Но гдѣ же ты?.. гдѣ я найду тебя?... Холодная толпа савинулась и заключила въ своихъ цѣпевичихъ объятіяхъ мою избранницу, люди позавидовали счастью поэта и, скрывъ ее, хотѣли разрушить это счастье... Люди! вы дарите меня рукоплесканьями за мой старательный трудъ утѣшать васъ; судьба! ты можешь быть готовишь мнѣ славу за мой послѣдній подвигъ: не пало мнѣ ни ру-

коплесканій, ни славы, отдайте мнѣ скрытое вами сокровище, отдайте мнѣ мою женщину... молю васъ... молю со слезами... *(Плачетъ, закрывъ лице руками. Изъ танцевальной залы показывается Эми. Шекспиръ услышавъ шаги).* Идутъ... могутъ подмѣтить грусть мою... подслушать горе... Нѣтъ нѣтъ... слезы мои, васъ не увидятъ люди... *(Оборачивается).*

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ШЕКСПИРЪ и ЭМИ.

Эми Грей, (увидавъ Шекспира, тихо). Шекспиръ! онъ здѣсь...

Генри, (за занавѣской, тихо). Вниманье, вниманье, Генри...

Шекспиръ, (про себя). То же женщина, но не женщина Шекспира, она то же ищетъ кого-то, но можетъ быть не болѣе какъ своего кавалера въ танцахъ... *(Хочетъ идти).*

Эми Грей, (поспѣшно подойдя къ нему). Вы... вы не танцуете?...

Шекспиръ, (съ улыбкой). Никогда, миледи, никогда...

Эми Грей, (тихо). Что сказать ему? съ чего начать?...

Шекспиръ. Вы принимаете меня, вѣроятно, за другаго, миледи...

Эми Грей, (перебивая). Нѣтъ, я васъ знаю, знаю...

Генри, (за занавѣской, тихо). Не пора ли, Генри?...

Шекспиръ, (про себя). Знаетъ и чуть не предлагаетъ мнѣ танцевать съ собою... *(Улыбается; промолко).* Нѣтъ, миледи, вы ошиблись, вы меня не знаете... *(Является Блаудъ, Шекспиръ показывал на него).* Вотъ, можетъ быть, тотъ кавалеръ, за котораго вы меня приняли... *(Отходитъ).*

Генри, (за занавѣской, тихо). Само собою уладилось...

Эми Грей, (съ чувствомъ). Боже! онъ же узнаетъ меня, не узнаетъ, и я не смѣю

напомнить нашей встрѣчи, не смѣю назвать ему своего имени... Опъ смѣется падомною, презираетъ, можетъ быть, меня какъ свѣтскую, пустую, ничтожную женщину... Нѣтъ Вилліамъ! все снесу, кромѣ твоего презрѣнія; я откроюсь, я назовусь ему... Гдѣ онъ?... гдѣ?...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Блаундъ и прежніе.

Блаундъ. Здѣсь, миссъ, здѣсь... Я искалъ васъ по вѣсѣмъ заламъ, какъ Троилъ... вздоръ, вы позволили мнѣ говорить съ вами просто. Я искалъ васъ какъ человекъ, который ищетъ кого вибудъ, искалъ и очень радъ, что наконецъ нашелъ.

Эми Грей. Опять препятствіе, опять невозможность объясниться съ нимъ...

Блаундъ. Съ кѣмъ, миссъ, съ кѣмъ?... Вы молчите, это обыкновенно. Что случилось съ вами съ нѣкотораго времени не понимаю, миссъ. Съ приключенія въ Виндзорскомъ паркѣ, (*Шекспиръ, разсматривая картины, вслушивается*) про которое весь дворъ говоритъ тайкомъ, и въ которомъ вы принимали участіе, кажется, васъ узнать нельзя. Съ вами говорятъ, вы не отвѣчаете, вамъ отвѣчаютъ, вы не слушаете, съ вами не говорятъ вы разговариваете сами съ собою. Если есть у васъ грусть какая вибудъ, горе тайное — почему бы не сказать мнѣ. Я, право, добрый человекъ... преданный вамъ, вѣсѣмъ обязанный, вѣсѣмъ; вѣдь я это чувствую, я помню, я вижу: вы возвратили мнѣ и милость королевы, прежнее мѣсто, и прежнія надежды по крайней мѣрѣ вы, вы королева не прочь отъ моего предложенія, не разрушаете моего счастья, даже не отсрочиваете уже болѣе дня блаженства...

Шекспиръ, (про себя.) И они иногда говорятъ съ чувствомъ...

Эми Грей, (нетерпѣливо.) Какого дня?...

Блаундъ. О, миссъ! лучшаго дня въ моей жизни, отъ котораго я съ ума схожу, по неволѣ заговариваюсь какъ боги и богини Греціи, о которомъ тоскую я какъ Нарцисъ съ Полиемомъ, и отъ котораго прыгаю иногда, какъ всѣ Фавны вмѣстѣ...

Эми Грей, (съ возрастающимъ нетерпѣніемъ). Какого дня, Блаундъ?...

Блаундъ. Дня нашей свадьбы. Тогда, какъ водится, миссъ, вы должны же будете высказать мнѣ вѣсѣ ваши заветныя тайны, вѣсѣ радости, вѣсѣ горе, вѣсѣ печали, все, все словомъ; такъ не лучше ли заблаговременно. Не много осталось, день счастья близокъ...

Эми Грей, (перебивая). Блаундъ, вы недождетесь этого дня, его никогда не будетъ...

Блаундъ. Почему?

Эми. Потому, что безъ любви, нѣтъ счастья въ брачной жизни, а я васъ не люблю, я люблю другаго...

Блаундъ. Кого же, миссъ?

Шекспиръ, (вслушиваясь и тихо). Я дѣлаюся противъ воли повѣренномъ чужой тайны...

Эми Грей, (съ грустью). О! я люблю того, кто не знаетъ меня, не замѣчаетъ, смѣшиваешь съ толпой и никогда не вызоветъ изъ нея, никогда не позаветъ своею...

Шекспиръ, (съ напряженнымъ вниманіемъ, тихо). Знакомый говоръ... знакомыя чувства...

Блаундъ. Такъ за что же вы любите?..

Эми Грей, (съ душевною скорбью). Тотъ, кто видить сердце человека, сердце женщины, Кто влагаетъ въ нихъ чувства и любовь къ прекрасному, Тотъ мнѣ велѣлъ любить его...

Блаундъ. Тотъ влагаетъ одни только тихія и спокойныя чувства, а не мятежныя и разрушительныя (*въ сторону*). Хорошо сказано, Блаундъ! хорошо... (*громко*). И потому ваши чувства, наша любовь происходятъ отъ человека, который васъ ослѣпляетъ и, можетъ быть, не стоитъ ея... (*торжественно*). Превосходно,

Блаундъ, превосходно!... Да, миссъ, не стойтъ ея...

Эми Грей, (съ жаромъ.) Кто? онъ не стойтъ? Онъ, которому нѣтъ равнаго между нами, кто друженъ съ небомъ и его внушеніями, на комъ заранѣ горитъ вѣнецъ безсмертія, скованный любовью народной и всего человечества...

Блаундъ, (перебивая.) Такого нѣтъ, такого нѣтъ челоуѣка, миссъ...

Эми Грей, (съ возрастающимъ жаромъ.) Есть и онъ здѣсь даже...

Шекспиръ, (въ волненіи.) Не сонъ ли это? не обманъ ли чувствъ?...

Блаундъ, (озираясь и не замѣчая Шекспира.) Она заговаривается...

Эми Грей, (съ энтузіазмомъ.) Здѣсь, здѣсь онъ! И вы не замѣчаете, вы не цѣните его, люди!.. Онъ здѣсь, Блаундъ, и я заклинаю васъ не мѣшайте хоть мнѣ искать и находить его, любить... Я заклинаю васъ, Блаундъ, не преслѣдовать меня, оставьте ваши надежды, попытки, заклинаю не мучить меня...

Блаундъ. Миссъ!

Эми Грей. Да, да, Блаундъ! Если есть въ васъ хотя искра благодарности ко мнѣ, хотя капля благородства и рыцарской чести, оставьте ваши преслѣдованія, оставьте меня...

Блаундъ. Извольте, извольте, миссъ! Съ нынѣшняго дня я не подойду къ вамъ... *(Вбѣгаетъ пажъ.)*

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Пажъ и прежніе.

Пажъ. Сирь Блаундъ! Миссъ Грей! скорѣе, скорѣе, васъ ждетъ королева, ждетъ уже въ танцъ... *(убѣгаетъ.)*

Генри, (тихо за занавѣской.) Сама судьба помогаетъ мнѣ...

Блаундъ, (подавал руку.) Въ послѣдній разъ, миссъ... и то по волѣ королевы... *(ведетъ ее.)*

Эми Грей. Желѣзная воля... о, Боже! подкрѣпи меня!...

(Уходитъ поспѣшно.)

Шекспиръ. О, Боже! разрази меня... Это она, она, *(онъ бѣжитъ за нею)* она! *(вдругъ останавливается)* А можетъ быть—не она...

Генри, (показываясь, тихо.) Теперь можно подразнить... *(громко)* Нѣтъ она, сирь Вилліамъ Шекспиръ! она... ваша завѣтная женщина... *(Шекспиръ оборачивается въ противную сторону, Генри выбѣгаетъ изъ комнаты.)*

Шекспиръ, (въ изступленіи.) Демоны ада! вы смѣтаете надъ Вилліамомъ, вы смущаете его! Она... она... говорите вы... Что же ты молчало, сердце? Она была здѣсь, она искала, нашла тебя, а ты молчало, сердце... Она говорила обо мнѣ, говорила съ любовью, съ страстью, съ восторгомъ, не съ нимъ, не съ докучливымъ ея преслѣдователемъ, она говорила со мною, а ты молчало, сердце... Нѣмое, жалкое сердце, гдѣ же твои предвкусенія добра, гдѣ же твои предчувствія?... Проснись, проснись безотвѣтное!.. Помогите хоть разъ братски Вилліаму, помогите найти ее, найти твою же обладательницу... Она здѣсь, здѣсь... на одинъ вздохъ отъ тебя, на одно твое бленіе... *(Хочетъ идти, но вдругъ видитъ снова показывающуюся Эми)* Вотъ она! вотъ она! Благодарю, сердце... *(Останавливается пораженный, на прежнемъ мѣстѣ.)*

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

Шекспиръ и Эми Грей.

Эми Грей, (подходя въ волненіи къ авансценѣ; про себя, но такъ, что Шекспиръ слышитъ.) Пусть замѣтятъ мое отсутствіе, пусть гибнетъ королева... Прочь отъ меня чувство страха... долой цѣпи приличія... ты ихъ разрушила, Эми... Ты достигла своей цѣли; есть случай те-

церь высказать твою душу, твое сердце... Вы вмѣстѣ наковецъ и безъ свидѣтелей... (Въ ужасѣ.) Безъ свидѣтелей... ты одна съ нимъ... съ человѣкомъ, котораго любишь, съ твоимъ тайнымъ... А что скажутъ люди, мнѣные, клевета люскад, дворъ, королева, овъ самъ наковецъ... (Въ отчаяніи.) Эми... Эми... ты погибнешь...

Шекспиръ. Нѣсточно было бы оставаться долѣе... Самому искать, вызвать, можетъ быть, на подвигъ свисходительности женщины, образоваться ея предупредительности и потомъ быть палачемъ ея чести... Нѣтъ, Вилліамъ, это непохоже на тебя... (Идетъ).

Эми Грей, (обращаясь въ волненіи къ Шекспиру). Оставайтесь! оставайтесь!

Шекспиръ, (остановившись). Нѣтъ, миссъ, нѣтъ!... Честь женщины также свѣта для меня, какъ моя собственная. Я не умножу зла зломъ, оставаясь съ вами, не буду точить жала клеветы на счетъ вашихъ же достоинствъ... (Идетъ).

Эми Грей, (съ возрастающимъ волненіемъ). Оставайтесь, я вамъ приказываю... (подбѣгая къ нему) я васъ умоляю.. (удерживая его за руку) оставайтесь, Вилліамъ... (ведетъ его къ авансценѣ). Сама судьба назначила это свиданіе... Богъ не противъ его... люди только противъ... Пусть себѣ... пусть говорятъ, что хотятъ... надо же намъ было когданибудь объясниться... вылитъ душою и разрѣшить наковецъ эту мучительную пытку... Не правда ли, Вилліамъ?... скажите сами, не правда ли... (съ чувствомъ смотря въ глаза Шекспиру). Оставайтесь-же... Будемъ говорить спокойно, Вилліамъ... забудемъ, что встревожило васъ... пренебрежемъ и людьми и клеветою ихъ... Объяснимся... (Опустивъ руку Шекспира и съ видимымъ смиреніемъ). Строгий судья, вы должны еще прежде допросить преступницу, наказать ее... допрашивайте, карайте... она не отпорется отъ своего преступленія...

Шекспиръ, (нетерпѣливо и въ волненіи). Ради Бога, миссъ Эми! не умножайте пытки, не мучьте меня цовыми загадками... Скажите мнѣ одно только, заклинаю васъ, скажите: та ли же вы самая женщина, которая годъ тому назадъ два раза въ назначенное время встрѣчалась со мною въ Виндзорскомъ паркѣ и была въ маскѣ?..

Эми Грей, (спокойно). Не совѣстѣмъ та, сирѣ Вилліамъ Шекспиръ... при второмъ только свиданіи была я, при первомъ нѣтъ...

Шекспиръ, (перебивая). Кто же?..

Эми Грей, (равнодушно). Королева...

Шекспиръ. Королева?..

Эми Грей. Да, она... мы были въ маскахъ, вы васъ не узнали и, кажется, (значительно) не различили...

Шекспиръ, (послѣ нѣкотораго молчанія). Такъ это была шалость... шутка... не болѣе?... Они шутили, а я влюблялся... къ кого же? въ маску... (смѣется). Теперь, Вилліамъ, теперь никто не отниметъ у тебя званія поэта: ты выслужилъ его даже и твоимъ сумасшествіемъ... Годъ цѣлый любить, страдать, терзаться и изъ за кого же? изъ за маски... Ха! ха! Вилліамъ! Это могутъ дѣлать одни только поэты... отъявленные безумцы! Они готовы увлечься самыми пустыми призраками ихъ разстроеннаго воображенія; и люди знаютъ эту слабость и ловятъ ихъ на нее, себѣ на потѣху дурачатъ, шутятъ, отъ души смѣются надъ ними и правы: они точно смѣшны... И ты, Вилліамъ, заплатилъ долгъ безумія твоей сестры, влюбился такъ, какъ никто еще не влюблялся изъ нихъ; утѣшилъ людей, какъ не удавалось имъ никогда еще тѣшиться... Довольно, Вилліамъ... лечись, лечись скорѣе отъ тяжкаго сердечнаго недуга, отъ томительныхъ мученій страсти. Пора... вспомни, что цѣлый годъ ты смѣшилъ людей, страдалъ и мучился отъ

любви не болѣе, какъ только къ маскѣ...
(хохочетъ).

Эли Грей, (въ волненіи). Пошадите, Вилліамъ, пошадите отъ насмѣшки!... Подъ этой маской, надъ которой вы издѣваетесь, было одно сердце, которое искренно васъ любило, страдало и томилось какъ и ваше, билось, обливалось кровью, но скованное желѣзною волею, шутило и играло своими собственными равами...

Шекспиръ, (перебивая). Не сердце ли королевы?...

Эли Грей, (оскорбившись). Вилліамъ! моя любовь не заглушаетъ по крайней мѣрѣ оскорбленій... (хочетъ идти.)

Шекспиръ, (удерживая ее за руку.) Миссъ, вы удерживали меня удерживали нѣсколько мгновений тому назадъ, вы успокоивали меня, теперь моя очередь: останьтесь и выслушайте меня спокойно... Такъ это вы любили искренно? Кого же любили вы?... Поэта, который увлекъ васъ своими бреднями, стихами: миссъ, вы любили тоже маску... Вылечитесь отъ любви вашей...

Эли Грей, (про себя.) О, Боже!..

Шекспиръ. Да, миссъ, любить дѣйствительно можно только человѣка, а не его призваніе, или узнавъ разницу, повѣривъ несходство, все таки обыкновеннаго смертнаго съ высокими иногда порывами его души и сердца, убѣдиться, что для существенной любви мало стиховъ поэта, слишкомъ не прочны мгновенные побѣги его творческаго духа. И потому ваша любовь, миссъ, была не что иное, какъ заблужденіе мечтательницы... любовь пустая, ни на чемъ не основанная... если не было въ ней цѣли, миссъ!... Или назовите мнѣ ее... скажите сами, чѣмъ думали вы наконецъ разрѣшить этотъ гордіевъ узелъ, связаный не мною, а моимъ Адонисомъ, Юліей, Гамлетомъ и вашей мечтательностью?... Не тѣмъ ли, чѣмъ оканчиваются обыкновенныя взаимныя привязанности мужчины къ женщинамъ—же-

нитьбой, счастьемъ супружескимъ?... Странно, миссъ, если вы этаго желали: вамъ стоило только взглянуть на необъятную пропасть состояній и отношеній, которая раздѣляетъ насъ, стоило только вспомнить, что вы придворная дама, а я бѣднякъ—комедіантъ, поэтъ, и на послѣднемъ основаніи, какъ на главнѣйшемъ препятствіи осуществить ваше желаніе. Да, миссъ, плохой, невѣрный мужъ поэтъ, у него есть жена—поэзия, есть тѣмъ любовница—разнороднѣйшихъ мечтаній, которая терѣбитъ его во всѣ стороны... Нынче онъ здѣсь, завтра въ небѣ и жена—женщина тяжела ноша въ его заоблачныхъ полетахъ... Миссъ! я васъ любилъ не зная, любилъ какъ мечту, жившуюся мнѣ въ таинственномъ туманѣ, всегда увлекательномъ для поэта. Туманъ разсѣялся, таинственность исчезла, мечта уступила мѣсто дѣйствительности самой восхитительной, но все чуждой для души поэта; очарованье смѣнилось уваженіемъ, любовь, если позволите, миссъ, самымъ искреннимъ чувствомъ дружбы, (подавалъ руку) святой дружбы, въ залогъ которой я беру даже смѣлость лгать вамъ благой совѣтъ... послушаетесь ли его, миссъ?... Вы молчите... вы выслушаете его по крайней мѣрѣ: не болѣе какъ полчаса тому назадъ, я сдѣлался печально участникомъ чужой тайны и противъ воли былъ свидѣтелемъ объясненій въ любви незнакомаго мнѣ человѣка, въ любви къ вамъ же, миссъ... Обладенный согласіемъ королевы, вашу снисходительностію, сколько я могъ понять и слышать, онъ высказывался просто. Но вы отвергли его, пренебрегли имъ, взяли съ него даже самое обидное для влюбленнаго слово—оставить и не преслѣдовать васъ. Не мудроно, миссъ, не мудроно, что вы такъ поступили... вы были... (останавливается) вы не были еще моимъ другомъ... Теперь, когда все уже объяснилось, когда чувства назывались по имени, скажите, миссъ за

что вы такъ жестоко оттолкнули его, за что разрушили все его надежды?... *(останавливается)* Но думая о другомъ, вы были бы снисходительнѣе къ его предѣлованьямъ... Но я ничего не знаю, я прошу объ одномъ только, какъ человекъ, которому вы дали право на ваши чувства, прошу для вашего же счастья, можетъ быть... забудьте все прошлое, все ваши грезы и мечты любви несбыточной, подумайте о возможной, спокойной, отдайте ваше сердце и руку...

Эми Грей, (перебивая.) Никому и никогда, сирѣ Вилліамъ Шекспиръ... Я внимательно выслушала все предложенія ваши и разлюбить васъ, и быть вашимъ другомъ, и вытти за мужъ за другаго... Съ послѣднимъ, можетъ быть, совершенно согласны и требованія той рѣковой воли, отъ которой я завишу; пусть же она принудитъ меня, будетъ палачемъ моихъ чувствъ и свободы, но не тотъ, кто по душѣ, по своему-высокому призванію... *(останавливается.)* Ваша роль комчапа, сирѣ Вилліамъ Шекспиръ... роль разочарователя... я выслушала съ смиреньемъ эту проповѣдь *(показываетъ Генри)* и какъ женщина, пошла одно въ ней, что вы любили мою маску, безъ маски и вамъ не правлюсь... благодарю за искренность... *(оборачивается.)*

ЯВЛЕНІЕ X.

Генри и прежніе.

Генри, (подходя скоро.) Они встрѣтились... объяснились... предупреджу королеву, иначе я погибъ... *(къ Эми)* Миссъ Эми... вы здѣсь...

Эми Грей. Здѣсь... пойдете танцовать, Генри... *(уходитъ съ Генри.)*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Шекспиръ, одинъ.

Смѣшновъ... опять смѣшновъ... и смѣшнѣе чѣмъ когда нибудь... Вилліамъ, куда повлекла тебя судьба? въ какой лабиринтъ неизвѣстныхъ тебѣ условій этаго міра, требованій людскихъ, даже раздражительной чувствительности жепской?... Посмотри, что сблалъ ты. За что ты оскорбилъ это прекрасное созданье?... Кто далъ тебѣ право разрушать ея любовь, ея мечты, ея счастье и потомъ создавать... *(Играетъ музыка, входятъ танцующіе.)*

ЯВЛЕНІЕ XII.

Елисавета, Эми Грей, графъ Суталтонъ и пр.

Елисавета. Графъ, вы объявили мою волю сирѣ Вилліаму Шекспиру? *(Увидѣвъ Шекспира)* А! да вотъ онъ и самъ. Сирѣ Вилліамъ Шекспиръ, я жду васъ завтра къ себѣ. Смотрите, не позабудьте; ни какал разсѣянность не извинитъ любимаго мною поэта... *(Шекспиръ кланяется почтительно.)*

Графъ Суталтонъ, (поровнившись съ Шекспиромъ, тихо.) Танцуй, Вилліамъ, танцуй; возьми, братецъ, даму...

Елисавета, (услышавъ.) Не беспокойтесь... *(подавая руку.)* Сирѣ Вилліамъ Шекспиръ, вашу руку... *(Музыка продолжается играть; все уходитъ со сцены...)*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Декорация аудіенцъ-залы во дворцѣ Вилзорскомъ.

Боевъ, Джонъ и другіе придворные слуги.

Первый слуга, (убирая комнату и разставляя мебель.) Что это за торже-

ство выпче; Джонъ; ужъ не посланника ли какого привимають?

Джонъ. Посланника? Думають выпче очень о посланникахъ. Вѣдь это не при батюшкѣ, когда летали и слетались со всѣхъ коцдовъ гонцы, такъ, для важности и почету. Выпче вотъ за товарами куда вибудь, дельгу добыть, такъ это наше дѣло; мы пожалуй и пошлемъ и примемъ, и почевствуемъ...

Первый слуга. Такъ, можетъ быть, для какого другаго почетнаго человека готовить приемъ?

Джонъ. Почетный? А кто выпче почетный? Всѣ или никто, смотря по надобности: повоевать—Эссексъ, падутъ—Лейсестръ; полюбезничать—Ралейфъ, а такъ, чтобы, знаешь, одинъ за всѣхъ и во всемъ шелъ и страшно бы было, (*свистетъ*) вѣтъ такого...

Первый слуга. Такъ для кого же, дядя Джонъ?

Джонъ. А хочется знать?... Увидишь.

Первый слуга и другіе. Скажи, скажи, дядя Джонъ...

Джонъ. Хочется?... Ну ужъ такъ и бытъ, сказать: для Вилліама Шекспіра...

Первый слуга. Для какого?

Джонъ. А вотъ, что ломается въ Блэк-Фриартъ.

Первый слуга. Для комедіанта-то?...

Джонъ. Ну-да! вотъ тебѣ и почетные...

Первый слуга. Вздоръ, вздоръ, дядя Джонъ... Ха! ха! ха! для комедіанта...

Прочіе слуги. Совралъ, дядя Джонъ... (*хохочутъ.*)

Боеръ, (*махнувъ черной палкой.*) Тише! расхотались тамъ... убирать молча! (*Всѣ умолкаютъ, входитъ Блаундъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Блаундъ и прежніе.

Блаундъ, (*обращаясь къ привратнику.*) Ну, что, Боеръ,—все у васъ готово?

Боеръ. Готово, только это это вздумалось назпачать аудіенціи въ Вивдзоръ, обыкновенно бывало, или въ Гривичъ, или въ самомъ Лондонѣ.

Блаундъ. То-то и есть, милый Боеръ, что жъ дѣлать: капризъ королевы.

Боеръ. И женщины...

Блаундъ. Видно что такъ, Боеръ, хотя ея величество и не любитъ, чтобы, говоря о ней, какъ о королевѣ, дѣлали это различіе...

Боеръ. Да ужъ что хотите сирь Блаундъ, все не ладно: не по благодарилъ бы ее батюшка за эти аудіенціи комедіантамъ...

Блаундъ, (*значительно.*) Легче, Боеръ! легче! У дочки Гевриха VIII, кромѣ ея обычаевъ, остались и родительскіе: дѣлать языки короче...

Боеръ, (*съ смущеніем.*) Но я...

Блаундъ. Ну, ну, Боеръ, вѣдь я честный солдатъ и не паябдничая на стараго товарища, будь спокоевъ... (*собирается идти.*) Ну готовьтесь же готовьтесь, друзья; дворъ собирается уже, а и пойду пока къ своимъ пансіонерамъ. (*Уходитъ.*)

Боеръ, (*про себя.*) Языки короче... да хоть что хочешь, я все таки оставусъ при своемъ: не ладно въ царствѣ женскомъ да и все тутъ... (*къ слугамъ.*) Ну, готово ли? (*осматриваетъ.*) Готово, по мѣстамъ убирайтесь... (*Идетъ и становится у двери.*)

Джонъ. Слышали ли?

Нѣкоторые слуги. Слышали.

Джонъ. То-то же; вѣрите дядя Джопу... (*всѣ расходятся.*)

ЯВЛЕНІЕ XV.

Боеръ, (*однѣ.*) Чудесная служба, если бѣ безъ пятригъ. Стой и отвори двери, а смотря по надобности и затворяй, какъ иногда повернуть инаго противъ вѣтра и поговоритъ на мель... Твоя морская служба, Боеръ, была бы награжде-

на, шквалы и бури смѣнялись бы надолго штилемъ, если бы только не было этихъ интригъ придворныхъ... Да что же тебѣ сдѣлали интриги? Ничего, а все таки лучше, если бы ихъ не было... Тогда навсегда въ спокойной пристани, а то, того глады, смѣнять и выговять опять въ открытое... и пойдешь... и... (слышно движеніе и шумъ за дверьми) Идутъ! (Отворяетъ поспѣшно двери. Входитъ Елисавета, за нею весь дворъ, двери заворяются. Елисавета садится на возвышенное мѣсто; придворный штатъ, дамы и мужчины становятся по бокамъ.)

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Елисавета, Эми Грей, Блэуль, Генри, графъ Суттантонъ, лордъ Честеръ, Брэгвелъ, Дерби и проч.

Боеръ, (растворяя одну половину двери.) Вѣстникъ отъ графа Эссекса! (Входитъ вѣстникъ и кланяется почтительно.)

Вѣстникъ, (подавая бумагу.) Съ извѣстіемъ къ ея величеству о новой побѣдѣ въ Ирландіи.

Елисавета, (принимая бумагу.) Мы и не сомнѣвались, какъ въ этой, такъ и въ предыдущихъ и посядающихъ. Умъ и воинская доблесть върнаго престолу нашему предводителя войскъ ирландскихъ неразлучны съ подвигами и славою. (Вѣстникъ кланяется и отходитъ.)

Боеръ, (отворяя снова одну половину двери.) Сиръ Джамсъ Ланкастеръ! (Входитъ Джамсъ Ланкастеръ и кланяется почтительно.)

Елисаветѣ. Отважный мореплаватель, летавшій къ берегамъ Бразиліи: отрадно сердцу нашему убѣжденіе, что и въ странахъ далекихъ гремятъ слава о силѣ и могуществѣ королевства нашего. (Ланкастеръ кланяется и отходитъ.)

Боеръ. Сиръ Николай Баконъ, корреспондентъ парламента. (Входитъ Баконъ и кланяется.)

Елисаветѣ. Злорадствуй, мой добрый Баконъ, что поваго въ парламентѣ? Тѣ же сумы, безпорядки? Погоди, другъ мой: скоро я ихъ макрою перчаткой, съ желѣзной руки Генриха VIII... Они мнѣ наскучили... Что семилѣтній паша-милосовъ Роджеръ, здоровъ ли онъ объ? Береги его, Баконъ, береги: онъ общается великаго человека Англіи... (Баконъ кланяется и отходитъ.)

Боеръ. Сиръ Вилліамъ Шекспиръ! (Отворяетъ также одну половину двери.)

Елисаветѣ. А... Обѣ половины дверей, обѣ Боеръ! (Боеръ повинуется.) Никогда еще такого гостя не принимали мы во дворѣ нашемъ. (Входитъ Шекспиръ.) Благодаримъ васъ, благодаримъ, сиръ Вилліамъ Шекспиръ, за тѣ пріятные часы истиннаго, высокаго наслажденія, которыми дарите вы насъ и нашихъ подданныхъ? Вы украшаете собою наше царствованіе, и самое отдаленное потомство, не позабывъ, можетъ быть, Елисаветы, не забудетъ навѣрное Шекспира. (Шекспиръ кланяется почтительно) Благоволеніе поэту, наше благоволеніе! (протягиваетъ руку, Шекспиръ подходитъ, становится на колѣно и, поцѣловавъ руку, отходитъ на прежнее мѣсто. Елисавета отрывисто и съ поддѣльными улыбками.) День милостей, день добра и блага! Она благосклонность невольно рабѣнствуетъ насъ къ другимъ. (Взглянувъ вдругъ на Эми.) Бѣдвал, горькая Эми... пора устроить судьбу твою, пора утолить сивдающую тебя грусть, которую мы дали, можетъ быть, противъ желанія, опасаясь за тебя же. Но исполнялась мѣра сомнѣній нашего и мы, заступая мѣсто второй матери, по праву единственной распорядительницы судьбы твоей, по праву наконецъ нашей дружбы къ тебѣ, положили, не разстроивать бо-

лѣе твоего счастья. Да и кто же рѣшится идти противъ величій всемогущаго Амура, кто различить счастливыхъ избранниковъ Гименея? Не правда ли, господа? не правда ли, поэтъ? не правда ли?.. *(Останавливается и ищетъ глазами)* Счастливецъ Блаундъ... бѣги, бѣги къ стопамъ нареченной богами и принеси ей въ жертву всю любовь твою! *(разстановочко)* Сирь Чарльсъ Блаундъ и миссъ Эми Грей, мы не отвергаемъ вашей взаимной привязанности, и соглашаемся на вашъ брачный союзъ... *(Окидывая всѣхъ взглядомъ, про себя)* Что это значитъ?.. Они спокойны... *(громко)* Рада ли ты, Эми?... Вы Блаундъ?..

Блаундъ, (въ восхищеніи.) Милость вашего величества выше всѣхъ моихъ ожиданій... Бѣгу, лечу, къ стопамъ моей Сильфиды... Я въ восторгѣ, я счастливъ, я безумѣлъ отъ радости...

Елисавета, (въ волненіи, про себя.) Эми невозмутима... Межени болтушъ Генри... быть не можетъ... *(въ залѣ поднимается шопотъ и говоръ)* Последний ударъ... *(громко.)* Гдѣ пажъ Герни?.. *(Герни подходитъ.)* Вамъ, Генри, какъ другу юности и дѣтства миссъ Эми, болѣе всѣхъ должно быть дорого ея счастье. Но вы не можете, вы не должны ограничиться простымъ изъявленіемъ радости вашей, и потому поручаемъ вамъ всѣ заботы, всѣ хлопоты учрежденія церемоніала и порядка ея свадьбы,—обязанность важная, она открываетъ обширное поле вашему вкусу, знавію придворныхъ обычаевъ и наконецъ вашей дружбѣ къ Эми... *(Встаетъ и подходитъ къ Герни, тихо)* Не шутить было королевскими приказаніями... *(обращаясь къ Эми, громко.)* А ты, Эми, довольна ли моимъ выборомъ?... *(подойдя къ ней, тихо)* Не измѣнить было королевской тайны... *(къ Шекспиру, громко)* Теперь, великій поэтъ Англій, есть у насъ и вамъ порученіе, или лучше сказать просто дружеская просьба: мы надѣемся, что вы не захотите остаться

нужнымъ нашей общей радости... «Поэтъ долженъ быть жрецомъ веселія, поэзія чистѣйшимъ его источникомъ» сказалъ Гораций... Примите же, сирь Вилліамъ Шекспиръ, живое участіе въ нашемъ семейномъ праздникѣ, взгляните на счастливецъ, на счастливицу—на это прекрасное созданіе Божіе: она стоитъ хвалы и пѣсней; подарите насъ какимънибудь на этотъ случай стихотвореніемъ, напишите, приготовьте его ко дню свадьбы...

Шекспиръ, (съ живостью.) Воля вашего величества—законъ для меня... Но, осмѣлюсь доложить, осмѣлюсь высказать мое мнѣніе... я думаю, что предметъ по своей важности заслуживаетъ большаго развитія... Милость королевская и счастье ея подданныхъ—сюжетъ слишкомъ обширный для мелкаго стихотворенія... Тѣсно, черезъ чуръ тѣсно для поэта, вдохновеннаго этою милостью... Я разовью его въ повѣсть, я осуществлю его въ драмѣ, въ живой, огненной драмѣ... Меня станетъ, кажется... Я дамъ волю воображенію, согрѣтому милостью... Дѣйствіе я перенесу въ Римъ, гордый, могущественный Римъ, Римъ великаго Августа... Начну картиной: блистательнымъ, роскошнымъ пиршествомъ въ стѣнахъ дворца Цезарей. Опи только близкіе, друзья Августа допущены къ пиршеству. На первомъ планѣ самъ Августъ, потомъ Агриппа, его сановникъ и любимецъ Меценій—хранитель всѣхъ тайныхъ думъ владыки міра, и наконецъ едва смѣнившій только дѣтскую претексту замужскую тогу, безбородый еще, хотя увлекавшій уже Римъ звуками своей лиры, юноша-пѣвецъ, вдохновенный Овидій... Но душа всего Рима, тайный двигатель воли Августа и судьбинъ полвселенной, прародительница Агриппины, жена Августа, страшная Ливія дутъ же... Смѣтаетъ, шутитъ Ливія съ Овидіемъ, играетъ она его чувствами, любовью, цѣломудріе и чистота мечтательныхъ домысловъ юноши-поэта... Ведетъ его изъ триклиніума, ведетъ путемъ изъ

розъ къ храму любви, онъ близокъ уже невѣдомаго ему блаженства, одна завѣса раздѣляетъ преддверіе съ святилищемъ храма, но движеніе руки Ливіи разрушаетъ препятствіе, завѣса спадаетъ и предъ очами Овидія, полъ сквознымъ, дышущимъ покровомъ — юная Римлянка, во всемъ блескѣ красоты дѣвственной... Здѣсь начинается драма: быстро волнуются чувства, кровь бьетъ ключемъ, любовь кипитъ въ сердцѣ юноши, онъ рвется къ дѣвѣ, но завѣса закидывается снова и сады дворцевъ Цезарей разносятъ хохотъ утѣшенной Ливіи... она довольна шуткой... Но кто дѣва?... Жалокъ Овидію съ своей неразрѣшенной тайной, съ своей томительною страстью, онъ мучится, страдаетъ, любитъ и къ концу только третьяго акта узнаетъ кто таинственная обладательница его сердца, кто певняное орудіе шутки Ливіи, узнаетъ ее, узнаетъ Юлію, дочь самаго Августа.. Но Ливія на стражѣ, она не броситъ начатаго дѣла, не проститъ судьбѣ, которая свела Овидія и Юлію, не проститъ любви ихъ, она дошутитъ.. Она ищетъ жениха Юліи... Напрасно вдохновенный поэтъ гремитъ своимъ звучнымъ стихомъ, высказываетъ любовь свою: Августъ увлекается имъ, Римъ рукоплещетъ ему, одна Ливія непреклонна — Юлія уже замужемъ за Агриппой. Здѣсь я выкину только проповѣдь второй книги искусства любить, проповѣдь Овидія къ Юліи и кончу мою драму хвалебнымъ гимномъ къ счастливымъ Гименѣю Агриппѣ и Юліи, гимномъ, который написалъ Овидій уже

въ изгнаніи, куда сослала его воля Ливіи, облеченная только въ эдиктъ Августа.. О, Ливія, Ливія! драма вся на тебѣ, но чего не слержитъ каменное сердце и змѣнный умъ матери Тиберія, — исторія за меня...

Елисавета, (посль нѣкотораго молчанія.) Прекрасный планъ... прекрасный поэтъ... какая вѣрность соображеній... какой удачный выборъ характеровъ, вѣка, народа!.. Заголачная сульба Овидія... всё такъ это ново, драматически живо... прекрасно, поэтъ, прекрасно... *(Развернувъ бумаги и прочитавъ ихъ про себя скоро)* А, нужное дѣло... Сиръ Блаундъ! Вамъ пало съѣздить немедленно съ письмомъ къ графу Эссексу и потому, къ сожалѣнію, мы принуждены отложить вашу свадьбу... Вы близкій человекъ къ графу и я никого не знаю достойнаго этой важной довѣренности... приготовьтесь къ отъѣзду. *(Блаундъ выходитъ, Елисавета, подождь скоро къ Эми; тихо, но такъ, что Шекспиръ слышитъ).* Забудь все, прости меня, и будь спокойна. Блаундъ не вернется изъ Ирландіи... *(къ Шекспиру)* И ваша драма, поэтъ, тоже не къ спѣху... *(тихо)* А лучше если бы вы совсѣмъ позабыли о ней...

Шекспиръ, (въ смущеніи.) Ваше величество...

Елисавета, (перебивая, тихо.) Вы видите — я не Ливія.. я не дошучиваю...

Шекспиръ. Простите...

Елисавета, (подавая руку.) Помиримся...

(Уходитъ.)

ИСТОРІЯ

ИСПАНСКАГО ТЕАТРА,

ОТЪ САМАГО ЕГО НАЧАЛА ДО ВРЕМЕНЪ ЛОПЭ-ДЕ-ВЕГА.

Статья К. Тимковскаго (*).

Начало новѣйшихъ театровъ должно относить къ временамъ, послѣдовавшимъ за образованіемъ языковъ, которые нынѣ существуютъ въ Европѣ. Приписывать имъ большую древность значило бы смѣшивать ихъ съ театромъ латинскимъ. Послѣдній кончилъ свое существованіе въ то время; когда народы, подчиненные сначала владычеству Римлянъ, а въ послѣдствіи покоренные варварами, исказивъ языкъ латинскій, образовали различныя нарѣчія, измѣняя ихъ сообразно физическому вліянію климатовъ, въ которыхъ они жили; или со времени введенія другихъ преобразованій племенами чуждыми, смѣшавшимися и слиявшимися съ туземными.

Вестготы, въ теченіе трехъ вѣковъ владѣвшіе Приривейскимъ полу-островомъ, не оставили никакихъ слѣдовъ своего первобытнаго языка, кромѣ нѣсколькихъ словъ, и то въ столь маломъ количествѣ, что они не составляютъ и тысячной части испанскаго; имъ же, впрочемъ, должно приписать введеніе членовъ, несклоняемость именъ, и нѣкоторыя другія грамматическія измѣненія. Ни въ уложеніяхъ, ни на монетахъ, ни въ мар-

морныхъ памятникахъ мы не находимъ никакихъ слѣдовъ готскаго образованія: почти все говорилось и писалось на латинскомъ языкѣ.

Этотъ, языкъ сохранившійся въ замѣчательныхъ твореніяхъ философовъ, процвѣтавшихъ въ то время, весьма быстро искажался въ устахъ народа, и не легко донскаться, какъ говорили въ началѣ VII столѣтія. Довольно сказать, что если представлялись драматическія пьесы въ Испаніи въ продолженіе владычества Вестготовъ, то онѣ были необходимо писаны на языкѣ; бывшемъ во всеобщемъ употребленіи; это было какое-то безобразное смѣшеніе латинскаго, почти уже утраченнаго, и романскаго, все болѣе и болѣе образующагося.

Въ VIII столѣтіи, ознаменованномъ покореніемъ Испаніи Арабителями и началомъ восстановленія ея независимости, нарѣчіе народное, съ каждымъ днемъ отдаляясь отъ своего первоначальнаго корня, обогащалось словами, рѣченіями и оборотами арабскими. Завоеванія распространили его далѣе, по мѣрѣ занятія христіанами новыхъ земель, и проза кастильская постепенно приобрѣтала правильность, точность и полноту выраженія, удобряя такимъ образомъ свою почву для принятія на нее законовъ и исторіи.

Поэзія, слѣдуя за успѣхами языка, подражала по возможности размѣру стиховъ латинскихъ, замѣняя недостатки метра

(*). Почтенный авторъ этой статьи, изучивъ испанскій языкъ, съ любовью занимается изслѣдованіемъ важнѣйшихъ памятниковъ испанской литературы и объщае сообщать намъ и впредь результаты своего изученія. *Ред.*

употребленіемъ *консонансовъ* (*созвучій*) и иногда акомпанируемая музыкой, а иногда и безъ ея помощи, служила для прославленія частныхъ и публичныхъ торжествъ, или для передачи потомству христіанскихъ добродѣтелей свитыхъ, или героическихъ подвиговъ государей и полководцевъ.

Кромѣ этихъ сочиненій священныхъ и народныхъ, были и другія, распеваемые при звукахъ инструментовъ *голлранги* (*yoqlages*) и *голлресами* (*yoqlagesas*), то есть людьми, промышлявшими музыкой, пляскою и пantomимною, важною или шуточною, и достававшими себя пропитаніе, забавляя народъ. Впрочемъ они имѣли также входъ въ частныя дома и во дворцы, гдѣ показывали свое искусство въ присутствіи королей и ихъ двора. Нельзя доискаться происхожденія этого обычая, теряющагося во мракъ вѣковъ. Сочетаніе пріятныхъ созвучій, пѣніе, смѣхъ, пляска, подражаніе наружному виду, жестамъ, голосу и характеристическимъ дѣйствіямъ себѣ подобныхъ до того сродно человеку, что во всѣ времена и во всѣхъ обитаемыхъ странахъ мы встрѣчаемъ это искусство, болѣе или менѣе усовершенствованное.

Безполезны были до сихъ поръ изысканія ученыхъ, которые наѣлись найти въ поэзіи арабской или въ провансальской начало новѣйшихъ театровъ европейскихъ, а слѣдовательно и испанскаго.

Аравитяне, какъ тѣ, которые распространились на Востокъ, и заняли Африку, Италію и острова Средиземнаго моря, такъ равно и тѣ, которые избрали Кордову столицею своего государства въ Испаніи, занимались съ успехомъ науками естественными, медицинною, математикою и исторіею. Въ поэзіи они не сдѣлали ровно ничего, кромѣ развѣ въ родахъ повѣствовательномъ, описательномъ, любовномъ, хвалебномъ и сатирическомъ, облекая свои доводы въ небольшія поэмы, наполненныя болѣею частію метафорами, аллегоріями и загадками, акростихами, хитросплетеніями, двусмысленностями, антитеза-

ми и фигурами всякаго рода. Разговоры безъ дѣйствія, которые по временамъ встрѣчаются въ ихъ поэтическихъ сочиненіяхъ, не принадлежатъ къ роду драматическому.

Провансалы съ своимъ нарѣчіемъ, несравненно бѣднѣйшимъ арабскаго, не посвященные въ таинства наукъ, но одаренные также воображеніемъ плодотворнымъ, (не переходящимъ за прѣделы возможнаго, не обезображеннымъ ребяческими украшеніями), и увлекаемые погущественными обаяніемъ героизма и любви, создали особенный родъ поэзіи, имъ только свойственной, который въ послѣдствіи, совершенствуясь изученіемъ древности и уроками здравой критики, сдѣлался собственностію всѣхъ народовъ новѣйшихъ. Города Тулуза, Авиньонъ, Эсъ, Бессіеръ, Барселона и Тортоза славились своимъ изученіемъ *веселой науки*, (*la gaya sciencia, la gaie science*), которою занимались многіи знаменитыя особы для прославленія любви и побѣдъ, для украшенія придворныхъ увеселеній плодами ума, чувствительности и гармоніи. Эти поэты, называвшіеся въ Испаніи *травадорали* (*), вскорѣ составили общества и академіи: нѣкоторые изъ нихъ *декламировали* и пѣли свои собственные стихи; другіе предоставляли это занятіе музыкантамъ; но ни въ одномъ изъ ихъ твореній, дошедшихъ до насъ, нѣтъ ничего такого, что могло бы назваться театральнымъ. Всѣ эти поэмы, извѣстныя подъ различными наименованіями, какъ то: *las trevas, Ditados, villanescas, tensiopes, serventesios* и другія, писанныя въ тѣ времена, не принадлежатъ къ роду поэмъ дѣйствующихъ, какихъ требуетъ сцена. Безполезно, слѣдовательно, искать въ поэзіи арабской или въ провансальской начала новѣйшаго театра.

Италія была первое государство въ Европѣ, которое, по уничтоженіи владычества варваровъ, (коихъ послѣдніи династіи исчезли предъ побѣдоноснымъ оружіемъ Карла Великаго), принялось обработывать поле наукъ и возстановлять пад-

(* Во Франціи Труверами и Трубадурами.

шія искусства. Многія политическія обстоятельства способствовали къ сѣ богатству и славѣ въ XI, XII и XIII-мъ столѣтіяхъ. Венеція посѣщала всѣ порты Средиземнаго моря, получая черезъ Александрію произведенія Азіи, а изъ Истріи, Далмаціи и острововъ, защищаемыхъ ею въ Архипелагѣ, грозила своими войсками и флотомъ столицѣ имперіи восточной. Пиза, Флоренція, Падуа, Кремона, Лука, Сіена, Генуя и другіе города возстали за свободу и воевали за неѣ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, возрастая и процвѣтая торговлей, съ помощію политики и оружія. Боловья славилась уже своею ученостію; Миланъ, возставъ изъ развалинъ, получилъ названіе *великокомльаго*; Амальфи обогатилась торговлей и промышленностію, и Римъ, послѣ многихъ вѣковъ невѣжества, общаго всемъ народамъ, уже подъ державою мудрыхъ первосвященниковъ присоединилъ къ ларамъ Пепина и графини Матильды сокровища, которые, по случаю новыхъ преобразованій въ церковномъ управленіи, стекались въ Римъ со всего католическаго міра. Крестьянскія войны, переселяя на востокъ многочисленныя воинства, способствовали благоденствію Италіи, которая отпускала изъ своихъ городовъ и гаваней оружіе, всякаго рода запасы и перевозныя суда, необходимыя для подобнаго предпріятія, часто не удачнаго, но столь же часто возобновляемаго. Рынки и ярмарки, вошедшіе въ употребленіе, распространили изобиліе и роскошь, а вмѣстѣ съ ними и потребность празднествъ и публичныхъ увеселеній. Съ пышностію отправлялись, по случаю бракосочетаній италіянскихъ государей, ихъ мирныхъ договоровъ и ихъ коронацій, празднества называемыя *Conti bandite* (*); и всѣ эти причины, способствуя развитію національнаго характера, произвели множество скомороховъ, шутовъ, фиглярновъ, пласуновъ, музыкантовъ и пѣвцовъ, которые ходили по-

всюду, гдѣ только могли ожидать для себя выгоды или славы.

Въ это же время стали возобновляться драматическіе вымыслы, уродливыя подражанія приролѣ, грубые фарсы съ смѣшными вводными лицами, маскерадными переряживаніями и дѣйствіями, поддѣлывающимися подъ обычай того времени. Духовенство, послѣ многократныхъ попытокъ уничтожить подобныя зрѣлища, весьма предосудительныя по безчестивамъ, которыми они сопровожались, постигло наконецъ безсиліе законовъ противъ могущества общественнаго мнѣнія. Не въ силахъ будучи истребить укорененный въ kami обычай отправлять съ веселою музыкою и пѣніемъ, съ ялсками и маскерадами самыя торжественныя праздники церковныя, оно рѣшилось придать имъ новую заманчивость, и доставлять народу, съ большимъ благоуміемъ *въ храмахъ* тѣже самыя увеселенія, которые находило не приличными *на гульбищахъ и площадяхъ*.

Вмѣсто уменьшенія соблазна его только усилили этою мѣрою; съ строгою важностію католическихъ обрядовъ соединили вольности театральныя, и тѣже самыя люди, которые проповѣдывали слово Божіе съ каедръ, черезъ нѣсколько минутъ потомъ забавляли вѣрующихъ зрѣлищами. Въ число этихъ представленій входили происшествія, относящіяся къ таинствамъ вѣры, святости ея догматовъ, твердости мучениковъ, къ дѣліямъ, жизни и страданіямъ Искупителя; смѣшеніе, безъ сомнѣнія, святотатственное и цѣльное.

Злоупотребленіе это продолжалось до тѣхъ поръ, пока Иннокентій III, въ началѣ XIII-го столѣтія, строго запретилъ священникамъ быть дѣйствующими лицами въ подобныхъ представленіяхъ. Но хотя въ Италіи, въ особенности же въ Римѣ, удалось нѣсколько смягчить этотъ обычай, по тѣмъ не менѣе зло не искоренилось совершенно въ другихъ государствахъ Европы, гдѣ оно быстро распространилось и продолжалось во всей силѣ еще нѣсколько вѣковъ.

Изъ четырехъ христіанскихъ коро-

(* То есть, *открытые столы*; — названіе присвоенное въ Италіи особеннаго рода пиршествамъ, на которыхъ всякій имѣлъ право присутствовать безъ приглашенія.

левствъ, на которыя раздѣлялась большая часть Испаніи въ томъ же вѣкѣ, самыми могущественными были: Арагонское подѣ управленіемъ дона Хаиме, (Іакова) прозваннаго *завоевателемъ*, государя, котораго память свято хранится въ народѣ; и Кастильское, гдѣ царствовалъ Фернандо III, заслужившій названіе святаго. Тѣ изъ мавровъ, которые желали оставаться въ провинціяхъ, завоеванныхъ тѣмъ или другимъ государемъ, занимались науками физическими и математическими, литературу, земледѣліемъ и ремеслами; іудеи, жившіе въ ихъ владѣніяхъ, отличались своими познаніями въ медицину, и отправляли торговлю, которая увеличивала богатства и удобства жизни въ сихъ государствахъ. Побѣжденные способствовали къ смягченію нравовъ своихъ побѣдителей. Дворъ Альфонса X кастильскаго усвоивши и обратилъ въ пользу наукъ познанія последователей Таалмуда и Ал-корана. При немъ и при дворѣ отца его короля Фернандо святаго, равно какъ и сына и наследника его дона Санчо, гремѣли стихи trovadorовъ и пѣсни *juglares* (*), и распространялся вкусъ къ изученію полезнаго и пріятнаго. Знаніе не было уже болѣе исключительнымъ достояніемъ монастырей, гдѣ укрывалось оно, во времена варварскія, отъ грома оружія; оно стало подлѣ стѣнъ престола государей; и они, и вельможи и рыцари, составлявшіе ихъ дворъ, получили вкусъ къ украшенію ума и къ удовольствіямъ просвѣщенія, не боясь унижить чрезъ это свою храбрость. Не возможно определить эпоху, въ которую перешелъ изъ Італіи въ Испанію обычай священныхъ представленій; но, принимая въ соображеніе, что уже въ началѣ XIII-го вѣка сдѣлались нестерпимыми вошедшія въ нихъ злоупотребленія, можно предполагать, со всею вѣроятностію, что еще въ XI столѣтіи они были извѣстны на Пиринейскомъ полуостровѣ.

(*) *Juglares*, особенный родъ скитающихся певцовъ въ Испаніи. Не отсюда ли взялось названіе *гусларовъ*?

Великолѣпный языкъ испанскій быстро образовывался и обогащался; и когда поэзія сдѣлалась уже занятіемъ духовныхъ, рыцарей и королей; когда въ храмахъ, въ дворцахъ и на сборищахъ царственныхъ стали раздаваться звуки музыки, сопровождаемой пантомимой и танцами, не много оставалось сдѣлать для образованія драматическихъ зрѣлищъ, которыя суть сдѣланы всѣхъ этихъ усовершенствованій. Праздники церковные служили поводомъ для церквей попытокъ испанцевъ въ сценическомъ искусствѣ; служители церковнаго причета были первыми ихъ актерами; примѣръ Рима освящалъ этотъ обычай, и религіозная цѣль, породившая его, удалала мысль о свитотатствѣ и соблазнѣ. Тутъ представлялись различныя дѣянія, взятая изъ ветхаго и новаго завета. Празднество, установленное Урбаиномъ IV въ честь божественнаго причащенія, распространилось по всему христіанскому міру въ царствованіе Альфонса X въ Кастиліи, и дало поводъ къ сочиненію новыхъ драматическихъ пьесъ, въ которыя стали вводить лица фантастическія, смѣшивалъ въ отвратительномъ единствѣ аллегорію съ исторіей. Недостатокъ источниковъ не позволяетъ дать болѣе подробнаго понятія объ этомъ театрѣ, но соображая всѣ свѣдѣнія, какія можно было собрать по сему предмету, кажется довольно вѣрнымъ, что драматическое искусство началось въ Испаніи въ теченіе XI-го столѣтія; что исключительною цѣлю его было прославленіе церковныхъ праздниковъ и таинствъ религіи; что пьесы были написаны на языкѣ кастильскомъ и въ стихахъ; что представлялись они въ соборахъ съ музыкой, употреблявшейся при богослуженіи; и что актерами равно какъ и поэтами, сочинившими ихъ, были *Клерки* (*церковные служители*.) Альфонсъ X, соображался отчасти съ постановленіями Иннокентія III, особеннымъ постановленіемъ опредѣлялъ для духовныхъ родъ драматическихъ пьесъ, въ которыхъ они могли участвовать безпрепятственно; и эти представленія, то историческія, то аллегорическія, то нравоучительныя или догматическія, продолжались въ теченіе еще нѣсколькихъ

столѣтій, до тѣхъ поръ, пока, вытѣсненныя изъ храмовъ, не перешли на публичныя театры. Тотъ-же Альфонсъ X объявилъ *безчестными* тѣхъ, которые показывали за денежную плату свое искусство въ пантомимѣ, въ пѣннн, танцахъ и музыкѣ. Можетъ быть, это и было одною изъ главнѣйшихъ причинъ, по которымъ столь долгое время сценическое искусство не переходило въ руки актеровъ по промыслу: будучи увеселеніемъ чисто религиознымъ, оно не могло быть поручено людямъ объявленнымъ безчестными самимъ закономъ.

Савчо IV содержалъ при себѣ цѣлую труппу скомороховъ, шутовъ и *разбойниковъ*, которые своими пѣснями и романсами, своими острыми шутками и намеками, прыганьемъ и игрою на инструментахъ забавляли королевскую фамилію въ ея домашнемъ быту. Кратковременное царствованіе этого государя, полное смуть, равно какъ и правленіе сына его Фернандо IV и малолѣтство Альфонса XI—времена междоусобій, раздиравшихъ Кастилію—не благоприятствовали успѣхамъ искусства, процвѣтающихъ только посреди тишины и изобилія, но не все однакожъ прекратилось занятія философовъ, ученыхъ и литераторовъ. Знаменитый *донъ Хуанъ Мануэль*, племянникъ Фернандо III, отличался во всѣхъ отрасляхъ знанія и въ тоже время его победы прославили его, какъ превосходнаго полководца. Въ своихъ ученыхъ и поэтическихъ сочиненіяхъ онъ оставилъ намъ доказательства своего вкуса и своихъ обширныхъ познаній въ литературѣ; въ повѣстьяхъ и сказкахъ, составляющихъ его *El Conde Lucanor* (графъ Лукаворъ) мы видимъ первое собраніе этого рода, появившееся въ Испаніи. безъ сомнѣнія гораздо прежде Декамерона Боккаччіо, хотя оно ниже его по достоинству. *Хуанъ Руисъ* (Juan Ruiz), Архіепископъ Гитскій процвѣталъ также въ царствованіе Альфонса XI и хотя не написалъ ни одной драматической пьесы, но подражалъ этому роду въ своихъ сочиненіяхъ, вмѣшивая въ нихъ шутки, рассказы, описанія и комическіе разговоры,

собственно ему свойственныя. Онъ и прочіе trovadores его времени употребляли уже различныя сочетанія рифмъ и размѣровъ въ стихахъ; поэзія испанская болѣе и болѣе обогащалась, а музыка въ то же время пріобрѣтала новыя инструменты, перенятыя у аравитянъ, италіанцевъ и французовъ. Между тѣмъ дворъ королей Арагонскихъ наслаждался въ совершенномъ спокойствіи сочиненіями своихъ поэтовъ и грасами своихъ хугляровъ. Въ коранацію Альфонса IV, въ 1328 году, Инфантъ донъ Педро, графъ де Рибаторса, братъ короля и знатнѣйшіе вельможи вмѣстѣ съ нѣкоторыми хуглярами разыгрывали роли, пѣли и танцевали въ разныхъ поэтическихъ сочиненіяхъ, написанныхъ тѣмъ-же инфантомъ. Изъ этого примѣра видно, что искусство хугляровъ не только пользовалось уваженіемъ, но и значительно расширило свои предѣлы, потому что въ составъ его входило уже не одно пѣніе, музыка и танцы, но еще и декламация.

Съ 1630-го года, въ царствованіе въ Кастиліи короля донъ Педро, стали появляться, (кромѣ драмъ церковныхъ,) нѣкоторыя другія сценическія произведенія. Одно изъ нихъ, приписываемое этой же эпохѣ особенно замѣчательно тѣмъ, что авторъ, нашелъ средство согласовать въ немъ танцы, музыку инструментальную, декламацию и пѣніе. Содержаніе этой пьесы заставляеть подозрѣвать, что она принадлежитъ именно къ числу тѣхъ пьесъ, которыя разыгрывались въ храмахъ, и въ такомъ случает она есть древнѣйшая изъ всѣхъ въ этомъ родѣ, дошедшихъ до насъ.

Донъ Педро Гонсалесъ де Мендоса, отступившій отъ подданства королю донъ Педро и принадлежавшій къ партіи дона Энрике (Генрихъ), у котораго въ послѣдствіи былъ главнымъ майоръ-домомъ, писалъ драматическія пьесы, подражая театру латинскому, и украшая ихъ куплетами и пастушескими пѣснями. Судя по званію автора, можно полагать, что онъ писалъ въ угодность королю, для домашняго увеселенія двора.

Въ то-же время и въ послѣдующія за нимъ царствованія Хуана I-го, Энрике (Генриха) III, кроме сочиненій трубадуровъ провансальскихъ, расплодившихся по всей Испаніи, приобрѣли извѣстность между испанцами знаменитые итальянцы Гило Кавальканти, Данте Алигьери, Чино де Пистойа и главаэтихъ лирическихъ поэтовъ Франческо Петрарка. Особенно въ Кастиліи высоко цѣнили ихъ творенія и, сравнивая ихъ съ твореніями древнихъ трवादуровъ, находили въ нихъ болѣе возвышенности въ мысляхъ, болѣе истинной учености, болѣе образованности въ поэтическихъ оборотахъ, аразмѣръ стиховъ болѣе разнообразный и подчиненный законамъ гармоніи. Поэтическому вкусу аравитянъ и знакомству съ ихъ обычаями, (изъ которыхъ многіе перешли въ Испанію) обязанности испанцы введеніемъ въ ихъ литературу и усовершенствованіемъ *историческихъ и любовныхъ романсовъ*. О поэзіи театральнвой, все еще остававшейся въ рукахъ духовенства, невозможно сказать достовѣрно—совершенствовалась ли она по мѣрѣ совершенствованія лирическаго рода: до насъ не дошло ни одной драматической пьесы того времени, по которой можно было бы судить и дѣлать сравненія. По смерти Энрике III, во время малолѣтства Хуана II, дядя и опекунъ послѣднлаго инфантъ донъ Фернандо выказалъ въ полномъ блескѣ какъ свою опытность въ дѣлѣ правленія, такъ равно и свои воинскія познанія. Онъ поддерживалъ колебавшійся престолъ кастильскій, потряхнувъ въ основаніи могущество мавровъ Гранадскихъ, и разрушилъ внутри самаго двора пронирливыя козлы зависти и честолюбія. Личными своими достоинствами онъ достигъ короны Арагонской, которой онъ признанъ былъ достойнымъ большинствомъ голосовъ девяти изъ избирателей, (въ числѣ ихъ находился знаменитый проповѣдникъ Санъ-Висенте-Ферреръ) и въ 1414 году коронованъ въ Сарагоссѣ со всевозможною пышностію и великолѣпіемъ. Къ торжеству сему стеклись не только все дворянства королевства Арагонскаго, но и большая часть градовъ кастильскихъ. Несобыкновенныя празд-

нества ланы были при этомъ случаѣ, и знаменитый донъ Энрике Арагонскій маркизъ Вильевскій сочинилъ аллегорическую комедію, которая и была разыграна въ присутствіи короля, королевы и всего ихъ блестящаго двора.

Съ этого времени дворцовый этикетъ, придворные обычаи, моды, одежда, увеселенія, языкъ, литература и поэзія кастильскія болѣе и болѣе вопарялись въ столицѣ арагонской, а слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ вкусъ и пристрастіе къ языку лимозинскому (*) на которомъ Каталале и Валенсійцы приобрѣли столь достойно заслуженную славу, постепенно сталъ упадать и утрачивать свой древній блескъ.

Царствованіе Хуана (Юанна) II, продолжавшееся около полу столѣтія, весьма благоприятствовало успѣхамъ изыщной словесности; какъ стихотворство, такъ и проза равно преуспѣвали, и облагороживались подл рукою писателей образованныхъ здравымъ сужденіемъ и плодотивнымъ воображеніемъ. Между множествомъ писателей тогдашняго времени наиболѣе отличался Кордуанецъ *Хуанъ де Мена* (Juan de Mena), который, паходя свой отечественный языкъ слишкомъ бѣднымъ для его высокихъ вымысловъ, сумѣлъ обогатить его и придать ему новую звучность и силу, осмѣлившись ввести въ него новые обороты и слова латинскія, которыя и остались въ поэтическомъ языкѣ испанцевъ; они придаютъ ему особенную очаровательность и гибкость въ рукахъ писателя умѣющаго имъ владѣть и не впадать въ темноту и напыщенность. Соперниками славы его были упомянутый уже маркизъ де Вильена и донъ Иньиго Лопесъ де Мендоса (D. Iñigo Lopez de Mendoza), маркизъ де Сантьяна, не говоря еще о многихъ другихъ, о которыхъ бесполезно было бы упоминать. Король писалъ стихи и первый любимецъ его донъ Альваро де Люна, коннетабль кастильскій; самые по-

(*) Языкъ трубадуровъ средней Франціи въ бывшей провинціи le Limousin.

четвѣтныя изъ дворянъ того времени были trovadorami. Посреди политическихъ смутъ, волновавшихъ царствованіе сего государя, турниры, рыцарскіе вызовы, карусели, ширшества, тавцы, музыка и комическія представленія увеселили дворъ, усыпили въ народѣ чувство его бѣдствій, и народъ смотрѣлъ на нихъ съ жадностію и дивился блеску и роскоши, утопченному вкусу, вѣжливости обращенія и мужеству тѣхъ, которые столь худо имъ управляли. Допъ Альваро де Люпа, рыцарь равно славный въ полѣ и на турнирахъ, страшный соперникамъ по своей необычайной силѣ, по постоялству счастія и по твердости характера, любимый дамами за прекрасную наружность и врожденную ловкость, за вѣжливость и скромность, искусно подбирая въ свои руки всю власть, которую охотно предоставлялъ ему его безпечный король, умѣлъ въ то-же время занимать своего государя и отвлекать его отъ исполненія его обязанностей великолѣпными и замысловатыми зрѣлищами.

Въ 1436 году, во время торжественнаго свиданія въ Соріѣ короля Хуана съ сестрою его королевою Арагонскою, дамы были великолѣпныя празднества и хугляры забавляли дворъ музыкою, пляскою и комическими дѣйствіями.

Въ 1440 году допъ Педро де Веласко, графъ де Варо, маркизъ де Сантильяна, допъ Алонсо де Картахена, епископъ Бургонскій, посланы были въ Логроньо (Logrono) для встрѣчи инфанты доши Блапки, супруги принца допа Эврике, и матери ея, королевы Наварской. Графъ Гаро, въ числѣ прочихъ увеселеній, приготовленныхъ имъ въ Бривіескѣ въ угодность обѣимъ принцессамъ, давалъ травли быковъ, карусели и театральныя представленія.

Эврике IV получилъ въ наслѣдство вмѣстѣ съ престоломъ и неспособность къ управленію государствомъ. Онъ хорошо повиналъ языкъ латинскій, любилъ читать, играть на лютнѣ и пѣть; въ службѣ его паходилось множество отличныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ; они составляли его собственную капеллу, въ которой онъ проводилъ большую часть

своего времени, слушая духовныя канты. Остальная часть его жизни проходила въ горахъ: онъ былъ страстный охотникъ, и въ то время, какъ онъ говлялся за звѣрьми въ рошахъ Пардо и Бальсаина (*) (Balsain), гранды королевства полкапывались подъ его власть и расхищали его сокровища, срывали его укрѣпленныя замки, воздвигали крѣпости, возмущали спокойствіе городовъ и распространяли по всему государству самое гибельное безначаліе. Если иногда меланхолическій характеръ короля и допускалъ въкоторыя увеселенія при дворѣ, то не иначе, какъ развѣ тапцы во дворцѣ, турниры и рыцарскія ристалища, въ родѣ тѣхъ, какіа давалъ въ Пардо допъ Бельтранъ деля-Куэва. Искусство мимическое, столь уважавшееся во время Хуана II, въ правленіе его сына погружалось въ забвеніе. Двумысленное поведеніе королевы, соблазнь царствовавшей внутри двора, физическая и нравственная неспособность короля подали поводъ важнѣйшимъ изъ прелатовъ, графдовъ и рыцарей объявить его отрешеннымъ отъ престола и избрать на его мѣсто инфанта допа Альфонсо, котораго рапила смерть возбудила въ сестрѣго допѣ Исабеллѣ надежду и желаніе принять бразды правленія. Изъ множества искателей руки ея она избрала лова Фернандо, принца Арагонскаго, съ которымъ и сочеталась бракомъ безъ вѣдома короля допа Эврике, въ 1469 году. Когда допъ Фернандо прибылъ тайшо въ Кастилію для праздноваанія своего бракосочетанія, графъ де-Уреанья уступилъ ему свой домъ и угощалъ его представленіемъ комедіи, которой, впрочемъ, не вѣстны ни авторъ, ни даже заглавіе.

Бѣдствія политическія еще болѣе увеличивались въ послѣдніе годы Эврике IV, и однимъ изъ самыхъ гибельныхъ послѣдствій ихъ было невѣжество, распространившееся на всѣ классы народа. Въ числѣ весьма не многихъ писателей, процвѣтавшихъ въ этотъ гибельный для искусствъ періодъ, отличался Родри-

(*) Увеселительныя дворцы въ окрестностяхъ Мадрида.

го де Кота, авторъ, «Разговора между Амуромъ и старцемъ», піесы годной для представленія, писанной сло-гомъ легкимъ и пріятнымъ; еще сочи-нилъ онъ, «Минго Ресульго» и «Хиль Аррибито»; это также разговоръ, въ которомъ онъ описываетъ въ аллегоріи, весьма вѣрно выдержанной, смуты и бѣдствія своего времени.

Духовенство проводило жизнь въ са-момъ грубомъ невѣжествѣ и въ разра-щеніи нравовъ, доходившемъ до величай-шаго соблазна, что видно изъ поста-новленій собора созваннаго въ 1473 году въ Арандѣ дономъ Альфонсо Кар-рильо, архіепископомъ Толедскимъ. На соборѣ семь разсуждали о средствахъ возстановити строгость правилъ и рас-пространити просвѣщеніе въ духовномъ сословіи Испаніи, и между прочимъ за-прещено священникамъ кафедральныхъ и другихъ церквей представлять самимъ или позволить другимъ представлять во время святокъ и въ праздники св. Сте-фана, св. Іоанна и *Избіенія Младенцевъ* (La Biesta de Santos Inocentes) сцени-ческіи зрѣлища, въ который входятъ мас-ки, чудовищныя лица, неблагопрістой-ныя куплеты, площадные фарсы и дру-гіе беспорядки, унижающіе величіе цер-кви и вошедшіе во всеобщее употребле-ніе. То-же самое постановленіе допускаетъ однако представленіе піесъ *священ-ныхъ* и *благодѣящихъ*, имѣющихъ цѣ-лю возбуждать благочестіе вѣрующихъ.

Царствованіе королей католическихъ было началомъ новой эпохи болѣе благо-пріятной для государства. Власть коро-левская, сосредоточенная въ одной ру-кѣ, своею неусыпною бдительностію и справедливостію упрочила внутреннее спокойствіе королевства, частію чрезъ укрощеніе насильственныхъ поступковъ множества маленькихъ тирановъ, кото-рые приносили отечество въ жертву сво-ему честолюбію или личной мести, частію благоразумнымъ ограниченіемъ сво-боды народа, котораго благоденствіе ос-новывается только на покорности зако-намъ. Вотще король Португальскій пы-тался поддержать оружіемъ сомнитель-ныя права на престолъ кастильскій пле-

мянницы своей инфанты Доньи Хуаны. Подозрѣваютъ, что она была незаконная дочь королевы, супруги Энрике IV. Жребій войны, раздающій и отнимающій престолы, утвердилъ скипетръ въ ру-кахъ *Исабеллы* и *Фернандо* (*).

Въ это время стали приобретать из-вѣстность своимъ драматическимъ сочи-неніями *Хуанъ де ля Эспина* и былъ удо-стоенъ поощренія и благосклоннаго вни-манія двора, который восхищался изящ-ностію языка, естественною легкостію и звучностію стихосложенія въ его вымы-слахъ. Эти частныя увеселенія, а вскорѣ потомъ и многія другія, съ нихъ спи-савшыя, перешли къ шароду; съ тѣхъ поръ стали появляться актеры по ремеслу, посвящавшіе себя представленію неболь-шихъ драмъ, въ два или три дѣйствующихъ лица; женскія роли разыгрывались мальчиками.

Современникомъ Хуана де ля Эспина былъ знаменитый *Фернандо де Рохасъ* (Rojas), продолжатель «драматической повѣсти» подъ заглавіемъ *Селестина*; онъ прибавилъ двадцать актовъ къ пер-вому, который былъ уже написанъ не-извѣстнымъ авторомъ. Хуанъ де ля Э-спина въ своихъ сочиненіяхъ, писанныхъ для представленія, служилъ образцомъ, которому подражали въ полюбствіи мно-гіе—и многіе его превзошли; а Рохасъ, хотя писалъ свое сочиненіе не для те-атра, но оставилъ въ немъ столь превос-ходный образецъ разговора въ прозѣ, что многіе подражали ему, но весьма не многимъ удалось съ нимъ сравниться. Этими-то счастливыми попытками въ родѣ драматическомъ заключилось XV столѣтіе.

Изобрѣтеніе книгопечатанія, имѣвшее цѣлю утвердить и распространити истины, полезныя человечеству, сдѣлалось уже извѣстнымъ повсюду въ началѣ XVI столѣтія. Италія, всегдашняя колыбель знанія, съ удивительнымъ успѣхомъ об-

(*) Мы думаемъ правильнѣе называть испанскихъ королей такъ, какъ называютъ ихъ сами испанцы, а не переводить ихъ имена. По нашему мнѣнію Фердинандъ и Изабелла есть переводъ, и если допустить его, то лѣтъ причинъ не называть ихъ Елисаветой и Феодо-ромъ.

работывала поле наукъ и изящныхъ писемъ, доискиваясь образцовъ совершенства въ классическихъ твореніяхъ древности, печатая, переводя ихъ и подражая имъ. Исторія, краснорѣчіе, поэзія, ученость и искусство живописи во всѣхъ ея видахъ стали процвѣтать и быстро подвигаться къ возможному совершенству. Венеція, Миланъ, Феррара, Флоренція, Римъ и Неаполь были самыми просвѣщенными столицами Европы того времени. Благородное рвеніе фамиліи Медичи и занятіе папскаго престола Леономъ, X воскресили въ Италіи вѣкъ Перикловъ и Августовъ.

Въ это же самое время испанскія войска, подъ предводительствомъ полководца, заслужившаго имя «великаго капитана», (*el gran capitán* (*)), довершили завоеваніе королевства Неаполитанскаго. Безполезны были усилія Франціи остановить успѣхи оружія католическихъ королей: победы слѣдовали за побѣдами; разбитіе французскихъ войскъ при рѣкѣ Гарельяно и сдача Гаеты были предвѣстіемъ взятія въ плѣнъ королевской особы и разгромленія Рима. Сношенія съ италіянами распространили между испанцами и очистили вкусъ къ изящнымъ искусствамъ и ученымъ занятіямъ, и подобно, какъ грубый Лаптеумъ за нѣсколько вѣковъ до того озарился свѣтомъ наукъ и искусствъ побѣжденной Греціи, Испанія умѣла такъ же воспользоваться учеными сокровищами, которыя разрабатывались съ блестящимъ успѣхомъ въ покоренныхъ ею земляхъ. Больше всего оказалъ услугу въ этомъ переворотѣ творческій гений *Сиснероса* (*Cisneros*); успѣхамъ его много способствовали познанія, собранныя имъ во время путешествій и необыкновенная сила характера, условіе необходимое для всякаго, кто хочетъ успѣшно дѣйствовать на себя подобныхъ. Въ началѣ XVI столѣтія учреждень подѣ его покровительствомъ знаменитый университетъ *Комплутскій* и какъ въ пемъ, такъ и въ другихъ универси-

тетахъ королевства стали пріобрѣтать извѣстность многіе профессоры по всѣмъ факультетамъ. Кромѣ языковъ древности и предметовъ общей учености, они преподавали еще науки, не извѣстныя дотолѣ въ Испаніи, или улучшали способъ объясненія и методу тѣхъ наукъ, которыя прежде были дурно преподаваемы. Усиліямъ и трудамъ этаго великаго министра обязаны были своимъ цвѣтущимъ состояніемъ науки богословскія, юриспруденція, медицина, словесность, исторія, древніе языки, грамматика и критика, хотя и не всѣ эти знанія обработывались съ одинакимъ успѣхомъ, потому что не всѣ изъ нихъ представляли одинаковыя выгоды отъ ихъ изученія.

Франсиско де Вильялобосъ (*Villalobos*), ученый медикъ и хорошій прозаикъ, познакомилъ своихъ соотечественниковъ съ Амфитріономъ Плавта переводомъ этой комедіи, изданнымъ въ 1515 году. Бартоломе де Торресъ-Наарро (*Naarro*), жившій тогда въ Италіи, сочинилъ восемь комедій, которыя, кромѣ легкости стихосложенія, доказываютъ въ немъ глубокое знаніе языка и драматической талантъ. Оставивъ робкую манеру, которой слѣдовалъ въ своихъ сочиненіяхъ Хуанъ де ла Эспина, онъ придалъ своимъ комедіямъ болѣе занимательности и жизни: онъ раздѣлялъ ихъ на пять актовъ (*jornada*), увеличивалъ число дѣйствующихъ лицъ, и впагала въ нихъ чувства и характеры, и вполнѣ соответствующіе самому вымыслу. Пьесы его отличаются замысловатостію завязки, и нѣкоторыя изъ нихъ подвѣдены подъ единство дѣйствія мѣста и времени. Представленные сначала и напечатанныя въ Италіи, они перешли въ Испанію, гдѣ послѣдовательно то запрещались, то снова печатались, то опять запрещались, (смотря по обстоятельствамъ), но тѣмъ не менѣе служили предметомъ изученія для всѣхъ, занимавшихся поэзіею драматическою. *Васко Диасъ Танко* написалъ три трагедіи (первыя, въ Испаніи), замѣтновавшія имъ изъ священнои Исторіи; ни одна изъ нихъ не юшла до нашихъ временъ. Шуточныя

(*) Донъ Гонсало Фернандесъ де Кордова,

комедіи, которыя, спустя немного, сталъ писать *Кристоваль де Кастильехо* (*Cristobal de Castillejo*), имѣли блестящій успѣхъ. На этого поэта должно смотрѣть, какъ на послѣдняго и едва ли не лучшаго въ ряду испанскихъ древнихъ лириковъ, а въ родѣ комическомъ, какъ на достойнѣйшаго преемника Торреса-Наарро. Плодовитость воображенія, тонкое знаніе правды, здравость сужденія, колкость его сатиры, ясность выраженія, звучность и пріятность стиха, — вотъ достоинства, отличавшія его комическія сочиненія, по вмѣстѣ съ тѣмъ они заслуживали порицанія за ихъ безнравственность и неблагопристойность въ положеніяхъ и характерахъ дѣйствующихъ лицъ. Въ 1527 году были представлены въ Вальядолидѣ нѣкоторыя *драматическія піесы* (*) по случаю празднованія крестинъ Филиппа II. Эти небольшія драмы, разыгрываемыя на улицахъ и народныхъ гульбищахъ, были представляемы актерами, которыхъ онѣ составляли собственность. *Фернандъ Пересъ де Олива* перевелъ въ прозу *Амфитріона* — Плавта, *Электру* — Софокла и *Гекубу* — Эврипида. По самому направленію его умственныхъ способностей ему свойственнѣе была важность трагедіи, чѣмъ насмѣшливое остроуміе и легкость комическаго рода. Такимъ-то образомъ, хотя его переводъ Плавта стоитъ несравненно ниже той же комедіи, переведенной Вильялбосомъ (*Villalobos*); но въ обихъ своихъ трагедіяхъ онъ довелъ прозу кастильскую до такой степени силы и величія, что могъ бы служить образцомъ слога героическаго. Къ несчастію онъ не имѣлъ подражателей. Піесы его никогда не были представлены на сценѣ, а когда онѣ были напечатаны въ первый разъ, испорченность вкуса была уже общемою и господствующею въ испанскомъ театрѣ.

Таковы были писатели, наиболее замѣчательные изъ тѣхъ, которые занимались въ Испаніи поэзіею сценическою до 1540

года. Но, переходя отъ этой эпохи, не должно пропускать безъ вниманія причинъ, объясняющихъ послѣдующій за онымъ упадокъ испанской драматургіи. Главнѣйшими изъ нихъ были безсмысленныя недостатки поощренія писателямъ, подвизавшимся на этомъ трудномъ поприщѣ: рѣшительное пристрастіе ко всему чудесному, неизбѣжное слѣдствіе той жадности, съ какою читались во всей Испаніи рыцарскія книги; общій духъ ложной набожности, осквернившій священныя таинства въры, которыя онъ обратилъ въ предметы народныхъ зрѣлищъ и театральныхъ представленій.

Университеты испанскіе хотя исправили и улучшили способъ преподаванія наукъ, но тѣмъ вислоко не измѣнили своего первоначальнаго, весьма недостаточнаго, устройства. Въ этихъ общественныхъ школахъ, въ этихъ разсудникахъ звавія, гдѣ юношество должно бы изучаться основаніямъ всѣхъ наукъ, преподавались только богословіе, право каноническое, юриспруденція и медицина. Изъ сихъ факультетовъ только три первые пользовались всеми преимуществами: для нихъ сооружены были великолѣпныя коллегии (*), для нихъ сберегались высшія и почетнѣйшія должности въ государствѣ. Послѣдній, мало уважаемый слушателями трехъ первыхъ, былъ обязанъ своимъ существованіемъ одному только, общему всѣмъ временамъ, страху смерти; но профессоръ наиболее отличавшійся по этому факультету никогда не могъ бы ожидать для себя ни награды, ни почестей, щедро сыпавшихся на богослова, на каноника и на правовѣда. Прочія науки считались какъ бы вспомогательными и второстепенными, и слѣдственно ни званіе языковъ, ни ученость по части исторической, ни нравственная философія, ни краспорѣчіе, ни изящная словесность не удостоивались другой награды, кромѣ предоставленія профессору каждому по своей части права входить на кафедру, для преподаванія своей науки. Но если уже и самыя эти предметы, которые могли бы прине-

(*) *Autos* — такъ назывались особеннаго рода драматическія піесы, о которыхъ мы будемъ имѣть случай говорить въ послѣдствіи.

(*) *Salas* для преподаванія лекцій.

сти непосредственную пользу привилегированнымъ факультетамъ, заслуживали награду столь жалкую, то чего-же можно было ожидать отъ наукъ естественныхъ и точныхъ и каковы могли быть успѣхи театра? Кто рѣшился бы посвятить себя изученію искусства столь труднаго, столь отчужденнаго отъ всѣхъ надеждъ на богатство и почести, пренебрегаемаго высшимъ сословіемъ и презираемаго такъ называемыми учеными? Неужели одна бессмысленная чернь своимъ крикомъ и рукоплесканіями могла бы награждать его успѣхи.

Было время, когда грубыя еще произведенія испанской драматургіи удостоивались приѣма болѣе лестнаго: знатѣйшіе сановники государства занимались ею и поддерживали ее своимъ покровительствомъ; она равно уважалась во дворцахъ и во храмахъ, но это время прошло. *Фернандо Католикъ*, котораго характеръ и безъ того уже мрачный сдѣлался еще суровѣе отъ старости и огорченій, въпюгу не соединилъ въ себѣ славы литератора и ученаго со славою блестящаго рыцаря, глубокомысленнаго политика и мудраго государя. *Germaine de Foix* (*), не знакомая съ языкомъ и обычаями испанцевъ, была неспособна воскресить театръ и поддержать его своимъ покровительствомъ. *Филиппъ I* и весь дворъ его прибыли изъ Фландріи, казалось, для того только, чтобы ввести во дворецъ королевскіи неизвѣстный до того церемоніалъ и чуждый этикетъ: въ этомъ состояли всѣ ихъ заслуги. *Карлъ V*, путешествуя и воюя въ продолженіе всего своего царствованія, самъ фламандецъ, и окруженный фламандцами, съ завистію оспаривавшими другъ у друга мѣста и сокровища государства, не только не способствовалъ процвѣтанію испанскаго театра, но даже не зналъ его. Кочующій и воинственный дворъ его попражалъ и наклонностямъ государя. Смуты и междоусобныя распри, волновавшія провинціи въ первые годы его правленія, не могли

способствовать успѣхамъ испанскаго театра.

Рыцарскія книги, которыхъ начало должно отнести къ XI столѣтію, распространились по всей Европѣ и были единственною пищею любителей чтенія, поддерживали страсть ко всему великому и необычайному; онѣ замѣтили собою книги историческія. Въ Испаніи, въ подраженіе тому, что было писано въ другихъ земляхъ, появилась, первая въ этомъ родѣ, книга *Амадисъ Гальскій* (*Amadis de Gaula*), около половины XIV столѣтія, а потомъ и друія книги того же рода, хотя менѣе замысловатыя, но тѣмъ не менѣе сумасбродныя. Полиовѣсность ихъ объема, чрезвычайная дороговизна рукописныхъ списковъ, а слѣдовательно рѣдкость и малочисленность ихъ экземпляровъ, удерживали эту вредную ученость въ частныхъ бібліотекахъ королей и знатѣйшихъ вельможъ. Эти книги не переходили въ руки народа и чтеніе ихъ не могло слѣжаться общимъ до тѣхъ поръ, пока книгопечатаніе, сберегая время и издержки, не нашло средствъ размножать до повѣрливости всевозможныя сочиненія въ совершенно тождественныхъ спискахъ. Первымъ твореніемъ этаго рода, напечатаннымъ въ Испаніи, была, названная выше, повѣсть объ *«Амадисѣ»*, какъ замѣчательнѣйшая изъ всѣхъ, и прежде исхода XV столѣтія она уже сдѣлалась предметомъ общенароднаго чтенія. Въ слѣдующемъ вѣкѣ появилось множество подражателей этаго рода вымысловъ и этаго слога; и такъ какъ стоитъ только одинъ разъ сбиться воображенію съ истиннаго пути, чтобы потомъ совершенно потеряться въ безпредѣльномъ лабиринтѣ нелѣпостей, то и книги рыцарскія, издавныя въ томъ-же вѣкѣ, расплодился до такой степени, что могли бы однѣ составить огромнѣйшую бібліотеку, еслибъ перо величайшаго изъ испанскихъ повѣствователей (*) не ускорило ихъ истребленія, оставивъ намъ только одно воспоминаніе о ихъ существованіи. Онѣ исказили вкусъ народа, представляли ему вымыслы блестящіе и чудовищные, физическій и нравственный

(*) Герминія графиня де Фуа, племянница Людовика XII, короля Французскаго, вторая супруга Фернандо Католика.

(*) Дона Мигеля Сервантеса де Сааведра.

порядокъ вещей совершенно въ иномъ видѣ противъ существующаго, иной міръ, иныхъ людей. Она навизывали чудеса на чудеса, увлекала ими воображеніе читателей, перепутывали вымыслы изысканнымъ сплетеніемъ обстоятельствъ, для поддержанія любопытства, и трогали сердце описаніями чувствъ то героическихъ, то иѣжныхъ и сладострастныхъ. Дамы-красавицы, принцы, короли и императоры; отсутствіе, разлука, ревность, любовныя наслажденія, турпиры, девизы, завоеванія, дерзкія предпріятія, труды сверхъестественныя, мѣдныя башни, хрустальныя дворцы, кипищія озера, сграшныя пустыни, плавающихъ острова, возмущенныя колесницы; волшебники, феи, духи, чудовища, карлы, великаны, драконы, крылатые кони; — все это входило въ составъ книгъ, называвшихся «исторіями.» Народъ, привыкшій къ подобнымъ сочиненіямъ, не могъ довольствоваться въ театрѣ вымысломъ правдоподобнымъ, списаннымъ съ домашней жизни, одушевленнымъ изображеніемъ характеровъ и чувствъ обыкновенныхъ, естественною связкою и развязкою простою, хотя и непредвидѣнною, дѣйствіемъ искусно расположеннымъ съ тою цѣлію, чтобъ научить слушателей истиннымъ полезнымъ, возбуждая въ нихъ отвращеніе къ пороку и любовь къ добродѣтели. Искусство не было еще усовершенствовано до такой степени, чтобъ можно было ожидать много драматическихъ пьесъ, соответствующихъ этимъ требованіямъ, видя обществу, передъ которымъ они разыгрывались, (привыкшее въ книгахъ рыцарскихъ къ вымысламъ болѣе соблазнительнымъ), не въ состояніи было оценить и оцѣнить достоинствъ хорошо написанной театральной пьесы. Такимъ образомъ, едва только стала разрабатываться поэзія сценическая, какъ тѣ же самые люди, которымъ она была наиболее обязана своими успѣхами, стали содѣйствовать ея развращенію и упадку, вводя въ свои сочиненія лица и обстоятельства преувеличенныя, фантастическія, невозможныя. Этотъ существенный недостатокъ, сдѣлавшійся общимъ между всеми писателями того времени, и поддер-

живаемый одобреніемъ читателей, обращалъ въ ничто все усиліе гевія и заставляя забывать истинныя начала драматическаго вымысла, котораго цѣль и необходимое условіе есть подражать тому, что существуетъ, что существовало, что можетъ существовать между людьми. Къ чудесамъ рода романтическаго присоединили вскорѣ чудеса христіанской религіи; но какъ таинства ея были исключены съ некоторыхъ поръ, подъ строгимъ запрещеніемъ изъ зрѣлища, который на роль притвыкъ выдѣвъ въ храмахъ, то весьма естественно онѣ перешли на публичныя театры, и открыли новое средство для поэтовъ возбуждать удивленіе священными драмами, въ которыхъ чудеса казались возможными, благодаря общему духу и суевѣрью вѣка. Совершенное отсутствіе всехъ правилъ искусства ружчалось за успѣхъ. Отсюда такое множество «священныхъ комедій» и такъ называемыхъ autos sacramentales, столь долгое время служившихъ пищею двусмысленной набожности народа. При такихъ обстоятельствахъ преобразованіе театра дещь ото дни становилось труднѣе.

Поэзія лирическая, не подчиненная прихотливому вкусу толпы, свободная въ выборѣ предметовъ для своихъ вымысловъ, дочь фантазіи, воспѣвающая свои собственные ощущенія, и достойная соперница лучшихъ образцовъ древности, достигла, подъ перомъ *Гарсиласо* (*Garcilaso*) и его последователей, высшей степени красоты, которая ярко блеститъ въ ихъ превосходныхъ сочиненіяхъ, начиная съ иѣжныхъ жалобъ *Салисія* и *Пелоросо* до священныхъ поэмъ *Люперсія* Тагава *Люнесъ* де *Леона* и *Иобиды* *Лепантской*, воспѣтой дономъ *Хернандо* де *Херрера* (*Hernando de Herrera*.) По каждый родъ поэзіи требуетъ своихъ особенныхъ условій, и то, что составляетъ совершенство и красоту одного, есть недостатокъ въ другомъ. Привычка къ пышности эпической, къ восторгамъ и гармоніи лирическимъ, привившись неумѣстно къ театральнымъ вымысламъ, способствовала къ искаженію вкуса. Не обузданное воображеніе писателей, выволившихъ на сцену характеры и лица

не только не историческіе, но даже невозможные, смѣшало вмѣстѣ всѣ роды поэзіи, и приучило къ языку столь напыщенному и противуестественному, что трагедія и комедія, благодаря множеству постороннихъ украшеній, потеряли ту благородную простоту, которая должна ихъ отличать.

Новое ученіе, отдѣлившее отъ католическаго вѣроисповѣданія большую часть Европы, и опасеніе, чтобы оно не произвело подобнаго-же соблазна въ Испанію, подали поводъ къ необыкновеннымъ предосторожностямъ. Опять стѣснили свободу мысленія и ограничивая свободу книгопечатанія и удерживали въ тѣсныхъ предѣлахъ изящныя искусства, для которыхъ такое положеніе дѣлъ было весьма неблагоприятно. Правительство пожертвовало полезнымъ необходимому, и сдерживало порывы вдохновенія для соблюденія тишины и спокойствія государства. Но всѣ насильственные мѣры не могли восторжествовать совершенно надъ усиліями и дѣятельностію великихъ умовъ Испаніи, и до сихъ поръ еще мы смотримъ съ удивленіемъ на произведенія знаменитыхъ мужей того времени, которые, оставшись вѣрными святому вдохновенію музъ, прославили свою отечественную литературу и оставили послѣ себя такіе образцы, которымъ нынѣшній вѣкъ старается но не всегда успѣваетъ подражать.

Въ 1548 году совершено въ Валлядолидѣ, въ отсутствіи императора Карла V, бракосочетаніе инфанты донны Маріи, его дочери, съ Эрцгерцогомъ Максимилианомъ. Для увеселенія двора представлена была во дворцѣ комедія съ великолѣпнымъ спектаклемъ и декорациями, въ подражаніе тѣмъ, которые вводились тогда въ употребленіе въ Римѣ. Ни одинъ испанскій писатель не удостоенъ былъ чести употребить свое перо для увеселенія августѣйшихъ повобращныхъ: комедія была представлена на итальянскомъ языкѣ совершенно въ томъ-же видѣ, какъ ее написалъ за нѣсколько лѣтъ назадъ Людовико Аріосто.

Разговорная проза, примѣненная къ

театру, не имѣла дотолѣ еще ни одного писателя, который бы занялся ею и обработалъ ее: совершить этотъ подвигъ назначено было именно такому человеку, который, казалось бы, менѣе всѣхъ былъ къ тому способенъ. Севильянецъ, человекъ изъ низшаго сословія, безъ учителей, безъ воспитанія, промышлявшій себѣ пропитаніе механическимъ ремесломъ, сдѣлалъ на испанской сценѣ полезное нововведеніе, и открылъ для драматическихъ писателей путь новый и дотолѣ неизвѣстный, на которомъ однако не многіе прославились послѣ него. Это былъ Лопе де Руада (Lope de Rueda), въ первой половинѣ XVI столѣтія появившійся на театрахъ своего отечества, какъ остроумный писатель и искусный актеръ.

Селестина и прочія *новеллы* (novelas) въ прозѣ, писанныя въ подражаніе ей, имѣли два недостатка, потерпимые на сценѣ: напыщенную и педантическую ученость, и длинныя пренія о постороннихъ предметахъ, — не говоря уже о чрезмѣрной продолжительности дѣйствій въ атихъ пьесахъ, писанныхъ не для представленія, но просто для чтенія. Руада, изучая ихъ съ благоразумною разборчивостію, выялъ недостатки; подражалъ удачнымъ выходкамъ и принаровившись къ потерпѣнью публики, (которая должна была слушать его на площади, или на какомъ нибудь дворѣ, обнесенномъ стѣною, но безъ кровли, или въ сараѣ, стоя въ тѣсотѣ, и безпрерывно развлекаемай посторонними предметами), писалъ небольшія драмы съ тремя или четырьмя дѣйствующими лицами, отличавшіяся простотою дѣйствія, естественностію характеровъ, благопристойностію языка, остротою и народностію разговора. Кроме того онъ написалъ нѣсколько пьесъ большаго объема. Въ нихъ болѣе заимательности, болѣе замысловатости въ вымыслѣ; въ нѣкоторыя изъ нихъ онъ вставлялъ эпизоды, часто безполезныя, которые впрочемъ представлялись тогда и отвѣдно, смотря по обстоятельствомъ. Къ сожалѣнію, старался принаровиться ко вкусу, царствовавшему тогда въ Италіи, онъ

удалаясь иногда от простоты, которая была отличительнымъ свойствомъ его драматическаго таланта. Но въ жалкомъ состояніи; причиною этого не менѣе онъ достоинъ всякой похвалы за пастушескіе разговоры, да не было постояннаго театра. Актеры оставались весьма не долго въ таванне послѣ его смерти: это изданіе совершенно для насъ потеряно, и до насъ дошли только *одна* пѣлый разговоръ и небольшою отрывкомъ изъ другаго. Всѣми этими сочиненіями онъ заслужилъ имя *отца испанскаго театра*. Валенсіецъ Хуанъ де Тимонедъ (Juan de Timoneda) современникъ и другъ его и издатель его твореній, подражалъ ему въ нѣкоторыхъ изъ своихъ комическихъ пьесъ, писавшихъ въ прозѣ; онъ имѣютъ свое достоинство по легкости изложенія, быстротѣ разговора и правильности вымысла. Напротивъ того, пьесы, писавшыя имъ въ стихахъ, не заслуживаютъ тѣхъ же похвалъ: кромѣ того что стихъ Тимонеды тяжелъ и шероховатъ, желая ввести въ свои стихотворныя драмы что нибудь новое, онъ наполнялъ ихъ происшествіями невозможными и лицами чудовищными, которыя, не существуя въ природѣ, пестрыми на сценѣ. И въ этомъ онъ подражалъ другу своему Лопе де Руэда: такимъ образомъ заблужденіи знаменитаго чловека имѣютъ обыкновенно пагубное вліяніе на его послѣдователей.

Алонсо де ла Вега, актеръ и писатель, сочинилъ нѣсколько комедій въ прозѣ, имѣвшихъ блистательный успѣхъ въ свое время; по критика находятъ столько недостатковъ въ трехъ изъ нихъ, дошедшихъ до насъ, что надо только удивляться какимъ образомъ могли они заслужить столько похвалъ отъ современниковъ. Эта эпоха была изобильна писателями; нѣкоторые изъ ихъ твореній сохранились еще и до нынѣ, или по крайней мѣрѣ извѣстія о нихъ уцѣлѣли. Труппы кочующихъ комедіантовъ развѣзжали по всемъ провинціямъ, забавляя народъ своими *комедіями, трагедіями, трагикомедіями, эклогами, представленіями, пьесами* такъ называемыми *autos, фарсами* и *интермедіями*: таковы были родовыя названія драматическихъ пьесъ тогдашняго времени.

Костюмъ, декорацин и всѣ вообще сценическія принадлежності находились въ жалкомъ состояніи; причиною этого было то, что ни въ одномъ городѣ не было постояннаго театра. Актеры оставались весьма не долго въ каждомъ городѣ, и имъ невозможно было возить съ собою по дорогамъ декорацин, машины и весь сценическій скарядъ; къ тому же ничтожныя доходы, получаемые ими отъ ихъ ремесла, не позволяли имъ большихъ издержекъ.

Не смотря на всѣ запрещенія, все еще продолжались въ прежней силѣ злоупотребленія, которыя соборъ Аравскій пытался искоренить. По прежнему продолжались въ храмахъ уродливыя представленія «избѣнія младенцевъ,» а священныя драмы, дозволенныя соборомъ, далеко отступили отъ того назидательнаго и благочестиваго духа, какого отъ нихъ требовали. Новый соборъ, созванный въ Толедѣ въ 1565 и 66 годахъ, слова обратилъ вниманіе на этотъ предметъ: онъ вторично запретилъ чудовищныя представленія «избѣнія младенцевъ,» подтвердивъ, чтобъ священнослуженіе не прерывалось никакаго рода зрѣлищами, чтобъ театральныя представленія не давались въ церквахъ и чтобы епископы предварительно разсматривали пьесы, назначаемыя для народнаго увеселенія, если предметъ ихъ взятъ изъ священной исторіи. На томъ же соборѣ строжайше подтверждено запрещеніе служителямъ церковнаго причета падать маски и разыгрывать роли въ упомянутыхъ зрѣлищахъ. Во всѣхъ прочихъ духовныхъ округахъ Испаніи послѣдовательно повторились тѣ же запрещенія: нужно было много усилій, чтобъ вытѣспить изъ храмовъ обычай столь вредный по соблазну, имъ возбуждаемому, и принудить священнослужителей не представлять изъ себя скомороховъ и не увѣжать, въ глазахъ народа, достоинства ихъ званія.

Такимъ образомъ мѣсто прежнихъ церковныхъ представленій заступили небольшіе «разговоры» съ пѣніемъ и танцами, не выходившими изъ границъ бла-

гопристойности. Дѣйствующими лицами въ нихъ были церковные служители, пѣвчіе и дѣти; они представлялись во время святокъ, пройдя сначала чрезъ цензуру духовнаго викарія. Въместо патриарховъ, пророковъ, апостоловъ и мучениковъ стали выводить на сцену ангеловъ, пастуховъ и пастушекъ, лица болѣе приличныя возрасту, наружности, голосу и росту дѣтей и юношей, ихъ представлявшихъ. Отсюда произошли не большія пьесы въ стихахъ, которыя поются и понынѣ подъ именемъ *вилляльискозъ* (*Villaliscoz*) съ тою только разницею, что тогда онѣ были затѣйливѣе, сложнѣе нынѣшнихъ: въ нихъ входили собственно представленіе, пѣніе, танцы, пантомима, костюмы, декорацин и инструментальная музыка.

Драмы священныя, историческія, аллегорическія и нравственныя, бывшія столь долгое время собственностію священнослужителей, совершенно исчезли, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ. Ни одна изъ нихъ не была напечатана: всѣ рукописи хранились, какъ собственность церковная, въ церквахъ и монастыряхъ, и потому весьма легко было ихъ уничтожить. Та же самая ревность къ вѣрѣ, которая породила ихъ, была въ послѣдствіи орудіемъ ихъ истребленія, и хотя дѣйствительно благочивіе церкви и достоинство ея служителей много отъ того выиграли, но тѣмъ не менѣе исторія литературы оплакиваетъ ихъ утрату. Этимъ изгнаніемъ театральныхъ представлений изъ храмовъ дава была новая жизнь публичнымъ театрамъ, на которыхъ чаще стали появляться сочиненія, называемыя *священными* (*), заманивавшія народъ. Число драматическихъ писателей увеличивалось, равно какъ и число комическихъ труппъ. Соревнованіе актеровъ, личныя ихъ выгоды и желаніе заслужить рукоплесканія заставляли ихъ совершенствоваться въ своемъ искусствѣ, и они ничего не упустили изъ виду, что только могло придать ихъ представленіямъ болѣе жизни и наруж-

наго блеска, въ которыхъ они нуждались.

Уроженецъ толедскій, комикъ Наарро, предводитель труппы актеровъ, *изобрѣлъ театр* (*) въ 1570 году, то есть первый ввелъ въ употребленіе живописныя и подвижныя декорацин, опредѣлилъ мѣсто для музыки, увеличилъ и улучшилъ костюмы, завелъ машины, подражалъ бурѣ и оживилъ свои вымыслы великолѣпнымъ спектаклемъ, войсками и сраженіями. Изъ сего видно, что испанская драматургія съ каждымъ лѣтмъ болѣе и болѣе отступала отъ простоты, отличавшей лучшія произведенія прежнихъ авторовъ. Тщестны были усилія ученаго анонима напечатавшаго въ 1555 году въ Амбересѣ прекрасные переводы двухъ комедій Плавта. Заслуженный правовѣдъ *Педро Симонъ Абриль* познакомилъ своихъ соотечественниковъ въ 1570 и 77 годахъ съ *Плутономъ*—Аристофана, *Медеею*—Эврипида и съ комедіями Теренція, передавшими имъ на народный языкъ: ни однимъ изъ этихъ образцовъ не хотѣли пользоваться драматическіе писатели тогдашняго времени. *Херонимо Бермудесъ* въ томъ же 1577 году написалъ свою трагедію *Nise lastimosa* (несчастная Ивеса) (**); занимательность дѣйствія, трогательность страстей, естественность положеній, слогъ благопристойный и мѣстами величественный—ручачются за удовольствіе, которое она должна была доставлять въ свое время зрителямъ. Трагедіи въ прозѣ *Фернана Пересъ де Олива*, издавныя Амбросіемъ де Моралесъ, высоко цѣнились учеными, но никто не старался имъ подражать. Нѣкоторые литераторы писали въ это же время комедіи и трагедіи латинскія, отличавшіяся своею правильностію; но эти сочиненія, чисто ученныя, не могли имѣть вліянія на усовершенствованіе театра. *Донъ Люисъ Сапата* (D. Luis Zapata) перевелъ и издалъ въ свѣтъ «Поэтическое искусство» Гора-

(*) То есть заимствованныя изъ священной исторіи.

(*) Точное выраженіе испанской хроникки.

(**) *Nise*—уменьшительное, вместо *Ives*.

ція; Хуанъ *Пересъ de Кастро*—Аристотеля. *Алонсо Лопесъ* искоръ послѣ сего напечаталъ пространную и глубокомысленную шпінтку, въ которой съ тонкою разборчивостію и рѣдкимъ вкусомъ изложилъ правила драматургіи, но все было бесполезно: паденіе или, по крайней мѣрѣ, развращеніе испанскаго театра было неизбежно. Уроженецъ сепильскій *Хуанъ де Мальяра* наиболее способствовалъ этому развращенію своими драмами, совершенно противрѣчивыми всемъ правиламъ искусства, не смотря на легкость и звучность стиха, которыми онъ умѣлъ прикрасить безпорядочные порывы своего блестящаго воображенія. *Хуанъ де ля Куэва*, соотечественникъ его, плодовитый стихотворецъ, упражнявшійся во всехъ родахъ поэзіи, какъ будто для того, чтобъ не отличиться ни въ одномъ, и подражавшій заблужденіямъ *Мальяры*, также писалъ, съ 1579 года, трагедіи и комедіи, которыя были играемы передъ публикою. Въ первый разъ онѣ были представлены въ Севильѣ, а оттуда перешли на все театры прочихъ городовъ королевства и служили образцомъ и выѣстъ управленіемъ для тѣхъ, которые, не имѣя его дарованій, стали подражать ему.

Съ тѣхъ поръ роды комической и трагической смѣшались одинъ съ другимъ; вымыселъ, дѣйствующія лица, страсти и самый слогъ, свойственные одному, переносились безъ всякаго разбора и различія въ другой. Въ драмахъ присвоили все обороты и особенности лирическіе, эпическіе и элегическіе, не заботясь о единствѣ и правдоподобіи, которыхъ требуетъ подраженіе чувствамъ и характерамъ на сценѣ. Общее пренебреженіе привело въ упадокъ драматическую прозу, которая доведена была до возможной степени совершенства трудами нѣкоторыхъ благонамѣреннѣйшихъ писателей. Комедіи обратились въ какіи-то повѣсти въ стихахъ, сотканныя изъ неправдоподобныхъ и безсвязныхъ сказокъ; трагедіи въ какіи-то сбивчивыя и запутанныя интриги, которыхъ развязка основывалась на безчеловѣчныхъ и отвратительныхъ жестоко-

ствѣ только лишний рядъ драматическихъ сценъ безъ связи и искусства, снискавшихъ съ исторіи, къ которымъ авторъ не прибавлялъ ничего отъ себя, кромѣ разглагольствій и стиховъ. Въ такомъ положеніи засталъ театръ *Мигель де Сервантесъ*. Вместо того, чтобъ способствовать къ его улучшенію, чего должно было ожидать отъ писателя заслужившаго безсмертную славу, онъ смотрѣлъ на театръ только какъ на средство поправить свое бѣдное состояніе, писалъ какъ и прочіе, оставляя безъ употребленія свои глубокія знанія, рабски поддѣлываясь подъ вкусъ публики, и мѣнилъ славу писателя самобытнаго на пустыя и часто бессмысленныя рукописскія толпы. Эта школа, если она заслуживаетъ такого названія, имѣла многихъ послѣдователей, каковы, напримѣръ, *Сетина*, *Вируэсъ*, *Гевара*, *Люперсіо де Архенсола*, *Артигасъ*, *Сальданыя (Saldanna)* *Косаръ (Cozar)*, *Фуэнтэсъ*, *Ортисъ*, *Беррио*, *Лойола*, *Мехиа*, *Вега*, *Сиснеросъ*, *Моралэсъ* и безчисленное множество поэтовъ болѣе или менѣе знаменитыхъ въ Кастиліи, Андалусіи и Валенсіи. Когда театръ такимъ образомъ сдѣлался необходимою потребностію народа и труппы актеровъ расплодился во множествѣ по всему королевству, при дворѣ учредились два постоянные театра въ улицахъ *de la Cruz* (Креста) и *del Principe* (принца). Первый изъ нихъ построенъ въ 1579, а послѣдній въ 1582 году. Здѣсь то впервые услышали съ удивленіемъ легкіе и звучные стихи юнаго *Лопэ де Вега*, этого необыкновеннаго чело-вѣчка, одареннаго отъ природы воображеніемъ столь плодовитымъ, поэтическимъ, восторгомъ столь неистощимымъ, что ни въ какое время и ни въ какомъ государствѣ не было поэта ему подобнаго. Публика не терпѣла на сценѣ ни одной пьесы, которая бы не выходила изъ подъ пера *Лопэ*; прочіе поэты попили, что единственнѣйшымъ средствомъ заслужить рукописскія было—подражать ему, а въ слѣдствіе этого оставили изученіе лучшихъ драматическихъ писателей древности, пренебрегали требованіями здравой критики, и не хотѣли прилеживать-ся даже тѣхъ простыхъ правилъ, которыя преподаетъ намъ самый разсудокъ безъ помощи образцовъ и чтенія.

Къ концу XVI столѣтія, не достигнувъ еще до сороколѣтняго своего возраста, Лопэ-де-Вега подарилъ уже театру болѣе четырехъ сотъ комедій, импровизированныхъ, какъ и всѣ прочія сочиненія въ прозѣ и стихахъ, вышедшія изъ подъ пера его. Но какъ удивительна эта плодовитость его воображенія, которое онъ никогда не умѣлъ подчинять правиламъ искусства, едва ли не болѣе должно изумляться тому, что всегда импровизировавъ не рѣдко увѣнчивался полнымъ успѣхомъ. Тѣ изъ его критиковъ, которые, забывая безчисленные красоты, разсыпаны во всѣхъ его произведеніяхъ, желаютъ выставить только одни его недостатки, безъ сомнѣнія могутъ найти обильную пищу для удовлетворенія своей страсти къ оуждевию; но тѣмъ не менѣе, еслибъ вздумали обвинять Лопэ въ развращеніи испанской сцены, они не нашли бы доказательствъ, необходимыхъ для подтвержденія столь несправедливаго обвиненія.

Лопэ не былъ развратителемъ вкуса; онъ не созналъ его со сцены, потому что вкусъ къ излишнему былъ уже совершенно потерянъ, когда Лопэ начиналъ еще только писать. Если можно въ чемъ либо упрекнуть его, то развѣ въ томъ, что онъ не пытался исправить его; и точно, многого можно было ожидать отъ столь необыкновеннаго дарованія, отъ его утонченной чувствительности, отъ его пламеннаго воображенія, природной легкости его стихосложенія, его гармоническаго слога, отъ его глубокаго и точнаго знанія языка, отъ его учености и обширной начитанности древнихъ и новыхъ авторовъ, отъ его практическаго знанія характеровъ и обычаевъ народныхъ. Если со всѣми этими преимуществами онъ не стремился за славою, какую въскольکو лѣтъ спустя приобрѣли во Франціи *Корнель* и *Мольеръ*, — такъ это единственное преступленіе, въ которомъ его можно обвинить.

Лопэ де Вега искажалъ иногда свои басни вымыслами неправдоподобными, нарушая естественный порядокъ, въ какомъ слѣдуютъ одно за другимъ происшествія нашей жизни. Если онъ смѣшивалъ въ своихъ драмахъ лица и характеры, высокіе съ

визкими, дѣйствія героическія съ площадными, если онъ нарушалъ условія мѣста и времени; если онъ не всегда былъ вѣренъ исторіи и характеристическимъ чертамъ народныхъ обычаевъ, — поэты, ему предшествовавшіе, подали ему примѣръ. Если онъ вводилъ на сцену то, что прилично только эпопеѣ, что дозволяется только порывамъ лирическимъ; если онъ льстилъ народному невѣжеству, описывая, какъ явленія возможныя въ пророкѣ, призраки, видѣнія волшебниковъ и всѣ бредни, пораженные легкомысліемъ и суевѣріемъ, — другіе прежде него дѣлали то же самое. Онъ позволялъ себѣ включить въ число дѣйствующихъ лицъ божества языческія, которыхъ существованіе столь нелѣпо, что нарушаетъ всякое сценическое правдоподобіе, — но и тутъ онъ не сдѣлалъ ничего новаго, а только повторилъ то, что нашелъ уже готовымъ, и на что народъ смотрѣлъ съ удовольствіемъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Онъ не развращалъ театра, но только привилъ за правило писать, сообразуясь со вкусомъ господствовавшимъ въ его время; онъ не шелъ на то, чтобъ научать народъ и исправлять его понятія, но хотѣлъ только вразумиться ему, чтобъ сбывать съ пользою для себя свои сочиненія, и этимъ средствомъ согласовать выгоды своего самолюбія съ выгодами для своего состоянія.

Критическій разборъ его драматическихъ сочиненій, равно какъ и произведеній другихъ авторовъ, его современниковъ и подражателей, поповведенія, которыми обогатилъ и возвысилъ испанскій театръ *Кальдеронъ де ля Барка*, отличающійся болѣею отчетливостію, полнотою и развитіемъ вымысла, недостатки и красоты испанскаго театра и вліяніе его на драматическую поэзію остальной Европы въ продолженіе всего XVIII столѣтія, его упадокъ въ слѣдующемъ вѣкѣ, новыя попытки возстановить его въ прежнемъ блескѣ, состояніе въ какомъ онъ находится въ наше время — все это составляетъ предметъ достойный нашего изученія.

Если силы и время удѣляемые мною другимъ занятіямъ, позволятъ мнѣ, я

буду послѣдовательно представлять публикѣ въ Пантеонѣ плоды моихъ трудовъ, и не ограничусь однимъ театромъ, но постараюсь, чтобъ всѣ статьи мои, собранныя вмѣстѣ, могли составить пол-

ную, по возможности, исторію прекрасной, богатой и великолѣпной литературы испанской, столь мало известной въ нашемъ отечествѣ.

МАДРИДСКІЙ ДОГОВОРЪ.

Новелла Леона Гозлана.

Онъ стоялъ, облокотясь на окно, заглядывая толстыми желѣзными перекладинами, изъ котораго открывался видъ на Мадридъ. Продолжительная печаль замѣтно привела слезы свои на продолговатомъ и величавомъ его лицѣ, и растянула дугу его бровей, которыя, казалось, самъ Тицианъ начерталъ однимъ размахомъ своей кисти, во время свѣдѣній монарха, — бровей, которыхъ изгибъ имѣлъ столько пріятности, что мать, въ своемъ родительскомъ тщеславіи, не могла бы вообразить ихъ прекраснѣе, а любовница испортила бы, придавъ имъ выраженіе менѣе строгое. Глубокая печаль измѣнила его черты, которыми, не смотря на нѣсколько несоразмѣрную длину носа, придавали столько благородства — чело гладкое и бѣлое, какъ слонополовое кость и уста постоянно раскрытыя улыбкою, или выраженіемъ царственнаго благоговѣнія. — Но этотъ недостатокъ, если можно его такъ назвать, совершенно исчезалъ передъ свѣтлымъ, глубокимъ взоромъ прекрасныхъ, черныхъ глазъ и даже очень шелкъ къ его умной, нѣсколько угловатой профили. Пожелтѣло и его лице, такъ красиво обрамленное черною, шелковисто-кудрявою бородою, крупными, густыми

буклями волосъ и тонкими усиками. Сапфиръ его сталъ нѣсколько сутуловать, оттого, что въ теченіе цѣлаго полугода, онъ долженъ былъ сгибаться подъ низкимъ сводомъ темницы. Таковъ былъ, однимъ словомъ, могущественный король Франціи, котораго императоръ Карлъ V взялъ въ плѣнъ въ сраженіи при Павіи, и съ которыми поступалъ такъ великодушно. Въ то время, какъ онъ, въ грустномъ раздумьи, стоялъ у окна, одинъ изъ тѣхъ невольниковъ, которыхъ Пизарро недавно вывезъ изъ Перу вмѣстѣ съ бочками золота и жемчуга, прибиралъ и освѣжалъ темницу, перестилалъ солому, служашую постелью, перемѣнял воду, подкалывалъ въ огонь дрова; — короче, исполнялъ всѣ обязанности слуги. Индѣецъ былъ также плѣнникомъ; но ему предоставляли полную свободу ходить по двору темницы и даже выходить изъ нея. Несчастнымъ все внушаетъ подозрѣніе. Францискъ вообразилъ, что его заключили въ одной темницѣ съ индѣйцемъ, невольникомъ, для того, чтобы тѣмъ болѣе его унижить; а свобода, которою пользовался его товарищъ, побуждала его смотрѣть на него, какъ на шпиона, подкупленнаго забавлять своими доно-

сами дворъ Карла V. Иногда онъ немогъ видѣть его безъ отвращенія, припоминая средства, къ которымъ не рѣдко прибѣгала политика, чтобы не гласно избавить отъ плѣвниковъ, осужденныхъ ея законамъ ея законами. Цѣлый мѣсяцъ, какъ идицея посвятилъ себя на службу Франциску; а онъ ни разу не отвлекся отъ своихъ собственныхъ страданій и не удостоилъ бѣдлага невольника ни однимъ словомъ благодарности, ни малѣйшимъ знакомъ вниманія. Между тѣмъ, въ палящій лѣтній зной, невольникъ прохлаждалъ лице короля по обычаю своей стороны; а когда наступили зимнія ночи, онъ одѣвалъ ноги плѣвника единственнымъ одеяломъ, которое дано имъ было обоимъ. Вмѣстѣ они сидѣли на солнцѣ, или одну воду, дышали однимъ воздухомъ; но между двумя несчастливцами, не установилось то небесное братство, которымъ Богъ обыкновенно соединяетъ души узниковъ. Гордости короля не могли унизить ни желѣзные запоры, ни тюремщики. Впрочемъ, иначе и не могло быть. Не говоря уже о чувствѣ отвращенія и страха, возбужденномъ ролею, которую, по мнѣнію Франциска, невольникъ разыгрывалъ въ отношеніи къ его царственной особѣ, — что могло бытъ общаго между дикимъ, отвратительнаго вида, съ разрубленными губами; между рабомъ, изычникомъ (а это почиталось въ тѣ времена мѣймомъ самымъ позорнымъ) — и величественнымъ королемъ, потомкомъ Карла-Мудраго, въ жилахъ котораго текла кровь всѣхъ царей, всѣхъ парижъ свѣта, исключая англійскихъ; — какое же сочувствіе, говоримъ мы, могло у него существовать съ этимъ королемъ, самымъ щеголеватымъ, самымъ красивымъ рыцаремъ своего государства, любезнымъ и храбрымъ, благочестивымъ и могучимъ, призывающимъ надъ собою подъ солнцемъ только власть Бога и законъ чести. Но идицея любилъ душевно Франциска юнаго и несчастнаго, прекраснаго, полнаго отваги и такъ убитаго горестью. Быть можетъ, онъ имѣлъ сына, который походилъ на Франциска. Его свѣтлокаріе глаза были исполнены самаго живѣйшаго состраданія; оно вы-

ражалось въ нихъ тѣмъ свѣтомъ, что по природѣ черные глаза воспринимаютъ всѣ чувства, которыя у другихъ народовъ, выражаются измѣненіемъ цвѣта лица. Онъ любилъ Франциска, какъ сына. Какъ онъ заботился о паукѣ, котораго движенія были единственнымъ развлеченіемъ короля! Не съ такою любовію ухаживаетъ дѣвушка за птичку, за любимымъ цвѣткомъ! Онъ защищалъ отъ вѣтра его тлѣвную ткань; свисталъ или пѣлъ и насѣкомое прибѣгало на зовъ его, по трепещущимъ, хитросплетеннымъ нитямъ. Король и невольникъ, притая дыханіе, смотрѣли на его работу. Потомъ, одинъ мечталъ о своемъ потерянномъ царствѣ; другой — Богъ знаетъ о чемъ. Въ тотъ день, какъ я уже сказалъ, монархъ стоялъ, прислонившись къ окну темницы. Его неподвижное, мрачное лицо совершенно согласовалось съ состояніемъ его души. Онъ думалъ объ ужасной измѣнѣ кокнетабля Бурбонскаго, — причинѣ его плѣна и всѣхъ несчастій, которыя угрожали Франціи. Кокнетабль, первый между его подданными, звантійшій вельможа его двора, командовалъ его войсками; онъ крестилъ его сына-первенца, дружески жаль ему руку, за нѣсколько дней до италіянскаго похода. И столько благодарній породили одну неблагодарность! За этими мыслями, слѣдовали другія. На этомъ мѣстѣ прекрасный узникъ обыкновенно удовлетворялъ любопытству испанскихъ лѣвущекъ, которыя никогда не упускали случая посылать ему мимоходомъ свои благословенія, взгляды и вздохи; приходили издалика полюбоваться на плѣнительнаго рыцаря, пожалуйтъ о побѣжденномъ государѣ. Многія, привлеченныя состраданіемъ, упустили въ сердцѣ любовь. Участіе, блушаемое узникомъ юнымъ кастильянкамъ, было такъ сильно, что, по свѣдѣтельству Сальдовало, нѣкоторые изъ нихъ рѣшились на геройскій подвигъ способствовать бѣгству короля; другія, лишили себя жизни въ порывѣ безнадежной страсти. Карль V, мало лоступный рыцарскому восторгу, едва не издалъ указа о задрещеніи прогуливаться по близости королевской темницы. Францискъ не былъ

равнодушень къ такому участию. Душа его была согрѣта всеѣмъ жаромъ юношескаго возраста; дамы его двора такъ хорошо умѣли развить его врожденное расположеніе къ чувствительности, что овъ былъ исполненъ въ высшей призывательности къ преданности юныхъ красавицъ.

Въ этотъ день въ Мадридѣ былъ большой праздникъ. Юный, очаровательный испанки по обыкновенію, прогуливался подлѣ окомъ Франциска, бросая букеты, посылая поцѣлуи прекрасному плѣвику. «Душа души моей! аромат моего сердца! мученіе моей жизни!» были еще самыя холодныя выраженія на языкѣ страстныхъ испанокъ, неистощимыхъ на изъясненія пѣжпости. Одна изъ нихъ, выше всѣхъ ростомъ, одѣтая въ бискайскій костюмъ, въ бархатномъ корсетѣ и черномъ передникѣ, мимоходомъ сказала плѣвику на родномъ языкѣ: «Здравствуй, душа моя!» и скрылась.

— Языкъ моей родины! Имя которымъ звала меня въ дѣтствѣ сестра Маргарита! Нѣтъ, это не мечта! и точно слышалъ: «здравствуй, душа моя! О, какъ бы я желалъ еще разъ услышать это имя, которое мнѣ теперь дороже названія короля французскаго! Если это васмъшка, то злая, жестокая васмъшка! Если это не сонъ, то кто могъ меня такъ назвать? Душа моя! Десять лѣтъ царства, если мнѣ суждено царствовать, десять лѣтъ жизни, если дано мнѣ жить, — лишь бы увидѣть ту, которая такъ много сдѣлала мнѣ добра! Карлъ Австрійскій, ты могущественнѣе, но не счастливѣе меня: у тебя есть золотыя рудники, но вѣтъ Маргариты, вѣтъ голубицы, котора называла бы тебѣ *своею душою!*

— Здравствуй, душа моя! повторилъ тотъ же голосъ и потомъ прибавилъ: — терпѣніе!»

— Остановитесь! Франція! Лувръ, Парижъ! сестра Маргарита! Остановитесь! Невольникъ, бѣги, снѣши! Нѣтъ, лучше пособи мнѣ разломать рѣшетку! помоги, помоги!

Францискъ упалъ въ изнеможеніи на полѣ темницы. Женщина дѣйствительно была Маргарита, герцогиня Алаисовская, сестра короля. Она прі-

ѣхала изъ Франціи договариваться съ Карломъ V о свободѣ своего брата, а еще болѣе для того, чтобы доставить ему средства къ побѣгу и такимъ образомъ избѣгнуть условій унижительныхъ для него и тягостныхъ для государства. Послѣдствія первой попытки не отвѣчали смѣлому патрению, Маргариту исцугала высота зубчатыхъ стѣнъ, ширина рвовъ, множество дворовъ, которые должно было пройти, чтобы достигнуть до входа въ Альказаръ, — входа, столь узкаго, что солдатъ, неподвижно стоявшій на часахъ, почти заслонялъ его своимъ тѣломъ. Какъ ни быстръ былъ этотъ осмотръ, потому что она подвергалась опасности быть открытою и измѣнить свое *инкогнито*, — овъ убѣдилъ ее въ невозможности побѣга. Съ той минуты, у нея осталась надежда только на дипломатическую ловкость, которою она обладала въ высшей степени и которую усовершенствовала подлѣ руководствомъ кардинала Дюрра и Луизы Савойской, вдовствующей королевы. И такъ Маргарита рѣшилась на другой же день объявить официально о своемъ прибытіи къ мадридскому двору. Страхась быть узвашою въ городѣ, въ который пріѣзлъ Карлъ V привлекъ многочисленное народонаселеніе, Маргарита остановилась въ монастырѣ *новообращенныхъ*. Овъ получилъ это названіе оттого, что въ немъ постригались женщины мавританскаго происхожденія, которыхъ принуждали обратиться въ христіанскую вѣру. Покореніе Испанію провинцій, принадлежавшихъ маврамъ, населило страну безчисленнымъ множествомъ вдовъ и сиротъ. Многіе изъ побѣжденныхъ, которымъ дано было на выборъ возвратиться въ Африку, или остаться въ Испаніи, принявъ католическую религію, — предпочли последнее. Но какъ испанцы не довѣряли некрепности такихъ обращеній, то принуждали родителей отдавать дѣтей въ монастыри. Религіозное воспитаніе новаго поколѣнія дѣлало неопаснымъ лицемѣріе родителей. При вступленіи въ монастырь, Маргариту тронуло зрѣлище мавританскихъ дѣвушекъ, которые не могли скрыть подлѣ своими бѣлыми покрывалами живыхъ фи-

зіюмою съ выраженіемъ природной пылкости. Едва на зарѣ жизни, мавританская кровь уже окрасила мѣдвосмуглымъ цвѣтомъ привлекательныя лица Кордуапокъ и Гренадкѣ. Вода крещенія, искупивъ ихъ душу, не смыла съ этихъ юныхъ созданий народнаго типа, ихъ глазъ серпы и пальмовиднаго стана. Когда часъ молитвы миновалъ и луна осеребрила монастырскій саль, Маргарита, сяди подъ цвѣтущими липами, услышала голосъ, который шепталъ въ тишинѣ попъ:

«Какъ они были безжалостны. Они вырвали цвѣтокъ и разбили сосудъ, въ которомъ онъ цвѣлъ. Они сказали народу, который жилъ тутъ уже восемь вѣковъ: уходите завтра да разсвѣта! Покиньте дворцы, мечети, дома; возвратитесь въ степь! Это было въ мѣсяцъ рабія.

«Съ тѣхъ поръ, едва минуло 30 лѣтъ; наши матери были тогда еще очень малы. Онъ пустился въ путь ночью, держа на рукахъ спящихъ дѣтей. Горько плакали онъ; но не плакали отцы наши, они умерли: умерли подлѣ стѣнами Севильи, умерли въ Малагѣ, умерли вездѣ, гдѣ только сіялъ полумѣсяцъ.

«О! кто воззоветъ мстителя изъ послѣ разваливъ, мстителя, который свергнетъ крестъ съ мечетей и пройдетъ между христіанами, какъ волкъ среди овецъ? Богъ отцѣвъ моихъ! дай мнѣ узрѣть Гренаду во власти Магометанъ! Дай мнѣ услышать журчаніе Хениля, — Хениля, котораго струи, розовыя утромъ, вечеромъ блистаютъ златомъ, чтобы не возбудить ревности между апельсинномъ и гранатами, растущими на его берегахъ.

«Дѣти мужали; крикъ: Аллахъ-Акбаръ! раздастся изъ ущелій Альпухарасскихъ; на этотъ крикъ соберутся тьмы воиновъ подъ знамя возмущенія. Боже! сдѣлай чтобы сматевія чужеземной войны вызвали Карла изъ государства. Лишь только удалится онъ, крикъ раздастся; я уже слышу его въ душѣ моей.

«Неужели нѣтъ болѣе враговъ, неужели только рабы у Карла V! О, пусть только перейдетъ онъ Пиршей! Чтобы

снова вступить въ Испанію, ему должно будетъ итти чрезъ огонь! Германія, Италія, Англія или Франція освободитъ насъ отъ него, все равно — мы благословимъ мстительницу.»

Окончивъ молитву, молодая мавританка хотѣла удалиться. Маргарита тихо тронула ее за покрывало. Дѣвушка вскрикнула отъ ужаса.

— Не бойся; скажи мнѣ, точно ли ты увѣрена, что твои соотечественники займутъ Испанію, лишь только императоръ изъ нея удалится?

— Пржеде.

— О, не страшись ничего. Мои желанія одинаковы съ твоими. Сейчасъ ты увидишь тому доказательства...

— Если вы слышали...

— Я поняла тебя. Я могу вызвать его изъ Испаніи, ты заботься о средствахъ воспрепятствовать его возвращенію. Пусть погибнетъ онъ, какъ Родригъ, въ ущеліяхъ горъ!

— Какъ же вы это сдѣлаете? сказала дѣвушка, удивленная появленіемъ Маргариты, возникшей изъ мрака, какъ ангелъ, котораго она призывала въ своихъ молитвахъ.

— Освободимъ короля французскаго: вся Европа соединится съ нимъ противъ императора.

— Но какимъ образомъ освободить его?

— Послушай. Лишь только ты узнаешь, что Маргарита Алаксонская представлялась императору, иди къ нему; скажи, что въ монастырѣ новообращенныхъ ночевала пезнакомка, которая замышляетъ противъ него заговоръ; доказательствомъ послужитъ эта бумага, найденная въ моихъ вещахъ. Въ награду за такую услугу, проси его приставить тебя ко мнѣ, для наблюденія за моими поступками. А потомъ мы станемъ думать объ освобожденіи короля.

— Что это за бумага?

— Договоръ, которымъ турецкій императоръ, Селиманъ, облизывается внести войну въ нѣмецкія границы, лишь только Францискъ получитъ свободу. Сморти: вотъ печать пророка.

Айха приложила къ губамъ пергаминъ и вскричала, падалъ къ ногамъ Маргариты: «Аллахъ! Гренада опять наша!»

II.

Карлу V, Цезарю-Августу, королю многихъ королевствъ, завоевателю Индiи, Ливiи, побѣдителю мавровъ и турокъ, освободителю Германiи, Италiи, владыкѣ государей и свѣта, — двадцатипятилѣтнему Карлу простительно было гордиться побѣдою, которой слава могла равняться только со славою побѣды, одержанной Карломъ Великимъ надъ Саксонцами. Попятно было въ Карлѣ Австрiйскомъ желанiе показаться во всемъ блескѣ побѣдителя — своимъ испанскимъ подданнымъ, которые впрочемъ не любили его съ тѣхъ поръ, какъ онъ принялъ германскую корону и истощалъ народныя сокровища для удовольствiя пенасытнаго корыстолюбiя фламандцевъ. Въ главѣ торжественной церемонiи, сначала ѣхали его побѣдоносныя войска съ распущенными знаменами, окруженныя трофеями, отягатыми у Французовъ, на славныхъ лошадяхъ, въ богатыхъ одеждахъ и въ блестящемъ вооруженiи; за ними шли 200 пажовъ, одѣтыхъ въ бархатныя платья желтаго, сѣраго и фиолетоваго цвѣтовъ. За Оберъ-Шталмейстеромъ, въ бѣломъ вооруженiи, съ шпагою въ рукѣ, следовалъ самъ императоръ на темнопѣломъ испанскомъ жеребцѣ, съ двуглавымъ нѣмецкимъ орломъ на груди, съ державою Карла Великаго, которая отливалась такимъ ослѣпительнымъ блескомъ, что солнце, отражаясь въ ней, казалось, сіяло не на небѣ, а въ рукѣ Цезаря.

Но заставить Сень-Марса, Бриона, Мопшеню и Моптмонраиси, четырехъ французскихъ дворянъ, вести картину, представляющую Франциска I-го, связааннаго, какъ певольника, передъ окнами его темницы, — было безчеловѣчно и безбожно. Громко раздавалась военная музыка; армiи и народъ окружали Карла V. Воздухъ оглашался восклицанiями испанцевъ, потому что со времени бѣгства мавровъ и покоренiя Америки сердце этого народа не испытывало сильной радости. — Черезъ нѣсколько минутъ, прискакавъ всадникъ, поднимая за бою густой слѣдъ пыли, и остановился возлѣ императора. За нимъ следовалъ его

знаменопосецъ, который осыпалъ его желтымъ тафтянымъ знаменемъ, усыпаннымъ жукками и обнаженными блестящими мечами, съ девизомъ: «надежда! надежда!» Императоръ съ живостiю обнялъ его и оборотясь къ армiи, вскричалъ.

Солдаты! вотъ великiй коннетабль Бурбонскiй, которому, послѣ Бога, мы обязаны побѣдою. При этомъ воззванiи, солдаты, которые, за минуту передъ тѣмъ, потрясали воздухъ криками, посмотрѣли другъ на друга и не отвѣчали.

— Народъ! продолжалъ Карлъ Австрiйскiй: — примите съ ласкою и благодарностiю его свѣтлость коннетабля Бурбонскаго, потому что, послѣ Бога, мы обязаны ему побѣдою. Народъ подражалъ молчанiю солдатъ.

— Благородные мои братья, гранды, Карлъ Австрiйскiй приглашаетъ васъ разступиться и дать мѣсто его свѣтлости коннетаблю Бурбонскому, которому, послѣ Бога, мы обязаны побѣдою. Гранды молчали и тѣснились одинъ къ другому. Тогда гнѣвъ Карла Австрiйскаго вышелъ изъ границъ и яркою краскою выступилъ на его лицѣ. Обнаружить этотъ гнѣвъ, значило бы унижить достоинство коннетабля, и безъ того уже униженное, и потому онъ рѣшился прекратить сцену, которая была причиною тягостнаго для него замѣшательства. Въ одно и тоже время, блѣдный и багровый, но по мужности спокойный, со слезами бѣшенства на глазахъ, со словами прости на устахъ, по взирая на всѣхъ съ благосклонною улыбкою, какъ будто бы всѣ единодушно приляли его предложенiе, — онъ подошелъ къ благородному испанцу, маркизу де-Виллеа и сказалъ ему ласково: — Любезный братъ! Испанецъ низко ему поклонился

— Ваши предки, — а ихъ происхожденiе теряется во мракѣ монархiи, — оказали безчисленныя услуги государству. Я не забывалъ, что графъ Тендилья столѣть полъвую руку короля Фердинанда, а вашъ отецъ по правую, когда, за 34 года передъ симъ, онъ пошелъ въ покоренную Гренаду. Вы сравнялись съ вашими предками въ сраженiи при Павiи. Я долженъ дать вамъ награду достойную васъ, достойную меня.

— Ваше величество!

— У васъ великолѣпный дворецъ, дворецъ царскій, пышный, ослѣпительный.

— Овъ принадлежитъ вашему величеству.

— Я хочу придать ему еще болѣе блеска.

— Ваше величество удостоиваете?...

— Я предлагаю его отъ вашего имени особъ, которой кровь столь же знаменита, какъ и моя.

— Не ужели будущая королева...

— Вы, подхватилъ Карлъ Австрійскій трепеща отъ гнѣва:—вы помѣстите въ немъ моего друга, брата, моего полководца, великаго и могущественнаго коннетабля Бурбонскаго.

Испанецъ неволью отступилъ назадъ.

— Я думаю, любезный братъ, вы понимаете всю великость чести, которую я оказываю вамъ и вашимъ предкамъ, поручая такого гостя вашимъ попеченіямъ?

— Ваше величество, одно слово. Въ царствованіе славнаго Сапчо IV, тому уже болѣе двухъ столѣтій, одинъ изъ моихъ предковъ, удостоился принять короля въ своемъ арагонскомъ замкѣ. На томъ мѣстѣ, гдѣ его величество ступилъ своею царственною ногою, былъ основанъ городъ; мой предокъ выстроилъ его въ память этаго событія.—Это можно видѣть на моемъ гербѣ: въ немъ золотая савадalia и башни города.

— Все это такъ, по...

— Ваше величество, еще одно слово. Мой прапрадѣдъ, — овъ жилъ въ царствованіе Альфонса II-го, дежурилъ однажды при дворѣ. Король сказалъ ему въ шутку: «мой другъ, въ первый разъ, какъ только соберусь на охоту, я захочу сорвать апельсинъ въ твоихъ владѣніяхъ.» Мой прапрадѣдъ былъ столько же бѣденъ, сколько знатенъ. Онъ тотчасъ продалъ все, что имѣлъ, даже свое обручальное кольцо и на эти деньги выстроилъ замокъ, достойный принять монарха. Король сдержалъ свое слово; проѣзжая съ своею свитою, онъ не сходя съ лошади, принявъ апельсинъ изъ рукъ моего прапрадѣда. Этотъ апельсинъ стоилъ два милліона. Альфонсъ нашель его превосходнымъ.

— Все это справедливо....

— Ваше величество, еще одно слово. Мавры, спасаясь бѣгствомъ, спѣшили достигнуть горъ и моря. Одинъ мавританскій король, по имени Мулей-ель-Загалъ, пришелъ съ короною въ руки, просить убѣжища у отца моего, благочестивѣйшаго изъ испанцевъ. Овъ переломилъ хлѣбъ, въ соль съ моимъ отцемъ. Достославный Фердинандъ, вашъ предшественникъ, узнавъ, что отецъ мой скрывается въ своемъ замкѣ знаменитаго бѣглеца, поклялся именемъ Бога, что взорветъ объ его башни, если ему не выдаютъ мавра. Башни взлетѣли. Въ одной изъ нихъ, погибъ мавръ, въ другой — мой отецъ.

— Я желаю знать, къ чему все это вы говорите?

— И я въ свою очередь, если ваше величество заставите меня принять въ моемъ замкѣ коннетабля Бурбонскаго...

— Что же ты слылаешь, вассалъ?

— Государь, я сожгу мой замокъ.

— Ты сожжешь его, маркизъ де Виллена?

— Да, ваше величество; по исполнивъ вашу волю. Я приму усебя коннетабля и во все время, пока онъ будетъ находиться въ моемъ замкѣ, я стану почитать его, какъ мавританскаго короля, Мулей-ель-Загалъ. Но лишь только онъ изъ него выйдетъ, тѣмъ же факеломъ, который будетъ освѣщать его путь, я самъ зажгу мой замокъ, чтобы очистить мѣста, оскверпеныя присутствіемъ такого гостя.

Чувство гордости, какъ молнія блеснуло въ глазахъ и озарило всѣ черты Карла V.

Пажъ маркиза де Виллена, сообразно обычаю того времени, съ покорностію преклонилъ колено передъ коннетаблемъ и сказалъ ему: ваша свѣтлость, удостойте слѣдовать за мною; вы гость моего господина, маркиза де Виллена.

III.

Первое свиданіе Франциска I и Карла V въ Альказарѣ, въ присутствіи Маргариты Алансонской и президента

де-Сельва, было не продолжительно. Карль V при этомъ случаѣ хотѣлъ заставить Маргариту сознаться въ гибельныхъ послѣдствіяхъ для Франціи павійской битвы. Маргарита самымъ убѣждающимъ тономъ увѣряла своего брата, что Франція не думала быть въ такомъ отчаянномъ положеніи, какъ воображали ея враги. Она представляла, что порядокъ, бережливость и благоразуміе возстановили равновѣсіе въ государствѣ, и что народъ жаловался только на отсутствіе своего государя. Потомъ, обратившись къ императору: — Не правда ли, сказала она: — французы хорошо дѣлають, довѣряя вашему человѣколюбію, въ отношеніи къ моему брату, не смотря на то, что ваши и его непріатели разглашаютъ совсѣмъ противное?»

— Что вы говорите, принцесса, совершенно справедливо; сказалъ императоръ, котораго трудно было перехитрить и всталъ, чтобъ вытти.

— Не правда ли также, что вы никогда не препятствовали ему выходить изъ темницы и прогуливаться по городу?

— Конечно, и мой царственный братъ потому только не оставлялъ своей темницы, что не изъявлялъ на то желанія. Ворота Альказара всегда оставались отворенными. Императоръ приближался къ дверямъ.

— Видите ли, братецъ, сказала Маргарита Франциску, — клеветники безстыдно лгали, говоря, что вамъ взвѣшиваютъ даже воздухъ, мѣряютъ свѣтъ, что вамъ даютъ мутную воду и гнилой хлѣбъ; — что отдалили отъ васъ друзей, привлеченныхъ къ вамъ состраданіемъ и окружили шпионами и доносчиками. Вамъ лгали, говоря, что императоръ хочетъ унижить васъ до такой степени, что бы вы не имѣли силы ни въ чемъ ему отказать. Все это безстыдная ложь! Не такъ ли, ваше величество?

— Совершенная ложь, сестрица, отвѣчалъ императоръ, уходя.

— Альваресь, сказалъ онъ на ухо капитану стражей, смотреть за часовыми. Смерть тому, кто когонибудь пропуститъ! Отворите двери.

— О, теперь его здѣсь нѣтъ, говори-

те мнѣ о Франціи, которую при отъѣздѣ я оставилъ столь прекрасною и цвѣтущею. Семь мѣсяцевъ я не слышалъ объ ней ни слова. Если бы я могъ рассказать вамъ, что я чувствовала, когда съ корабля, который перевозъ меня въ Испанію, я видѣлъ влажными отъ слезъ глазами, какъ мелькали перело мною берега Франціи, моихъ прекрасныхъ владѣній, — Провансъ, мой цвѣтникъ, Гиень, мой садъ, Тулонъ—мой арсеналь! Я желалъ бы умереть, или увлечь за кормою корабля эту землю, которую заливала волна, скрывало отъ меня небо. Я ропталъ. Какое существо—побѣжденный король! Карль возилъ меня по городамъ и провинціямъ, гдѣ всѣ уже знали о моемъ пораженіи; горестное, унижительное страствіе, которое кончилось не прежде, какъ въ этой темницѣ. Здѣсь нѣсколько великодушныхъ женщинъ покушались облегчить мое затворничество, озолотить мои цѣпи своими пѣснями, словами любви. Но мой завистливый побѣдитель лишилъ меня и этого утѣшенія, — изгналъ женщинъ и вележлу. Запрещено было за меня молиться. Но я все забывалъ, увидѣвъ васъ, узнавъ отъ васъ, добрая сестра, отъ васъ, мой благородный президентъ, что моя Франція по прежнему славна и могущественна, что она твердо стоитъ, хотя и лишилась главы. Теперь говорите мнѣ о Франціи.

— Сохрани васъ Богъ, мой царственный братъ, вѣрить ложному описанію, которое мы сдѣлали въ присутствіи горделиваго Карла.

— Итакъ, вы меня обманули! Стало быть истина ужасна?

— Ужасна, государь!

Онъ пошатнулся, приложилъ руку ко лбу; но вскорѣ оправился.

— Садитесь друзья мои. Прочь съ церемоніями. Говорите, я слушаю. Вы сказали, что Франція . . .

— Погибнетъ отъ плѣна своего короля. Но, какъ горестно говорить объ этомъ, когда вы еще стоите подъ ударомъ, который породилъ всѣ эти бѣдствія.

— Нужды нѣтъ, продолжайте.

— Бѣдный братъ! Говорите, говорите вы, г. президентъ, у меня не до-
станеть духа.

— Зло распространяется, какъ будто на крыльяхъ. Парижъ узналъ съ невероятною быстротою о вашемъ поражении. Мы не повѣрили; никто не хотѣлъ этому вѣрить. Однакожъ, должно было наконецъ повѣрить — горестной истинѣ. Двадцать вѣстниковъ, покрытыхъ потомъ, пылью и кровью, подтвердили бѣдствіе, которое было гибель-
нѣе для Франціи, нежели поражение короля Іоанна, потому что васъ считали погибшимъ вмѣстѣ съ арміею. Тогда весь народъ пришелъ въ движеніе, въ отчаяніе. Рынки опустѣли. Ночью чернь собиралась мрачными, подозрительными толпами на площади и зажигала огромные костры. Одни требуютъ, чтобы вся Франція — мужчины, женщины, старики и дѣти шли на Испанію и восклидвали съ вершины пиринейскихъ горъ: «отдайте намъ нашего короля!»

— Добрый народъ!

— Другіе не хотѣтъ болѣе королей и соединяются съ голодными остатками арміи. Тутъ были гасконцы, англичане, итальянцы, французы. Сена ночью выкидываетъ на набережныя и къ поожію домовъ, построенныхъ на берегу, тучи бродягъ, которые грабятъ лавки, зажигаютъ цѣлые кварталы, въ пожаръ рѣжутъ гражданъ и на разсвѣтъ, обогатившись добычею, пресыщенные насиліями, на баркахъ достигаютъ Бургё, — ихъ неприступнаго вертепа.

— И я ничего объ этомъ не зналъ! Но, отсюда что бы я могъ сдѣлать! А вы, что сдѣлали вы, безъ войскъ, безъ полководцевъ, безъ короля?.. Ахъ! любезный Сельвъ, вотъ до чего коннетабль довелъ Францію!

— До гибели, государь! День и ночь церкви отворены; многія изъ нихъ горятъ; священники поютъ; народъ молится; колокола жалобно гудятъ про умершимъ. Изъ среды этихъ бѣдствій, смертоносный вѣтеръ подулъ на Па-

рижъ. Умираютъ на площадяхъ, на перекресткахъ. Книжалы и зараза истребляютъ народъ. Все, что возвышается въ возмущеніи, поражено язвою; все поражено язвою; грабятъ разбойники, и ночью все это освѣщается заревомъ пожаровъ.

— Сколько бѣдствій! О Боже!

— Нѣтъ болѣе праздниковъ, нѣтъ пировъ, ни золота! Королева издала указъ противъ роскоши. Всѣ французскія дамы одѣваются въ шерстяныя платья; королева сама подаетъ примѣръ. Въ свою очередь, парламентъ торжественно запрещаетъ королевѣ плакать. Королева не плачетъ болѣе.

— Да, государь, это правда.

— Мужество и горестъ — вотъ девизъ Франціи. Чтобы защищать городъ отъ грабежа бродягъ и охранять его отъ нечаяннаго нападенія непріятелей — составлена городская стража. Нашъ первый президентъ парламента, г. Сельвъ, который здѣсь на лицѣ, стоялъ на стражѣ первую ночь, съ ружьемъ на плечѣ, въ проливной дождь, на валу предвѣстія.

— Благородный другъ! благородный подданный! у меня одно средство тебя наградить: обними меня.

— Старикъ Мопморанси, тотъ, у котораго два сына умерли за васъ при Павин, начальствовала городскою стражею. Государь, ему посемьдесятъ лѣтъ.

— Въ первую ночь — ужасная ночь! распространяется слухъ о вашей смерти. На дворъ Лувра пріѣзжаютъ четыре передовые всадника съ зелеными шапочками на головахъ; они выдаютъ себя за гонцевъ изъ арміи, разглашаютъ о вашей смерти — да сохранить васъ Творецъ, братецъ! При семъ извѣстіи тѣ, которые распространили его, недостойные сообщники коннетабля, поднимаютъ головы, вачинаютъ говорить громко: одни, чтобы провозгласили Бурбона; другіе же отворили городскіе ворота Карлу Австрійскому; третій желаютъ пригласить Генриха VIII подъ стѣны Парижа; всѣ соглашаютъ отрѣшиться навсегда отъ престола васъ и ваше потомство!

— А мой парламентъ, г. де Сельвъ?

— Онъ устрашается; въкоторые изъ его членовъ подкуплены чужеземцемъ.

— А мои союзники?

— За цѣну своего пролажнаго покровительства папа хочетъ возстановить во Франціи инквизицію.

— Въ продолженіе этихъ смуть, пожаръ охватилъ кровли домовъ.. Сена отражаетъ море пламени. Грозить похитить вашихъ двухъ сыновей, дочь и его высочество дофина, идти на Лувръ, лишенный защитниковъ—дворянъ, погибшихъ или пленныхъ.

— О! сестра!

— Бьютъ въ набать; тяжелыя барки, нагруженныя людьми и оружіемъ, плывутъ внизъ по рѣкѣ. При этомъ шумѣ королева пробуждается, бросается полунагая на балконы. По улицамъ герольды провозглашаютъ уже ваше пизверженіе, вашу смерть. Она послѣшво одѣвается, будитъ меня, вашихъ трехъ сыновей. Мы выходимъ.

— Храбрыя, благородныя женщины!

— Да, благородныя, великія женщины, государь! я самъ это видѣлъ. Они выходятъ; свѣтъ факеловъ озаряетъ ихъ блѣдыя лица; смѣшавшись съ толпою, онѣ стараются пройти. Улицы были затянуты цѣпями, охраняемы свирѣпыми лицами. Передъ ними шель дофина, юное дитя, держа вашъ золотой скипетръ, влача вашу царскую мантию, устляющую лиліями, съ короною Франціи на головѣ. Вашъ другой сынъ лежалъ полусонный на плечѣ герцогини Луизы, своей бабушки.— Я вела вашего меньшаго сына и дочь вашу, Маргариту Французскую. Народъ въ изумленіи. Онъ дивится небесной красотѣ дофина. Намъ рукоплещутъ, плачутъ, преклоняютъ колѣна.—Дети! воекликаетъ тогда вдовствующая королева:— если умеръ Францискъ I, да здравствуетъ Францискъ II; если умереть этотъ, да здравствуетъ Геврихъ II. Проспись Геврихъ! Наковецъ, да здравствуетъ Франція, которая никогда не умираетъ и никогда не спитъ. Это зрѣлище, эти двѣ женщины, эти три короля, довѣрчивые, одни, безъ стражи, обращаютъ къ нимъ всѣ сердца. Я не знаю, какимъ образомъ мы возвратились въ

Лувръ, только мы уже не шли. На разсвѣтѣ курьеръ привезъ намъ извѣстіе объ васъ. Государь, этотъ курьеръ, покрытый потомъ и пылью, былъ страшенька на видъ; но королева и я поцѣловали его въ лицо. Наковецъ, авглійскій посланникъ сталъ просить объ аудіенціи; я несомнѣвалась болѣе въ измѣнѣ.

Окончивъ этотъ рассказъ, Маргарита, утомленная столькими потрясеніями, упала на грудь короля. Президенту казалось, что было приличіе оставить наединѣ брата съ сестрою. Онъ откланялся.

— Мать моя, сестра! вамъ я буду одолженъ короною; если мнѣ еще суждено ее носить. Безъ васъ, англичане, испавцы и пѣмцы разрубили бы Францію мечемъ коннетабля—мечемъ Бурбоа!—Ужасныя мысли! онѣ отравляютъ всю жизнь мою, отъшлишкомъ тяжелы для моей головы,—прочъ съ ними. Говори мнѣ о моемъ дворѣ, о нашихъ пріятельницахъ, о прекрасныхъ Дюри, Маси, д'Обетеръ, д'Орсонвиле, говори мнѣ объ этихъ женщипахъ, этихъ очаровательницахъ, которыя каждую ночь мелькаютъ въ моихъ сновидѣніяхъ, въ замкахъ, которые я для нихъ построилъ. Ты, сестра моя, ты понимаешь мои слабости. Я страдаю, какъ юноша, который любитъ въ первый разъ: это дурно, можетъ быть, но я исповѣдую передъ тобою вину мою; стыдъ, который я чувствую, ее загладитъ. Мнѣ стыдно; но я болѣе не король — я весь любовь, Мнѣ кажется, что я истощилъ всѣ слезы, которыми оплакиваютъ потерянное царство; теперь глаза мои могутъ проливать ихъ только о предметахъ моей любви. Всѣ погасшія страсти возникаютъ въ душѣ моей и жгутъ ее. Мои молитвы не за царство болѣе, а за нихъ, за этихъ женщинъ; я хочу видѣть ихъ, говорить съ ними. Если въ моихъ мечтахъ я призываю свободу, это для того только, чтобы прогуливаться съ ними въ тѣни деревъ, чтобы царствовать возлѣ женщинъ. Если я бѣгу изъ этой темницы, то это потому, что меня ждетъ, меня манитъ женщина. Я ничего не желаю, ничего не ожидаю отъ свѣта. О, сестра! сколько мѣста для дурныхъ помысловъ Богъ далъ сердцу человѣка!

— Братъ мой, узнайте все: мы собрали остатки арміи, расплатились съ ними и отпустили ихъ. Мы удвоили дозоръ. По всему королевству предписаны молебствія, порядокъ возстановленъ; но онъ можетъ быть снова нарушенъ каждую минуту. Ваше присутствіе необходимо: народъ страдаетъ, сокровища истощены, замышляютъ заговоры; вездѣ слышенъ ропотъ. Государь, братъ мой! возстаньте съ одра болѣзни и выслушайте меня. Противъ безчестнаго непріятеля стоитъ ли руководствоваться честью?

— А! ты опять станешь говорить о плачѣ моей матери. Она хочетъ, чтобы я безусловно согласился на все, что потребуетъ императоръ; а между тѣмъ, съ своей стороны договаривается съ итальянскими владѣльцами и англійскимъ королемъ, чтобы я могъ съ оружіемъ въ рукахъ нарушить клятву, лишь только получу свободу и буду въ Луврѣ. Но, скажите, возможно ли это? Конечно, иногда возвращеніе вѣка оправдывало подобныя клятвопреступленія. Но похвально ли слѣдовать такому примѣру? Повѣритъ ли Италія моему слову, когда я нарушу его въ отношеніи къ Испаніи?

— Повѣрять: ей нужна ваша помощь. Развѣ она также не плееница Карла? Она васъ освободитъ—освободите и вы ее.

— Но, что скажетъ его святѣйшество, священныи хранитель клятвъ, данныхъ Господу, котораго онъ здѣсь представляеть? Развѣ не имѣетъ онъ въ своей десницѣ меча отлученія, чтобы освободить народъ отъ повиновенія клятво-преступному владыкѣ.

— Его святѣйшество! Прочтите, братецъ, эту грамоту: Климентъ VII освобождаетъ васъ отъ всякихъ клятвъ; онъ заранѣе разрываетъ ихъ, потому что онѣ будутъ вынуждены силою.

— Понимаю. Св. отцу хочется получить обратно свое моденское герцогство. Но что скажетъ герцогъ Фердинандъ, который также вступаетъ со мною въ союзъ.

— Герцогъ Фердинандъ требуетъ отъ васъ Реджіо, папское владѣніе.

— Какъ! измѣна за измѣну! Чтобы обмануть Карла, я соединюсь съ герцогомъ

и папою и обману ихъ обоихъ. Осмѣлитесь ли вы ручаться, что папа не измѣняетъ намъ, соединяясь тайно съ Венеціею; что Англія, другая ихъ союзница, не подготовила тихонько договора съ Карломъ, чтобы измѣнить въ одно и тоже время — Венеціи, Риму, Феррарѣ? — Я окруженъ измѣнами. О! голова моя, моя бѣлая голова. Но довольно объ этомъ, сестра; поговоримъ о моихъ придворныхъ дамахъ. У многихъ ли изъ нихъ блистали на рѣсницахъ слезы, при воспоминаніи обо мнѣ? Ходили ли онѣ къ св. Женевиевѣ молиться о моемъ возвращеніи? Какъ я люблю ихъ! Прости, душа моя; ты мнѣ всѣхъ ихъ напомнила.

— Перестаньте, братецъ. Франція погибаетъ, Франція уничтожена, встаньте! измѣна за измѣну! Та, которая спасаетъ ее, лучше той, которая ее губитъ. Я привезла вамъ повелѣніе парламента и вдовствующей королевы, чтобы вы ягали, да — ягали передъ лицомъ міра, если это неизбежно, — но скорѣе возвратились бы царствовать надъ Франціею.

— Говорятъ, что у молодой д'Ельи прелестные глаза; что она бѣла, кротка, какъ ты, моя голубица. Кому назначаютъ эту жемчужину?

— О! вы приводите меня въ отчаяніе, братецъ; вы несправедливы. Когда королева, парламентъ приказываютъ вамъ..

— Парламентъ приказываетъ! вскричалъ Францискъ: — пусть онъ повинуется! Парламентъ хочетъ, чтобы я нарушилъ клятву. Тогда должно уничтожить казнь, на которую во Франціи осуждаютъ клятвопреступниковъ. Послушай, голубица, все это ужасно мнѣ надоело. Наложить ли на меня Карлъ вновь оковы или освободитъ отъ нихъ — мнѣ это все равно. Клянусь Богомъ! въ мсей темницѣ я чаще воспоминалъ, что я человекъ, нежели, что я король; и право не стоило труда заставлять меня вспоминать о моемъ достоинствѣ для того только, чтобы я унижилъ его клятво-преступленіемъ! Ну, а молоденькая д'Ельи?...

— Вы не будете болѣе королемъ Франціи, братъ мой!

— Я останусь рыцаремъ и честнымъ человекомъ.

— Вашу корону раздробить въ артезианскія колодези!...

— Но не честь мою, сестра. Вотъ видишь ли: я согласился бы на одно средство, о которомъ ты не говорила, потому что оно невозможно — на бѣгство. Но какъ вытти изъ темницы! изъ нея не выйдутъ и воробей.

— А вы выдете изъ нея; лаю мое герцогское слово.

— А эти стѣны, сестра, эта рѣшетка...

— Вы пройдете въ дверь.

— Часовой не спитъ...

— Что за дѣло... онъ заснетъ для васъ.

— Развѣ ты обѣщала ему полцарства за такую услугу? Какой ангель придетъ освободить меня?

— Женщина.

— А! вотъ что называется быть доброю сестрою. Женщина! На силу-то ты меня повяла!

IV.

Въ прекраснѣйшей залѣ дворца, окруженный всѣмъ дворомъ, хотѣлъ императоръ принять Франциска I и публично договариваться съ нимъ о выкупѣ. Не говоря уже о врожденной наклонности Карла къ пышности и этикету, для удовлетворенія которыхъ представлялся такой прекрасный случай; онъ надѣялся, что эта церемонія усыпитъ ропоть горделивыхъ кастильцевъ, втайнѣ оскорбленныхъ его коронаціею въ Ахенѣ, гдѣ гранды не могли присутствовать; въ особенности же ему хотѣлось поразить своимъ блескомъ Франциска I.

Для этого былъ приготовленъ длинный рядъ покоевъ, въ которыхъ терлся взоръ. На концѣ ихъ возвышался украшенный перьями, обитый малиновымъ бархатомъ, тронъ, на которомъ сидѣлъ императоръ. Его лице было до половины покрыто лучами золотого солнца, пылезеннаго Пизарро съ другими драгоценностями, которыя онъ награбилъ въ храмахъ, посвященныхъ солнцу. Передъ

трономъ разстился знаменитый коверъ изъ тигровыхъ и львиныхъ кожъ, котораго швы оставались для всѣхъ загадкою. Солдаты, грабя Гренаду, похитили его во дворецъ Боабдила. На груди Карла двуглавый орелъ казался тысячеглавымъ отъ безпрестаннаго перелива и игры алмазовъ, изъ которыхъ онъ былъ сдѣланъ; на рукахъ и на ногахъ императора горѣли камни. Въ одеждахъ, облитыхъ золотомъ, императоръ едва могъ двигаться; впрочемъ ему было только двадцать шесть лѣтъ. Онъ былъ прекрасенъ. Въ другихъ залахъ, въ три ряда, сидѣли дворные главныхъ провинцій Испаніи, съ гербами на груди, въ одеждахъ, ослѣпляющихъ богатствомъ. За нѣсколько минутъ до появленія плѣннаго короля съ сестрою, императоръ приказалъ пажамъ подлечь двойную парчевую завѣсу, которая раздѣляла тронную залу отъ прочихъ комнатъ.

Императоръ хотѣлъ говорить съ своимъ дворянствомъ. Онъ всталъ, гранды также встали и надѣли шляпы, въ силу давнаго имъ права съ незапамятныхъ временъ.

— Благородные гранды! такъ началъ онъ рѣчь: — сейчасъ явится передъ вами глава французской монархіи, Францискъ I, побѣжденный мною при Павіи; онъ явится со всѣмъ смиреніемъ просить о возвращеніи своей шпаги и принять условія, которыя мы ему предложимъ. Мы не нужно говорить вамъ, что эти условія должны способствовать благу и славы государства. Но, чтобы не употребить побѣды во зло, подобно людямъ, которые не привыкли побѣждать, мы должны помнить, благородные гранды, умеренность въ счастьи, уваженіе къ бѣдствіямъ, состраданіе къ побѣжденному. Я первый подаю бы тому примѣръ, еслибы не падълся выйти его въ васъ. Если государи не будутъ имѣть уваженія къ государямъ, то что же стануть дѣлать народы? Вы не должны унижать нашего плѣнника обидными взглядами, или неприятными разсужденіями. Если бы онъ явился къ нашему двору могущественный, блистательный, я бы сказалъ вамъ: —

Усмирите его высокомеріе оружіемъ вашей гордости. Но онъ приходитъ къ намъ побѣжденный, плѣнный, больной. Честь, религія запрещаютъ попирать его гербъ, поверженный во прахъ.

Зававъсь опустился; но чрезъ мину-ту его снова подняли, чтобы пропустить короля и его сестру. Францискъ былъ въ простой рыцарской одеждѣ изъ темнаго сукна; кожаный поясъ стягивалъ его станъ: на головѣ была наляга набекрень голубого бархата шапочка, съ вышитою на задкѣ жемчугомъ и золотомъ эмблемою, придуманною его сестрою. То былъ ноготокъ (эмблема печали и тоски), обращенный къ солнцу. Сестра его, которая славилась роскошью при французскомъ дворѣ, была одѣта въ простую робу изъ серебряной парчи, которая совершенно закрывала ея ноги и оставила открытою шею—прекраснѣйшую шею, по свидѣтельству историка Сапдовала. Маргарита была ослѣпительной бѣлизны и высока ростомъ; чрезвычайно тонкая въ талии, но крѣпко сложенная, она имѣла прекрасный станъ, свойственный всѣмъ потомкамъ Валуа и сохранившійся въ ихъ родѣ, вѣрнѣ короны. Руки ея были замѣчательной красоты, а глаза до того прелестны, что братъ ее разъ употребилъ ее въ трудныхъ переговорахъ съ иностранными посланцами; въ-которые изъ нихъ сошли съ ума; а въ полигикъ что же можетъ быть выгоднѣе для противника? Лице ея сіяло радостію; она держала за руку своего брата; она показывала его всѣмъ, гордясь, что онъ пѣкоторымъ образомъ находится подъ ея защитою; счастливалъ, что чувствуетъ его такъ близко у своего сердца, чувствуя, что она поддерживаетъ его въ такую минуту, гдѣ, можетъ быть, пужно было болѣе мужества, чѣмъ на поляхъ Павія.

При появленіи короля и Маргариты, грады встали, но не сняли шляпъ. Обиженный страннымъ пріемомъ, который противорѣчилъ всѣмъ его понятіямъ о приличіяхъ, король быстро надѣлъ свой токъ и надвинулъ его на глаза, съ замѣтымъ выраженіемъ презрѣнія. Въ одно мгновеніе ропотъ оскорбленной гордости пробѣжалъ по заламъ. Маргарита,

женщина хитрая, привыкшая ко всѣмъ переворотамъ придворной жизни, казалась, незамѣтила ни поступка своего брата, хотя въ тайнѣ совершенно его одобряла, ни ярости, изобразившейся въ глазахъ кастильцевъ; она на право и на лѣво разсмѣяла ласковыя привѣтствія и улыбки, полныя благородства и благодарности. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ трона, принцесса Элеопора приваля ее въ свои объятія; а Карла дружески привѣтствовалъ ея братъ. Король и сестра его сѣли въ приготовленныя для нихъ кресла.

— Братъ мой, началъ говорить императоръ, нѣсколько заинаясь:—судьба испытываетъ насъ обоихъ въ одно и тоже время; васъ несчастіемъ, меня минутою славы; надѣюсь, что урокъ будетъ полезенъ обоимъ: я научусь отъ васъ не упадать духомъ къ несчастію; отъ меня вы научитесь съ умѣренностію пользоваться побѣдою. Прежде всего, братъ мой, дайте мнѣ руку; прошу васъ приписать обстоятельствамъ, а не волѣ моей то, что вы могли найти жестокаго и безчеловѣчнаго въ вашемъ заточеніи, и что сегодня, быть можетъ, найдете невеликодушнаго въ совѣщаніи, которымъ, оно должно кончиться... Одну судьбу должно обвинять въ нашемъ пораженіи.

— Братъ мой, я такой же хорошій христіанинъ, какъ и вы; но признаюсь, для меня не много утѣшенія—судьба ли мнѣ такъ удружила, или гасконцы.

— Я прибѣгаю къ этимъ околичностямъ, внушаемымъ мнѣ состраданіемъ, мой царственный братъ, для того, чтобы, со всѣмъ уваженіемъ къ нашему положенію, посовѣтовать вамъ быть сговорчивѣе въ договорѣ, конечно тягостномъ, по который тотчасъ возвратитъ васъ семьѣ, поданнымъ и свободѣ.

— Извините, полхватилъ съ живостію Францискъ, глубоко оскорбленный гордымъ видомъ своего побѣдителя:—это вступленіе, мой державный братъ, подтверждаетъ мнѣ то, что я уже знаю. Вы намѣрены требовать за мой выкупъ денегъ, провинцій, городовъ, быть можетъ, цѣлое царство. Я не забылъ исторіи; помню, чего стоилъ Франціи выкупъ ко-

ролей Иоанна и Людовика святаго. Когда на одной чашѣ вѣсовъ стоитъ пога побѣдителя, то недостаточно тяжести цѣлаго народа, чтобы перетянуть другую, если самъ Богъ не вступится въ дѣло. А потому, клянусь честію рыцаря, такъ какъ я цѣню себя гораздо ниже этихъ двухъ королей, и знаю, что вы не менѣе Сарацина и Англіи способны воспользоваться моимъ плѣномъ, я не допущу за себя разорить Францію и рѣшился...

— На что же вы рѣшились, знаменитый братъ мой, возразилъ удивленный Карль.

— Остаться въ моей темницѣ.

— Остаться! когда я предлагаю вамъ свободу.

— Да; но перемѣщеніе стоитъ слишкомъ дорого.

— Но ваша свобода...

— Свобода — вездѣ, гдѣ можно мыслить и видѣть небо; небо конечно вы позволите мнѣ видѣть, а Богъ даровалъ мнѣ способность мыслить.

— Въ четырехъ стѣнахъ!

— Я украшаю ихъ въ воображеніи оружіемъ, шпагами, трофеями, цвѣтами и обоями, и наконецъ вашимъ портретомъ изъ благодарности къ обладателю мѣста, которое доставляетъ мнѣ эти чистыя, духовныя наслажденія.

— Но ваше французское королевство сиротѣетъ, пока вы остаетесь въ Испаніи.

— Развѣ нѣмецкая имперія не обходится безъ императора, когда вы, мой любезнѣйшій братъ, подобно мнѣ, находитесь въ Испаніи.

— Но въ ваше отсутствіе ежедневно возникаютъ возмущенія.

— Протестанты выжили Германію, со времени вашего возвращенія сюда.

— Ваше здоровье...

— Очень благодаренъ вамъ, любезный братъ, что по прошествіи восьми мѣслцевъ плѣна, вы наконецъ удостоили замѣтить упадокъ моего здоровья; но вотъ, видите ли, оно теперь лучше, гораздо лучше. Не правда ли, сестра, что моя блѣдность уже почти исчезла? Точно, я очень похульбъ, до у меня при-

вычка ежегодно худѣть въ эту пору. Необращайте на это вниманія.

— Ваше намѣреніе удивляетъ меня въ высшей степени.

— Въ этомъ мѣрѣ все даетъ поводъ къ удивленію. Вы конечно удивились нашей побѣдѣ при Павіи, въ то время, когда преспокойно сидѣли въ Мадридѣ.

Карль V очень полагался на пламенное желаніе своего плѣнника получить свободу. Найя его въ совершенно противномъ расположеніи, онъ не зналъ, что говорить: — Мнѣ кажется, царственный братъ нашъ, сказалъ онъ наконецъ, вы ошибаетесь: вы очень больны:—ваша температура вредна для здоровья.

— Я не думалъ, чтобъ вы такъ искренно меня любили. Я былъ виноватъ предъ вами, что давно не попросилъ у васъ свободы, и виноватъ также, что можетъ быть худо заключалъ о вашемъ великодушіи, и что теперь имъ не пользуюсь.

— Если такъ, сказалъ Карль V, читая въ глазахъ Маргариты и ея брата глубокую тайну, которую онъ никакъ не могъ разгадать: — пусть будетъ по желанію вашему. Возвратитесь въ вашу темницу; а вы, герцогиня, въ вашъ дворецъ. По крайней мѣрѣ никто не скажетъ, что договоръ не былъ заключенъ по моей винѣ; призываю въ свидѣтели васъ, гранды, вы все слышали, вы все видѣли.

Теперь, время сказать, что за дѣйствіями Маргариты наблюдали, съ того самаго дня, какъ она вступила въ монастырь *новообращенныя*. Довось Альхи казался императору подозрительнымъ и измѣна Солимана менѣе обращала его вниманіе, чѣмъ загадочное посредничество незнакомки, принадлежащей къ царю, который былъ его смертельнымъ врагомъ. Онъ былъ увѣренъ, что гораздо вѣрнѣе можно разстроить замыселъ, не только не препятствуя, но даже способствуя его ходу; и потому онъ самъ сталъ помогать предпріятію Альхи. Онъ началъ тѣмъ, что предложилъ ей со всевозможными ласками должность надзирательницы при Маргаритѣ Алансонской. Темница короля была смежна со дворцомъ императора. Карль

изъ оконъ своихъ покоевъ могъ видѣть все, что въ ней происходило и онъ слѣдилъ за всѣми движеніями Альхи, которая съ того же дня вступила въ свою должность. Только что смеркось, дѣвушка вошла въ темницу. Съ этой минуты началась новая комедія.

— Назадъ!

— Молчать часовой.

— Ваше величество!

— Давно ли она въ темницѣ?

— Будетъ около часа, какъ она — я хотѣлъ сказать, какъ онъ вошли. В. В.

— Какъ, двѣ женщины? А я тебя призывалъ...

— В. В. я думалъ, что ему будетъ веселѣе съ двумя, чѣмъ съ одною.

— Посмотримъ, каковы онъ собою?

— По чести В. В. прехорошенькія.

— Велика ли ростомъ та, которая вошла послѣ?

— Очень высока.

— Бѣла, черноволоса?

— Бѣлал, черноволосая, В. В.

Часовой конечно не могъ различить въ темнотѣ волосъ Маргариты, но императоръ ждалъ отвѣта, и слѣдуя кастильской пословицѣ: хотъ солгать, да отвѣчать, — онъ сказалъ, что попало.

— Ну, хорошо, теперь ступай. Я за тебя самъ постою на часахъ.

Карль V съ большою ловкостію взялъ оружіе; а часовой поспѣшилъ въ кабакъ, чтобы придать уму своему ясности нѣсколькими стаканами вина.

Не прошло получаса, какъ одна изъ женщинъ вышла завернувшись; проходя мимо часоваго, она шепнула ему; — моя подруга сейчасъ выдетъ; я буду ждать на лугу; пропусти ее безъ задержки.

Часовой сдѣлалъ знакъ, что ее по- нялъ.

Около двухъ часовъ, Карль стоялъ на караулѣ, въ продолженіе этого времени тысяча размышленій волновали его умъ. — Ужъ не намѣренъ ли мой плѣнникъ спуститься изъ окна, думалъ онъ; но въ нихъ вѣдланы тройныя рѣшетки и часовые не дремятъ. А что, если женщина, которая сей часъ отсюда вышла — переодѣтый король!... Въ такомъ случаѣ я самъ способствовалъ его побѣгу.... Не

войти ли мнѣ къ нему?... Но если меня узнаютъ?... какой стыдъ!... императоръ и король, играющій роль тюремщика и шпиона.... Все тихо... только слышенъ плескъ рѣки, которая протекаетъ подъ окномъ.

Не въ страхъ будучи преодолѣть свое нетерпѣніе, императоръ тихонько положилъ алебарду, отстегнулъ отъ перевязи саблю, снялъ свою обувь и на цыпочкахъ, ощупывая руками, протягивая шею, удерживая дыханіе и напрягая зрѣніе, пошелъ въ темноту по длинному ряду залъ, который примыкалъ къ комнатѣ короля. Онъ возвратился, по видимому, въ большомъ смущеніи, но скоро лице его прояснилось, онъ взялъ алебарду и снова принялся за свою обязанность.

VI.

— Кто тамъ? закричалъ вскорѣ потомъ часовой.

— Тотъ, кого называютъ невольникомъ и который всегда свободенъ, отвѣчалъ голосъ.

— Стой, другъ; сегодня не вѣлио пропускать. Поди сюда. Куда ты идешь?

— Гулять... подышать воздухомъ.

— Въ эту пору? Для индѣя ты что-то слишкомъ боишься жара. Или можетъ быть мадридская луна производитъ на тебя дѣйствіе перувіанскаго солнца?

— Я тебя говорю, что мнѣ некогда.

— Я тебя говорю, назадъ! возразилъ часовой, который поднялъ свой фонарь къ лицу мнимого индѣя и возбудилъ въ немъ основательное опасеніе, что его узнали. Императоръ не хотѣлъ тотчасъ обнаружитъ обмана; бояться ему было нечего, король едва звалъ его въ лицо. — Дайка я положу алебарду и пойду съ тобою. Мнѣ тоже что-то, захотѣлось подышать воздухомъ.

— Какъ, ты хочешь оставить свой постъ, положить оружіе — нарушить твою обязанность! Знаешь ли, что это будетъ стоить тебѣ жизни?

— Знаю, индѣецъ; но завтра большое торжество при дворѣ, станутъ оказывать милости, и мѣня простятъ за то, что я не могъ противиться искушенію показать тебѣ Мадридъ въ блескѣ великолѣпнѣйшей иллюминаціи. Пойдемъ! Ну-же, дай руку и будь смѣльча. Но, куда же ты идешь? Эта дорога ведетъ вонъ изъ города. Ужъ не хочешь ли ты попастьъ за границу, чтобы возвратиться въ Индію.

Императоръ заставилъ его оборотиться спиною къ городскимъ воротамъ.

— Проклятый! точно угадалъ мой замыселъ.

— Что ты тамъ бормочешь?

— Я говорю, что иностранцу не мудрено ошибиться: городъ такъ великъ.

— Конечно. По этому-то тебѣ и нуженъ провожатый и ты долженъ еще благодарить меня, что я тебѣ буду сопутствовать; мнѣ же пріятно будетъ поговорить съ тобою. Очень бы любопытно было звать твое мнѣніе о Мадридѣ. Мнѣніе иностранцевъ всегда имѣетъ оригинальную сторону; а мнѣніе индѣйца должно быть особенно занимательно. Теперь, какъ согласіе, кажется, возстановилось между нами, скажи мнѣ, во сколько этажей строятъ въ Индіи дома?

— Смотря по обстоятельствамъ.

— А женщины у васъ хороши?

— Это зависитъ отъ вкуса мужчинъ.

— Добродѣтельны?

— Такъ и сякъ.

— Остроумны?

— Для того, кто ихъ видитъ въ первый разъ.

— Вѣрны?

— Всѣмъ вообще и каждому въ особенности.

— Знаешь ли, невольникъ, что твои замѣчанія очень глубоки и что ты могъ бы почти безошибочно судить о нравахъ всѣхъ странъ.

— Развѣ я виноватъ, что истина такъ обыкновенна?

— Желалъ ли бы ты возвратиться на родину, невольникъ?

— Когда бы ты былъ невольникомъ въ моей землѣ, я не сдѣлалъ бы тебѣ этого вопроса, стоя на караулѣ, какъ ты.

Здѣсь мнѣмъ индѣецъ, который отъ природы былъ сильнѣе мнѣмаго алебар-

диста, сдѣлалъ покушеніе бѣжать; но тотъ, столь же быстрымъ движеніемъ, показалъ ему рукоятку кнжжала. Они поняли другъ друга. Алебардистъ продолжалъ, улыбаясь: — Стоя на караулѣ, какъ я; но развѣ ты солдатъ? развѣ ты могъ быть солдатомъ? развѣ невидно, что железо никогда не утомляло твоей руки?

— Ты лжешь! тысячу разъ лжешь!... Но... я точно никогда не былъ солдатомъ.

— Очень жаль. Это ремесло славное. Сегодня Индія наша, завтра Турція; сегодня приобрѣтаютъ корону, завтра царство; сегодня памъ повинуется Германія, завтра Италія пресмыкается у нашихъ ногъ; сегодня бьютъ англичанъ, завтра французовъ!

— Ты лжешь, солдатъ, ты лжешь!

— Два опроверженія стоятъ пощечины. Но, чортъ возьми, за что ты сердисься. Развѣ ты турокъ, итѣмецъ, италіанецъ, англичанинъ?... Развѣ ты любишь Францію?

— Я люблю Германію.

— Понимаю. А жаль, что ты не солдатъ. Ты долженъ жить одинъ, несчастный! между тѣмъ, какъ у васъ есть славное вино, пригожія женщины, пригожія, ласковыя; правда, немножко невѣрныя, да это не мѣшаетъ. Но я говорю непонятнымъ для тебя языкомъ; ты вѣрно не любишь женщинъ.

— Ты говоришь, что онѣ хороши?

— Очень. Но ты, какъ будто не въ своей тарелкѣ.

— Напротивъ, твое общество мнѣ очень нравится.

— Въ такомъ случаѣ, сдѣлай одолженіе, не покидай моей руки. Эта дорога, на которую ты тянешься, ведетъ къ границѣ Франціи. Странное у тебя влеченіе къ этой дорогѣ.

— Усталость, слабость, жажда.

— Жажда! что же ты не говорилъ прежде? Наша дорога усыяна трактирами, которые посѣщаютъ цѣлыя арміи; туда безпрестанно ходитъ тратить червонцы всѣ офицеры, ландскнехты, итѣмекіе полковники, италіанскіе генералы, испанскіе коменданты, которые разсылали, побили, увидѣли французскихъ ози-

церовъ, капитановъ, полковниковъ, генераловъ при Ромаянно и Пави. Но, что съ тобою? ты весь дрожишь? Это вѣрно отъ истощенія. Войдемъ въ трактиръ.

— Мнѣ уже не хочется пить.

— Не проглотивъ ни капли? Ну, какъ скоро проходитъ у тебя жажда. А, постой, кстати о Пави. Не правда ли, генералъ Бониве дуракъ, что предпочелъ осаду Пави осадѣ Лоди; а король другой дуракъ, что побѣждалъ, какъ втретний папъ, на встрѣчу непріятелю. Буди ты на минуту королемъ французскимъ, а я буду императоромъ. Твоя войска стоять вотъ тутъ, моя тамъ; если ты проведешь главный корпусъ твоей арміи передъ твоею же собственною артиллеріею, чтобы поскорѣ меня настичь, то ты отрзываешь у себя сообщенія и оставляешь себя безъ прикрытія. Понимаешь? И вотъ я, императоръ, беру Павию и тебя; дай-ка мнѣ свою руку. Мнѣ это очень хорошо извѣстно: я былъ тамъ. Изъ этого слѣдуетъ, что Францискъ поступилъ глуповато.

— Можетъ быть.

— Какъ, можетъ быть? Развѣ Бурбонъ не вырвалъ у него изъ ноженъ шпагу?

— Вырвалъ? Шпага всегда оставалась въ рукахъ короля французскаго!

— Индїецъ! ты утѣрялъ меня, что любишь вѣмцевъ, ужъ не перемѣнилъ ли ты своего мнѣнія съ тѣхъ поръ, какъ прошла твоя жажда? Пойдемъ да-лье. Прелестный вечеръ! Наверху мѣсяцъ, внизу плюминація; и на землѣ, и на небѣ праздникъ. Ты вѣрно не станешь опровергать, что французы были разбиты въ пухъ, потому что мы держимъ Франциска, какъ я держу тебя.

— Это правда.

— И что онъ не уйдетъ отъ насъ, также, какъ и ты не уйдешь—отъ удовольствія провести со мною дѣльный вечеръ.

— Много чести!

— Однако же, положимъ, что онъ остался бы побѣдителемъ, хотя это и невозможно...

— Онъ поступилъ бы благороднѣе.

— Вѣрно; онъ взялъ бы Италію.

— Она и такъ его.

— Нѣтъ.

— Да, она переходитъ къ нему по праву вѣлѣдства отъ Карла, графа Анжуйскаго.

— Однако ты силеѣ въ генеалогіи! Ну полно же, мой индїйскій публицистъ; быть можетъ, Италія, со временемъ, не будетъ принадлежать ни тому, ни другому. Если императоры и приобрѣтутъ ее силою, то папы завладѣютъ ею посредствомъ хитрости.

— То есть, чтобы ни случилось, соддать, она все таки останется за Карломъ, потому что онъ не только испанецъ и побѣдитель, но сверхъ того, вѣмецъ и римскій король; въ немъ соединены и сила, и хитрость.

— Конечно; но все же онъ не папа, индїецъ. Я вижу одно только средство помочь этому: ему надо сдѣлаться папою. Кто знаетъ, быть можетъ, онъ ужъ и замышляетъ объ этомъ.

— О папствѣ?

— А почему нѣтъ? Тогда вся земля будетъ ему принадлежать, потому что онъ будетъ владѣть небомъ, которое ее покрываетъ.

— Тогда Франциску останется только соединиться съ адомъ, т. е., сдѣлаться лютераниномъ, чтобы овладѣть Германіею.

— Карлъ V папа, а Францискъ лютеранинъ. Вотъ великая и вмѣстѣ смѣшная мысль! Кстати, какъ тебѣ кажется этотъ дворецъ?

— Великолѣпнѣе.

— Это подарокъ императора коннетаблю за его услуги.

— Прибавь, потому еще, что никто изъ испанцевъ не хотѣлъ помѣститъ его у себя.

— А все такъ его помѣщеніе въ Испави лучше квартиры Франциска I.

— Нѣтъ; потому что Францискъ дѣлаетъ честь темницѣ, а коннетабль безчеститъ дворецъ.

— Ого! какія прекрасныя чувства въ Индіи! Стало быть ты любишь своего товарища?

— Какъ самого себя.

— Я такъ и думаю. Однако жъ, эта привязанность не простирается до того, чтобы отворить ему двери темницы, если бы представился случай? Ты не поступилъ бы безчестно, ты, который понимаешь безчестіе Бурбова? Да онъ и самъ не захотѣлъ бы купить свободу мѣмбою. На мѣстѣ императора, я былъ бы способенъ, чтобы испытать до конца его честность, сдѣлать для него то, что дѣлаю теперь для тебя, положить алебарду и пустить его на всѣ четыре стороны.

— Ты сдѣлалъ бы это для короля?

— А ты, на мѣстѣ короля, неужели бы пустился по этой дорогѣ, на которую такъ часто смотришь!.. Но полно. Лучше досмотри да этотъ великолѣпный дворецъ, иллюминированный сверху до низу. Онъ принадлежитъ достославному императору Карлу V.

— Тотъ же достославному: его дворецъ смѣженъ съ темницею короля. Но что же онъ празднуетъ? Похищеніе какогонибудь царства?

— Бракъ сестры своей Элеоноры, вдовы короля португальскаго съ Францискомъ I.

— Съ Францискомъ I?

— Ну, да. Вотъ, взгляды въ окно. Видишь ли, сквозь шелковыя гардины и люстры, знаменитаго Мендосу; онъ несетъ скипетръ императора; графъ Авгилляръ — державу; маркизъ де Ланге — шпагу, маркизъ де Пескерь — мантию, а Бурбова — подушку. Идѣтецъ, мы пришли, какъ нельзя болѣе кстати, въ самую минуту обрученія. Смотри, подъ балдахиномъ, который поддерживаютъ четыре архіепископа королевства, стоятъ будущая королева Франціи и Монтморайси, который представляетъ короля французскаго.

— Этому браку, солдатъ, не достаетъ только двухъ свидѣтелей: императора и короля.

— Они оба здѣсь; но одинъ возвращается въ свою темницу, а другой идетъ присутствовать при церемоніи. Ступайте въ эту дверь, возлюбленный братъ мой. Карлъ V свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе.

VI.

Со времени неудачнаго покушенія короля къ побѣгу, Маргарита только изрѣдка получала позволеніе съ нимъ видѣться. Лишенный этого послѣдшаго утѣшенія, Францискъ спора впалъ въ глубокую задумчивость. Горесть его приняла всѣ признаки ужаснѣйшаго отчаянія. Однажды, онъ рѣшился себя умертвить, сообразивъ, что императоръ заключилъ Маргариту въ темницу. Двое сутокъ онъ не принималъ пищи, не предавался сну; раздраженіе его чувствъ достигло высочайшей степени, оно доходило до безумія. Онъ то громко стоналъ, ухватясь за рѣшетку, то катаясь по землѣ, проклиная Карла и Бурбова, призывалъ сестру, бросившую, по его мнѣнію, въ темницу.

— Мой благородный господинъ, встаньте, робко говорилъ индійскій невольникъ Франциску, въ одну изъ милутокъ судоходнаго утомленія, которыя обыкновенно слѣдовали за жестокими припадками отчаянія. Въ первый еще разъ, состраданіе впустило индійцу смѣлость говорить. — Мой благородный господинъ, не хорошо такимъ образомъ предаваться отчаянію.

И становясь смѣлѣе, онъ приподнял голову Франциска, положилъ ее къ себѣ на грудь; наконецъ жалость совершенно добывда почтеніе, онъ взялъ короля на руки и положилъ его на кровать.

На колѣняхъ, въ самомъ униженномъ положеніи, голосомъ самымъ кроткимъ, невольникъ продолжалъ: — кровь течетъ у васъ изъ руки и съ чела, господинъ, позвольте рукамъ моимъ, какъ онъ неведомой, изгладить слѣды горести, которая слишкомъ бы порадовала сердце Карла Австрійскаго. Когда вы раскроете глаза, я буду далеко отъ васъ, и снова возвращусь въ мое ничтожество.

Усердныя понеченія индійца привели въ чувство плѣнника. Смертная блѣдность его лица исчезла подъ легкимъ оттикомъ жизни. Онъ открылъ глаза, съѣлъ на кровать и заплакалъ. Индѣецъ, державшій руку короля, выпустилъ ее и вскричалъ: не плачьте, благородный по-

велитель! Вы не лишились ни матери, ни сестры, ни дѣтей.

— Подлый певольникъ, ты говоришь, что я не лишился ни матери, ни сестры, ни дѣтей! А почему ты это знаешь? И развѣ умирають отъ одѣхъ только этихъ потерь!

— Я такъ думалъ, господинъ.

— Ты думалъ! Знаешь ли ты, что онъ у меня отнял, ты, заключенный въ этой темницѣ Богъ знаетъ за какое преступленіе? Онъ несправедливо и безчестно похитилъ у меня то, что Богъ даруетъ одному человѣку изъ миллионовъ,—то что есть обширнѣйшаго, прекраснѣйшаго, могущественнаго подъ солнцемъ—французское королевство.

— Вы король Франціи!

Индеецъ, который до этого времени стоялъ на колѣнахъ, съ гордостью поднялся и повторилъ:

— Вы король Франціи!

— Я былъ имъ. Неужели тебѣ тысячу разъ не случалось слышать о Францискѣ I, потомкѣ Филиппа-Августа, Людовика св. и Карла Великаго, этихъ свѣтилъ міра?

— Въ первый разъ слышу я ваше знаменитое имя, господинъ.

— Ты видно очень разсѣяннаго характера. Ты однако живешь на землѣ, можешь ли быть, чтобы тебѣ не случалось слышать о Францискѣ, котораго славу воспѣваютъ столько славныхъ побѣдъ.

— Никогда.

— Какъ! ты не слыхивалъ о великомъ Балуа, побѣдителя при Мариньянѣ, покорителя всей Италиіи?

— Нѣтъ.

— О его дворѣ, великолѣпнѣйшемъ изъ всѣхъ дворовъ; его дамахъ, любезнѣйшихъ изъ всѣхъ дамъ; о его рыцаряхъ, благородныхъ, горделивыхъ, храбрѣйшихъ изъ всѣхъ рыцарей свѣта?

— Никогда.

— Какъ! и о его королевствѣ, которому завидуютъ всѣ короли; его провинціяхъ, богатыхъ жатвами, воннами, поэтами.

— Никогда, никогда.

— Ты лжешь. Ты вѣрно слышалъ о Францискѣ, о Луврѣ, о моей графинѣ Фоа, о Лотрекѣ, Мотморанси, Маринья-

нѣ, о тысячахъ знаменитыхъ домовъ, благородныхъ дамъ, о безчисленномъ множествѣ дворцевъ?

— Простите меня, государь, я никогда объ нихъ не слыхивалъ.

— Что же послѣ этого слава, добродѣтель, могущество? За 200 миль отъ Паріжа не знаютъ Баярла!

— Баярла! говорите вы? Не знаютъ Баярда, друга солдата, умирающаго, побѣжденнаго! Баярда, котораго,—если солдаты находили не много воды, всегда пилъ послѣдній! Баярда, который бралъ города и умеръ въ бѣдности,—его не знаютъ! Испанцы сказали намъ тысячу именъ, тысячу чудесныхъ вещей: мы запомнили только одно имя: имя Баярда! Они передали намъ исторію боговъ, царей, воиновъ, мужей сильныхъ или благочестивыхъ;—богъ, царь, воинъ, мужъ сильный, мужъ мудрый—это Баярдъ! Потомъ они заставили насъ проклинать своихъ боговъ и героев; одинъ человекъ изъ всего вашего племени не былъ проклятъ нами: это Баярдъ!

— Этотъ Баярдъ, которому ты такъ удивляешься, сдѣлалъ меня рыцаремъ.

— А вы чѣмъ его сдѣлали?

— Я... я заставилъ его погибнуть, защищая своего короля.

— Плачьте же, если вы лишились Баярла, потому что у васъ ничего болѣе не осталось.

— Точно ничего.

— У васъ нѣтъ дѣтей?

— Есть, индеецъ. У меня четверо дѣтей: три мальчика и одна дочь.

— Хороши ли они?

— Ангелы! но вѣдь я былъ королемъ Франціи.

— Любятъ ли онѣ васъ? Смѣялись ли онѣ, завидя васъ издали? Били ли въ ладоши, соскакивали ли проворно съ колѣнъ кормилицы или матери, чтобы съ радостію броситься въ ваши объятія?

— Да, да певольникъ. Стало быть ты отецъ и добрый отецъ. Но я былъ королемъ Франціи.

— А когда вы ихъ цѣловали, развѣ одинъ не завидовалъ другому? Когда вы ласкали старшаго, меньшой не старался ли проскользнуть между вашихъ

ногъ? Самый младшій не игралъ ли свурками вашей обуви? И когда вы поклонялись къ нимъ, чтобы осыпать поцѣлуями ихъ кругленькія головки и свѣженькія, пухленькія щечки, — малютка дочь ваша, шалувья, не уцѣплялась ли за ваши волосы, чтобы помѣшать вамъ встать? А мать ихъ? не смѣялась ли она отъ умиленія, смотря на нихъ изъ угла? Быть можетъ она плакала?

— Но ты также плачешь, невольникъ? И у тебя есть дѣти. Но ты говоришь правду. Карлъ бралъ меня за волосы; Францискъ держалъ меня за бороду; Маргарита уцѣплялась за камзолъ. Я вырывался изъ ихъ объятій, только для того, чтобы упасть въ объятія ихъ матери, и при всемъ томъ, я былъ еще королемъ Франціи.

— Не правда ли, какъ становишься гордъ и счастливъ, когда ихъ маленькія ручки хватаютъ васъ за лице, крошечные ротки прижимаются къ вашей груди, а почю, когда онѣ позлѣ васъ засыпаютъ, свернувшись, какъ неоперившіеся птенцы...

— Точно, невольникъ, ты правъ. Геврихъ! Карлъ! Маргарита! Мое французское королевство!

— А когда онѣ начинаютъ ходить, государь: сначала имъ протягиваешь руку, потомъ одинъ палець... потомъ...

— Потомъ они ступаютъ однѣ, отъ матери, которал плачетъ, къ отцу, который смѣется.

— Государь, а когда онѣ начинаютъ лепетать, называть дерево, птицу, мать, Бога.

— Когда они походятъ на мать, невольникъ.

— А когда онѣ выростутъ, государь, когда сдѣлаются сильными, высокими, крѣпкими; когда начинаютъ носить оружіе...

— Скажи вѣнецъ, невольникъ.

— И потомъ ихъ разтерзаютъ собаки...

— Что говоришь ты? О, ужасная мысль!

— Испанцы затравили собаками моихъ трехъ сыновей, прекрасныхъ, какъ ваши. А вы видите, великій государь, я любилъ ихъ и не плачу.

— Да, прекрасно имѣть дѣтей, сыновей, дочерей! Но дѣтей всегда живнешь съ молодою женою. А королевство! Знаешь ли ты, что значить такая потеря! Знаешь ли, когда Богъ даетъ кому царство, то внушаетъ къ нему большую любовь, чѣмъ къ жевъ, дѣтямъ, къ матери; онъ соразмѣряетъ эту любовь по великости предмета. Царство— это небо и земля, потерять его— значитъ потерять небо и землю... Зачѣмъ, при пробужденіи царя, изумленная земля преклоняется передъ нимъ; зачѣмъ, само божество раздѣляетъ съ нимъ обоженіе, которое воздаютъ ему люди? Зачѣмъ сотворилъ Онъ солнце для освѣщенія міра, царя для управленія имъ? Развѣ солнце могло бы утѣшиться, если бы померкло? Знаешь ли, что моя власть имѣла предѣлы только въ моей собственной волѣ, что я желалъ, все имѣть. Но ты не понимаешь этого, оставь меня.

— Господишь, будьте милостивы!

— Знаешь ли, что при моемъ рожденіи вопрошали звѣзды и онѣ предрекли мнѣ величайшіе подвиги? А есть ли на небѣ хоть одно свѣтило, которое бы тобою занималось? Знаетъ ли оно о твоёмъ существованіи?

— Господишь, будьте снисходительны!

— Ты, имѣвшій предметомъ страсти какую нибудь грубую, лишнюю красоты жевщину, — можешь ли равняться со мною, любовникомъ графини Фоа! Тебѣ очень пристало жаловаться!

— Господишь, будьте сострадательны!

— Ты дикій, который всю жизнь провиновался палькѣ дикаго. Ты не зналъ Франциска; моихъ предковъ, моего двора. Ты ничтожный...

— Господишь, почтенье вашему брату.

— У меня нѣтъ братьевъ, кромѣ царей. Ты кто такой и какое человеческое названіе posiшь ты па землѣ?

— Я перуанскій императоръ.

— Вотъ судьбы твои, о Боже, Боже! Ты императоръ! Жертва Карла V! Отецъ, подобно мнѣ, лишенный дѣтей; царь, изгнанный изъ царства... О, братъ мой, приди въ мои объятія, на грудь мою...

VII.

Истекалъ годъ, какъ французскій король былъ лишенъ престола. Подгода пдѣна въ Италиі, подгода заключенія въ Испаніи наполняли этотъ роковой періодъ его несчастнаго царствованія. Силы его, казалось, не могли выносить долге продолжительнаго страданія. Его добрая сестра, которая не переставала утѣшать его мечтами, ужаснулась смерти, которая ему угрожала. Подъ опасностію ускорить конецъ своего брата, давъ ему понять, что онъ близокъ... подъ опасностію уничтожить Францію договоромъ, который она привуждала его подписать, съблвавшись всемогущею цалъ его волею; — она послѣшила призвать императора въ Альказаръ.

Въ этотъ разъ, свиданіе Фравциска I съ Карломъ Австрійскимъ происходило только въ присутствіи президента парижскаго парламента, Іоанна де Сельва, Граммона, епископа Тарбскаго, де Турнона, архіепископа Амбрескаго и герцогини Алаисовской.

Давно уже императоръ ожидалъ этого отчаяннаго ршенія. Онъ тотчасъ отправился въ Альказаръ, въ сопровожденіи своего нотаріуса и великаго канцлера.

Не взиралъ на глубокое искусство скрывать свои ощущенія, Карлъ не могъ не почувствовать внезапнаго умилевія при видѣ зрѣлица, которое ожидало его въ темницѣ. Герцогиня Алаисовская, блѣдая, съ распушенными волосами, съ головою, повисшею на грудь, заливалась слезами. Архіепископъ Амбрескій стоялъ среди комнаты передъ валосемъ, на которомъ лежали св. дары; Фравцискъ, исхудавшій, съ лицомъ, покрытымъ смертною блѣвностію, орошенный лихорадочнымъ потомъ, приветалъ на постель, приготовляясь исполнить великій долгъ христіанскаго смиренія. Въ глазахъ императора показалась слеза. Откуда онъ взялъ ее?

— Ваше императорское величество, произнесъ слабымъ голосомъ король: — пришли присутствовать при смерти своего плѣнника.

Карлъ съ нѣждностію взялъ его за руку, не отвѣчая ни слова.

— Сядьте здѣсь, мой державный братъ, потому что я очень слабъ. Прокните вашу волю и я засвидѣтельствую ее моею подписію. Но послѣдите, братъ мой; послѣ этого договора, я долженъ исполнить еще другой — передъ Господомъ. Обопчивъ дѣла Франціи, я стану думать о моихъ собственныхъ. Молитесь о душѣ моей, архіепископъ; а вы гг. де Сельвъ и де Граммонъ, пишете: — «Мы, Божіею мнностію...

— Пожалуйста, безъ титуловъ; я знаю ихъ ванзустъ, а смерть не илетъ. Къ дѣлу: что просите за выкупъ французскаго короля, вашего плѣнника?

Императоръ обидѣлся этимъ замѣчаніемъ. Въ его глазахъ этикетъ былъ не маловажною вещью. Онъ продолжалъ сухо: — «Симъ договоромъ, свободно заключеннымъ...

Маргарита горько улыбнулась.

— «Фравцискъ I, король Фравціи...

— Мой братъ, не угодно ли вамъ сиять шлду; дѣло илетъ о Франціи.

Карлъ свялъ шляпу.

— «Соглашается, въ замѣну своей «свободы, уступить императору Неаполь, «отказаться навсегда за себя и за своихъ «потомковъ отъ всѣхъ правъ и требова- «ній на Медиоланское герцогство, на «области Генуэзскую и Астскую, од- «нимъ словомъ, на всю Италию».

Фравцискъ, который въ ветерствіи перебиралъ одѣяло, судорожно сжалъ его, но удержалъ дорывъ гвѣва, и вглянувъ на небо сквозь рѣшетку своей темницы, сказалъ:

— Я согласенъ, но вы гг. де Сельвъ и де Граммонъ, прибавьте съ боку: «подписывая эту статью, король французскій былъ такъ слабъ и боленъ, что добрая его Маргарита, его голубица, поддерживала ему голову, а г. епископъ Амбрескій, его почтенный духовникъ, воцѣлъ его рукою.» Надо, чтобы Франція знала это, братъ мой. Что же далѣе?

Онъ подписалъ уступку Италиі.

«Кромѣ того, Фравцискъ обязывается «возвратить императору Бургундское гер- «цогство, Геленъ, Дуэ, Лиъ и Орци; «отказаться отъ покровительства ко-

«королю Наваррскому герцогу Гедрскому, герцогу Виртембергскому и Роберту Маркскому.»

Франискъ съ горестію поднялъ свои исхудавшія руки. Маргарита, испуганная этимъ движеніемъ, снова спрятала ихъ подъ одеяло. Взоръ ея, казалось, говорилъ императору: На минуту, пощадите его.

— Жестокая жертва, мой царственный братъ; вы берете чистѣйшую мою кровь. Бургундію, съ такимъ трудомъ приобретенную Людовикомъ XI, Фландрію и Артуа, эти два плодосные сосца Франціи; моихъ добрыхъ друзей, родственниковъ, соседей, все я долженъ вамъ уступить. И что вы будете съ ними дѣлать? Неблагородно принуждать кого бы то ни было извѣщать своимъ друзьямъ. Стыдъ такого поступка падетъ на насъ, братъ мой. Я васъ предупреждаю, вамъ нужно много сѣмьсти, чтобы перенести его. Гг. де Сельвъ и де Граммонъ я соглашались и на это; но не забудьте записать на сторону, въ извѣщеніе короля, если есть извѣщеніе для такого стыда, что онъ едва не лишился жизни отъ чрезмѣрныхъ страданій. Потомъ обратившись къ императору: — На колыни, васеаль, вскричалъ онъ, на колыни! Въ качествѣ короля французскаго, я долженъ тебя возвести въ достоинство Бургундскаго герцога. Таковы обычай и мое право. Содрогался отъ гнѣва, Карлъ преклонилъ колыно. Взоры Маргариты были устремлены на лицо императора и, казалось, приковывали его къ землѣ.

Вставая, раздраженный императоръ прочелъ: «Сверхъ того, Франискъ соглашается взять на себя издержки новаго похода императора въ Италію и кромѣ того уплатить 500,000 эшимоновъ, которыхъ Испанія должна англійскому борболу.»

— Клянусь душою! вскричалъ Франискъ, которому полнѣе лихорадки придало обманчивую эвѣргію, вы ростовщикъ, лихоимецъ, жадъ, а не король, не императоръ! Вы хотите, чтобы я платилъ за ваши военные издержки въ Италію, ваши долги англичавамъ? Клянусь, вы достойный потомокъ Максимилиана Юдшаго, котораго мой дѣдъ навѣшалъ

за 300 франковъ на день служить въ своей гвардіи! Ну что же? Если уже такова участь Франціи, чтобы всегда уплачивать издержки Испаніи, я обязуюсь, — обязуюсь за себя и своихъ потомковъ давать деньги вашимъ сыновьямъ и внукамъ па стно для лошадей, па подарки для любовницъ, па черныя хлѣбъ для ихъ пажей. О, въдъ Франціи всегда славилась щедростію! Вы плачете, герцогиня Алансонская, моя благородная сестра? Не плачете, французскій царь не истратитъ ни одного су; даю вамъ въ томъ рыцарское слово. Мы продадимъ Лувръ, Сень-Жермень, построенный для моей Дианы, продадимъ ваши брилліанты, мое серебряное вооруженіе. Солиманъ, турокъ, поверитъ мнѣ пол-милліона па слово, на шпагу Баярда, которая дороже моего слова, на пародъ, пародъ... Берегитесь братецъ; быть можетъ, мой народъ не любить своихъ королей; по никогда еще не терпѣлъ онъ, чтобы ихъ оскорбляли въ глаза! Пишите, гг. де Сельвъ и де Граммонъ: «пол-милліона для уплаты долговъ моего царственного брата... Прибавьте, что отъ сырости темницы выпали все мои волосы.» Говоря это, король вырвалъ своею исхудавшею рукою длинную прядь волосъ.

Во время этихъ остановокъ и возражений, архіепископъ окончилъ приготовленія къ причащенію; онъ сталъ въ ноги короля и началъ читать молитвы. Голова Франциска все еще покоилась на рукахъ сестры, которая, то улыбалась ему, то обливала его слезами, забывалъ обязанность утѣшительницы, какъ женщина, удрученная жесточайшею скорбію. Легче вообразить, нежели описать положеніе императора. Онъ былъ бы очень радъ бросить это дѣло, но онъ уже прочелъ половину договора; ему очень хотѣлось также возражать на извѣстныя замѣчанія короля; но онъ видѣлъ, что тотъ былъ въ отчаяніи и могъ умереть при малѣйшемъ порывѣ гнѣва. Онъ продолжалъ: «Его свѣтлость, коннетабль Бурбонскій»... При одномъ этомъ имени, перо выпало изъ рукъ президента; архіепископъ Амбренскій пробудился отъ своихъ благочестивыхъ мыслей; Маргарита крѣпче прижала къ своей прекрасной груди

голову брата; тягостное любопытство овладѣло всѣми; всѣ старались угадать чувство, которое выразится на лицѣ короля. Самъ императоръ, которымъ невольно овладѣлъ тотъ же страхъ, прошепталъ предложеніе отложить до другаго дня чтеніе договора.

— Продолжайте, продолжайте, возразилъ король. Вы сказали: «Его свѣтлость кошталь вступить въ владѣніе своими областями, всѣмъ своимъ имуществомъ, почестями и достоинствами. Сверхъ того, ему дозволено будетъ предъ-«вить въ будущемъ заведеніи парламен-«та свои права на Провансъ.»

— Братъ, вскричала Маргарита, ударивъ руками по колѣнамъ короля:—братъ мой, скорѣе умрите!

— Сестра, произнесъ съ достоинствомъ король:—сію минуту.

— Вы хотите наградить измѣнника, палача!...

— Что жъ! это будетъ приданое для брака его съ которою нибуль изъ испанскихъ принцессъ. Вѣдь я казначей всего семейства. Согласенъ, гг. де Сельвъ и де Граммонъ, согласенъ и на это. Замѣтите, что король, подписывая возвращеніе имѣнія коннетаблю, готовъ былъ отдать душу Богу. Съ креста своего онъ прѣстилъ Иудамъ Франціи. А коннетабль однакожъ былъ когда-то храбрымъ воиномъ.

Императоръ продолжалъ: — «Король соглашается заплатить императору два «милліона ефимковъ за свой выкупъ.»

— Два милліона ефимковъ, братецъ! Подумайте, ради Бога! Эта сумма превышаетъ мой годовой доходъ. Впрочемъ, вѣдь это составитъ только по 16 су съ каждаго изъ моихъ подданныхъ. Сообразивъ все хорошенько, я вижу, что вы оцѣнили меня такъ дорого изъ уваженія къ тому, что я близокъ къ смерти. Это дѣлаетъ честь вашему челоуѣколюбію. Но поспѣшите. Вѣдь нельзя же въ одно и тоже время имѣть и выкупъ и мой трупъ. Замѣтите, гг., что правительница Франціи, въ это самое время, дала свободу безъ всякаго выкупа г. Гюгу Мовкалу, подобно мнѣ взятому въ плѣнъ при Павіи и происходящему отъ

королевской испанской крови. Продолжайте.

Карль поблѣднѣвъ отъ стыда.

— «Король Франціи объщаетъ и кланется жениться на сестрѣ императора, «португальской инфантѣ, чтобы запечатлѣть союзъ между обѣими держава-«ми.»

— Отъ всего сердца, братъ мой. Столь благородная дама не получитъ отъ меня отказа. Прибавьте гг., что я желалъ бы имѣть супругою эту августѣйшую принцессу и тогда, если бы меня къ тому не принуждали.

Императоръ заключилъ: «Въ обезпеченіе вышеупомянутаго договора, король обязывается дать залогомъ своихъ «старшихъ сыновей, Франциска и Генриха или на мѣсто ихъ 12 знатѣй-«шихъ вельможъ и полководцевъ госу-«дарства.»

Король отвѣчалъ послѣ продолжительнаго молчанія: — Двухъ сыновей, которыхъ я люблю, какъ любилъ ихъ мать, болѣе самаго себя, болѣе царства, болѣе всего на свѣтѣ, — или 12 вельможъ! Двоихъ сыновей! Видно, что вы не были отцемъ, братъ мой! Гг. наложите, что я согласенъ дать двоихъ моихъ сыновей въ залогъ вѣрваго исполненія вышеупомянутаго договора. Двѣнадцать моихъ храбрѣйшихъ полководцевъ! Не думаете ли вы, братъ мой, что полководцевъ также легко дѣлать, какъ вамъ капуциновъ? Лишите меня сыновей, пусть такъ, но я не позволю лишить мое государство 12 защитниковъ! Прибавьте, господа, «что король французскій, соглашаясь отдать въ залогъ своихъ сыновей, всталъ, чтобы приступить въ св. причащенію. Онъ находился при смерти». Поддержите мою голову, моя благородная сестра. Г. архіепископъ Амбренскій, все ли готово?

Архіепископъ взявъ благословенно да-ры, подошелъ къ королю, который сталъ на кровати на колѣна и приступилъ къ совершенію таинства.

— Теперь все, сказалъ поспѣшно императоръ, который опасался, чтобы, занявшись религіозными мыслями, король не замедлилъ окончанія договора. — От-

ложите на минуту исполненіе священнаго обряда, братъ мой, чтобы не смѣшать вичтожныхъ заботъ міра, съ помыслами о вѣчной жизни. Остается только приложить къ договору вашу королевскую печать. Тюремщики отворите двери, прикажите въ крѣпости торжѣствовать ста пушечными выстрѣлами освобожденіе Фравцузскаго короля, моего добраго брата. Армія и гарвизонъ должны воздавать ему равныя со мною почести. Вотъ вашъ свободный пропускъ во Фравцію.

Уступая измѣчивость своего женскаго характера, не смотря на жестокия терзанія, которыя она испытала до заключенія договора, Маргарита въ упоеніи радости обвила руками шею своего брата, осыпая его поцѣлуями и обливая слезами, предалась совершенно изліанію своихъ чувствъ. Братъ мой! и такъ ты свободенъ! братъ милый! черезъ недѣлю мы будемъ во Фравціи, черезъ 12 дней— въ Парижъ! О! звоните колокола Нотрдамской церкви, Севъ-Жермень, Севъ-Дени! Звоните всея приходы Фравціи, король французскій свободенъ! Ты свободенъ, душа моя, говори же со мною. Видишь ли ты отсюда твой Лувръ и королеву правительницу, нашу мать? — Слышишь ли, какъ говоритъ ей на колысахъ великій шталмейстеръ, растворивъ обѣ половинки дверей: «Государыня, король, вашъ сынъ, здѣсь, у лѣстницы, онъ всходитъ... слышите ли, онъ плачетъ; а народъ толпою вслѣдъ за нимъ!...» А вы, король, мой повелитель, вы говорите: «пустите народъ! пусть всея меня видятъ!» Посмотри же на меня, Францискъ, посмотри на меня! Дай мнѣ расцѣловать твои глаза, уста твои, о милый братъ мой! Подпиши твое освобожденіе и ты не умрешь. Я же хочу, чтобы ты умеръ. Подпиши и уйдемъ отсюда, двери отворены, соиде свѣтитъ а природа такъ прекрасна! Дай руку! пойдемъ, какъ два странника по дорогѣ во Фравцію. Такъ мы пройдемъ Провансъ, Дофинѣ, Бурбонѣ, Иль де Франсъ и придемъ въ Парижъ... О, подписывай, подписывай скорѣе! Ужь мы бы давно были въ Парижѣ.

— Теперь, сказалъ король, выходя изъ

продолжительной безчувственности, теперь, когда я, къ своему безчестию, подписалъ каждую строчку этаго презрѣннаго договора и когда мнѣ остается только приложить въ нему мою печать, напишите, гг. де Сельвъ и де Граммонъ: «что каждая уступка была исторгнута у меня увиженіемъ, каждое раздробленіе Франціи—терзаніемъ, каждая ошибка, въ которой меня могли бы упрекнуть въ послѣдствіи, — смертною мукою.» Напишите еще, — «что если, какъ человѣкъ ничтожный и слабый передъ бѣдствіями жизни, какъ христіанинъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ припимающій наказаніе Провидѣнія, — я подписалъ этотъ постыдный договоръ, то какъ король Франціи, — я его раздираю.» — Ничто не сдѣлаю, мой братъ. Поручите душу мою Богу, архіепископъ. Вы все, дайте мнѣ умереть. Затворите двери.

IX.

Императоръ наконецъ являлъ, что его лянникъ рѣшился скорѣе умереть, нежели уступить. Тогда онъ еще разъ положилъ на вѣсы челоуѣколюбіе и политику, — и политика перетянула. Не смотря на краспорѣчивыя обѣщанія правительницы, Карлъ былъ, и очень основательно, убѣжденъ, что получивъ свободу, Францискъ немедленно объявитъ себя покровителемъ Италіи, соединится съ Генрихомъ VIII, и что этотъ двойной союзъ уничтожитъ всея плоды побѣды при Павіи. Между тѣмъ, сохраняя такую же непреклонность въ жестокости, какъ его соперникъ въ своихъ отказахъ, онъ былъ увѣренъ, что, при послѣдней крайности, получить для Испаніи болѣе, нежели могъ надѣяться при другомъ положеніи дѣлъ.

Гг. де Сельвъ, де Граммонъ и архіепископъ Амбрескій получили повелѣніе постышно оставить Испанію, какъ опасныя заговорщики, всегда готовые находить предлоги нарушить договоръ или препятствовать его заключенію. Герцогиня Алавансонскія дано было 12 дней для возвращенія во Фравцію. Вместе съ тѣмъ ей объявили, что если 13-й еще

застанеть ее на испанской землѣ, съ нею будетъ поступлено, какъ съ пльвиницею. Сверхъ того, Карлъ распустилъ слухъ, вѣроятно съ тою цѣлю, чтобы еще разъ вступить въ переговоры, — что, по отзыву Маргариты, заключеніе короля слышался еще суровѣе и что его перемѣстятъ въ нижнія темницы Альказара.

Королю французскому было известно все, что противъ него замыслили. Онъ рѣшился показать Европѣ послѣдній примѣръ рыцарскаго самоотверженія. Лишенный всѣхъ совѣтовъ, онъ цѣлую ночь писалъ, запершись съ своею сестрою, которая должна была ѣхать на другой день на разсвѣтъ. Сидя возлѣ короля, подкрѣпляя каждую минуту его истощенныя силы, Маргарита орошала слезами пергаминъ, на которомъ онъ твердою рукою пачертывалъ то, что, вѣроятно, давно уже было приготовлено въ его памяти; мысль его изливалась безостановочно, слова рождались быстро и обильно подъ перомъ его. По мѣрѣ того, какъ листъ папожнялся, онъ передавалъ его сестрѣ, которая складывала его въ четверо, прижимала къ своимъ губамъ и скрывала за корсажъ платья. Такимъ образомъ прошла ночь. На разсвѣтъ все было кончено. Король, повидимому, облегченный отъ бремени важной обязанности, началъ съ благоговѣніемъ молиться. Маргарита стала на колѣна. Среди ихъ благочестивыхъ словъ, пѣнія птицъ и въ сіяніи зари, казалось, величественная душа царства возвращалась на небо. Все свершилось.

— Нѣтъ! вскричала Маргарита отчаяннымъ голосомъ, нѣтъ братъ мой, вы на всегда остапетесь для меня моимъ добрымъ рыцаремъ, добрымъ королемъ, моимъ защитникомъ, благороднѣйшимъ человѣкомъ и повелителемъ! Дайте мнѣ поцѣловать вашу царскую руку и простите, простите братъ мой.

— Прости голубица. Поцѣлуй землю Франціи, когда ты на нее ступишь, — землю, которую я болѣе не увижу! Передай мое почтеніе и любовь матушкѣ, слезы дѣтямъ, мое благословеніе народу. Теперь бѣги, бѣги скорѣе, Маргарита, солнце и императоръ встаютъ.

Маргарита, которая уже получила у

императора прощальную аудиенцію, быстро сбѣжала по ступенямъ мрачной тюремной лѣстницы и пустилась бѣжать черезъ улицы, площади, сады города, держа руки у сердца, гдѣ она скрыла судьбу царства, и на каждомъ шагѣ оборачивала голову, страшась погони.

У городскихъ воротъ переодѣтый мужчина остановилъ ее своею желѣзною перчаткою и закричалъ ей: «Маргарита, измѣна, измѣна!»

Бѣдная женщина едва устояла на ногахъ.

— Узнайте меня и бѣгите. Если 13-й день застанеть у границы — измѣна! говорю я вамъ.

— Да постигнетъ васъ небесное проклятіе, коннетабль, если вы меня обманываете, и да благословитъ васъ Богъ, если вы говорите правду.

Маргарита бросилась на большую дорогу и остановилась уже посреди лѣса, въ трехъ миляхъ отъ Мадрида. Черезъ нѣсколько минутъ, показалась женщина, одѣтая въ такое же платье, какъ Маргарита. Она ѣхала на темной лошади и вела точно такую же въ поводу.

— Послушай, Айха, сказала Маргарита, на границѣ намъ встрѣтятся двѣ дороги: одна изъ нихъ, менѣе опасная, оберегается войсками императора; ты избереши ее, другую, которую охраняютъ люди коннетабля, возьму я. Спрячь эти бумаги у сердца и, подобно мнѣ, не останавливайся ни на минуту. Впередъ!

X.

На границѣ солдаты стерегли дороги; утесы, рѣки, ручьи и, малѣйшія переправы. Къ концу 12 дня, за часъ до истеченія срока, двѣ женщины остановились на перекресткѣ, образуемомъ дорогами, которыя вели къ границѣ Франціи.

Здѣсь! — вскричала Маргарита.

Онѣ развѣхались, пустивъ лошадей въ галопъ подъ огнемъ часовыхъ; скоро онѣ скрылись изъ виду и топотъ лошадиныхъ копытъ затихъ въ отдаленіи. Айха присакала къ мосту, брошенному черезъ потокъ.

— Стой! закричали съ утеса, нависшаго надъ потокомъ. Айха, не отвѣчая, бросилась на мостъ. Раздался выстрѣлъ; лошадь упала и скрылась въ волнахъ. Айха болѣе не существовала; пуля поразила ее въ самую грудь. Она упала навзничь съ лошади, блѣдая съ распущенными волосами, съ ослабѣвшими членами.

Испанскіе солдаты, въ полномъ убѣжденіи, что убили герцогиню Амансонскую, окружили ее, сняли съ нея одежду, обогрѣнную кровію, и везли ее обыскали. У сердца дѣвушки нашли романъ Сида, покрытый кровію и почернѣвшій отъ пороха. Тамъ же лежала и другая бумага, которая заставила затреть отъ радости начальника отряда. Онъ вручилъ ее всаднику, который пустился вскачь къ Мадриду.

Въ то время, когда войска, развлеченныя этимъ происшествіемъ, собрались въ одно мѣсто, раздался крикъ: Франція! Франція! Маргарита перѣехала Испанскую границу, а солдаты коннетабли не слышали ей ни малѣйшей угрозы.

Она упала на землю и поцѣловала ее, выплывая обѣщаніе, данное ею брату-повелителю.

XI.

Маргарита, герцогиня Амансонская, находилась уже въ Лувръ. Бумаги, запечатанныя печатью правительницы, были читаны въ парламентахъ.

Францискъ въ послѣдній разъ пригласилъ къ себѣ императора. Карла V прибылъ въ Альказаръ.

— Мой царственный братъ, вамъ угодно было призвать меня.

— Точно такъ, мой братъ, и въ послѣдній разъ.

— Тѣмъ лучше. Вѣроятно опытъ накопецъ налучилъ васъ, что мое терпѣніе будетъ столько же неутомимо, какъ ваше упорство и что въ хитрости мы играемъ въ ровную игру?

— Къ чему такая скромность, братъ мой, въ этомъ отношеніи вы далеко меня превосходите.

— Объ масляницѣ будетъ годъ вашему затворничеству, которое, клянусь честію, чувствительно меня огорчаетъ.

— Я считалъ минуты за минутами и счетъ имъ слишкомъ хорошо помню.

— Вы отдадите мнѣ справедливость, что я желалъ сократить его, но вы всегда противупоставляли мнѣ вашу гордость и какую-то роковую нерѣшительность, которую вы обнаруживали всякій разъ, когда дѣло шло о нашемъ примиреніи.

— Мой державный братъ, возразилъ Францискъ, оскорбленный насмѣшливою жалостію, которая выражалась въ голюсъ и словахъ соперника; вы, которые одарены всѣми прекрасными чувствами, надѣюсь, удостоите меня отвѣтомъ, потому что я не для того призвалъ васъ, чтобы жаловаться. Еще будетъ время говорить другъ другу прилѣтствія. Начнемъ съ важнѣйшаго.

— И я того же жажду. Стадемъ разсуждать о нашемъ договорѣ.

— Мнѣ хотѣлось бы знать, счастливы ли толедскій или мадридскій мѣщанины?

— Тысячу разъ счастливѣе благороднаго гентскаго гражданина. Я могъ бы сказать: счастливъ, какъ король, но съ нѣкотораго времени, братъ мой, короли не такъ счастливы. Впрочемъ вы кажется хотѣли говорить о нашемъ договорѣ...

— Сейчасъ. И вы не обременяете его, когда вамъ вздумается, палогамъ, поборами, разнаго рода повинностями?

— Вамъ извѣстно, братъ мой, что со времени возмущенія средняго сословія, при вступленіи моемъ на престолъ, права мои на этотъ классъ народа приведены въ точные предѣлы справедливости. И принужденъ быть умѣреннымъ въ Испаніи и расточительнымъ въ Германіи. Эти двѣ крайности вредятъ моему здоровью.

— И вы хотѣли бы приобрести Францію, чтобы удочистить его? Очень хорошо. Но возвратимся къ нашему предмету. Скажите, вы позволяете мадридскимъ мѣщанамъ, вашимъ вѣрноподданымъ, нѣсколько не вступаясь въ ихъ собственность, обладать подругою, избранною по желанію, имѣть адалузскаго мула въ кошошнѣ, пѣтуха на дворѣ, флюгеръ, на кровлѣ, выкрашенный красною краскою, корову въ хлѣву, нѣсколько плодovitыхъ или тѣ-

нистыхъ деревъ, чтобы укрыться отъ солнца, копые для защиты отъ воровъ и покровительство отъ притѣсненій?

— Все это я имъ дарю и еще много другихъ преимуществъ, но что общаго...

— И они могутъ исходить съ вами на войну, переселяться, когда имъ вздумается, изъ Эстремадуры въ Арагонію, изъ Арагоніи въ...

— Итти къ черту, если имъ угодно, даже въ Германію, но напѣ...

— Въ Германіи, братъ мой Карль, слишкомъ холодно, къ тому же тамъ все заражено ересью, все какъ-то болѣе, чтобы не соблазниться. Въ Италіи Клименту VII можетъ наследовать другой Адрианъ, Адриану — другой Юлій II, Юлію — другой Александръ. По всемъ соображеніямъ, мнѣ лучше правится Испанія. Это также Франція, только безъ зимы. Она улыбается мнѣ болѣе всѣхъ странъ. Конечно, я выбираю Испанію.

— Вы...

— Нѣтъ я не сошелъ съ ума, братъ мой. Я хочу слѣжаться мадридскимъ мѣщаниномъ; кланусь, вы будете мною довольны. Налогъ? я буду платить минута въ минуту, по часамъ моего прихода. Инквизиціи буду повиноваться, какъ вы сами, какъ слѣдуетъ лоброму христіанину, какимъ я всегда былъ. Я каждый мѣсяцъ буду исповѣываться и пріобщаться св. таинъ перелъ глазами цѣлаго народа. Буду кланяться въ поясъ моему землевладѣльцу; а что касается до моего короля и императора, — не нужно вамъ и говорить, что послѣ Бога, я всего болѣе стану почитать его и ему повиноваться. Однимъ словомъ я буду самымъ честнымъ, благочестивымъ, самымъ почтительнымъ изъ всѣхъ мадридскихъ мѣщанъ.

— Что значать ваши страшныя слова, братъ мой? Время ли заниматься шутками, когда мы должны управлять двумя прекраснѣйшими державами въ свѣтѣ? И что значить эта черная, суконная спанча, эта шляпа съ широкими полями, черныя мѣщанскіе башмаки съ пряжками, и наконецъ весь этотъ черный, бѣдвий костюмъ моего мѣлаго мѣщанства? Удостоите изъяснить мнѣ эту загадку?

— Неугодно ли вамъ приказать отво-

рить двери моей темницы и послѣдовать за мною на чистый воздухъ? Повторяю вамъ снова, я мадридскій гражданинъ, простой мадридскій мѣщанинъ.

— Мой державный братъ, успокойтесь. Конечно, я очень виноватъ противъ вашей царственной особы. Политика могла ввести меня въ заблужденіа, но я имѣю власть ихъ загладить. Сознаться — мои поступки, отсутствіе вашей доброй сестры, герцогини Алансонской, вашихъ друзей могли помрачить ваши умственные способности, но лекарство для столькихъ золъ готово. Мой мраморный, толедскій дворецъ, съ фонтанами, помпранцевыми рощами, цвѣтами — къ вашимъ услугамъ. Мой докторъ, Везалиусъ, очень искусный человекъ, мой духовникъ, архіепископъ Осма, будутъ содѣйствовать къ возстановленію вашего разстроеннаго здоровья.

— Если, когда нибудь, вамъ, мой возлюбленный братъ, подобно мнѣ вздумается отказаться отъ престола и слѣжаться проповѣдникомъ, — вѣрите, я не премину воспользоваться вашими проповѣдями. Что же касается до моего безумія, то со всемъ должнымъ уваженіемъ къ вашей матушкѣ, я скажу вамъ, что я еще не сравнялся съ нею, въ этомъ отношеніи. Она еще имѣетъ безразсудство царствовать. А я отказываюсь отъ престола. я мѣщанинъ, братъ мой; хотите ли, чтобы я вамъ это доказалъ?

— Я хочу только вашего выздоровленія.

— Хотите ли доказательствъ?..

— Ради Бога, подумайте, что вы государь, что у васъ три сына, которые также будутъ государями въ свѣю очередь, что вы женитесь на моей сестрѣ, которая будетъ государыней, что ваша матушка правительница Франціи...

— Что Эммануиль король португальскій, а Салиманъ турецкій императоръ, изъ этого еще не слѣдуетъ, что я непременно долженъ быть королемъ Франціи. Сестра ваша можетъ слѣжаться королевою, когда это будетъ угодно Богу, мать моя можетъ быть правительницейю, а сыновья мои королями, но я болѣе не король.

— Вы сумасшедшій!..

— Знаете ли вы римскую исторію? Помните ли Силлу?

— Повторяю вамъ, вы сумасшедшій!

— А греческую знаете? Помните ли вы исторію того царя, который сдѣлался горшечникомъ? Известна ли вамъ также исторія всѣхъ государей, которые отказались отъ престола?

— Отказались? прежде нежели тюремники скуютъ васъ и поведутъ въ безумный домъ, угодно ли вамъ сказать, развѣ вы не Францискъ I, французскій король, Англемской линіи?

— Да, клянусь душою, я былъ имъ. Но въ эту минуту моего старшаго сына называютъ Францискомъ II, королемъ французскимъ, герцогомъ медиолавскимъ, графомъ генуэзскимъ...

— Францискъ II, когда Френцискъ I еще живъ! Что говорите вы? Отреченіе...

— Писанное и утвержденное мною— теперь во Франціи.

Тутъ прискакалъ всадникъ, полумертвый отъ усталости, и бросилъ къ ногамъ императора бумагу, вайденную у мавритянки. Это была копія съ отреченія короля, полливики находился въ Луврѣ.

— Ваше отрѣченіе во Франціи! Небо и адъ! Гдѣ же мой плѣвникъ, мой побѣжденный король?..

— Карлъ Австрійскій, говорю вамъ пропустите меня, король французскій въ Парижѣ.

БИОГРАФИЧЕСКІЕ СІЛЮЭТЫ АРТИСТОВЪ.

I.

ИПОЛИТА МАРСЪ,

ПЕРВАЯ КОКЕТКА И ТРАГИЧЕСКАЯ АКТРИСА ФРАНЦІИ.

Начну съ того, что г-жѣ Марсѣ 63 года. Не понимаю, что можетъ быть не-пріятнаго въ намежѣ на лѣта, когда дѣло идетъ о такой женщинѣ, какъ г-жа Марсѣ. Шестидесятилѣтняя Нинона, за которою ухаживали юноши, могла бы сказать любой молоденькой герцогинѣ: «Взгляните, сударыня, какова я передъ вами, а мнѣ 60 лѣтъ.» Еще менѣе значать лѣта для актера, если только не состарилось его дарованіе. Талмъ никто бы не далъ болѣе 20 лѣтъ, когда, незадолго до смерти, онъ выполнялъ роль Ореста, въ трагедіи Сульс. Между тѣмъ, тысячи людей портятъ свое наслажденіе физическимъ разложеніемъ предмета, которымъ наслаждаются. Напримѣръ у насъ: какая молоденькая актриса замѣнитъ г-жу Каратыгину въ комедіи? Которая изъ закулисныхъ красавицъ будетъ милѣе, ловче, очаровательнѣе ея, въ роли молодой кокетки? Но всѣ ли зрители это понимаютъ!

Для тѣхъ, которые бѣгутъ въ театръ, чтобы только посмотреть на молоденькихъ и хорошенькихъ актрисъ, — какое дѣло до ума, дарованій и даже до гевія? Ихъ привлекаетъ не драма, не характеры: они ищутъ только минутнаго чувственнаго наслажденія. Они думаютъ о мужчинѣ, или женщинѣ, а совсѣмъ не о драматическихъ ртисахъ. Для нихъ дѣлаются тяжелыя,

гигантскія зрительныя трубки, которыя самая сильная рука не въ состояніи долго продержатъ предъ глазами. Эти трубки могутъ быть очень удобны для того, чтобы наблюдать звѣзды, но право насколько не годятся для театра, именно потому, что приближаютъ актера на разстояніе, слишкомъ близкое для глаза. Непонимаю, что за удовольствіе, разсматривать голову актера, какъ какое вибуди наськомое въ микроскопъ и чрезъ то разрушать очарованіе, которое онъ расчитываетъ на разстояніи и подготавлиетъ съ большимъ искусствомъ. Сохрани меня Боже, что бы я сталъ прибѣгать къ помощи такого разочаровывающаго союзника! Я хочу смотрѣть на лице актера точно такъ, какъ смотрю на декорацию. Знаю очень хорошо, что и то и другое-обманъ, но для меняэтотъ обманъ пріятенъ. Я съ тѣмъ и прихожу въ театръ, чтобы быть обманутымъ. Я не требую дѣйствительности, а требую истины, художественной истины. Дѣйствительность груба; истина исполнена прелести. Эта истина всегда имѣетъ нѣчто условное; а гдѣ допускается условіе — тамъ обманъ неизбеженъ. Искусство въ томъ и состоитъ, чтобы изъ соединенія многихъ вымысловъ, составить что-то правдоподобное. Если бы желали видѣть на театрѣ дѣйствительность, то должно бы прежде всего, давать представленія сре-

ди блага дня, потому что лапы очень дурно подражаютъ солнечному свѣту. Далѣе, слѣдовало бы истребить все декорации и играть въ полѣ, или въ настоящемъ дворцѣ, или на берегу настоящаго моря. Мѣсто вымысла должно бы заступитъ истинное происшествіе, — а это было бы смѣшно и отвратительно и просто не возможно.

Искусство имѣетъ свои условія; переходить за предѣлы этихъ условій, значитъ его обезобразивать. Театральное искусство дополняетъ искусстводраматическое. Последнее требуетъ въ некоторомъ преувеличенія въ чувствахъ, въ дѣйствіи, въ выраженіи; для перваго необходимы условныя движенія, декорацин, румяна и бѣлила. Чтобы возстановить согласіе между этими двумя искусствами, второе должно подчиняться первому, помогать ему, придавая ему выраженіе, игру лица, измѣненіе голоса, взоръ, движенія. Этого можетъ оно достигнуть не иначе, какъ при помощи извѣстныхъ средствъ, которыя конечно не могутъ укрыться отъ зрительныхъ трубокъ въ шесть фунтовъ вѣсомъ. Кто любитъ театръ, тотъ долженъ посѣщать его безъ роковаго телескопа, который словно, анатомируетъ актера. Всякому пріятно выпить стаканъ свѣжей, чистой воды, но кому же придетъ въ голову подвергать каждую ея каплю всепроницающему оку физики, чтобы найти въ ней, Богъ знаетъ, какихъ уродливыхъ жителей, которые движутся въ ней мириадами, сражаются, умерщвляютъ, пожираютъ другъ друга и превращаютъ воду въ отвратительное смѣшеніе жизни и смерти. Что касается до меня, то я такъ же мало думаю о чистотѣ лица актера, сколько о чистотѣ стакава воли, которую пью ежедневно.

Не разъ случалось мнѣ убѣждаться примѣромъ въ бесполезности этихъ орудій и въ превратности сужденій, къ которымъ подаетъ поводъ микроскопическое разсматриваніе актеровъ. Расскажу одинъ случай. Я былъ во французскомъ театрѣ. Играла г-жа Бурбье, въ роли *Герцогини Гизъ* — въ «*Геррихъ III*» — *Дюма*, съ прелестью и умомъ, которые ей такъ свойственны. Она казалась мнѣ восхитительною, очаровательною въ высочайшей степени и достойною всякихъ

похвалъ. Возлѣ меня сидѣлъ молодой человекъ, затянутый въ синий фракъ, завитый съ затылка до кончика бороды, съ неподвижною шею, которая была перепутана огромнымъ галстухомъ, — въ полномъ смыслѣ шеголь, въ желыхъ перчаткахъ, одинъ изъ тѣхъ, которые только и правятся женщинамъ перчатками; — существо, которое всѣмъ скучаетъ, все находить дурнымъ и грубо вымѣщаетъ свою скуку на обществѣ. У этого господина была трубка; а сидѣли мы въ третьемъ ряду кресель. Завлеченный превосходною игрою Бурбье, сначала я не замѣчалъ презрительнаго взгляда и насмѣшливой гримасы, съ которыми онъ разсматривалъ прекрасную актрису. Но онъ часъ-отъ-часа становился нетерпеливѣе, безпрестанно повертывался, ворчалъ, смѣялся такъ странно и глупо, что я наконецъ нашелся вынужденнымъ сказать ему, что онъ меня беспокоитъ. — У пась завязался разговоръ и коснулся до артистки. — Какъ ей не стыдно, говорилъ онъ, смотри на нее въ трубку, — играть молодежькихъ женщинъ. Она уродъ уродомъ! — Я не нахожу этого; отвѣчалъ я. — Вѣрю; но возьмите на минуту мою трубку. — Сохрани меня Боже! — Стало быть, вы не желаете убѣдиться? — Я не имѣю въ этомъ никакой надобности. Я вижу прелестный образъ, милыя правильныя движенія, остроумную улыбку, блестящіе глаза, прекрасные зубы, волосы черные, какъ воронье крыло, слышу сладостный голосъ и тонъ хорошаго общества; чего же мнѣ болѣе? Я вижу ту же Бурбье, которою любовался за 10 лѣтъ, когда ей было 35 и она съ увлекающею прелестью представляла молодежькихъ дѣвочекъ. Если бы мое зрѣніе было проницательнѣе, я не сълъ быта къ близко, а припскалъ бы въ самой дальней галлерей мѣсто, которое сохранило бы мое очарованіе. — Я смотрю на г-жу Бурбье, какъ смотрѣлъ бы на картину *Вандейка*, *Голбеина* или *Рафаэля*. Когда я стою передъ произведеніемъ одного изъ этихъ великихъ художниковъ, то не беру увеличительнаго стекла, напротивъ отхожу, какъ можно далѣе, чтобы найти именно ту точку, съ которой картина производитъ лучшее впечатлѣніе. Если вы желаете видѣть хорошевькихъ

женщина, ищите ихъ въ ложахъ; на актрису, которая вамъ кажется не довольно молода и красива, смотрите не въ маленькое стекло вшей трубки, а въ большое и тогда ее слушайте. Онь послѣдовалъ моему совѣту и сказалъ: — Въ самомъ дѣлѣ, вы правы. Передо мною премилое миниатюрное изображеніе. Мнѣ кажется, что я вижу теперь маленькую Бурбѣ, о которой такъ много разсказывалъ мой отецъ, возвратясь изъ Париза. — Вотъ видите ли какую дурную услугу оказывала вамъ трубка. Она дѣлала васъ несправедливымъ къ ларованю, которая гди, можетъ быть, слишкомъ рано лишился. Я съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и вы, смотрю на хорошенькую женщину; но для меня, красота въ актрисѣ второстепенное достоинство. Что значать недостатки, которые исчезаютъ, когда мы оборотимъ трубку, или когда довольно благоразумны, чтобы совѣтъ ее не употреблять. — Но обратимся къ г-жѣ Марсѣ, которой сілюэтъ сводимъ изъ разныхъ очерковъ, разбѣившихъ въ журналахъ. Г-жа Марсѣ на сценѣ имѣетъ именно тотъ возрастъ какой надо, для представлѣмаго ея лица, потому что она обладаетъ еще силою и внутреннею прелестью этого возраста: болѣе нечего и требовать. Она могла бы отвѣчать слѣдующимъ мѣстомъ изъ одной комедіи:

«Стара не я, а мое свидѣтельство о вредности.» Г-жа Данкуръ на 60-мъ году играла еще роли любовницъ; возлѣ нея блистали Говенъ и Дюмениль, — обѣ молоденькія, и ее не только терпѣли, но она даже нравилась. А кто можетъ заманить французской сценѣ г-жу Марсѣ? Не слѣдуетъ ли покориться несчастію, которому нельзя пособить, тѣмъ болѣе, что это несчастіе еще не такъ велико. Марсѣ тогда будетъ слишкомъ стара, когда ея мелодическій голосъ сдѣлается неприятымъ и дрожащимъ; когда она не будетъ въ силахъ ходить; когда искусство откажетъ ей въ средствахъ заглаживать губительные слѣды лѣтъ — а это время еще долго не наступитъ. У Монвель не было зубовъ, не было силы, когда онъ игралъ роль Августа и онъ все еще былъ прекра-

сенъ. Говорили, что онъ казался только тѣнью Монвель, но тѣню, исполненною поразительнаго величія. Мы, слава Богу, еще не дожили до тѣни г-жи Марсѣ. Если васъ влечетъ въ театръ необузданное воображеніе, то ступайте въ Волевиль и любуйтесь на дѣвѣцъ Аталу и Вильмачи, или въ театрѣ Разнообразія, гдѣ играютъ дѣвѣцъ Маркети и Женни Келонъ. Онь прехорошенькія женщины и вы можете наводить на нихъ вашу трубку, не боясь разочарованія. Но если вы хотите вѣнчать наслажденіе души и ума, приходите слушать г-жу Марсѣ; смотрите на нее очами души и она покажетъ вамъ прекраснѣе, нежели тѣ четыре хорошенькія маски, подлѣ которыми вѣтъ драматической жизни, вѣтъ художественнаго чувства.

Ипполита Марсѣ родилась въ 1778 году. Сказываютъ, что ее мать развѣдшилась отъ бремени въ Версали, только нѣсколькими часами прежде Маріи-Антоанеты. И такъ г-жа Марсѣ и Дофина родилась въ одинъ и тотъ же день, въ одномъ городѣ, отъ одного короля — королевы французской и королевы театральнѣй, но какъ различна была ихъ участь! Усилье, счастье, удивленіе, любовь сопутствовали первой; жестокія страданія, безчисленныя бѣдствія, заточеніе, трехкратное изгнаніе и, быть можетъ, даже несправедливость общественнаго мнѣнія — подвергли многимъ испытаніямъ мужество и правдивость второй. Часто дочь Маріи-Антоанеты плакала, между тѣмъ, какъ все улыбалось дочери актрисы.

Мать г-жи Марсѣ исполняла первыя трагическія роли на провинціальныхъ театрахъ. Она никогда не отъѣзжала въ Парижъ, потому что ея грубый голосъ и южное произношеніе не могли нравиться парижанамъ. Въ одномъ изъ своихъ путешествій, превосходный актеръ Монвель встрѣтился съ г-жею Марсѣ. Она была прекрасна; онъ влюбился въ нея и слѣдовалъ отцемъ Ипполиты.

Дитя росло прелестное, умное, астрица отъ природы. Монвель съ каждымъ днемъ открывалъ въ ней признаки сценическаго дарованія. Онъ отдалъ ее воспитывать въ монастырь, хотя назначалъ уже для сцены и съ удовольствіемъ взялъ на

себя обязанность наставника. Онъ желалъ видѣть въ ней возрожденіе своего дарованія и, при высокихъ способностяхъ его юной воспитанницы, ему не трудно было до этого достигнуть.

Практика или, говоря точнѣе, ремесло театральнаго искусства, такъ необходимо актеру, что онъ никогда не можетъ слишкомъ рано посвятить себя его изученію. Въ слѣдствіе воли отца, Ипполита Марсь вступила на сцену, лишь только была въ состояніи свободно выражаться. Сначала она явилась на театрѣ герцогини Монтюзе въ дѣтскихъ роляхъ, которыя выполняла съ рѣдкою для ея возраста способностію. Въ тогдашнюю эпоху любви къ театру, когда каждое дарованіе, сколько нибудь обѣщавшее, было руководимо и ободряемо умною, внимательною критикою, дебюты маленькой актрисы натурально возбуждали общее вниманіе.

Отъ дѣтскихъ ролей Марсь перешла къ такъ называемымъ *папизмъ*. Тогда критика съ живымъ участіемъ обратила вниманіе публики на прелесть, лукавство, всегда удержанное въ границахъ приличія и вкуса, на свободную веселость, скромную живость молодой артистки, которымъ съ тѣхъ поръ всегда въ ней удивлялись. Въ теченіе 20 лѣтъ не возвысился ни одинъ голосъ противъ всеобщаго удивленія, которое привлекало толпу къ вогамамъ очаровательной дѣвушки; зависть не находила въ ней ни одного пятна; интриги, столь неизбѣжныя въ театральномъ мірѣ, были безсильны передъ общимъ уваженіемъ, внушаемымъ ея прекраснымъ дарованіемъ.

Тальма вышелъ на сцену съ напыщенною декламаціею, тяжелою и однообразною рѣчью и только посредствомъ долговременнаго, труднаго изученія достигъ благородной свободы, изящной декламаціи, которая отличали его въ послѣдніе годы жизни. Юная Марсь, одаренная фею драматическаго искусства счастливейшими способностями, съ перваго шагу, безъ усилій и изученія, постигла, и усвоила себѣ истину, и схватывала все ея отъѣвки съ рѣдкимъ остроуміемъ. Одна природа, но природа избранная; была предметомъ ея постояннаго изученія. При томъ ея тонкій умъ никогда не до-

пускалъ ее до рабскаго подражанія. Она все подвергала строгому разсмотрѣнію, во всемъ давала себѣ полный отчетъ и такимъ образомъ создала оригинальную, своеобразную манеру игры, подобно тому, какъ испытываютъ все роды, чтобы въ живописи, въ наукахъ, или поэзи, составить себѣ особенный стиль. Она не походила ни на кого, потому что совѣстливо вопрошала свою природу; никогда не дѣлала ей насилія, потому что знала, какъ бесплодно всякое подражаніе.

Художникъ долженъ изучать природу въ жизни; книги и галереи недостаточны для актера, писателя или живописца. Г-жа Марсь искала хорошаго общества и была принята въ мѣмъ, по заслугамъ. Прекрасная наружность и прелесть ума, успѣхи, которые возрастали съ каждымъ днемъ, дали ей право являться съ блескомъ въ обществѣ г-жи Контá, у которой собирались образованнѣйшіе поэты и первые художники во всехъ родахъ. Въ гостиной этой знаменитой актрисы можно было встрѣтить все лица, которыя сдѣлались замѣчательными въ какомъ нибудь отношеніи. Она оказывала лѣтвейшую дружбу юной Марсь, которая оставила театръ Фейдо и была принята безъ дебюта въ труппу Французскаго театра.

Въ 1812 году г-жа Марсь, очаровательная въ роляхъ любовницъ и субретокъ, начала исполнять первыя комическія роли. Это былъ отважный, но не дерзкій переходъ.

Знаменитая Контá сошла со сцены, оставивъ наслѣдство, которое по всемъ правамъ принадлежало Марсь, столь же превосходной въ роли Сильвіи, какъ она была лѣвнителя въ роляхъ Генриетты и Розины. Говорятъ, будто бы для ролей кокотокъ, она не имѣла такого обширнаго дарованія, какимъ обладала Контá. Вѣроятно нѣкоторыя качества г-жи Марсь, которыя способствовали ей выполнять съ такимъ совершенствомъ роли молоденькихъ дѣвушекъ,—выказывались въ игрѣ ея сильно даже и тогда, когда она представляла женщинъ, которыхъ все искусство, вся жизнь состоятъ въ томъ, чтобы ловко проводить любовниковъ и обращать интригу въ пользу своему кокетству. Г-жа

Конта была неподражаемо хороша въ этихъ роляхъ; ее особенно отягчали гордое чело, смѣлый взоръ, рѣшительная поступь, голосъ громкій и звучный. Все это было прекрасно; но г-жа Конта имѣла совсѣмъ другую организацию, чѣмъ Марсъ; она повиновалась своей природѣ, а Марсъ своей, которая была не такъ сильва, но за то отличалась вѣжностью, граціею и выразительностію. Сверхъ того Конта видала въ свѣтѣ кокетокъ, а г-жа Марсъ никогда.

За нѣсколько лѣтъ до революціи 1789 года, между женщинами существовали любовныя предавія, тщательно хранимыя съ 16-го столѣтія. Тогда любовь была, какъ война, вѣдомъ тактики, стратегіи; одни нападали, другія защищались, допуская осаждать себя, по вѣснмъ правиламъ, двумъ, тремъ любовникамъ въ одно и тоже время, и наконецъ, изъ прихоти, сдавались тому, кто менѣе другихъ добивался этой чести. Такое кокетство составляло цѣлую науку; дѣвушки хорошихъ семействъ научались первымъ ее пачаламъ подъ руководствомъ своихъ матушекъ, которыя приобрѣли уже извѣстную степень опытности въ такнхъ сраженіяхъ, гдѣ обыкновенныя оружія были наряды, румяны, мушки, любовныя письма, слезы, споры, клятвы и тому подобныя бездѣлки. Не знаю вѣрны или уже слишкомъ преувелечены портреты женщинъ, набросанные Брантомомъ и Бисси-Рабютенемъ; только я не могу думать существованію кокетокъ по словности, кокетокъ для препровожденія времени. Но этихъ то кокетокъ въ особенности мы и видимъ на театрѣ. Онѣ озвѣменовали конецъ царствованія Людовика XV и существовали даже при Людовикѣ XVI. Г-жа Конта видала ихъ и подражала имъ на сценѣ; г-жа Марсъ не видала ничего подобнаго. Во времена директоріи и имперіи были женщины, которыя всю жизнь посвящали удовольствіямъ любви, но кокетокъ не было. Г-жѣ Марсъ нечего было изучать въ Лаисахъ республики и арміи, которыя пародировали Грецію и Римъ въ своей не приличной одеждѣ и безравственныхъ поступкахъ.

Если возможно найти что нибудь до-

стойное порицанія въ дарованіи знаменитой актрисы, то это не въ комедіи, а въ драмѣ. Она сама чувствовала, что сильное выраженіе нѣкоторыхъ страстей противно ея художественной организаціи; она сохраняла приличіе и достоинство, тамъ гдѣ требовались сила и страсть; говорила чистымъ, кроткимъ, музыкальнымъ голосомъ тамъ, гдѣ долженъ былъ раздаваться рѣзкій, мощный органъ; она такъ хорошо смѣялась, что ей было трудно плакать. Между тѣмъ, какъ дѣвица Вольни въ роляхъ принцессъ, повинувшись правиламъ классической декламаціи, вѣчно являлась въ отчаяніи и проливая рѣки слезъ; между тѣмъ, какъ дѣвица Бургъевъ дѣлала изъ Эяры преминенскую горничную, которой вздумалось разсердиться; между тѣмъ, какъ театральная дирекція заставляла Полину Дюлон, не имвшую ни малѣйшаго признанія, разливаться въ трагической горести; — г-жа Марсъ постоянно оставалась въ своей сферѣ. Она умѣла избѣгать ролей ей не свойственныхъ, которыя сдѣлали бы изъ нея посредственную трагическую актрису; между тѣмъ, какъ она осталась неподражаемою въ комедіи.

По немуже, съ нѣкотораго времени, г-жа Марсъ дѣлаетъ насиліе своему дарованію, являясь въ драмѣ. На это она имѣетъ достаточныя причины и я спѣшу ихъ изъяснить.

Написать комедію сдѣлалось наконецъ почти невозможнымъ. Различія состояній исчезли передъ конституціоннымъ равенствомъ; не стало ни сословій, ни общественныхъ отличій. Разнообразіе обычаевъ, одежды, столь необходимое для драматической картины, совершенно изгладилось. Момьеръ и нѣкоторые изъ его послѣдователей, все высказали о характерѣ и замѣчательныхъ слабостяхъ челоуческаго сердца. Пикаръ изобразилъ весь отъѣнки смѣшной стороны средняго сословія. Высокая комедія временъ имперіи только изрѣдка удачно подражала комедіи XVIII столѣтія. Трагедія была холоднымъ, бездушнымъ подражаніемъ трагедіи, созданной тремя великими писателями, послѣдователями древнихъ. Понслъ Корнеля, Расина и Вольтера, для

трагедій ничего не оставалось. (*) Театръ былъ выкроенъ по мѣркѣ дирекціи и империи. Наполеонъ любилъ древнихъ и притомъ паслѣдовалъ правительству, которое все копировало съ древнихъ республикъ. Рабское подражаніе грекамъ и римлянамъ вошло въ моду. Императоръ былъ Цезарь; полубригады и полки обратились въ легионы; церкви въ капитолій, куда приходили торжествовать побѣду, надѣлали сенаторовъ, трибуновъ. Языкъ наполнился греческими выраженіями; дома, мебели, все дѣлалось въ древнемъ вкусѣ. Живописцы, когда не писали сраженій, изображали грековъ и римлянъ. Всѣми овладѣла манія, которая осуждала художника на подражаніе. Искусство наконецъ устало рабствовать; оно отъявилось произвесть переворотъ: сокрушило все молодое, отгреблось отъ всѣхъ боговъ и пустилось на удачу по невѣдомой стезѣ. До сихъ поръ, оно томилось, закованное въ условныя формы; теперь, отказавшись не только отъ этой, но и отъ всякой истинной и благородной формы. Его девизомъ стало: природа и истина; между тѣмъ оно вѣчно переходило за границу своего девиза; природа его была жалка, истина отвратительна. Драматическое искусство не избѣгло всеобщаго искаженія. И здѣсь преувѣдѣніе повредило спасительной реформѣ, вмѣсто того, чтобы ей способствовать.

Г-жа Марсъ и Тальма хотѣли помогать ей своимъ содѣйствіемъ: мысль похвальная, по моему мнѣнію, послужившая ко вреду г-жи Марсъ. Не потому, чтобы въ некоторыхъ драмахъ она не явила опытовъ высокаго дарованія, но никогда не достигала она въ ней такого совершенства, какъ въ комедіи. Эти роли, надъ которыми она трудилась, ничего не прибавили къ ея славы. Для исполвенія современной драмы, гдѣ рыдаютъ, бѣсуются и рвутъ на себѣ волосы, гдѣ женщина въ отчаяніи ползаетъ въ колѣнахъ по сценѣ и, такъ сказать, мететъ ее своимъ тѣломъ, — г-жѣ Марсъ не доста-

вало той доли дурваго вкуса, которая необходима, чтобы подняти до такой насильственной дѣйствительности. Голосъ ея не терпелъ своей пріятности и тогда, когда она возмнѣлась его для выраженія страсти. Онъ остался голосомъ разсерженной дѣвушки, а не воплемъ изступленной женщины. Нынѣшняя же драма треплетъ непрерывно воплемъ; она пачивается изступленіемъ, а окончивается бѣснѣвствомъ. Эдуаръ въ Шотландіи, Валерія, Нѣкоторыя сцены изъ школы стариковъ, Генрихъ III, вотъ драмы, приличныя г-жѣ Марсъ.

Марсъ олимпетворенный вкусъ, — высокая комедія, комедія приличная, остроумная, допускающая тонкость въ обращеніи, изящество выраженія, искусные переходы. Все, парусабѣе спокойствіе, которое составляетъ главную прелесть ея игры, — противно ея природѣ. Она не рождена быть Ниобойю; ей суждено вѣчно смѣяться. Классическая комедія не имѣетъ теперь другой опоры, кроме г-жи Марсъ; точно такъ, какъ олимпъ Тальма поддерживаетъ классическую трагедію. Если бы онъ остался живъ, то вѣрно вынесъ бы ее невредимо изъ всѣхъ переворотовъ и измѣненій искусства.

Театральное поприще знаменитой артистки еще не койчено, потому что всякій разъ она является совершеннѣе и прекраснѣе прежняго. Она производитъ на всѣхъ такое же дѣйствіе, какъ твореній Мольера: послѣднее, которое видишь кажется всегда превосходнѣйшимъ.

Нашъ вѣкъ безпрестанно упрекаютъ въ томъ, что онъ не умѣетъ цѣнить и награждать дарованія. Если подъ словомъ награда разумѣть деньги, то едва ли этотъ упрекъ справедливъ въ отношеніи къ нашему вѣку.

Марсъ не принадлежатъ болѣе къ сочленамъ французскаго театра; по ей нечего жалѣть о титулѣ, который въ то время, какъ она имъ пользовалась, доставлялъ ей ежемѣсячно до 1,500 фр., а теперь не приноситъ артисту ни чести, ни денегъ. Г-жа Марсъ въ числѣ пенсіонеровъ и получаетъ до 20,000 франковъ. За это она обязывается играть три раза въ недѣлю. Если играетъ чаще, то

(*) Разумѣется, въ томъ смыслѣ, какъ ее тогда понимали.

ей выдають особенное награжденіе. Ежегодно беретъ она отпускъ на два мѣсяца, что доставляетъ ей, по крайней мѣрѣ, 15,000 фр. Независимо отъ этого дохода, она имѣетъ 8,000 фр. пенсіи за тридцатипятилѣтнюю службу. Впрочемъ, точное время ея поступленія на сцену не извѣстно. Театральныя лѣтописи не говорятъ объ этомъ ничего положительнаго; а сама артистка, когда ее спрашиваютъ, отвѣчаетъ обыкновенно, что она забыла и что комитетъ долженъ самъ помнить, когда дѣло идетъ о награжденіи художника. Всего вмѣстѣ она получаетъ до 60,000 фр. Конечно это не то, что доходы Ротшильда, но все же нельзя сказать, что бы нашъ вѣкъ былъ неблагодаренъ къ художникамъ.

Г-жа Марсъ живетъ, какъ говорится, на большой ногѣ. Она имѣетъ прекрасный экипажъ, который перевозитъ Эльвиру въ театръ *Возрожденія*, изъ ея хорошеенькаго отеля въ Ново-сеарвской улицѣ. Въ томъ же кварталѣ поселились маршалъ Севъ-Сиръ, художники Верве, Мозенъ, Тома, Арно, Монье, Тальма и Дюшенуа. Впрочемъ, исторія улицы также исполнена превратностей, какъ и исторія свѣта. Тальма и маршалъ Севъ-Сиръ давно скончались. Историческій живописецъ, Тома, котораго богатство едва не свело съ ума, умеръ недавно. Мозенъ покинулъ небольшой домикъ, который выстроилъ, кажется, слишкомъ на скорую руку. Дѣвица Дюшенуа ищетъ покупателя своему отелю, потому, что онъ слишкомъ пышенъ для ея теперешнихъ обстоятельствъ. Одна только Марсъ постоянно живетъ въ своемъ прелестномъ домѣ. Какъ наследница дарованій Ковта, она наследовала также и любезность обхожденія этой знаменитой актрисы. Собранія уг-жи Марсъ, говорятъ, очень пріятны. Этому не трудно повѣрить, потому что у этой женщины, которой умъ вошелъ въ пословицу, собираются отличнѣйшіе художники и литераторы.

Не знаю должно ли, говоря о доходахъ г-жи Марсъ, упоминать о наследствѣ, оставленномъ будто-бы ей однимъ старикомъ, который долгое время былъ безмолвнымъ обожателемъ ея прелестей

и дарованій. Говорятъ также, что она не пренебрегаетъ и биржевыми оборотами; но какъ то трудно представить себѣ Сильвию, или Улмену, которая покидаетъ своихъ обожателей для того, чтобы дать аудіенцію биржевому маклеру.

Рассказываютъ, что г-жа Марсъ, плѣвница, подобно многимъ художницамъ, мыслию содѣйствовать къ украшенію Парижа, купила большое пространство земли въ такомъ кварталѣ, куда еще не проникло просвѣщеніе. Эта страсть къ постройкамъ мимовала и г-жа Марсъ, вмѣстѣ съ другими, должна была остаться при одной доброй волѣ.

Послѣднія подробности прибавлены мною для тѣхъ, которые хотятъ знать цѣну необыкновенному дарованію, опредѣленную (почти краснѣя за такое выраженіе) извѣстнымъ количествомъ денегъ — и хотѣтъ изчислить всѣ выгоды, которыя художникъ извлекаетъ изъ своего дарованія. Домъ, экипажъ — это все такъ же важно, какъ и дарованіе, которое ихъ заслужило. Другія подробности, приваллежачія къ жизни внутренней, пока остаются для васъ тайною. Г-жу Марсъ теперь хотѣтъ, Богъ знаетъ почему, почти силою сжить съ театра. Вотъ послѣднія приключенія съ ней случившіяся, которыя описаны въ *«Литературной Газетѣ»* за пыпшій годъ. Выписываемъ слово въ слово:

Что всего ужаснѣе для женщины? — Недостатокъ поклонниковъ. — Нѣтъ. — Измяна. — Нѣтъ. — Деревенская жизнь. — Нѣтъ. — Неаккуратность швейки. — Нѣтъ. — Такъ измятый букетъ при входѣ на балъ. — Нѣтъ! нѣтъ! и нѣтъ! Для женщины всего ужаснѣе — морщина! Ихъ сердце, эта золотая рыбка въ розовомъ растворѣ, не можетъ сдружиться съ мыслию о зимѣ и свѣгѣ. Онѣ живутъ вѣчной весной мечты — и старость тѣла для нихъ преглупое противорѣчіе въ природѣ, отъ котораго онѣ всегда готовы возмутиться и раскапризиться. Дайте женщинѣ возможность блистать, она захочетъ блистать и тогда, когда позолота молодости потускветъ и ее не очистишь никакими притираніями и умываньями. — Вы ее ничѣмъ не разувѣрите;

До смерти — рядится старуха!
Новый примѣръ тому показала знамени-
гая французская актриса Марсь. Недав-
но ветеранкѣ искусства стукнуло 70 лѣтъ,
но она все еще не просится въ отстав-
ку съ любезныхъ ей помостовъ, съ этихъ
ходуль, на которыхъ, при помощи лампъ,
румявъ и парикмахерскаго художества,
можно насмѣхаться надъ временемъ. Но
публика сильно вникаетъ въ морщины,
не смотря на всѣ усилія лѣпной работы
и говорить, что артистка *стара*.

А все виноваты мужчины!
Охота-же имъ
Съ лорнетомъ своимъ
Въ талантѣ считать всѣ морщины?

Г-жа Марсь, по прежнему, какъ въ двад-
цать лѣтъ: играетъ *шестнадцатилѣт-
нихъ* красавицъ, не находя тутъ слиш-
комъ рѣзкаго драматическаго анахрониз-
ма. На дняхъ она играла любимую свою

роль «Целименты», молодой, остроум-
ной, живой женщины, въ комедіи Молье-
ра «Мизантропъ.» Она была очарователь-
на въ этой роли и дѣйствительно застав-
ляла забыть свои сѣдины... Но публика,
ужасная, безжалостная, увлекающаяся
публика, осыпала ее рукоплесканіями и
вѣнками и въ то же время самыми жест-
окими эпиграмами на старость. Одивъ
изъ актеровъ подпаялъ вѣнокъ и подаль
его торжествующей жрицѣ Тали; — вѣ-
нокъ этотъ состоялъ изъ бѣлыхъ розъ,
перевитыхъ чернымъ крѣпомъ, изобра-
женіе смерти, живое *temento mori*. Ар-
тистка не обратила на это вниманія, пуб-
лика не замѣтила. Она отклонялась. Въ
уборной нашли ее въ обморокѣ: мысль о
смерти подѣйствовала и злой сарказмъ
попалъ ей прямо въ сердце. Говорятъ,
что въ слѣдствіе этого случая, *фран-
цузская комедія* лишится лучшей своей
предстательницы.

II.

Б У Ф Ф Е ,

ЗНАМИТѢЙШІЙ СОВРЕМЕННЫЙ КОМИКЪ ФРАНЦІИ.

Буффе родился въ Парижѣ, 4-го септбля, 1800 года.

Этотъ артистъ въ молодости своей
былъ золотильщикомъ по дереву, а не
золотыхъ дѣлъ мастеромъ, какъ увѣрили
въкоторые изъ его біографовъ. Увлечен-
ный страстію къ театральному искусст-
ву, онъ бросилъ свое ремесло и дебу-
тировалъ на частномъ театрѣ Дойена и
Тьери. Успѣхъ, увѣнчавшій его дебюты,
рѣшилъ его участь.

Въ то время (въ 1821 году) на тамплъ-
скомъ бульварѣ открывался новый те-

атръ, подъ названіемъ «драматической
панорамы.» Управленіе этимъ театромъ
было ввѣрено отличному декоратору Ал-
ло. Буффе, которому тогда было не болѣе
21 года, явился въ дирекцію съ просьбою
принять его въ число артистовъ новой
труппы и былъ принятъ для комическихъ
ролей, съ жалованьемъ по 300 франковъ
въ годъ.

Но возможно ли было жить такимъ ма-
ленькимъ жалованьемъ? Буффе рѣшился

подняться на хитрости: онъ выпросилъ у своего директора позволеніе работать въ театрѣ и, пользуясь этою милостію, очень часто золотилъ за кулисами рамки до самаго выхода на сцену.

На долю Буффе выпали ничтожныя, такъ сказать, безответныя роли но, не смотря на это, комическое дарованіе его развилось такъ быстро, что на другой же годъ послѣ поступленія его на сцену «драматической панорамы», ему назначили 1200 фравковъ жалованья, а на третій годъ онъ получалъ уже тысячу талеровъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ему были даны такія роли, въ которыхъ онъ могъ выказать свой рождающійся талантъ. Тогдашніе посѣтители «драматической панорамы» до сихъ поръ помнятъ еще, какъ хорошо онъ былъ во многихъ пьесахъ и особенно въ *Veuvage de Maouon*, — пьесѣ, которую не спасло, за нѣсколько передъ тѣмъ мѣсяцевъ, отъ паденія на другомъ театрѣ даже колоссальное дарованіе Потье.

Буффе достались въ удѣлъ способности чрезвычайно разнообразныя. Онъ являлся на сценѣ въ разныхъ балетахъ; въ роляхъ старухъ, инвалидовъ, дурачковъ съ такимъ успѣхомъ, которому могутъ позавидовать и заслуженные танцовщики; но «драматическая панорама», привилегія которой были очень ограничены, обанкротилась и Буффе поступилъ на театрѣ «Веселостей». Онъ дебютировалъ на немъ 28 февраля 1824 года въ водевилѣ *le Cousin Ratine* и доставилъ этой пьесѣ успѣхъ. Въ послѣдствіи онъ игралъ въ *Pauvre berger* и совершенно затмилъ Бертена, отличавшагося въ той же пьесѣ на театрѣ «драматической панорамы.»

При этомъ случаѣ я не могу отказать себѣ въ удовольствіи, рассказать вамъ анекдотъ довольно оригинальный при постановкѣ «бѣднаго пастушка» на сцену. Дирекціи вздумалось, для соблюденія правдоподобія и для большаго эффекта, замѣнить намаляваныхъ на холстинѣ и сколоченныхъ изъ досокъ барашекъ настоящими, живыми барашками, прыгающими и живво блѣющими подъ звуки пастушьего рожка. Для этой цѣли

надобно было десятка два такихъ смиренныхъ, такихъ послушныхъ, такихъ умныхъ барашекъ, что на главной репетиціи самъ режиссеръ пришелъ въ восхищеніе и отозвался о нихъ съ величайшею похвалою. Наконецъ наступилъ день перваго представленія «бѣднаго пастушка», роковой день сула для нашихъ барашекъ... барашки выбѣжали на сцену въ самомъ безпорядочномъ порядкѣ, пробѣгали въ тѣнѣ и выстроились около пастушка.

Это пововеденіе поправилось публикѣ: барашки были встрѣчены громомъ рукоплесканій. Но, увы! восторгъ публики вовсе не привелъ въ восторгъ робкихъ, застѣчивыхъ барашекъ, онъ произвелъ на нихъ совершенно противное впечатленіе: барашки просто обезумѣли отъ ужаса, забѣгали какимъ-то дикимъ голосомъ и кинулись въ разсыпную. Тѣ изъ нихъ, которые были не много посмѣлье, бросились со сцены въ оркестръ, изъ оркестра перепрыгнули въ самую залу и пошла потѣха! Хохотъ мужчинъ, крикъ испуганныхъ дамъ, блѣныя блѣдцевъ, руколевскія, толкотня, суматоха, — все это составляло уморительно забавное цѣлое. Наконецъ, послѣ долгой возни, стража и два или три мясника, случившіяся на этотъ разъ въ театрѣ, переловили деазертеровъ и отвели въ овчарню. На другой день въ «бѣдномъ пастушкѣ» явились уже не они, а картонные барашки, какъ это «было встарь заведено.»

На новомъ театрѣ Буффе было побольше хлопотъ, чѣмъ въ прежнія времена: ему пришлось соперничествовать съ актерами любимыми публикою. Однакожъ это соперничество повело къ добру. Онъ вскорѣ сдѣлался баловнемъ публики, благодаря превосходству игры его въ пьесахъ, наиболѣе тогда ей нравившихся. Но дарованію Буффе мало было простора на такой сценѣ, гдѣ властвовала мелодрама и онъ вскорѣ кинулъ этотъ театрѣ.

Директоръ театра «Новостей» предугадавъ всѣ выгоды, которыя можетъ доставить ему Буффе, припаялъ его въ свою труппу. Двадцать пятаго мая, 1827 года, Буффе дебютировалъ на театрѣ «новостей» въ пьесѣ, нарочно для этого случая

написаной Этьеномъ Араго. Съ этого-то времени начинается извѣстность Буффе.

Вскорѣ послѣ того, Пуарсонъ, директоръ театра драматической Гимназійи по-явля, что для его труппы, самой блестящей между второстепенными труппами, недоставало Буффе и ангажировалъ этого артиста. Буффе дебютировалъ на сценѣ «Gymnase» въ Апрельѣ, 1831 года. Впрочемъ Пуарсонъ таня въ то время дурной умыселъ: ему хотѣлось *затмить* Буффе, что на завуалированомъ языкѣ значить убить славу актера. Чтобы вѣрнѣе достигнть этой цѣли, его заставили дебютировать въ старухѣ, всѣмъ извѣстныхъ пьесахъ (въ *Maison en loterie* и въ *Pension bourgeoise*), а послѣ дебютовъ вовсе не давали ему новыхъ ролей. Но Буффе замѣтилъ умыселъ своего хитраго директора и, заставивъ его поступать иначе, снова поставилъ себя въ прежнее блестяще положеще.

Онъ вполне приобрѣлъ довѣренность авторовъ и сдѣлался необходимымъ для «gymnase», который обязанъ ему и за свои огромные доходы и за то, что онъ занимаетъ теперь первое мѣсто въ іерархіи второстепенныхъ театровъ.

Здѣсь-то, на сценѣ «гимназійи» достигъ Буффе той громкой извѣстности, которую онъ пользуется нынѣ. Каждая новая роль на этомъ театрѣ была для него новымъ триумфомъ; роли, игравныя имъ въ *Bouffon du prince*, въ *les vieux pechés*, въ *Michel Perrin*, въ *Gamin de Paris* (въ честь авторовъ этого водевиля была выдана медаль за сотое его представленіе), въ *Cesar, ou le chien du chateau*, въ *Muet d'Ingouville*, — пьесъ, написанной единственно для отдыха голоса Буффе иде достигшей своей цѣли, потому что пантомима еще болѣе утомляла этого артиста; въ *Clermont* и наконецъ въ *Maurice ou le medecin de campagne* — поставили его на степень пер-

ваго актера Парижа. Простодушіе и безразсудство молодости, скупость и дряхлость старика, тяжкія душевныя муки нѣмаго и слѣпца, — все это было передано имъ съ тѣмъ неподражаемымъ искусствомъ, съ тѣмъ глубокимъ знаніемъ сердца человѣческаго, въ которыхъ онъ не имѣеть нынѣ соперника между европейскими актерами.

На сценѣ Буффе совершенно измѣняется: художавое лицо его принимаетъ совершенно другое выраженіе, болѣзненно согнутый станъ его распрямляется; слабый, почти угасшій голосъ его становится какъ-то звучнѣе, взоры его блещуть, пантомима его будто электрпзуетъ зрителей... Но за то послѣ спектакля, послѣ торжества и плесковъ, онъ дорого платитъ за свое чудесное олушевленіе на сценѣ: представленіе до того утомляетъ его, что нерѣдко послѣ закрытія заваньса, онъ падаетъ безъ чувствъ на руки друзей своихъ.

Вотъ что сказано, между прочимъ, о Буффе, въ одной французской газетѣ:

«Буффе вполне глубоко чувствуетъ все то, что передаетъ зрителю: слезы его неปลอมны; рыданія его истинны, печаль — не притворна! Въ время представленія онъ забываетъ самъ себя и не думаетъ ни о сценѣ, ни о публикѣ; онъ всегда воображаетъ себя тѣмъ, кого представляетъ и нерѣдко остается въ этой чудной увѣренности и послѣ представленія, до той минуты, въ которую заботливость друзей призываетъ его къ дѣйствительной жизни. Но могущество таланта губитъ Буффе: онъ гаснетъ видимо.»

Изобразивъ Буффе какъ артиста, я очень легко могъ бы изобразить его, какъ челоуька изъ многихъ случаевъ его жизни, обнародованныхъ журналами, но это придаетъ краски портрету, а силуетъ — есть только рѣзкій контуръ таланта артиста.

III.

ЛЕОНТИНА ЖУЧКОВСКАЯ,

ПЕРВАЯ АРТИСТКА ПОЛЬСКАГО ТЕАТРА.

Драматическое искусство у большей части славян или совсѣмъ не развито или заимствовано отъ иноземцевъ. Сердце славянина, какъ выходца востока, настроено больше къ лиризму, — и въ этомъ родѣ славяне стоятъ на высокой степени, что доказывается безчисленнымъ множествомъ ихъ народныхъ пѣсенъ. Правда въ Польшѣ еще во времена владычества саксонской династїи, существовалъ уже театръ, но онъ назывался былъ только для двора и оживлялъ придворные праздники и пиры, которые въ тогдашнее время были чрезвычайно шумны. На этомъ театрѣ давали представленія на французскомъ языкѣ, а арїи въ представляемыхъ пїесахъ были пѣты на италїанскомъ. Естественно, что такой театръ не привлекалъ къ себѣ народнаго вниманія и не возбуждалъ національнаго поэтическаго духа. Все, что было написано въ эти времена частыхъ войнъ и распрей, ограничивалось только рабскими и напыщенными подражанїями французскимъ драматическимъ произведенїямъ, не имѣвшимъ въ себѣ никакого зародыша жизни. Только въ позднѣйшее время составила въ Варшавѣ польская труппа, подъ руководствомъ остроумнаго поэта и актера Богуславскаго. Онъ, прїискалъ себѣ умныхъ сотрудниковъ и, находя средство въ одной душѣ своей, безъ всякой посторонней помощи, кромѣ одобрительнаго вниманія публики, возвысилъ польскій театръ въ Варшавѣ на такую степень, что онъ могъ уже стать на ряду съ театрами прочихъ европейскихъ государствъ, хотя на немъ все еще господствовали исключительно образцы иностранныя — французскїе и нѣмецкіе, а о народной поэзїи не было и помину.

Рядъ войнъ, безпокоившихъ Польшу въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, остановилъ дѣло, начатое Богуславскимъ, и воспрепятствовалъ дальнѣйшему усовершенствованію театра, пока наконецъ возстановленіе королевства подъ благодѣтельнымъ русскимъ правительствомъ, дало новую жизнь театру, равно какъ и всѣмъ прочимъ частямъ государственной жизни. Правительство приняло на себя дирекцію обонхъ варшавскихъ театровъ, завело школы для образованія новыхъ актеровъ и пѣвцовъ и назначило для театральн. кассы значительную ежегодную сумму. Не смотря на то, сценическое искусство не могло уйти далеко. Но тѣмъ удивительнѣе, что въ это самое время вполнѣ развился такой талантъ, который далеко опередилъ истъ современныя, а можетъ быть и прежнія дарованія, являвшїяся на польскомъ театрѣ, и засїялъ звѣздою первой величины на театральномъ небосклонѣ. Это Леонтина Гальпертъ, урожденная Жучковская. Она родилась въ 1805 году, въ воеводствѣ Сендомирскомъ, отъ бѣдныхъ родителей, тамошнихъ поселанъ, и по видимому была назначена судьбою или проводить жизнь за черной работою польской крестьянки, или заниматься не менѣе пизкую, но болѣе опасную должность служанки. Въ самомъ дѣлѣ, молодая дѣвушка, еще тогда же чувствовала безотчетное стремленіе, избрала послѣднее и, наившись въ горничныя къ одной молодой графинѣ, отправилась вмѣстѣ съ нею въ Варшаву. Здѣсь многолюдство открыло ей новый міръ чудесъ, хотя предчувствїе говорило, какая роль ей назначена судьбою. Не смотря на то, что молодая Жучковская не имѣла даже и первоначальнаго

образованія, она не проводила времени въ праздномъ удивленіи новымъ и невиданнымъ предметамъ. Она сколько могла старалась перенимать отъ людей, окружавшихъ ее, все полезное. Однажды она была съ своей госпожей въ театрѣ, и тутъ рѣшилась ея участь: она поняла истинное свое призваніе. Теперь главною ея заботою было пріобрѣсть необходимыя условія образованія:—умѣть читать и писать. Она рѣшилась жертвовать этому послѣдними свободными минутами,—и достигла своей цѣли. Послѣ того, какъ только увидѣла возможность оставить свою прежнюю должность, она пришла въ театрѣ, гдѣ ее тотчасъ приняли за ея цвѣтущую красоту, хотя и поручили ей сначала играть только *нѣмлыя* роли. Что другихъ испугало бы и привело въ отчаяніе, то очень радовало юную Жучковскую; она наблюдала, сравнивала, присматривалась, испытывала свои силы, такъ что когда ей стали давать не большія роли, она всѣхъ и каждого изумляла своею игрою. Такимъ образомъ молодая актриса, постоянно укрѣпляя свои силы въ одной роли за другою, наконецъ могла уже выполнять самыя трудныя и неблагодарныя роли, съ большимъ одобреніемъ со стороны публики. Играя съ блестящимъ успѣхомъ въ произведеніяхъ древне-классической французской школы, въ трагедіи (которая ограничивалась тогда частію переводами, частію подражаніями), равно какъ въ твореніяхъ иѣмецкой романтической школы, (которой образцовыя созданія разыгрывались уже на тамошнемъ театрѣ), она въ то же время съ совершенною точностію передавала всѣ оттѣнки своихъ ролей въ

комедіяхъ, которыя только являлись на польской сценѣ. Величественная въ Федерѣ, въ Орлеанской Дѣвѣ, въ Донъ Диавѣ; прелестная въ Гурли, — она впоследствии пріобрѣла себѣ славу умной, ловкой писательницы и переводчицы. Въ ея передѣлкахъ съ французскаго мелодраматическихъ пьесъ замѣтно не поверхностное знаніе театра. Конечно, она не находила для себя достойнаго амплуа въ новѣйшихъ произведеніяхъ, наполняющихъ современный театральныя репертуаръ; но и самое обыкновенное, пошлое поверхностное, въ ея устахъ получало особенную привлекательность; она и бездушному произведенію сообщала жизнь и поэзію и изъ обыкновеннаго дѣлала истинное художественное созданіе. Что она каждую роль развивала изъ глубины собственной души, не подражая никакому извѣстному образцу, это видно уже изъ того, что она никогда не бывала за границею и не видала ни одной актрисы, которая бы могла стоять съ ней на одной степени. Пять лѣтъ назадъ, эта артистка вышла за мужъ за человека, который уже давно любилъ ее, но она не соглашалась отдать своей руки, потому что его состояніе и положеніе въ свѣтѣ далеко превышали ея собственное. Она не прежде согласилась вытти за него, какъ различныя несчастія лишили его значительной части имуществва. Теперь она живетъ съ нимъ, наслаждаясь тишиною и счастьемъ семейной жизни. Общество ея высоко цѣнятъ и всѣ лучшіе и образованнѣйшіе люди за честь считаютъ посѣщать домъ ея... Театръ потерялъ въ ней драгоценнѣйшій алмазъ свой!

СТИХОТВОРЕНИЯ

И

КУПЛЕТЫ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ КРѢПОСТЬ.

Нева мертва; подъ кропомъ бѣлымъ
Она скрываетъ жизнь въ тиши,
Какъ человекъ подъ бренимымъ теломъ
Огонь возвышенной души.
Давно полевой безмятежной
Снялся говоръ синихъ полей,
И мысленъ конь дорогой снѣжной,
Гдѣ несся птицей легкой челнъ.
Стоитъ гранитная ограда,
За нею шпиль и радъ могиль...
То крѣпость, Кремль Петрова града!...
Тамъ вѣчнымъ сномъ, честь русскихъ силъ,
Лежатъ Россіи пластешны:
Великій Петръ, Екатерина
И Александръ, чей духъ, какъ шить, —
Столь твердый, какъ и та колонна,
Что предъ дворцемъ теперь стоитъ, —
Могъ удержать *Наполеона*
И жизнь Россіи сохранить,
И триумфальный путь до Роны
Съ орлами русскими свершить.
Ночь. Предо мною радъ видѣній
Встаютъ изъ вѣковыхъ могиль...
Вотъ Онъ, гигантъ, чей мощный геній
Въ Европу Русь переселилъ.
Вотъ Онъ: глаза, какъ уголь черны,
Чертятъ брови подъ челомъ,
И взглядъ живой и чудотворный
Горитъ негаснущимъ огнемъ.
Кругомъ, на плечи и на шю,
Бѣгутъ кудрями поюса.
И на губахъ блестятъ, чертя, я,
Два соборные уса.

Безмолвенъ Онъ, колоссъ державный!
Тяжелый мечъ въ его рукахъ,
Что въ пользу Руси православною
Лежитъ на жребія вѣсахъ.
Никто тотъ мечъ не перетянетъ,
Покуда будетъ мѣръ столтъ,
И Петръ изъ гроба не воспрянетъ,
Чтобы на судъ время предстать.
О Русь, склонился на колѣни,
Благодари Творца мировъ!..
Безмолвенъ Петръ; другія тѣни
Встаютъ изъ каменныхъ гробовъ;
Встаютъ Россіи властелины...
Но мѣсяцъ скрылся въ облакахъ,
И скрылъ печальный картины
Временъ Бирона — плачь и страхъ.
Но потъ встаетъ Екатерина,
Въ пѣтицъ изъ злата и сребра,
Какъ дщерь Зевесова, Аонна,
Она дочь мудрости Петра. (*).
Чело возвышенно открыто,
Велъичье царское въ глазахъ,
Румянецъ свѣтятся ланиты
И бѣлый мраморъ на плечахъ.
Высокій станъ — краса Фелицы,
Во пеевъ — Паллады идеалъ...
Не даромъ въ честь такой царицы
Потемкинъ лавры пожиналъ,
И на божественной цѣвницѣ
Державинъ оди воспѣвалъ...
Вотъ Александръ! Но не мечтанье
Меня тревожить... это Онъ...
Въ глазахъ любовь и состраданье —
И твердый духъ изображенъ.

(*) Аонна (Мишерева) родилась изъ головы Зевеса

Среди войны, въ переговорахъ,
Онъ непреклоненъ, какъ гранитъ....
Чело свѣтло, и въ свѣтлыхъ зорахъ
Улыбка ангела блестя,
Онъ на войнѣ врагамъ презрѣннымъ
Метить за отчизну и цароль,
И въ нхъ столицѣ, съ умиленьемъ,
Онъ нищия помощь подаетъ.
Вотъ Онъ..

Но солнце золотое
Уже восходитъ надъ Невой,
И блещетъ небо голубое
Надъ Петербургской стороной.
Исчезло дивно видѣнье!
Шпиль Петропавловскій горитъ,
И я одинъ въ самозабвенн
Стою, опершись на гранитъ.

Дзюиковскій.

ИТАЛІЯНКЪ.

Итальянка молодая!
Что ты плачешь обо мнѣ?
То ласкаясь, то рыдая,
Ты горшишь, какъ па огнѣ!
Я не вѣрю полнованью,
Тоннымъ вздохамъ, изныванью
Груды мраморной тиоси.
Я не вѣрю блеску пагуба.
Зною пламенныхъ рѣчей:
Въ нихъ я вижу искры ада,
Плюги говоръ... и страстей!
И въ глазахъ твоихъ прекрасныхъ,
Въ звукахъ рѣчи сладострастныхъ—
Неба нѣтъ на золотникъ!
То земли живой языкъ.
Не любовью ты сілешь
Чистой, свѣтлой и святой;
Бойкій умъ свой ты питаешь
Не посторженной мечтой;
Не горитъ въ устахъ лрожащихъ
И любзіахъ палщихъ
Постоянный сердца жаръ; —
Нѣтъ! лишь прихоти пожаръ
Всегь тебя въ невозможнѣ!
Это кризисъ, раздраженъе
Южной, лаконою кропи!
Нѣтъ, не знаешь ты любви!
Впрочемъ, ты любви не просишь...
Сладострастьѣ твоей законъ!
И меня ты скоро бросишь,
Словно выжатый лимонъ!

Кв. Элимъ Мещерскій.

Парижъ.

ВЫБОРЪ.

Я рѣчь о славіи не г. Была тутъ и она,
Плѣвешная изящества лучами
И велъ святой поэзии поля. —
Лобратился къ ней съ попросными рѣчами

— Скажите мнѣ, что здѣсь избрали-бъ вы: —
Спокойно жить въ глуши, какъ въ темнотѣ ве-
черней,
Или вънепъ похравъ для дѣвичей главы,
И ларъ излщнаго, — но съ нимъ въисси изъ
терній?...

Тутъ вдругъ ко мнѣ оборотилась мать...
Ее свѣтлѣе все съ младенчества пубило,
Она все свѣтлѣе уявѣтъ обнимать,
Но чувство матери въ ней падругъ загопорию...

— Что въ славіи и хвалѣ, и въ павей пѣснѣ
стройной,
• Когда въ душу страданіе, какъ ночь?..
• Пусть лучше прожипетъ въ безвѣстности по-
койной!... *
Я промолчала, по я изглукуть на дочь...

И съ чистой мыслью, исполненъ ожиданья,
Я звалъ свѣтлую мысль у ней въ думѣ содн; —
И вотъ, потуилъ взоръ, промолвила она:
— Нѣтъ! дайте мнѣ свѣтлой вѣснѣ стра-
данья!.. *

И съ той поры, отторженныиотъ шума,
Я не одинъ въ чужой и дикой сторонѣ:
Во мнѣ ужъ есть той пѣвнательная дума —
И хорошо съ той думой свѣтлой мнѣ!..

Я скрылъ дѣвѣ имяна и мѣсто отъ людей;
Но часто мысль моя излитъ въ рѣчи хочеть:
Что дѣва та — для области идѣи
И міра творчества намъ много пророчить!!

В. Соколовскій *

ДВА ПОДАРКА.

Романсъ.

• Подари мнѣ, другъ мой милый,
Два подарка, въ знакъ любви;
Не разстанусь до могилы
Съ ними я, какъ и съ тобой!

* Это одно изъ послѣднихъ стихотвореній незабвеннаго автора „Мирозданія“, столь рано покиднаго смертію.

Так юношѣ дѣва млада шептала
И къ груди счастливца съ любовью при-
падала!

Что ты хочешь, другъ безпѣнный?
Не томи меня, скажи;
Отдай я себя на вѣки,
Пожалю-ль что нибудь!

Такъ дѣвъ отвѣтилъ онъ страстію полный,
Рукой раздвигая полость ея волны.

Первый будетъ пусть подарокъ
Золотая, другъ мой, цѣпь,
А второй — и ужь послѣдній,
Бирюзовое кольцо!

Цѣпью я твердой съ тобой закусюся,
Кольцомъ бирюзовымъ на вѣкъ обручуся.

И вотъ ужь цѣпь у ней на шеѣ
И колечко на рукѣ,
Онъ снокоенъ, онъ увѣренъ...
Годъ прошелъ... Гдѣ жь цѣпь съ коль-
цомъ?

Цѣпь золотая на ней разковалась.
Кольцо бирюзово на ней распаялось...

Подари мнѣ, другъ мой милый,
Два подарка въ знакъ любви!
Шепчетъ юноша уныло,
Къ ней склонялся челомъ....

Изволь, что желалъ? она отвѣчаетъ,
И взоръ виноватый къ землѣ опускаетъ.

Первый будетъ пусть подарокъ
Мнѣ — прощальный поцѣлуй,
А второй — и ужь послѣдній —
Мрачный гробъ въ землѣ сырой!

Гдѣ вѣрность, гдѣ клятвы дѣлиться сульбой?
Гдѣ цѣпь золотая, кольцо съ бирюзой! —

М. Воскресенскій.

Я ДОМА.

Опять въ глуши, опять досугъ
Страдать и тѣломъ и душою
И одиночества недугъ
Питать пршлзчивой тоскою.
Охъ, этотъ кормъ, какъ горекъ ояъ!
Съ него душа не пополниеть,
Не вспыхнетъ кровь, — а смертный совъ
Скорѣй крыломъ на жизнь повѣсть!
Но я, въ укоръ моея судьбы,
Судьбѣ враждующей со мною,
Томясь, съ несчастіемъ въ борьбѣ,
Неотравленъ еще тоскою.
Еще я вѣрю, что мнѣсть
Година горькихъ испытаній;
И снова солнышко взойдетъ,
И спонитъ съ сердца мглу страданій.

Что нужды, если срокъ уйдетъ, —
Жизнь на закатѣ разсвѣтлеть:
Порой солнце въ полдень жжетъ, —
Порой подъ вечеръ сладко вретъ.
В.

ЭЛЕГІЯ.

Въ смущеннѣи неполюномъ я часто стою
Надъ новою могилой, и съ грустью смотрю,
Какъ гробъ въ нее тихо спускають,
И слезы у многихъ текутъ изъ очей,
И много родныхъ и друзей
Надъ ней безутѣшно рыдаютъ.
И грустно мнѣ, грустно, по сердца печаль
Мнѣ душу томить не за мертвѣго брата.
Что гробъ? вѣдь когда нибудь надо
Туда — въ замгильную даль.
Нѣтъ, я не смущаюсь ребяческимъ страхомъ,
При видѣ погаснувшей жизни земной, —
При мысли, что полною силой душой
Цвѣтемъ мы, чтобъ также быть прахомъ.
Нѣтъ, смерти закопъ и законъ бытъя
Здѣсь тайной своєю не мучатъ мени.
Но сердце невольно сильнѣе забьется...
И въ эти мгновенья вопьется
Мнѣ въ душу тоска, какъ змѣя:
Кто знаетъ, въ томъ гробѣ, быть можетъ,
Всю жизнь, все надежды положить
Здѣсь скорбная мать или отецъ.
Кто знаетъ: надъ тою могилой, рыдалъ,
Быть можетъ, невѣста младая,
Хоронить свой брачный вѣнецъ.
И тихо слеза за слезою
На грудь мнѣ стескають горячѣе струєю.
И слезъ я не прячу моихъ,
Не мертвѣго — жалъ мнѣ живыхъ.
Я знаю, что значить для сердца утрата
И кровныхъ, и милыхъ друзей...
О! знаю; я знаю: на долѣ моея
Есть также могилы и друга, и брата —
Могилы отца и дѣтей.

Н. Грѣковъ.

ЖЕНЩИНА.

(Изъ В. Гюго).

Да не пошлетъ никто укора и презрѣнія!
Здѣсь слабой женщиной — за мигъ ся паденья!
Кто знаетъ, подъ какой здѣсь бурей страстей
Ея душа томилась и страдала?

Кто знает, сколько дней та буря враждовала,
И сколько времени она боролась съ ней?
Кто не видалъ ея за темными краями
Глубокой бездны той, когда, всю жизнь сгубя,
Она все силится ослабшими руками

Освободить изъ ней себя.
Такъ часто наша дождевая
Цвѣтъ яркой неба отражал,
Па тонкомъ листикѣ дрожить;
Перешивается, трепещетъ,
И какъ алмазъ на солнцѣ блещетъ,
И къ праху дольному летитъ.

Не золото ль твое, богачъ, ей было плахой?
Не ты ли, можетъ быть, невинностью шута,
Сгубилъ прекрасное дитя?..

Но капля падшая и въ самыхъ ядрахъ пра-
ха

Все капля прежняго дождя,
И чтобъ возвратъ се опять къ дневному свѣту,
Чтобъ отразиться въ ней лазури чистой цвѣ-
ту,

Чтобъ прежній блескъ принять ей вновь,
Чтобъ потряхнуть ей прахъ паденья —
Здѣсь два источника даны для возрожденья:
Лучъ яркій солнца и любовь.

И. Грековъ.

ТОЛКЪ

съ новымъ годомъ. (*)

Здравствуй, братецъ, новый годъ!

Ну садись-ка, потолкуемъ,

(*) Эта статья прислана изъ отдаленной области православнаго царства русскаго — и потому такъ за-
поддава.

Какъ съ тобою мы надуемъ
Православный нашъ народъ.
Нынче люди — Богъ ихъ знаетъ —
Мудрено себя ведутъ.
Сидоръ Карпа надуваетъ,
Смотришь — Сидоръ самъ надутъ...
Перепутаются мыши
Отъ всенедвонной кутерьмы,
Хоть по алгебрѣ разчисли,—
Вес въ пакладъ мы да мы.
Издадимъ-ка два журнала,
Слѣпимъ бричку безъ осей,
Да нальаемъ изъ сала
Восковыхъ себѣ свѣчей.
А чтобъ въ люди вытти разомъ,
Ярко мы осветимъ газомъ
Глупости спонхъ друзей.
Для дѣтей составимъ книги,
(Вѣдь на ихъ теперь расходъ)
И на акціяхъ до Риги
Смѣло пустимъ въсоходъ...
Иногда же, такъ, отъ скуки,
Гальваническія штуки
Можно будетъ отливать;
Иль, приглянь къ шару крылья,
Въ новый свѣтъ за кошенилью
Станемъ съ выгодой летать.
Иль давай, топ cher, писать
Не шутя, прозекты, ей Богу!
Про желѣзную дорогу,
Хоть на Донъ, въ примѣръ сказать...
А когда объ насъ по міру
Зашумитъ, мой другъ, мова,—
Памъ, авось, дадутъ квартиру,
И — казенныя лрова!...

ПАНОРАМА

ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ.

Парижъ. — Для начала взглянемъ на «*Фею въ Перлахъ*», водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, гг. Комберусса и Делапда; съ повыми аріями Карлини. — Мы въ Бретань. Юный Абель, сынъ какого-то сира Рауля, а фея въ перлахъ просто за просто дочь графа де Монфортъ, непримиримаго врага Раулю, котораго онъ преслѣдуетъ даже въ его слабой и послѣдней отрасли — юномъ Абелѣ. Мать Абеля встрѣила своего маленькаго сына попеченіямъ старика Кердаля, который обязанъ былъ хранить его отъ всѣхъ опасностей; это наивное дитя, воспитанное вдали отъ свѣта и людей, не знаетъ другаго міра, кромѣ своей хижинки и маленькаго сада, обнесеннаго стѣнами, подобно монастырю, и въ простотѣ дѣтскаго сердца вѣруеть въ феи и домовыхъ. Разъ какъ-то ворота сада ненарочно отворились и прелъ изумленными взорами Абеля открывается безконечная перспектива полей; олинъ прыжокъ — и онъ за воротами сада, бѣжитъ, бѣжитъ... куда? ни дальше, ни ближе какъ къ горизонту, туда, гдѣ небо дивается съ землею. Вдругъ небо посы-

лаеть ему на встрѣчу въ пустыхъ поляхъ какой-то призракъ, блый, прелестный, прозрачный, какую-то тѣнь, которая манитъ его къ себѣ улыбкою и все убѣгаетъ дальше, дальше, однимъ словомъ — Фею въ перлахъ, и въ сердце дикаго сына природы закралась любовь. Результатъ этой игры случая, или лучше, игры авторскаго воображенія, слѣдующій: бѣдный мальчикъ, увлекаемый неизвѣстнымъ чувствомъ, покидаетъ старика Кердаля, свою прошедшую жизнь и дѣтство; въ одно мгновение, какъ будто какою волшебною силою, переносится въ прекрасный, очарованный дворецъ, гдѣ обитаютъ бродящія въ безпорядкѣ воздушныя феи. Этотъ дворецъ не иное что, какъ замокъ графа де Монфорта. Вы думаете, что здѣсь ожидаетъ Абеля смерть и плѣнь? Не безпокойтесь. Среди всѣхъ очарованій, обольщеній и блестящаго двора нимфъ, сильфидъ и ундишь, онъ встрѣчаетъ Фею въ перлахъ, которая отдаетъ ему свою руку и сердце, — и розовый огонь на жертвенникѣ Гименея испепеляетъ порядочно обветшалую ненависть между двумя фамиліями, какъ вещь теперь совершенно бесполезную.

Эти два маленькія и черезъ-чуръ на-

ивиде акта имѣли успѣхъ, — можно сказать, также — волшебный.

— *Ночь въ Сералѣ*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, Дефоржа и Евгения Гино.

— Лордъ Монтэго, или лучше леди Монтегю, его жена — авглійскій посланникъ при Высокой Портѣ, въ царствованіе султана Ахмета III. Леди Монтегю диктуетъ секретарямъ депши, отправляетъ курьеровъ и занимается дипломатіей, въ то время, какъ ея счастливый супругъ хлопочетъ о комятыхъ обояхъ. Но заботы о дѣлахъ не мѣшаютъ ей думать о удовольствіяхъ и искать приключеній. Англійская Севиные дала слово издателю своихъ сочиненій въ Лондонѣ — описать нравы и обычаи затворницъ серала и вотъ, во чтобы-то ни стало, она рѣшается проникнуть въ это страшное святилище, даже рискуетъ подвергнуться всѣмъ слѣдствіямъ своего неблагоразумнаго любопытства. Одна молодая греческая невольница какъ-то ускользнула изъ серала и прибѣжала въ домъ англійскаго посольства. Леди Монтегю пользуется этимъ случаемъ, надеваетъ блестящій костюмъ омански и вмѣсто молодой гречавки пробирается въ сералъ. Красота отважной англичанки пріятнымъ образомъ поражаетъ повелителя правобѣрныхъ, и падишахъ съ улыбкою бросаетъ ей свой платокъ. Но благородная посланница мужественно отражаетъ милостивое нападеніе его величества и, въ свою очередь, побѣдивъ его своею очаровательною красотою, отвмимаетъ у него власть на одинъ часъ, готовить для него вкусный французскій ужинъ и даетъ ему уроки въ политикѣ и адманистраціи. Но вдругъ докладываютъ объ англійскомъ посланникѣ; лордъ Монтэго входитъ, останавливается въ большомъ изумленіи и, замѣтв, что ему не совѣсть-то пріятно видѣть свою жену въ tête à tête съ султаномъ. Не смотря на то, этотъ тайный визитъ обращается къ его славу, какъ посланника, нисколько не вредя его чести, какъ супруга; потому что леди Монтегю, за добродѣтели которой можно поручиться цѣлая театральная публика, выманила у султана договоръ,

о которомъ давно уже хлопоталъ британскій кабинетъ.

— *Дѣвица Монтансье*, комедія водевилъ въ ольномъ дѣйствіи, Баярда и Габріэля.

Водевилъ переноситъ насъ въ эпоху директоріи. Дѣвица Монтансье отличается въ толпѣ молодаго челоуька, который объясняется ей въ любви, и влюбленные назначаютъ свиданіе въ девять часовъ, прежде, чѣмъ салоны любезной директрисы наполнятся знаменитѣйшими лицами той эпохи. Дѣвица Монтансье узнаетъ, что одинъ изъ ея старинныхъ друзей изгнанъ; Баррасъ только можетъ спасти его. Но она не въ милости у этого челоуька.

Къ счастью въ ложъ ея, въ театрѣ, нашелся потерянный браслетъ, который подаетъ ей надежду на счастливый успѣхъ. Браслетъ этотъ принадлежитъ госпожѣ де Баррасъ и бѣдная обречена на жертву жестокой директрисы, твердо рѣшившейся не возвращать потерн по принадлежности и вымать тайну владѣтельницы, если Баррасъ не согласится спасти изгнанника. Планъ дѣвпцы Монтансье, удается; бьетъ девять часовъ, она идетъ на мѣсто свиданія и видитъ своего любовника у ногъ дочери того челоуька, котораго она старается спасти. Юныя существа уже любятъ другъ друга давно. Великодушная директриса задушаетъ свою любовь, скрываетъ свои слезы и жертвуетъ еще однажды своимъ сердцемъ и своимъ интересомъ счастію другихъ.

Эта маленюкая комедія остроумна и забавна, а потому имѣла успѣхъ.

Полина или наказаніе матери, драма въ трехъ актахъ, соч. Фердинанда Лалу и Лабрусса.

— Нѣтъ ничего трогательнѣе и нравственнѣе содержанія этой драмы. Полина, супруга и мать, поймана ночью въ преступномъ свиданіи, своимъ супругомъ, который, для выщпаго наказанія вѣроломной, не только разводится съ нею, но и отнимаетъ у нея дитя. Несчастливая женщина, чтобъ увидѣть свою дочь, тащится плѣшкомъ и въ невозможнѣи отъ усталости и терзаній совѣсти, падаетъ у воротъ замка, въ

которомъ заперта ея дочь. Нѣжный супругъ, тронутый такою материнскою любовью, готовъ уже ее простить, какъ, на бѣду, обольститель, безъ усталы упорствующій въ своихъ ненавистныхъ преслѣдованіяхъ, приходитъ положить свою преграду между супругами. Но наконецъ день примиренія наступаетъ: вѣрно бѣдному денди суждено было не спосить своей головы; нашелся какой-то другой благовѣрный супругъ, который, оскорбившись нечестивыми происками того же волокиты, въ примѣръ прочимъ, убиваетъ его въ дуэли. Полина, освободившись отъ дьявольскаго наводенія, теперь получаетъ возможность быть елико возможно добродѣтельною, войти въ милость у своего супруга и обнять свое милое дитя.

Нравы парижскіе, а духъ китайскій!

АВСТРІЯ.

Карлъ XII въ Бендеряхъ, драма въ 4 актахъ.

Содержаніе этой драмы почти слѣдующее: миръ при Прутѣ, дѣло мудрой Екатерины, навсегда разрушилъ послѣднюю надежду Карла— съ помощію турокъ унижить и побѣдить своего противника, Великаго Петра. Карлъ XII, вѣкогда отважный герой, неустрашимый воинъ, теперь, вотъ ужъ пять лѣтъ, играетъ жалкую роль политическаго интриганта; и въ награду за эти пятилѣтніе труды на сколькомъ поприщѣ происковъ— подвергается изгнанію изъ той страны, гдѣ онъ нашелъ радушный пріемъ, всевозможныя пособія и безопасное убѣжище. Это-то изгнаніе, — сначала объявленное въ однихъ только грозныхъ словахъ, а наконецъ приведенное въ исполненіе саблями и картечами, — составляетъ собственно дѣйствіе, основу и содержаніе пьесы. Происшествія, случившіяся въ промежуткахъ времени между декретомъ объ изгнаніи и исполненіемъ, служатъ только къ украшенію и распространенію этой тощей, безсюжетной драмы. Главное дѣйствующее лицо въ ней какая-то англичанка, предпріявша путешествіе изъ славнаго града Константинова въ градъ, именуемый Бендерами, чтобы

привести дань фанатическаго удивленія «сѣверному Александру.» Красота Люціи, а еще болѣе безпредѣльный энтузіазмъ ея къ исполниту сѣвера, — чего она не можетъ скрыть ни отъ шведскаго короля, ни отъ нарѣчнаго своего жениха, шведскаго подполковника Функа, — доставляютъ ей ласковый и (легко сказать!) почти дружескій пріемъ у Карла, отъявленнаго врага женщинъ. Однажды Карлъ рѣшительно забываетъ всю свою ненависть къ женщинамъ и Люцію, бѣдная Люція!... воображаетъ себя уже королевою, супругою обожаемаго ею героя.

Находясь подъ покровительствомъ паша Бендерскаго, она воспламеняетъ въ сердцѣ правобѣрнаго мусульманина страстный, всепожирающій огонь любви. Но чтобы не заплатить слыхомъ дорогою пашею за произведенный въ его сердечномъ пашалыкѣ пожаръ, угрожавшій даже сжечь все прелести невинной Люціи, ей остается одно средство— воспользоваться слабостію какого-то офицера изъ Карловой свиты, который тоже положилъ къ ногамъ прелестной англичанки свое французское сердце. И вотъ, при помощи этого вѣтреннаго француза, Люція бѣжитъ изъ харама пашы, вѣроломно покидаетъ своего забывателя и ищетъ убѣжища въ домѣ короля шведскаго. Но вдругъ, какъ на бѣду, этотъ домъ осаждаютъ турки, которые отъ словъ переходятъ наконецъ къ дѣлу, и Люція видитъ себя среди шума отчаянной, или правильнѣе, безразсудной битвы. Карлъ рѣшается защищаться до послѣдней возможности. Не взирая на такую рѣшимость, турки съ бѣшенствомъ бросаются на приступъ. Люція видитъ жизнь своего нарѣчнаго въ опасности, бросается съ пистолетомъ въ рукъ въ самый пылъ битвы и спасаетъ жизнь Функа, который въ свою очередь спасъ жизнь короля. Въ это время является Юсуфъ паша съ предложеніемъ о мирѣ. Карлъ начинаетъ теперь понимать всю безразсудность своего безполезнаго упорства, соглашается на предложеніе— свободно удалиться изъ Турціи и, одержавъ счастливую побѣду надъ своею сердечною слабостію къ прекрасной англичанкѣ, соединяетъ Функа съ Люціею, теперь только узнавшею, что она жестоко

ошибалась на счетъ любви Карла и, разочарованная находить свое прежнее фанатическое увлеченіе слишкомъ пошлымъ.

Изъ всѣхъ сценъ, какія представляетъ краткая, но обильная происшествіями жизнь воинственнаго Карла XII, — сцена въ Турціи всегда казалась намъ не занимательною и не достойною героя. Прямой, рыцарскій образъ мыслей короля — упирается до мелочныхъ придворныхъ интрижекъ; львиное мужество и благородный героизмъ — превращаются въ дѣтскій капризъ, въ упрямую дерзость; сраженіе подъ Нарвою, великая битва при Полтавѣ смѣняются какою-то завязавшеюся безъ цѣли дракою съ нестройными толпами турокъ. Но сколько безотраденъ и грустенъ этотъ эпизодъ изъ жизни Карла для біографа, столько же бѣденъ и неблаголаренъ овъ и для драматическаго писателя; и мы право не знаемъ какъ можно, неопасая оскорбленія исторической истинѣ, выбирать для драмы предметъ, безъ всякаго интереса и содержанія? Съ самаго начала драмы, когда Карлъ XII не выходилъ еще на сцену, овъ былъ для сцены лицомъ новымъ, новымъ интереса, а потому возбуждалъ вниманіе публики. Первое дѣйствіе само по себѣ ничуть не богаче сюжетомъ настоящей драмы, но за то вводныя сцены, какъ напр. любовь шведскаго офицера къ мусульманкѣ, даютъ ему надежную и дѣйствительную точку опоры; сверхъ того необыкновенный героизмъ Карла, около восьми, полныхъ жизни и силы, драматическихъ сценъ между лицами, стоящими на второмъ планѣ, помогли этой пьесѣ немало удержаться въ репертуарѣ нѣмецкаго театра. Но этого недостаточно. Блѣдность и безцвѣтность сюжета, лишенаго послѣдняго интереса — новости, дѣлается еще очевиднѣе и рѣзче оттого, что авторъ не умѣлъ порялочно опользоваться лицомъ вспомогательнымъ в придать ему занимательности. Мы говоримъ о Люціи и ея любви на два лица — къ р ролю и полполковнику Функу, (не считая одного турецкаго и одного французскаго любовника.) Что касается до перваго, признаемся, мы никакъ не можемъ согласить влюбленнаго Карла XII съ историческимъ и воинственнымъ Карломъ.

Если даже оставить въ сторонѣ его историческій характеръ, то влюбленный Карлъ все таки представленъ слабо и блѣдно. А что касается до полполковника, то любовь холодная, любовь солдата, которая становится во фрунтъ, мечеть артикуль и дѣлаетъ па лѣтво кругомъ при появленіи короля соперника, — едва ли можетъ интересовать публику, особенно когда положеніе, добровольно занимаемое Функомъ, сѣтсняется со всѣхъ сторонъ: даже стороны турецкаго паши и французскаго маркиза. Среди этихъ образовъ безъ лицъ, поставлена Люція, какое-то существо совершенно безхарактерное, какой-то призракъ или фантомъ, безтѣлесный, безцвѣтный, какая-то амфибія, которая играетъ роль влюбленной и удивляющейся герою, а на самомъ дѣлѣ не чувствуетъ ни любви, ни удивленія, — которая думаетъ, что она любитъ двоихъ, а выходитъ на повѣрку, что не любитъ ни одного, — которая наконецъ отдаетъ свою руку полполковнику, не вѣдаясь покорить сердце короля. Что она оставляетъ поклонника своего турка и позволяетъ похитить себя обожающему ее французу, — это попятно каждому; но чтобы похищеніе Люціи могло происходить предъ глазами пылкаго въ любви и необузданнаго въ мщеніи паши, вотъ ужъ это останется неразрѣшимою загадкою для всякаго, кто хоть мелькомъ слышалъ о правахъ восточныхъ харемовъ, или хоть сколько вибудъ знакомъ съ представленіями харемныхъ затворницъ на сценѣ европейскихъ театровъ.

Изъ приведенныхъ нами здѣсь замѣчаній, кажется, можно уразумѣть, какое дѣйствіе произвела эта пьеса на зрителей при первомъ представленіи и какъ приняла ее образованная часть вѣнской публики.

— *Чортъ и его бабушка или контрактъ съ подземнымъ міромъ*, пародія — шутка, въ двухъ актахъ; сочиненіе автора «Блудныхъ женщинъ въ сералѣ»; музыка капельмейстера придворнаго операго театра Пруха, танцы Йозефа Вейсса, костюмы Юлія, машины Гека, постановка на сцену режиссёра Юста.

Видители сколько хлопотъ наѣлали

чертъ и его бабушка всему люду театральному!

Юзеф-шта ский театръ сдѣлалъ самый не ожидаемы рприизъ многочисленной публикѣ, собравшейся посмотреть, какъ заключаютъ контракты съ подземнымъ царствомъ; вмѣсто страшныхъ сценъ, пародирующихъ страну осужденныхъ, изумленные зрители увидѣли:

1. Отъ восьми до десяти прелестныхъ декораций.

2. Великолѣпныя-фантастическіе танцы и группировку.

3. Наводненіе съ подважными декорациями и парохомомъ.

4. Превосходные костюмы—рококо.

5. Подложныхъ—арабовъ, претворяющихся съ удивительнымъ искусствомъ въ настоящихъ арабовъ.

6. Батальонъ картовныхъ гренадеровъ, которые дѣлаютъ разныя маневры и эволюціи не хуже живыхъ.

7. Очаровательную галиматью.

— 8 Дивную, небесную декорацию въ послѣней сценѣ.

Эти и многія другія чудеса, которыхъ нельзя и перечестъ, очень мило связаны между собою прелестною музыкою и необходимымъ количествомъ разговоровъ и куплетовъ, такъ что программа балета «договоръ съ подземнымъ міромъ» выходитъ нечто иное, какъ вѣрная и удачная пародія на самый балетъ. Говорятъ, что постановка пьесы необыкновенно великолѣпна и въ пышную зиму едва ли какое-

нибудь театральное представленіе принято было въискою публикою съ большимъ энтузіазмомъ.— Намъ очень приятно сообщить нашимъ читателямъ: эту новость, о которой говорятъ теперь почти во всѣхъ гостинныхъ австрійской столицы.

НОВОСТИ ИТАЛІАНСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

«Clemenza di Valois», Клеменція «Валоа», слова соч. *Росси*, музыка кавалера *Габусси*. Она имѣла большой успѣхъ. Либретто ея довольно рабскій-сколокъ съ «Густава III»—Скриба. Хотя музыка не имѣетъ высокихъ достоинствъ по она игрива, пріятна и содержитъ въкоторыхъ прекрасныя мѣста. Главнымъ успѣхомъ своимъ, опера обязана превосходному нашему русскому пѣвцу — *Иванову*.

— «Мазепа», новый балетъ, данный на миланскомъ театра della Scala, соч. *Кортези*, имѣлъ весьма посредственный успѣхъ. Балетъ сдѣланъ изъ поэмы Байрона. Въ немъ выставлена также сцена, гдѣ Мазепа, привязанный къ дикому коню, запесенъ имъ въ табуны степныхъ лошадей. Но публикѣ миланской, кажется, не очень нравятся лошади на сценѣ: она предпочитаетъ смотреть на искусство ихъ въ манежѣ или въ балаганахъ вольтижеровъ. Доброжелатель публики! Въ нашъ поверхностный вѣкъ, она еще такъ наивно въ произведеніяхъ искусствъ шлетъ создателя и человеческой мысли.

ТЕКУЩІЙ

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 2. Февраль. 1841.

РАЗДАЕТСЯ

ПРИ

ШАНТОНЪ

РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ КНИЖКИ.

- I. Пажъ бассомъьера, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, переведенный съ французскаго *Д. Т. Ленскимъ*.
- II. Залушевные друзья, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, переведенный съ французскаго *П. С. Федоровымъ*.
- III. Нынѣшнее состояніе русскихъ театровъ, статья *Р. М. Зотова*.
- IV. Новости русскаго театра.
- V. Необходимое объясненіе.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, марта 28 дня, 1841 года.

Ценсоръ *П. Корсаковъ*.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. БОРОДИНА И КОМП.

ПАЖИ БАССОМПЬЕРА,

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

ПЕРЕВЕДЕННЫЙ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО Д. ЛЕНСКИМЪ.

ДОПЕРВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Льдовикъ XIII, французскій король.
Маршалъ Бассомпьеръ.
Прево арміи.

Оливьеръ } пажы Бассомпьера.
Артуръ }
Пажи, тѣлохранители королевскіе.

Дѣйствіе происходитъ подъ Монтобаномъ, во время осады этого города въ 1621-мъ году.

Театръ представляетъ внутренность палатки. Входъ въ середину; когда онъ открытъ, видны башни и стѣны Монтобана. На право, на второмъ планѣ, входъ въ другое отдѣленіе палатки. — Стулья.

ЯВЛЕНІЕ I.

Оливьеръ, Артуръ и потомъ Бассомпьеръ.

(При поднятіи занавѣса Оливьеръ и Артуръ спятъ; одинъ по-правую, а другой по-лѣвую сторону театра. Разсвѣтаетъ.)

Бассомпьеръ, (осторожно входитъ съ правой стороны и прыгаетъ шагу подъ плащомъ). Сперва увѣрюсь, спитъ-ли мой неизмѣнный пажъ Артуръ? (*подходитъ потихоньку къ Артуру.*) Да, онъ крепко спитъ—и я спокоенъ!... (*Увидя Оливьера.*) Что я вижу? еще другой пажъ съ Артуромъ!... Кто это? (*подходитъ и смотритъ на Оливьера.*) О Боже! здѣсь, въ этомъ платьѣ!... и не предуведомить меня!... Не могу опомниться отъ удивленія!... Вотъ что зна-

чить пылкій и предприимчивый характеръ!... Однакожь все надобно поздравить съ пріездомъ... (*Цѣлуетъ въ лобъ Оливьера.*) Еслибъ меня увидалъ Артуръ!... Этотъ новый пажъ безцну мнѣ хлопотъ надѣляетъ. Я бы хотѣлъ по крайней мѣрѣ спросить его, что за причины... но невозможно: скоро пробьетъ условный часъ свиданія... я поневоля долженъ оставить ихъ вмѣстѣ... Чортъ возьми! что будетъ, то будетъ! (*Уходитъ черезъ выходъ въ середину.*)

==

ЯВЛЕНІЕ II.

Оливьеръ, Артуръ.

Артуръ, (протирая глаза.) Начинаетъ разсвѣтать. Мнѣ послышался шумъ....

Неужели это новый пажъ?... Нѣтъ, онъ не трогался съ мѣста. Вчера онъ пріѣхалъ къ намъ очень поздно и расположился противъ моего жезла... Откуда онъ пожаловалъ? и какимъ образомъ Бассомпьеръ не сказалъ мнѣ объ этомъ ни слова?... Но, тише!... онъ просыпается. Притворюсь будто сплю, чтобъ избѣжать его вопросовъ.

(Музыка изъ Невъсты: маршъ въпередъ.)

Боже мой! Боже мой!
Ну, если что случится?...
Боюсь пошевелиться
Рукою и ногой...

Боже мой!... (3)
Другаго вѣтъ спасеня,
Какъ спать безъ пробужденя...
Мужчина здѣсь со мной...
Какъ мнѣ быть?... Боже мой!...

Боже мой! (3)

(Закидываетъ голову назадъ и притворяется спящимъ.)

Оливьеръ, (просыпаясь). Усталость меня изнурила, и сонъ невольно закрылъ глаза!... (Смотритъ на него) Онъ все еще спитъ... слава Богу!... Наконецъ, вотъ я въ палаткѣ маршала Бассомпьера!... Онъ тамъ покоится, и никакъ не воображаетъ, что я подлѣ него... Какое положеніе! я не смѣю пошевелиться!... Эти пажи такъ любопытны, и мой сонъ врно станетъ меня разспрашивать.

(Та же музыка.)

Боже мой! Боже мой!
Какое положеніе!
Малѣйшее движеніе
Грозитъ большой бѣдой...

Боже мой! (3)

Со мной здѣсь спитъ паженокъ,
И онъ ужъ не ребенокъ,
А мальчикъ молодой...
Какъ мнѣ быть?... Боже мой!

Боже мой! (3)

(Притворно засыпаетъ.)

Артуръ, (открывая глаза и смотря на Оливьера.) Нѣтъ... мнѣ такъ показилось... онъ даже глазъ не открывалъ.

Но маршала все еще не видать... а онъ обыкновенно встаетъ до разсвѣта... Это меня беспокоитъ.

Оливьеръ, (въ сторону: они не видятъ другъ друга.) Мнѣ-бы хотѣлось однокоржъ поговорить съ маршаломъ безъ свидетелей... какъ-бы это сдѣлать?

Артуръ. Боюсь, не захворалъ ли онъ?

Оливьеръ. Надобно подстеречь, когда онъ проснется.

Артуръ. Мой долгъ въ этомъ увѣриться.

Оливьеръ. Покуда товарищъ мой спитъ, можетъ быть, я усну...

Артуръ. Покаместъ новый пажъ не проснулся, попробую...

(Встаютъ въ потемкахъ идутъ другъ къ другу и сталкиваются по срединѣ театра.)

Вмѣстѣ. Ай!..

Артуръ. Вы ужъ не спите?

Оливьеръ. Я сей-часъ только всталъ.

Артуръ. Также какъ и я.

Оливьеръ. Скоро ли мы увидимъ маршала? Вчера я не могъ ему представить; но сегодня мнѣ нужно бы съ нимъ поговорить одинъ-на-одинъ... Порученіе мое не терпитъ отлагательства.

Артуръ. Вамъ нужно только съ нимъ поговорить, и вы лишь за тѣмъ сюда пріѣхали?

Оливьеръ. Нѣтъ, я желаю при немъ остаться.

Артуръ. Пажемъ?

Оливьеръ. Пажемъ.

Артуръ. Еще надобно знать согласится ли на это маршаль?

Оливьеръ. Врно согласится.

Артуръ. Ваше имя?

Оливьеръ. Мое имя!... (въ сторону.)

Изъ ума вонъ взять себѣ какое нибудь имя!

Артуръ. Что-жъ? какъ васъ зовутъ?

Оливьеръ. Оливьеромъ... А васъ?

Артуръ. Артуромъ.

Оливьеръ. Нельзя-ли вамъ доложить маршалу о моемъ прибытіи?

Артуръ. Я долженъ дожидаться, по-

куда онъ меня потребуешь; но она еще не встала, и это меня удивляетъ.

Оливьеръ. Я въ такомъ вѣтрѣ...
(Идетъ къ обѣдвенной обѣденной палаткѣ.)

Артуръ. Куда-жъ вы идете?

Оливьеръ. Дайте мнѣ послушать...

Артуръ. Есть шорохъ?

Оливьеръ. Никакого.

Артуръ. Не могу скрыть моего безпокойства... (приподнимаетъ занавѣску и смотритъ.) Его нѣтъ.

Оливьеръ. Ужъ онъ вышелъ?

Артуръ. Да разсвѣтъ!.. И слытъ безъ свѣтъ!...

Оливьеръ. Кто-то идетъ... Это вѣрно онъ.

==

ДВѢНІЕ III.

Прежде и Превю.

Превю, (спаруживъ.) Я имѣю приказаніе маршала.

Артуръ. Превю арміи!

Превю, (выходя.) Да; Е. Артуръ, это я. И слышу отъ имени маршала.

Артуръ. Маршала?... А гдѣ онъ?

Превю. Сейчасъ лишь и имѣлъ честь лично его арестовать.

Оливьеръ. Арестовать Бассомпьера?

Превю. Кто этотъ новый панъ? Я еще не видалъ его въ свѣтѣ маршала.

Артуръ. Онъ вчера вечеромъ только прѣхалъ.

Превю. А, вотъ что!.. А то я, кажется, слысъ всѣхъ знаю.

Оливьеръ. Въ чемъ же обвиняютъ Бассомпьера?

Превю. Его не обвиняютъ... я засталъ его въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ онъ выходилъ изъ дуэли съ офицеромъ.

Артуръ, (въ испугъ.) Онъ раненъ?!..

Превю. Офицеръ?

Артуръ. И, итъ!.. Маршала?

Превю. Я не даяъ ему развернуться, противники только что разстались со

шатами... такъ!.. а я ихъ шапъ-ца-райъ, да и подъ руки... отъ меня не отвертись!.. О! это знаменитое дѣло съ моей стороны!.. Арестовать Бассомпьера; Каршала... Это повѣсть моя далекая!...

Оливьеръ. Преведходный расчетъ! Какъ видите, т. Превю вообще большой охотникъ до дуэлей.

Превю. Нечего грѣха таить... люблю, когда свои дерутся!.. Каждый о себѣ хлопчатъ.

Купецъ охотникъ до купцовъ,

Судья охотникъ до истцовъ:

Такъ мудрено ли въ самомъ дѣлѣ,

Что у охотникъ до дуэлей?..

Пусть всѣ другъ друга перебьютъ,

Всѣмъ миръ за то чинятъ даютъ;

А кто жъ добра себя не хочетъ?

Здѣсь каждый о себѣ хлопчатъ.

Впрочемъ, я не могу на судьбу пожаловаться; съ тѣхъ поръ, какъ мы начали осаду Монтобана, дуэли съ каждымъ днемъ становятся чаще. Его высочество король Людовикъ XIII теперь на счетъ этого издалъ новый указъ, строже всѣхъ прежнихъ — и я тому очень радъ... Драться въ лагерѣ, въ глазахъ непріятели... это ни на что не похоже!

Артуръ. Такъ вы думаете, что маршалу угрожаетъ большая опасность?

Превю. Не безпокойтесь! Его навѣрно простятъ, а офицера расстрѣляютъ, въ примѣръ другимъ.

Артуръ. Удивительно, какъ я не зналъ объ этой дуэли!..

Превю. Маршала безъ сомнѣнія никогда-бы вамъ и не сказалъ... Онъ дрался имьяно за васъ.

Артуръ. За меня?

Оливьеръ. За него?

Превю (Артуру). Да, молодой человекъ! Кажется, вчера вы довольно грубо толкнули одного гвардейскаго офицера.

Артуръ. Я не помню.

Превю. Офицеръ оскорбился, добѣсъ объ этомъ маршалу, и Бассомпьеръ самъ

удостоить дать ему удовлетвореніе. Это очень натурально: онъ къ вамъ такъ расположенъ.

Оливьеръ (иронически). Въ самомъ дѣлѣ... надобно имѣть слишкомъ сильную привязанность къ человѣку, чтобъ рисковать за него жизнью.

Превю. Но на вашемъ мѣстѣ я бы не потерпѣлъ, чтобъ другой за меня подрался, и сей часъ бы вызвалъ дерзкаго офицера.

Артуръ. Но вѣдь онъ арестованъ.

Превю. Можно уладить это: я беру съ, когда вамъ угодно.

Артуръ. Я подумаю.

Превю. Я вамъ совѣтую дружески. Что-же касается до маршала, то онъ у меня въ добрыхъ рукахъ: сохраняя одинаковъ все уваженіе къ такому знаменитому арестанту, я поспѣшилъ къ вамъ по его приказанію: онъ васъ требуетъ къ себѣ и желаетъ видѣть сію-же минуту.

Артуръ. Неужели?... Что-же вы мнѣ прежде не сказали?... Я бѣгу. (*Быстро уходитъ*).

==

ЯВЛЕНІЕ IV.

ОЛИВЬЕРЪ, ПРЕВЮ.

Превю, (идя вслѣдъ за Артуромъ.) Но стойте, пойдемте вмѣстѣ!... Эти пажы такіе рѣзвые... вотъ ужъ его и слѣдъ простылъ.

Оливьеръ. Оставьте... пусть его идетъ одинъ... вамъ вѣдь некуда торопиться?... а я почту за удовольствіе побесѣдовать съ вами.

Превю. Со мною, прекрасный пажъ?

Оливьеръ. Я только что пріѣхалъ въ лагерь и такъ связать еще новичекъ здѣсь; стало, долженъ весьма дорожить совѣтами такой умной особы, какъ вы.

Превю. Это правда, что я имѣю нѣкоторую опытность... всѣмъ извѣстны мои достоинства, и, могу васъ увѣрить, вѣд

не первый отдаете должную справедливость моей физиономіи.

Оливьеръ. Скажите мнѣ... этотъ Артуръ, кажется, очень привязанъ къ маршалу?

Превю. Чрезвычайно!... это образецъ всѣхъ пажей!... Вамъ будетъ очень трудно попасть въ такую же мплость; вы имѣете у себя опаснаго соперника, предупреждаю васъ.

Оливьеръ. О! я совѣмъ не этого боюсь.

Превю. И я съ вами согласенъ; можетъ статься, маршалъ васъ еще больше полюбитъ. Онъ такъ непостояненъ въ любви, что и въ дружбѣ на него нельзя положиться.

Оливьеръ, (съ живостію.) А онъ въ любви не постояненъ?

Превю. По крайней мѣрѣ въ Парижѣ онъ составилъ себѣ такую лестную репутацію.

Оливьеръ. Точно; я не одинъ разъ объ этомъ слышалъ.

Превю. Да вы сами не изъ Парижа-ли, молодой человѣкъ?

Оливьеръ. Я прямо отсюда пріѣхалъ.

Превю. Какъ я радъ, что съ вами познакомился! Вы прямо изъ Парижа, и у васъ такое пріятное, умное лицо, живой взглядъ и плутовская улыбка... вѣрно вамъ извѣстны всѣ современныя парижскія шашни.

Оливьеръ, (въ сторону.) Что онъ хочетъ этимъ сказать?

Превю. Не слышали-ли вы чего нибудь объ одной молодой дѣвицѣ, которая на дняхъ бѣжала изъ родительскаго дома?

Оливьеръ, (въ сторону.) О Боже! неужели успѣли узнать?...

Превю. Вѣрно это приключеніе надѣлало много шума въ столицѣ.

Оливьеръ. Отъ чего-же? Парижъ такъ великъ...

Превю. Знаю; но молодая особа, о которой я говорю, принадлежитъ къ очень хорошей и богатой мѣщанской фамилии.

Оливьеръ, (въ сторону.) Отдыхаю!

Превю. Фравдиска Юлія-Клотильда-Антуанета-Вермавдуа, вообще извѣстная подъ именемъ прекрасной бѣлошвейки.

Оливьеръ. Теперь я все новьяль... по это произшествіе не на дняхъ, а давно, ведалъ шесть тому назадъ, случилось.

Превю. Имявно.

Оливьеръ. Почему же это васъ такъ интересуетъ?

Превю. Почему? Это моя невѣста.

Оливьеръ, (смѣясь). Ха! ха!.. ха!... Прекрасная бѣлошвейка!

Превю. Тутъ ничего нѣтъ смѣшнаго!

Оливьеръ. Стало вы въ нее влюблены?

Превю. Какъ дуракъ, по уши врѣзался; но я влюбился по описанію, которое мнѣ дѣлали о ея прелестяхъ; самъ же никогда ея не видалъ. Наши общіе пріятели насъ сосватали; въ томъ-то и горе, что мнѣ лично не пришлось тутъ похлопотать, потому что она меня не знала... Какъ скоро ей сказали, что я хочу на ней жениться — она и дала тягу; и до сихъ поръ никто не знаетъ куда она скрылась.

Оливьеръ. Должно ее извинить; развѣ она ужъ недовольно наказана, когда лишилась чести быть женою Превю!

Превю.

Не понимаю, какъ рѣшилась
Она свалиться съ облаковъ.
Лишась меня, она лишилась
Богатства, славы и чиновъ.

Оливьеръ.

Да, многого, признаться должно,
Бѣглянка паша лишена.

*Превю, взявъ его за руку,
въ похолобеа!*

Всего и высказать не можно,
Чего лишилася она.

Впрочемъ, видите до чего доводитъ
развращеніе нравовъ... все забыто... ни-
чего нѣтъ святаго! Берегитесь, молодой
человѣкъ; вы теперь на самой скольз-

кой стезѣ порока, въ лагерь соблазна и
пресыщенія... Конечно онъ имѣетъ свою
хорошую сторону: отъ этого выходятъ
ссоры и поединки.... и покрайней мѣрѣ
есть человекъ, который тутъ хлѣбъ на-
живаеъ.

Оливьеръ. И мой товарищъ Артуръ
безъ сомнѣнія также предается удоволь-
ствіямъ, со всею пылкостью молодости?

Превю. Артуръ? О нѣтъ, совсѣмъ на-
противъ! Онъ ни на шагъ не отстаетъ
отъ маршала, со всею точностію испол-
няетъ свое дѣло и сколько можно ста-
рается избѣгать общества съ нашими
повѣсами.

Оливьеръ. Стало это настоящій Ка-
тонъ?

Превю. Скромнѣе, какъ дѣвушка! Одно
только въ немъ не хорошо, что онъ не
самъ за себя дерется... Впрочемъ сего
дня я еще очень радъ этому случаю...
Вмѣсто пажѣ попался мнѣ въ руки мар-
шалъ... Однакожъ надо поспѣшить про-
изводствомъ дѣла: такую знатную особу
нельзя заставлятъ дожидаться.

Оливьеръ. Вотъ и онъ.

=

ЯВЛЕНІЕ V.

Превю и Бассомпьеръ.

Превю. Что я вижу!

Бассомпьеръ. Это я, мой почтенный
Превю... Его величество, король, возвра-
тилъ мнѣ свободу на честномъ словѣ.

Превю, (въ сторону). Какое потвор-
ство!

Бассомпьеръ. Я общалъ не выходить
изъ своей палатки до тѣхъ поръ, поку-
да онъ не рѣшитъ моей участи.

Превю. Всегда и во всемъ блестятъ
величіе души его величества! (въ сторо-
ну.) Я еще не теряю надежды.

Бассомпьеръ. Кто этотъ молодой че-
ловѣкъ?

Оливьеръ (въ сторону.) Онь меня ве еще довольно тёмно, но я вѣрочно вблизи на васъ посмотрѣю, чтобъ не ошибиться.

Превъ. Новый пажъ; изъ Парижа, какъ я слышалъ.

Оливьеръ. Точно такъ, ваше сіятельство. Меня зовутъ Оливьеромъ; я отрекомендовавъ одною извѣстною вамъ дамою...

Бассомпьеръ. Хорошо, я сейчасъ займусь вами. Г. Превъ, король жемаетъ знать подробности моея дуэли и требуетъ васъ къ себѣ.

Превъ. Какъ! его величество удостоиваетъ самъ горить со мною?... Я лечу! Надюсь, что ваше сіятельство не изволите ва меня гвѣваться... мол обяванность... усердіе... вѣрность къ престолу...

Бассомпьеръ. Для чего-же мнѣ, г. Превъ, на васъ сердится. Вы не стоите моего гвѣва.

Превъ. Ваше сіятельство умѣетъ отдавать мнѣ должную справедливость. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Бассомпьеръ, Оливьеръ.

Бассомпьеръ. Марія! васъ-ли я вижу?

Оливьеръ. Вы меня узнали?

Бассомпьеръ. Какъ вы могли думать, чтобъ я васъ не узналъ!...

Оливьеръ. Прежде всего успокойте мевя, Бассомпьеръ... Какія слѣдствія вашей дуэли?

Бассомпьеръ. Не бойтесъ вичего: король проститъ меня.

Оливьеръ. Вы въ этомъ увѣрены?

Бассомпьеръ. Я ему нуженъ. Но поговоримъ о васъ.

Оливьеръ. Вы что-то ве очисъ удивились, когда мевя увидѣли.

Бассомпьеръ. Я зналъ, что вы въ моей палаткѣ: давича, когда я вышелъ, вы были тутъ... вы спали... и хотъ было

еще довольно тёмно, но я вѣрочно вблизи на васъ посмотрѣю, чтобъ не ошибиться.

Оливьеръ. Каковъ вѣроломство!

Бассомпьеръ. Вы называете это вѣроломствомъ?

Ужъ вы изыскательны не въ мѣру
И слишкомъ строги на словахъ!

Оливьеръ.

Герой, подобный Бассомпьеру,
Не долженъ дѣйствовать въ потьмахъ.

Бассомпьеръ.

Но вы не знаете, какъ видно,
Въ войнѣ какъ надо поступать...

Оливьеръ.

Я знаю то, что очень стыдно
Въ потьмахъ на сонныхъ нападать!

Бассомпьеръ. Такъ вы очень на меня сердитесь?

Оливьеръ. Я бы долженъ на васъ сердиться; но вашъ поступокъ доказываетъ по крайней мѣрѣ, что вы мевя не забыли.

Бассомпьеръ. Забыть ту, кого я люблю больше жизни!...

Оливьеръ. Тише говорите... ну, если васъ услышатъ!...

Бассомпьеръ. Не опасайтесъ: мы бѣдимъ; я послалъ Артура успокоить нѣкоторыхъ изъ моихъ друзей... Это впрочемъ былъ одинъ только предлогъ, чтобъ отъ него отвязаться.

Оливьеръ. Однакожъ этотъ Артуръ вашъ любимый пажъ?

Бассомпьеръ. Теперь ужъ онъ перестаетъ быть моимъ любимцемъ.

Оливьеръ. Нывѣшняя ваша дуэль не позволяеть мнѣ отнюдь сомнѣваться въ вашемъ къ нему расположеніи.

Бассомпьеръ. Ну, онъ еще мальчикъ!

Оливьеръ. А давно онъ у васъ служитъ?

Бассомпьеръ. Нѣтъ, побтора или два мѣсяца... онъ для меня все покинулъ... семью, друзей... Но лучше станемъ говорить объ васъ, моя милая Марія! Вы ли слова мнѣ не сказали о вашихъ намѣреніяхъ?

Оливьеръ. Я хочу сражаться подлѣ вашимъ начальствомъ.

Бассомпьеръ, (улыбался.) Сражаться?... Въ самомъ дѣдѣ сражаться?

Оливьеръ. Однимъ словомъ—я пришла къ вамъ на недѣлю.

Бассомпьеръ. На недѣлю? это мало для меня!... *(въ сторону.)* И слишкомъ много для Артура.

Оливьеръ. Что вы тамъ сказали?

Бассомпьеръ. Я говорю, нѣтъ женщины вамъ подобной!... *(въ сторону.)* А другой точно такой-же экземпляръ не далеко отсюда... не знаю, какъ быть!

(вслухъ) Милая Марія! присутствіе наше меня восхищаетъ и ужасаетъ... вы подвергаетесь безпрестаннымъ опасностямъ... не бойтесь, однакожъ, чтобы я сталъ слишкомъ испытывать вашу храбрость.

Оливьеръ. Не этого испытанія я боюсь... и если случай представится, вы увидите...

Смерть не страшна для Оливьера,
И я себя вамъ покажу!
Въ сраженіи, подлѣ Бассомпьера,
Я миртъ и лавры заслужу!

Бассомпьеръ.

Что ваша храбрость и свирѣдость!
Мнѣ какъ-бы васъ домой свести!...
Скорѣи возьмѣте штурмомъ можно крепость,
Чѣмъ даму въ лагерь спасти!

Да, милая Марія, вы ужъ даже просто какъ женщина должны завѣсь многого страшиться. Бивачная жизнь до чрезвычайности свободна... наши молодые офицеры всѣ пружестокіе шалуны... и если они догадаются о вашемъ переодѣваньи...

Оливьеръ. Ну чтожъ, если они догадуются?

Бассомпьеръ. Тогда бы я былъ въ отчаяніи... это можетъ васъ обезславить.

Оливьеръ. Бассомпьеръ! я никому не обязана отчетомъ въ моихъ поступкахъ, кромѣ васъ... вамъ отдала я свое сердце, и отъ васъ получила священныя клятвы.

Бассомпьеръ. Оно такъ; но я съ своей стороны все таки не могу быть спокоенъ.

Оливьеръ. Вы ко мнѣ недоверчивы?

Бассомпьеръ. Безпокойство не есть еще недоверчивость.

Оливьеръ. Опасенія ваши не имѣютъ никакой другой причины? Быть можетъ, вы боитесь, что я помѣшаю волокитствамъ Бассомпьера?

Бассомпьеръ. Какія нелѣпости говоришь ты, мой дружокъ!

Оливьеръ. Я шучу, но вы на это не смотрите: я ревнива и горда... я не хочу ви съ кѣмъ дѣлиться моей любовью... И вы увидите на что я способна рѣшиться, какъ скоро узнаю... Горе той!...

Бассомпьеръ. Эге! г. пажъ, прошу васъ не слишкомъ горячиться!... Развѣ любовь моя не служитъ вамъ вѣрнѣйшею порукой?..

Оливьеръ. Безпокойство не есть еще недоверчивость.

Бассомпьеръ, (въ сторону.) Она меня въ ужасъ приводитъ.

Оливьеръ. Берегитесь... съ тѣхъ поръ, какъ я узнала Бассомпьера... у меня глаза слѣзались отъ зорки.

Бассомпьеръ. У васъ глаза прелестны—вотъ все, что я объ нихъ скажу! Зачѣмъ-же несправедливыми подозрѣніями отравлять восхитительныя минуты свиданія!

Оливьеръ. Одного слова довольно, чтобы разсѣять мои грустныя мысли...

Бассомпьеръ. Какое-же это слово? говорите!... я клянусь исполнить вашу волю...

Оливьеръ. Когда будетъ наша свадьба?

Бассомпьеръ, (увидя Артура.) Тише! вотъ Артуръ... *(въ сторону.)* Онъ очень кстатъ.

ЯВЛЕНИЕ VII.

ПРЕЖНИЕ И АРТУРЪ.

Артуръ, (входя, въ сторону.) Они что-то съ большимъ жаромъ разговаривали.

Бассомбьеръ, (въ сторону.) Двѣ женщины въ видѣ пажей; не достаетъ только няньки, въ видѣ оруженосца, чтобъ стеречь этихъ мнимыхъ господчиковъ... *(вслухъ.)* Подойди, Артуръ, подойди...

Артуръ. Можетъ быть, я вхожу не во время, ваше сіятельство?

Бассомбьеръ. Ни чуть, мой другъ... рекомендую тебѣ этого молодого господина.

Артуръ. Мы ужъ знакомы.

Бассомбьеръ. Знаю, но я рекомендую тебѣ его, какъ твоего новаго товарища, пажу, который въ первый разъ является на полѣ сраженія.

Артуръ. Вы его приняли къ себѣ въ службу?

Бассомбьеръ. Разумѣется. Я еще прежде звалъ Оливьера, а притомъ у него есть такая сильная протекція, что я никакъ не могъ отказатьсь...

Артуръ. Я не могу одобрить вашего поступка.

Оливьеръ. Почему-же, любезный Артуръ? Развѣ я, по несчастію, васъ огорчаю своимъ присутствіемъ? Успокойтесь, я надѣюсь, что между вами не можетъ быть никакого соперничества.

Артуръ. Я и самъ то же надѣюсь.

Оливьеръ. Права старшинства даютъ вамъ передо мною большое преимущество.

Бассомбьеръ, (тихо Артуру.) Онъ справедливо говорить.

Артуръ. Часто новички пользуются милостями еще больше старшихъ.

Бассомбьеръ, (тихо Оливьеру.) Онъ не ошибся.

Артуръ. Впрочемъ, я такъ говорю только изъ преданности къ его сіятельству. Въ походѣ многочисленная свита больше затруднительна, чѣмъ полезна.

Бассомбьеръ, (въ сторону.) Правда; я самъ тоже вижу.

Артуръ. И такъ вы сами согласитесь, ваше сіятельство, что другой пажъ вамъ совсѣмъ не нуженъ.

Бассомбьеръ. Нужнѣе, чѣмъ ты думаешь.... До сихъ поръ, Артуръ, я не рѣдко во зло употреблялъ твое усердіе... ты слыдуешь за мною въ пылъ сраженія... труды, опасности, — ничто не удерживаетъ твоего мужества; но силы твои не всегда тебѣ соотвѣтствуютъ; и потому я давно уже прискивалъ тебѣ товарища, который-бы въ случаѣ нужды могъ занять твое мѣсто.

Артуръ. По крайней мѣрѣ признайтесь, ваше сіятельство, что выборъ вашъ не совсѣмъ удаченъ. Оливьеръ, также какъ и я, молодъ и слабъ. Безъ сомнѣнія онъ воспитанъ въ вѣгѣ, въ роскоши; мнѣ кажется, онъ скорѣе рожденъ для наслажденій любви, чѣмъ для военныхъ опасностей.

Мнѣ кажется, онъ смотритъ такъ,
Чтобъ быть въ кругу большаго свѣта,
И сотворенъ не для бивака,
А для придворнаго паркета.
Ужъ лучше-бы прелестныхъ дамъ
Онъ въ танцахъ восхищалъ собою...
Онъ вѣрно побѣждалъ лишь тамъ,
Гдѣ отдавались безъ бою!...

Оливьеръ.

Я, сударь, честь мою любя,
О шпагѣ вѣрно не забуду....
И ужъ подражаться за себя
Просить другаго я не буду!...

Артуръ. Какая дерзость!

Бассомбьеръ. Э! что это значитъ?....

Ссора при моихъ глазахъ!... гдѣ-же уваженіе, котораго я въ правѣ отъ васъ требовать?

Оливьеръ. Извините, ваше сіятельство! Я охотно мирюсь съ Артуромъ, лишь-бы онъ только мнѣ позволилъ оспоривать у него награду усердія и преданности.

Артуръ. Я принимаю вызовъ.

Бассомпьеръ. Слава Богу!

Артуръ. Однакожъ я вездѣ буду за вами слѣдовать... какъ и прежде.

Оливьеръ. И я также отъ васъ ни на шагъ.

Бассомпьеръ. Такимъ образомъ вы всегда будете вмѣстѣ, и мое намѣреніе не можетъ исполниться... (*тихо Оливьеру*) Что вы дѣлаете, Маріа? старайтесь напротивъ убѣгать Артура, остерегайтесь его... онъ дерзокъ, рѣшителенъ, и если онъ дознается... однимъ словомъ, благоразуміе этого требуетъ.

Оливьеръ, (тихо.) Хорошо! онъ мнѣ несносенъ.

Бассомпьеръ, (тихо Артуру.) Артуръ!... я долженъ тебя предостеречь отъ Оливьера: онъ записной плутъ и волокита никакъ разъ можетъ открыть твою тайну... Советую тебѣ быть отъ него подалше и остерегаться... Обѣщаешь-ли мнѣ?

Артуръ, (тихо.) Такъ и быть! я терпѣть его не могу.

Бассомпьеръ, (въ сторону.) Что значить жевская-то патура!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Прежше и Прево.

Прево. Ваше сіятельство! спѣшу донести о прибытіи къ вамъ его величества.

Бассомпьеръ. Его величества?

Прево. Его величество слѣдуетъ въ слѣдъ за мною, и вѣроятно изволитъ даровать вашему сіятельству свое высокомоуаршее прощеніе.

Бассомпьеръ. Король меня прощаетъ!

Прево. Точно такъ, ваше сіятельство: Бассомпьеръ не можетъ быть виноватымъ... (*въ сторону*) Я это на другихъ вымѣщу.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Прежше, Людовикъ XIII; пажы, тѣлохранители, (остающіеся въ глубинѣ театра, за палаткой.)

Паажъ, (докладывая.) Король!

(Оливьеръ и Артуръ становятся въ сторонѣ.)

Прево. Ваше величество! я уже имѣлъ честь доложить его сіятельству, г. маршалу...

Король. Хорошо!

Прево. Ваше величество не изволитъ ли дать мнѣ еще какихъ приказаній?...

Король. Выдѣте вонъ!

Прево, (кланяясь.) Слушаю, ваше величество! (*Уходитъ.*)

Король, (смотря на Артура и Оливьера.) Это ваши пажы, Бассомпьеръ?

Бассомпьеръ. Точно такъ, государь.

Король, (смотря на Оливьера.) Лицо одного изъ нихъ мнѣ что-то знакомо... гдѣ-то я видѣлъ... да, имѣнно... мнѣ кажется, что я какъ будто смотрю теперь на прекрасную Марію д'Антрагъ!

Артуръ, (въ сторону.) Марію д'Антрагъ!

Бассомпьеръ. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, ваше величество: Маріа д'Антрагъ двоюродная сестра Оливьеру и дѣйствительно между ними есть большое сходство.

Король, (Оливьеру.) Какъ скоро вы двоюродный братъ Маріи д'Антрагъ, то вамъ, мой другъ, совсѣмъ невыгодно здѣсь оставаться; известно, что она равнодушна къ Бассомпьеру, и, если вы будете отъ нея скрывать его проказы, вы съ нею поссоритесь, — или ужъ вооружите противъ себя Бассомпьера, когда все расскажете своей двоюродной сестрицѣ.

Оливьеръ. Я увѣренъ, ваше величество, что маршалъ никогда не заставитъ меня быть свидѣтелемъ такихъ поступковъ, которые бы онъ желалъ скрыть отъ Маріи д'Антрагъ.

Король. Это вѣрно за васъ онъ выходилъ на дуэль?

Артуръ, (сѣ живостію.) Нѣтъ, ваше величество: за меня.

Король, (глядя на Артура.) А! я и тутъ не дивлюсь: одинъ стоитъ другаго.

Артуръ. И если ваше величество все еще изволите глѣваться на маршала, то пусть вашъ гнѣвъ падетъ на меня одного.

Король. Такое великодушіе напоминаетъ мнѣ, зачѣмъ я сюда пришелъ... и я хочу объ этомъ поговорить съ Бассомпьеромъ.

Бассомпьеръ, (нажалъ.) Выдѣте покуда. (Пажы уходятъ черезъ входъ по серединѣ.)

=

ЯВЛЕНІЕ X.

Король и Бассомпьеръ.

Бассомпьеръ. Могу-ли я льститься, что ваше величество удостоиваетъ меня своимъ прощеніемъ?

Король. Я безъ сомнѣнія дурно поступаю; необходимо бы пужно было въ примѣръ другимъ... а то, пожалуй и всѣ будутъ употреблять во зло мое снисхожденіе... Вы сами знаете, маршалъ, всякой день я, къ моему несчастію, лишуюсь по нѣскольку храбрыхъ молодыхъ людей, которые погибаютъ жертвами ссоръ и запальчивости... вотъ недавно еще одинъ изъ моихъ пажей, первый мой любимецъ палъ на дуэли...

Бассомпьеръ. Мы всѣ оплакали его потерю.

Король. Я старался замѣнить его личнымъ образомъ, и ужъ почти терялъ надежду, какъ вдругъ вашъ поединокъ указалъ мнѣ средство.

Бассомпьеръ. Мой поединокъ?... но я не понимаю, какое же отношеніе?...

Король. Я вамъ объясню это. Мнѣ нельзя поступить съ вами по всей строгости, какъ бы надлежало, — по крайней мѣрѣ, ваша вина не останется бѣзъ всякаго наказанія.

Бассомпьеръ. И я не буду роптать, ваше

величество; если бы вы даровали мнѣ совершенное прощеніе, мнѣ бы весьма трудно было сдѣлаться его достойнымъ... я очень благодаренъ вашему величеству, что вы облегчаете мнѣ долгъ признательности.

Король. Шутки въ сторону, маршалъ... Послушайте, подравшись за своего пажу, вы этимъ явили ему необыкновенный знакъ привязанности; ваша шпага опять готова защищать его при первомъ случаѣ; и такъ, чтобъ впередъ ужъ этого не было, я думаю сначала взять у васъ этого молодого человека и опредѣлить къ себѣ въ службу.

Бассомпьеръ, (въ сторону.) Мысль счастливая.

Король. Это чудо! право я не знаю, гдѣ вы берете себѣ такихъ пажей, Бассомпьеръ; только у васъ однихъ они встрѣчаются.

Бассомпьеръ, (въ сторону.) Надѣюсь!

Король. Напримѣръ... этотъ двоюродный братецъ Маріи д'Аутрагъ... его наружность и обращеніе мнѣ очень нравятся... и, чтобъ хоть сколько нибудь уменьшить ваше наказаніе, я предоставляю вамъ выбрать себѣ одного изъ этихъ двухъ молодыхъ людей; я возьму того, котораго вы мнѣ уступите.

Бассомпьеръ, (въ сторону.) Ахъ, Боже мой! (вслухъ) Вы слишкомъ милостивы, ваше величество; но, говоря откровенно, вы ставите меня въ самое затруднительное положеніе.

Король. Что же можетъ васъ беспокоить? развѣ тому, кого вы мнѣ назначите не предстоитъ завидная участь?... Я стану обращаться съ нимъ какъ съ другомъ; онъ будетъ неотлучно при моей особѣ.

Бассомпьеръ, (въ сторону.) Часъ отъ часу не легче!... (вслухъ) Конечно, государь, я отнюдь не сомнѣваюсь, что пажы мои будутъ въ большой милости у вашего величества, и, можетъ статься, другой на моемъ мѣстѣ за честь бы себѣ поставилъ... но я... я не знаю какъ вамъ это объяснить...

Есть свойство у меня въ крови,
Я самъ его не постигаю:
Я въ дружбѣ, точно какъ въ любви,
Немножечко ревнивъ бываю!

Король. Такъ вы мнѣ отказать хотите?

Бассомпьеръ. Я не могу ни въ чемъ отказать вешему величеству... по я прошу васъ, войдите въ мои критическія обстоятельства. Честь быть королевскимъ пажемъ такъ велика... тотъ, кого я вамъ уступлю, сперва конечно будетъ мнѣ чрезвычайно благодаренъ, а потомъ очень скоро и забудетъ меня совсѣмъ... у придворныхъ память вообще очень слаба; другой же напротивъ вѣчно станеть на меня жаловаться, и можетъ быть, еще ненавидѣть меня за то, что я лишилъ его счастья находиться всегда при особѣ вашего величества.

Король. Такъ вы думаете, что они безъ сожалѣнія оставятъ васъ и перейдутъ ко мнѣ?

Бассомпьеръ. Признаться, я опасуюсь.

Король. Нездо однакожь, маршалъ, чтобы вы отъ одного изъ нихъ отказались.

Бассомпьеръ. (въ сторону.) Опъ все стоитъ на своемъ. (Вслухъ) Если ужъ это необходимо, государь, я принекалъ способъ, который по крайпей мѣрѣ избавитъ меня отъ замѣшательства въ выборѣ.

Король. Какой-же?

Бассомпьеръ. Извольте сами выбрать.

Король. Хорошо, я согласенъ. Выберите ихъ позвать.

Бассомпьеръ. (идя въ глубину театра.) Эй! ктонибудь!... (возвращаясь назадъ) Позвать моихъ пажей Артура и Оливьера.

Король. Разспрашивая ихъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ узнаю ихъ свойства и характеръ.

Бассомпьеръ. (въ сторону.) Постараюсь ихъ предупредить. (вслухъ) Ваше величество безъ сомнѣнія не потребуете, чтобъ я былъ свидѣтелемъ этого разговора... вы легко можете понять, какъ мучительно для меня такое испытаніе.

Король. Правда... и сверхъ того ваше присутствіе можетъ затруднить вашихъ пажей; а я хочу, чтобъ они мнѣ отвѣчали съ полною свободою.

Бассомпьеръ. Я удаюсь. (Въ сторону) Боже! они уже здѣсь!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Презнне; Артуръ и Оливьеръ.

Король. Подойдите, друзья мои.

Бассомпьеръ. Его величество желаетъ съ вами говорить.

Артуръ. Со мною?

Бассомпьеръ. Съ обоими. Я оставляю васъ съ его величествомъ... (въ сторону) Посмотрю по крайпей мѣрѣ будутъ ли онѣ мнѣ вѣрны... спрячусь... Вотъ и я въ свою очередь принялся за ревность. (Будто бы идетъ къ среднему выходу, а потомъ крадется къ боковому отдѣленію палатки, прыгаетъ за занавѣскою и слушаетъ, показываясь время отъ времени.)

Король. Вы, я вижу, очень удивлены, господа, что король проситъ у васъ аудіенціи... вы сей часъ узнаете тому причину. Я сію минуту говорилъ съ Бассомпьеромъ о дѣлѣ, которое меня весьма занимаетъ... и онъ мнѣ сказалъ, что въ этомъ случаѣ ваши совѣты будутъ лучше его... Я лишился пажа и хочу взять другого на его мѣсто... Это причиняетъ мнѣ хлопотъ почти столько-же, сколько и осада Монтобана.

Артуръ. Я удивляюсь, ваше величество!... Вѣроятно найдется много же-

дающих... Кто откажется отъ чести всюду слѣдовать за своимъ государемъ!

Оливьеръ. Кто не поставитъ за счастье быть вашимъ пажемъ.

Бассомпьеръ, (выплдывал изъ-за занавѣски.) Я это зналъ.

Король. Очень радъ, что вы такъ думаете; теперь ужъ я не боюсь отказа... надо вамъ сказать, что я на васъ обратилъ свое вниманіе.

Оливьеръ и Артуръ. О, Боже!

Король. Да, друзья мои, привязанность ваша къ Бассомпьеру и нѣжное участіе, которое онъ въ васъ принимаетъ, — все говоритъ мнѣ въ вашу пользу.

Оливьеръ. Ваше величество! мы зависимъ отъ маршала... прежде всего мы ему должны повиноваться... и, кажется, было бы приличнѣе... вамъ сперва къ нему обратиться.

Король. О! что до этого, будьте спокойны: маршалъ согласенъ.

Артуръ, (въ сторону.) Возможно-ли?

Оливьеръ, (въ сторону.) Извергъ!

Бассомпьеръ (за занавѣскою.) Опъ глаза мнѣ выпарапаютъ.

Король. Теперь предстоитъ одно только затрудненіе, самое важное: вы оба достойны моихъ милостей, и я не знаю, котораго изъ васъ предпочесть.

Артуръ. Ваше величество! благородное происхожденіе Оливьера и знаменитость фамилии его даютъ ему неоспоримое преимущество передо мною: по всѣмъ правамъ ему принадлежитъ завидный постъ, который вы такъ великодушно намъ предлагаете.

Оливьеръ, (въ сторону.) Ужели онъ отказывается? *(вслухъ.)* Не знаю, кто изъ насъ знатнѣе родомъ; но, если въ глазахъ вашего величества имѣютъ цѣну однѣ личныя достоинства, — Артуръ долженъ быть предпочтенъ. Всѣ прославляютъ его усердіе и точность въ исполненіи своихъ обязанностей... Въ цѣломъ лагерѣ слыветъ онъ примѣрнымъ пажемъ.

Артуръ, (въ сторону.) Отъ чего онъ не соглашается?

Бассомпьеръ, (въ сторону.) Онъ прелестны!

Оливьеръ. Да, государь! Артуръ молодой человекъ испытанный; онъ ужъ образовался подъ руководствомъ маршала; а я еще только вступаю въ должность.

Артуръ. Благодаря вашимъ счастливымъ способностямъ, вы скоро всѣхъ превзойдете.

Оливьеръ. Маршалъ васъ такъ любитъ!

Артуръ. Мнѣ кажется, онъ любитъ васъ еще больше.

Оливьеръ. Вы были съ нимъ въ двадцати сраженіяхъ.

Артуръ. Опъ полагаетъ на васъ большія надежды.

Оливьеръ (королю.) А что всего замѣчательнѣе... привычка къ военнымъ трудамъ нисколько не истребила пріятности въ его лицѣ... Извольте посмотреть, ваше величество, и сами посудите, какая разница между нами.

На щечкахъ пламенный румянецъ

Играетъ утренней зарей;

На бѣлой кожѣ виднѣнъ глянecъ,

И кудри падаютъ волной!

Я вамъ ручаюсь не напрасно,

Что онъ любимецъ будетъ вашъ,

И скажутъ всѣ единогласно:

«Вотъ прямо королевскій пажъ!»

А Р Т У Р Ъ .

Нѣтъ съ Оливьеромъ я равнялся

Не смѣю красотой своей;

И всѣ со мною согласятся,

Что въ мірѣ нѣтъ его милѣй!

Онъ здѣсь, клѣхусь вамъ не напрасно,

Плѣнитъ весь штатъ военный вашъ...

И скажутъ всѣ единогласно:

«Вотъ прямо королевскій пажъ!»

Бассомпьеръ (за занавѣскою, въ сторону.) Дошли до того, что стали дѣлать другъ другу комплименты.

Король. По чести, друзья мои, ваши слова меня удивляютъ и восхищаютъ... Пажи большею частью горды и самолю-

бивы, а вы, напротивъ, одинъ передъ другимъ стараетесь выказать достоинства своего соперника... это меня совершенно порзжаетъ и дѣлаетъ еще больше дерзительнымъ.

Артуръ. Ваше величество! пріятельскія похвалы подозрительны, и я не знаю, какъ объяснить Оливьеровы... я приписываю ихъ тому, что онъ хотѣлъ мнѣ сдѣлать одолженіе.

Оливьеръ. Такъ же, какъ и вы.

Артуръ. Излишнія похвалы бываютъ иногда вредны.

Оливьеръ. Такъ же, какъ и ваши.

Король. Что это? ужъ не хотите ли вы поссориться, бывши такими великодушными соперниками?

Бассомпьеръ, (въ сторону.) Пора мнѣ вытти. *(Выходитъ изъ за занавѣса.)*

Король. Я знаю, чѣмъ помирить! все кончится какъ нельзя лучше, потому что ужъ я рѣшилъ, и сейчасъ же объявлю мое намѣреніе маршалу.

Бассомпьеръ, (подходя.) Я здѣсь, ваше величество.

Артуръ, (въ сторону.) Онъ былъ тутъ!

Оливьеръ, (въ сторону.) Неужели онъ насъ подслушалъ?

Бассомпьеръ. Я былъ въ нетерпѣніи узнать конецъ этого разговора.

Король. Маршалъ! ваши пажы оба такъ милы, что я не могу рѣшиться, котораго изъ нихъ выбрать.

Бассомпьеръ (въ сторону.) Мы спасены!

Король. Всякое предпочтеніе будетъ несправедливо, и, чтобъ никого изъ нихъ не обидѣть — я беру обоихъ.

Артуръ и Оливьеръ (въ сторону.) Боже!

Бассомпьеръ, (въ сторону.) Этого я не ожидалъ... *(Влукъ.)* Государь! позвольте напомнить вамъ наши условія... рѣчь была объ одномъ пажѣ... и то ужъ я почти по неволѣ согласился; но пожертвованіе, котораго вы теперь отъ меня требуете, — превышаетъ мои силы.

Король. Съ вами, маршалъ, я не стану употреблять власти, и готовъ исполнить нашъ договоръ. Пусть ваши пажы какъ хотятъ рѣшатся между собою, бросятъ жеребій, что-ли... только одного изъ нихъ я долженъ взять — и возьму непременно.

Оливьеръ. Если ужъ такъ, ваше величество, не откажите въ одной милости... дайте намъ срокъ до вечера, чтобъ мы могли посоветоваться другъ съ другомъ!

Артуръ. И къ тому времени мы вѣрно удовлетворимъ ваше желаніе!

Король. До вечера?... я согласенъ... видите, я для васъ все дѣлаю.

Бассомпьеръ, (въ сторону.) Опъ, ей-Богу, пріобрѣтый!

Король. А мы, Бассомпьеръ, между тѣмъ пойдете ко мнѣ въ палатку: вашими пажамъ нужно однимъ остаться.

Артуръ. Да... да... намъ вужно кой о чемъ поговорить.

Бассомпьеръ, (въ сторону.) Оставьте ихъ вдвоемъ... я трепещу!

Король. Прощайте, друзья мои... до вечера... тотъ или другой, или оба вмѣстѣ.

Бассомпьеръ (въ сторону.) Еще посмотримъ! *(Уходитъ за королевскіе.)*

Я В Л Е Н І Е XII.

Оливьеръ и Артуръ.

Оливьеръ, (въ трудомъ скрывая свой гнѣвъ.) Артуръ! мы теперь одни... отвѣчайте: почему вы не приняли королевскаго предложенія?

Артуру, (тоже.) А вы почему на него не согласились?

Оливьеръ, (разгорничаясь.) Я другое дѣло... у меня на то есть свои причины.

Артуръ, (тоже.) А я не обязанъ вамъ давать отчета.

Оливьеръ (въ сторону.) Удержусь, чтобъ лучше увѣриться въ моихъ подозрѣнiяхъ.

Артуръ, (въ сторону.) Напрасно я выхожу изъ себя... это не годится.

Оливьеръ. Послушайте, любезный Артуръ: признайтесь, что мы оба съ вами настоящiя дѣти... ду изъ чего мы сердимся?... положенiе наше совершенно одинаково... каждый изъ насъ рискуетъ тѣмъ же... Не лучше ли намъ дружески объясниться, взаимно разсказать другъ другу ваши планы, намѣренiя, и потомъ дѣйствовать общими силами?...

Артуръ. Я самъ тоже думалъ, и хотѣлъ вамъ предложить...

Оливьеръ. Ну, такъ помиримся!

Артуръ. Будемъ друзьями.

Оливьеръ. Руку!

Артуръ. Отъ души! (*жмутъ другъ дру у руку.*)

Оливьеръ, (въ сторону.) Какая маленькая ручка!

Артуръ, (въ сторону.) У него рука совсѣмъ не мужская!

Оливьеръ. Не правда ли, что король упрямя немощко?

Артуръ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ какъ парочко попалъ на насъ, когда мы вовсе не пужаемся въ его милостяхъ.

Оливьеръ. Онъ удивится, если узнаетъ о нашемъ отказѣ.

Артуръ. Я думаю... н, откровенно сказать, предложенiя его чрезвычайно лестны.

Оливьеръ. Сами разсудите... вѣдь королевскiй пажъ не шутка... онъ можетъ далеко уйти.

Артуръ. Правда.

Оливьеръ. Послушайте... не упускайте случая!

Артуръ. О! я не самолюбивъ!

Оливьеръ, (въ сторону.) Не самолюбивъ?... онъ не пажъ!

Артуръ. Мнѣ кажется, что этотъ завидный карьеръ гораздо приличнѣе имѣть двоюродному брату Марин д'Антрагъ.

Оливьеръ. Такъ вамъ очень хочется отдалить меня отъ Бассомпьера?

Артуръ. А вамъ очень хочется при немъ остаться?

Оливьеръ. Съ пышнаго дня я за пимъ вездѣ!

Артуръ. Какъ! неужели вамъ не жаль Парижа, друзей, любовницъ?... такой хорошепкiй мужчина не можетъ быть безъ любовницъ... а? признайтесь по совѣсти!

Оливьеръ. Любовницъ?... у меня ни одной нѣтъ.

Артуръ (въ сторону.) Нѣтъ любовницъ!... онъ такой же пажъ, какъ и я.

Оливьеръ. Право, товарищъ, намъ не выгодно жить вмѣстѣ... Маршалъ мнѣ сказывалъ, что вы большой повѣса, водокита и шалуиъ.

Артуръ. Онъ и про васъ мнѣ тоже говорилъ.

Оливьеръ, (живо.) И совѣтовалъ вамъ меня остерегаться?

Артуръ. Именно.

Оливьеръ. А мнѣ велѣлъ беречься васъ.

Артуръ (въ сторону.) Нѣтъ сомнѣнiя... это жепщина!

Оливьеръ, (въ сторону.) Больше доказательствъ мнѣ не пужно!

Артуръ, (въ сторону.) Я задыхаюсь отъ бшшенства.

Оливьеръ (въ сторону.) Я умру съ досады!

Артуръ. Видите, Оливьеръ, — одинъ изъ насъ долженъ уступить другому.

Оливьеръ. Очень радъ, что вы паходите это необходимымъ.

Артуръ. Такъ уладитесь же, потому что я первый не уступаю.

Оливьеръ. А я заставляю уступить!

Артуръ, (въ сторону.) Угрозы!... уже ли я ошиблась.

Оливьеръ, (въ сторону хватался за шпагу.) Попробую спугнуть... (*вслухъ.*) Пусть шпаги рѣшатъ нашъ споръ!

Артуръ, (въ сторону.) Если это мужчиша?... увидимъ.

Оливьеръ. Что жъ... вы перемѣнили тонъ!

Артуръ, (хватаясь также за шпагу и возвышая голосъ.) Вы ошибаетесь: я готовъ вамъ отвѣчать!

Оливьеръ, (въ сторону.) Опъ не труситъ!... ужъ я обманулась?

Артуръ. Что жъ? ... вы не начинаете!

Оливьеръ, (въ сторону, вынимая шпагу.) Все равно... мужчина или женщнна—буду драться!

Артуръ. Мужчина или женщнна — надо кончить!

Оливьеръ. Впередь!

Артуръ. Защищайтесь! *(Дерутся, и послѣ нѣсколькихъ смѣшныхъ ударовъ, Оливьеръ вскрикиваетъ.)*

Оливьеръ. Ахъ!... рана!... *(Садится.)*

Артуръ. Рана!... ахъ, Боже мой! что со мною будетъ. И пѣтъ никого!... Помогите! помогите!

=

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Прежніе; Прево и солдаты.

Прево. Что я вижу!... они дрались въ палаткѣ у маршала! Молодые люди, я васъ уважаю!... Солдаты! возьмите ихъ! *(Солдаты приближаются.)*

Артуръ. Поосторожнѣе: Оливьеръ раненъ.

Прево. Солдаты! поступайте съ достодолжнымъ уваженіемъ!

Артуръ и оливьеръ (въ сторону.)
 Не стану я сопротивляться,
 Иль будетъ хуже мнѣ бѣда:
 Солдаты могутъ догадаться —
 И я погибла навсегда!
Прево и солдаты.
 Скорѣй извольте отправляться
 И не шумите, господа:
 Не то мы знаемъ какъ справляться...
 И будетъ хуже вамъ тогда!

Оливьеръ, (въ сторону.)

Предчувствую конецъ обману.
 Ахъ! что мнѣ дѣлать? Смерть моя!...
 Они, осматривая рану,
 Сейчасъ дознаются, кто я!...

Артуръ и оливьеръ, (въ сторону.)
 Не стану я сопротивляться, и проч.
 Прево и солдаты.
 Скорѣй извольте отправляться, и проч.
(Солдаты уводятъ Артура и Оливьера.)

=

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Прево, (одинъ.) Отличныя молодые люди! какой огонь! какая смѣлость! Примѣрные юноши!... Составлю объ нихъ рапортъ поскорѣе... Ужъ вотъ ихъ распекутъ!... Сегодня мнѣ счастливый день задался: давеча маршалъ, а теперь пажи!... это много надѣляетъ шума и откроетъ мнѣ путь къ самымъ высокимъ почестямъ... Такое происшествіе необходимо было, чтобъ меня разсѣять нѣсколько... я сію минуту получилъ извѣстіе и еще не успѣлъ дочитать письма. *(Вынимаетъ изъ кармана письмо и читаетъ.)* И наконецъ, любезный Прево, открылись слѣды вашей пѣвѣсты. «Франциска-Юлія-Клотильда-Антуанетта Вермандуа отправилась въ армію «и находится теперь въ лагерьъ подъ чужимъ именемъ и передѣтая.» А мнѣ это и въ голову не приходило! Но для какой же цѣли хотѣла она со мною сблизиться? Къ чему это никогнито?... А! понимаю... ей желательно было до свадьбы увидѣть своего жениха и узнать его покороче.... О! прелестная парижанка! увида меня, ты почувствуешь мнѣ всю цѣну!... ты почувствуешь, съ какимъ жаромъ, съ какимъ рвеніемъ я исправляю свою должность!... Займусь рапортомъ... *(садится къ столу.)* Не надо терять времени... А все боюсь, чтобъ этотъ проклятый Бассомпьеръ опять не отбилъ у меня дороги.

ЯВЛЕНИЕ XV.

Прево и Бассомпьеръ.

Бассомпьеръ (съ живостію.) А! вы здѣсь, Прево!

Прево, (съ стороны.) Привѣсла не легка!

Бассомпьеръ. Я васъ ищу.... Что вы теперь дѣлаете?

Прево. Составляю рапортъ ваше сіятельство.... рапортъ составляю.

Бассомпьеръ. О моихъ пажахъ, копечпо?

Прево. Да-съ! что-жь, какъ быть! вѣдь сельзя же!... одишь изъ нихъ рабень.... преступленіе уголовное... дѣло идегъ о жизни и смерти, можетъ стать-ся.

Бассомпьеръ. Вы ошибаетесь... ра-на ничего не значащая.... одарапано— вотъ и все тутъ.

Прево. А! тѣмъ лучше, очень радъ! по крайней мѣрѣ теперь вмѣсто одного обонхъ пакажутъ.

Бассомпьеръ. Накажутъ?... вы сами не знаете, что говорите, Прево!

Прево. Ваше сіятельство безъ сомвѣнія шутить изволите?

Бассомпьеръ. Молчите и не перебивайте меня! Сейчасъ, осматривая рану Оливьера, открыли тайну, которая еще не многимъ извѣстна.... и обстояательства приуждають меня ес вамъ сказать.... Можно ли положиться на вашу скромность, Прево?

Прево. Какъ на стѣны Монтобана, ваше сіятельство.

Бассомпьеръ. Узнайте-же, что пажъ Оливьеръ, — женщина!

Прево. Женщина!... вы точно увѣрепы?

Бассомпьеръ. Разумьется, до сихъ поръ я и самъ не зналъ этого, точно такъ-же, какъ и вы; однакожь не мепье того это правда.

Прево. Женщина, переодѣтая пажемъ!.. какой свѣтъ озарилъ меня!....

Бассомпьеръ. Что съ вами сдѣлалось?

Прево. Ничего-съ, ваше сіятельство!.... Это опа!.... другой быть не можетъ!

Бассомпьеръ. Она?.. кто она?..

Прево. Молчаніе, ваше сіятельство!.. Теперь ужъ я прошу васъ хранить тайну!

Бассомпьеръ, (съ стороны.) Вѣрно тутъ есть ошибка.... все равно... воспользуемъ ею. (вслухъ.) И такъ вы, Прево, можете мнѣ спасти ея репутацію?... Налобно ей бѣжать изъ лагерья, и какъ можно скорве; прежде, чѣмъ это приключеніе разгласится.

Прево. Мы тамъ посмотримъ... мы увидимъ.... Сперва я намѣрепъ ее распросить... и сію же минуту къ ней отправлюсь.

Бассомпьеръ. Не нужпо... я постара-ся, чтобъ ее привели обратно ко мнѣ въ палатку.

Прево. Прекрасно! мы будемъ безъ свидѣтелей.

Бассомпьеръ. Да вотъ и она... Поторопитесь, Прево... вспомните: минуты дороги...

ЯВЛЕНИЕ XVI.

Прежше и Оливьеръ, (съ солдатами, кото-рые остаются за палаткой.)

Прево (съ стороны, глядя на Оливьера.) Невѣста моя прекрасна!

Бассомпьеръ (Оливьеру.) Подойдите, подойдите... не бойтесь ничего... Строгий Прево неожиданно сдѣлался вашимъ другомъ... понять не могу, какъ это случилось... Сердце Прево неистолкуемо.

Прево. Да, прекрасный пажъ... мы извѣщены, что вы преступникъ совѣтъмъ другаго рода и васъ обыкновенно инымъ манеромъ разстрѣливають... Ха! ха! ха!

Бассомпьеръ, (съ стороны.) Животное! какія нули отливаеть!

Прево. Въ слѣдствіе сего я не спрашиваю у васъ, ни объ имени, ни объ фамилии, и даже ни о чемъ прочемъ...

потому что ужъ все это прочее... мнѣ далеко заходите!... женитьба не по вашей части.

Оливьеръ (тихо Бассомтьеру.) Онъ знаетъ мое имя?

Бассомтьеръ (тихо.) Клянусь, я тутъ ничего ни понимаю.

Преве. Скажите... несчастное дитя, кто заставилъ васъ рѣшиться на такой отчаянный поступокъ?... Постигаете ли вы, какимъ опасностямъ подвергалась ваша невинность среди шумнаго, разгульнаго лагеря, неисполненнаго возвращенія и солдатскаго неистовства?...

Оливьеръ (въ сторону.) Онъ смѣется надо мною, что ли?

Преве. Но провиндѣніе васъ спасло, направивъ вашъ путь въ палатку его сіятельства, маршала Бассомтьера, война съ рѣдкою душою и примѣрными, строгими правилами...

Бассомтьеръ. О, Преве, пожалуйста!...

Преве. Счастіе ваше, что онъ еще не зналъ, что вы женщина!

Оливьеръ. Г. Преве! я не въ состояніи больше слушать ваши проповѣди и насмѣшки.

Преве. Вы, я въ этомъ увѣренъ, прѣехали сюда за тѣмъ, чтобы наблюдать за поведеніемъ вашего будущаго супруга?

Бассомтьеръ (въ сторону.) Какой чортъ ему разсказалъ?

Оливьеръ. Отъ кого вы такъ подробно все узнали?

Преве. Вы признаетесь?... Она признается!... И такъ, скажите же мнѣ, что вы объ немъ думаете? Не вполнѣ ли онъ васъ достоинъ, по уму, по любви своей, по честности, красотѣ, постоянству... и по всему?...

Бассомтьеръ. Довольно, Преве, довольно!

Преве. Нѣтъ, ваше сіятельство! — Отдайте ему свою руку, очаровательная парижака! вотъ пламеннѣйшее его желаніе!

Оливьеръ (въ сторону.) Неужели?

Бассомтьеръ. Преве, вы слишкомъ

Преве. Позвольте ваше сіятельство!...

Бассомтьеръ. Подумаемъ лучше о средствахъ, какъ бы избѣжать послѣдствій этого приключенія.

Преве. Средство самое простое: я попрошу у короля отпускъ на двадцать восемь дней и уѣду въ Парижъ съ этой юной героиней.

Оливьеръ. Со мною?

Преве. Но прежде моего отъѣзда я хочу показать ея противника... дерзкій мальчишка! дерется!... и еще съ кѣмъ-же?... съ дамою!... Онъ вдвойнѣ преступникъ — и одинъ за всея мнѣ заплатитъ!

Оливьеръ. Это довольно трудно... Артуръ ужъ больше у васъ не во власти.

Преве. Онъ убѣжал!

Оливьеръ.

Я его освободила.

Бассомтьеръ.

Вы? что слышу? Для чего?...

Оливьеръ.

Я прекрасно поступила,

Что спасла теперь его.

Хоть опасности большія

Предстояли и ему...

Но вѣдь есть изъ нихъ такіе,

Гдѣ пріятнѣй одному!

Бассомтьеръ (въ сторону.) Ужели она узнала?...

Преве, (въ себѣ.) Что скажетъ его величество? Двое вдругъ изърукъ ушли!.. Чистая отставка!... Но онъ не можетъ быть далеко... я сейчасъ пошлю за нимъ погоню... должно, чтобъ его ко мнѣ привели, мертваго или живаго!...

=

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Прѣжніе и Артуръ.

Артуръ, (входя при послѣднихъ словахъ.) Я здѣсь!

Преве. Это онъ!

Оливьеръ. Артуръ!

Бассомтьеръ. Такъ ты не успѣлъ скрыться, мой бѣдный Артуръ?

Превю. Мои солдаты вѣрно его поймали!

Артуръ. Я самъ добровольно возвратился.

Превю. О! это не вѣроятно!

Бассомьеръ (Артуру.) Знаешь ли ты, чему ты подвергаешься?

Артуръ. Знаю, ваше сіятельство; но если бѣ даже угрожала мнѣ опасность еще больше, я и тогда бы не колебался... Я услыхалъ новость, которая заставила меня возвратиться.

Бассомьеръ (въ сторону.) Ай! ай! ай!...

Превю. Что же вы слышали?

Артуръ, (смотря на Бассомьера.) А то, что вмѣсто пажы я рапиль-жешцину.

Бассомьеръ. И тебѣ правду сказали, любезный Артуръ; это точно жешцина! я ужъ и самъ не могу удивиться!...

Оливьеръ (въ сторону.) Опъ лжетъ ужаснымъ образомъ!

Бассомьеръ. Я также, какъ и ты, сейчасъ лишь узналъ объ этомъ.

Артуръ. Въ самомъ дѣлѣ, ваше сіятельство?

Бассомьеръ. Не правда ли, Превю?

Превю. Да, да... точно такъ.

Артуръ. Хотя я и ничего не звалъ, по все это не извиняетъ моего поступка? Пажъ Бассомьера вышелъ па дуэль и рапиль жешцину!... не простительно! И тотъ, кто первый вызвалъ... кто былъ главною причиною дуэли, не долженъ наслаждаться своимъ торжествомъ... Вотъ почему я самъ себя предаю.

Бассомьеръ (въ сторону.) Что она затѣваетъ?

Превю. Превосходно, юноша!... вы сами предаетесь въ руки правосудія... это примѣрная черта, и я васъ не заставлю долго дожидаться... *(Садится къ столу, говоритъ)* Все сіе будетъ означено въ моемъ рапортѣ.— Начнемте по формѣ. Ваше имя и фамилія?

Бассомьеръ (въ сторону.) Что она станетъ отвѣчать!

Артуръ. Мое имя и фамилія?

Превю. Начальное имя я знаю: Артуръ.

Артуръ. Нѣтъ, сударь; пишете: «Франциска—Юлія...»

Превю, (удивясь.) Франциска—Юлія!..

Оливьеръ (живо.) Это жешципа!

Бассомьеръ, (съ притворнымъ удивленіемъ.) Еще жешципа!... нѣтъ, это не возможно! Не вѣрьте, Превю; Артуръ надъ вами забавляется.

Превю (Артуру.) Берегитесь, г. штукарь! я шутить собою не позволю!

Артуръ. Я вамъ сказалъ правду... я такой же мужичиъ, какъ и мой товарищъ Оливьеръ.

Оливьеръ. Она васъ не обманываетъ... и сама догадалась.

Бассомьеръ. Ну, я не такъ догадываю, какъ вы... въ два мѣсяца не замѣтилъ!

Артуръ (въ сторону.) О лжець!...

Бассомьеръ. Посмѣются-же надо мною... Я, зная не зная, вмѣсто пажей имѣлъ у себя двухъ прелестныхъ жешцивъ..... Вообразите, Превю!...

Превю. Удивительное дѣло!... «Франциска—Юлія!...»

Оливьеръ (въ сторону.) Меня опъ не обманеть.

Превю. Но диктуйте-же далѣе!... «Франциска—Юлія...»

Артуръ. «Клотильда—Антоанета Вермавду.»

Превю, (вскочивъ со стула.) Творецъ! моя невѣста!!!...

Всп. Его невѣста!

Превю. Франциска - Юлія - Антоанета Вермавду, прекрасная швейка?... Та, за которую я сватался по довѣренности?...

Артуръ. Какъ! неужели вы?...

Превю. Ансельмъ Вурдилья!... вашъ будущій супругъ!...

Бассомьеръ. Ха! ха! ха! теперь все объяснилось... Bravo, сударыня! какъ видно, вы пожаловали ко мнѣ въ палатку, чтобъ надзирать за своимъ жешциномъ!...

Прево. Какъ, ваше сіятельство!... вы даже и ни раза не изволили...

Бассомпьеръ. Спросите у своей невесты.

Оливьеръ (въ сторону, смотря на Артура). Опа потупила глаза.

Прево. Теперь я спокоенъ!

Оливьеръ (тихо Бассомпьеру). Бассомпьеръ! между нами все кончено.

==

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Преве; король, пажъ, телохранители.

Паждъ, (докладывая). Король!

Бассомпьеръ (въ сторону). Какъ будто все противъ меня вооружилось!

Король. Я пришелъ, маршалъ, за исполненіемъ договора. Рѣшились ли наконецъ ваши пажи?... Который изъ нихъ ко мнѣ поступить?

Бассомпьеръ. Извините, государь!... какъ скоро вы узнаете причины...

Король. Я никакихъ причинъ знать не хочу, и въ свою очередь, также какъ и вы давеча, напомишу вамъ наши условія.... Я требую, чтобъ они непременно были выполнены; и если ужъ вы меня къ тому принуждаете, я самъ рѣшу выборъ!... Паждъ Оливьеръ! съ этой минуты вы при мнѣ находитесь.

Бассомпьеръ (тихо Оливьеру). Что отвѣчать прикажете?

Оливьеръ (тихо). Спасите меня, и я васъ прощаю!

Бассомпьеръ (въ сторону). Ну, видно ужъ такъ судьбѣ угодно! *(Вслухъ.)* Государь! я очень несчастливъ, что не могу согласиться на ваше желаніе. Мое состояніе, жизнь моя вамъ принадлежать; но паждъ Оливьеръ.....

Король. Ну! паждъ Оливьеръ?....

Бассомпьеръ. Жена моя!

Всп. Его жена!!!!...

Оливьеръ. Да, государь! Марія д'Ан-

трагъ, которой Бассомпьеръ клялся отдать свою руку, и которая, для совершенной утѣренности, просить ваше величество назначить день свадьбы.

Король. Конечно, я это непременно сдѣлаю.

Бассомпьеръ. Надѣюсь, что ваше величество не рѣшитесь отнять у меня моего пажа?

Король. Требованія мои не простираются такъ далеко.... Но у васъ есть еще другой паждъ; къ нему обращаю и теперь все мое благоволеніе. Артуръ! слѣдуйте за мною!

Прево. Ахъ, ваше величество! я въ отчаяніи.... но паждъ Артуръ....

Король. Паждъ Артуръ?...

Прево. Супруга моя!..

Король, (смѣясь). Ха! ха! возможно-ли!... Артуръ, который такъ привязанъ къ Бассомпьеру?...

Прево. Именно, ваше величество... Франциска - Юлія - Клотильда - Автоангста Вер.....

Артуръ (тихо Преве). Замолчите!

Король. И вы говорите, Преве, что она ваша супруга?

Артуръ. Нѣтъ еще, ваше величество!
Бассомпьеръ (тихо Артуру). Мы увидимся.

Преве (Артуру). Что сказалъ вамъ маршалъ?

Артуръ. Ничего.

Король (тихо Бассомпьеру). Однакожъ, послушайте маршалъ, вѣдь это отзывается немножко повѣсничествомъ.

Бассомпьеръ (тихо). Что-жъ дѣлать, государь, я иду вслѣдъ за вѣкомъ.... Куда ни оглянусь — всѣ у насъ во Франціи немножко пошаливаютъ.

Король. Стало, и я тоже?

Бассомпьеръ. О, нѣтъ, ваше величество! вы король.

Король (громко). По счастью, я сегодня расположенъ къ милосердію.... Со-

вершенное прошеніе!... Мы сыграемъ
двѣ свадьбы.

Оливьеръ. Когда же, ваше вели-
чество?

Король. По взятіи Монтобана.

Бассомпьеръ (въ сторону). Еще на-
дежда не совсѣмъ потеряна: городъ
славно держится.

Финальный хоръ.

Пажи, свита, и солдаты.

Вивать король! Онъ завтра равно

Велить итти на приступъ намъ,
И завтра-жъ крѣпость Монтобана
Падеть во прахъ къ его стопамъ!...

(Король уходитъ; свита, Бассомпьеръ,
Преве, пажи и тѣлохранители за нимъ слѣ-
дуютъ.)

Артуръ и Оливьеръ, (къ публикѣ).

Для нихъ сраженія — игрушки,
А насъ онъ, ей, ей, страшать;
И намъ милѣй, когда не пушки,
А браво въ креслахъ загремѣть.

ЗАДУШЕВНЫЕ ДРУЗЬЯ,

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

ПЕРЕВЕДЕННЫЙ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

П. ОЕДОРОВЫМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА :

Мориссе, бывший негодяивъ.

Г-жа Мориссе, его жена.

Гримо, товарищ Мориссе по торговлѣ.

Г-жа Гримо, его жена.

Гекторъ другъ Мориссе и Гримо.

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, въ общей квартирѣ Мориссе и Гримо.

Общая зала въ квартирѣ Мориссе и Гримо; дверь на лѣво ведетъ въ комнату Гримо, дверь на право ведетъ въ комнату Мориссе; эта послѣдняя дверь открывается на сцену. Дверь въ глубинѣ театра; на лѣво, въ первомъ планѣ, открытая конторка, на которой разбросаны счетныя книги и бумаги; на право, въ первомъ планѣ, рабочий столикъ, на которомъ находится рабочая корзинка, и близъ нея ридикюль. На лѣво, между конторкой и дверью, поставлена на стулѣ картина. Въ глубинѣ театра, близъ двери, на правой сторонѣ, другая картина также на стулѣ. Близъ боковой двери, на право, зеркало. У задней стѣны, по лѣвой сторонѣ, подъемная лѣстница, на ней ящикъ съ гвоздями и молоткомъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Г-жа Гримо шьетъ платье, г-жа Мориссе вышиваеетъ; онѣ сидятъ у рабочаго столика на право; Гекторъ на лѣстницѣ приближаетъ картину къ стѣнѣ, на лѣвой сторонѣ отъ дверей.

Гекторъ, (приблизивъ картину). Посмотрите, пожалуйста, на мѣстѣ ли я повѣсилъ картину?... Кажется, хорошо...

Г-жа Гримо, (оборачиваясь). Прекрасно!... безподобно!... Вы, г. Гекторъ, мастеръ на всѣ руки... *(принимается опять за работу).*

Гекторъ. Только вотъ не могу найти

мѣста... такъ жаль, право, что ваши супруги оставили торговлю пухомъ и перьями... я ужъ навѣрное бы къ нимъ пристроился, вѣдь бы имъ счеты, заступалъ бы ихъ во время отсутствія... они же такъ часто отлучаются... *(размъриваетъ шурковизъ стѣну, чтобъ вѣрнѣе повѣсить картину).*

Г-жа Мориссе. Да... особенно мой супругъ... не знаю, что съ нимъ случилось... вотъ ужъ мѣсяць, какъ я почти его не вижу; безпрестанно гаъ шибудь, вѣчно у него дѣла... у мужчинъ тьма средствъ скрывать свои проказы подъ видомъ серьезныхъ дѣлъ!... необходимыя

свиданія, завтраки, обѣды... торговля собранія, акціонерскіе вечера... а вмѣсто дѣла, посмотришь, они хохочутъ, пьютъ, тапцуютъ; между тѣмъ, какъ несчастныя ихъ жены умираютъ дома со скуки.

Г-жа Гримо. Истинная правда! (съ маленькимъ неудовольствіемъ) Однакожь этого нельзя сказать о г. Гримо... онъ вѣчно дома...

Г-жа Мориссе. Да, потому что онъ ревнивъ!..

Г-жа Гримо. Именно, потому... ревнуетъ меня ко всѣмъ, исключая Мориссе и Гектора.

Гекторъ, (все еще занимаясь картинами). О, друзья—дѣло совсѣмъ другое!..

Г-жа Мориссе. Вотъ я такъ не могу упрекнуть моего мужа... онъ на этотъ счетъ очень равнодушенъ.

Гекторъ (въ сторону). Я этимъ воспользуюсь...

Г-жа Мориссе. Если же уходить изъ дома не по дѣламъ, такъ есть другая отговорка — охота... а какая охота — смѣхъ... принесетъ ли сухаго кролика, или такую тетерьку, которая изволила скопчаться за недѣлю...

Гекторъ. Ну ужъ охота!..

Г-жа Гримо. Эти мужья ужасные люди!..

Г-жа Мориссе. Да!..

Мужья любви совсѣмъ не знаютъ.

г-жа гримо.

То съ нами цѣлый день сидятъ,

г-жа мориссе.

То насъ на цѣлый день бросаютъ...

гекторъ.

Въ чужую голову кутать!..

Средина людий не знакома...

г-жа гримо.

Мужья тираны женъ своихъ...

г-жа мориссе.

Жена звай со скупъ дома...

гекторъ.

А мужъ звасть и другихъ.

Г-жа Гримо. Впрочемъ, моя милая, г-жа Мориссе, быть можетъ и дѣйствительно вашъ мужъ занятъ дѣломъ...

онъ навѣрное занятъ расчетомъ... а вотъ мой муженекъ очень мало имъ занимается... онъ только караулитъ меня да думаетъ о мѣстѣ маклера... котораго еще до сихъ поръ не получилъ... только и разговору со мной, что о своемъ мѣстѣ... скука смертная!... я ужъ убѣжала отъ него... пришла посидѣть съ вами, разсѣяться...

Г-жа Мориссе. Благодарствуйте, г-жа Гримо... я очень рада...

Г-жа Гримо. А вамъ я не знаю, право, отъ чего скучать... съ пѣкотораго времени вы никогда не бываєте однѣ... г. Гекторъ почти не выходитъ изъ нашего дома... его приеутствіе такъ приятно...

Г-жа Мориссе, (взглянувъ на Гектора). О! конечно...

Гекторъ, (вставая на стулъ между конторкой и дверью на лѣво, ролеетъ изъ рукъ картину). Да это почти признаніе...

Г-жа Гримо, (поспѣшно вставая). Погодите... я подниму... (Г-жа Мориссе встаетъ также; г-жа Гримо ставитъ стулъ, на которомъ она сидѣла, къ конторкѣ).

Гекторъ, (подходя къ ней). Не беспокойтесь... Такъ что вы изволили говорить?..

Г-жа Гримо (жестомъ). Мы говорили, г. Гекторъ, что вы чрезвычайно любезный кавалеръ... съ вашей стороны очень мило, что вы не оставляете насъ...

Г-жа Мориссе (наивно). И намъ было бы не простительно, если бъ мы не принимали васъ всегда съ удовольствіемъ... вы другъ нашихъ мужей...

Гекторъ. О, истинный, задумевный ихъ другъ!... а что можетъ быть пріятнѣе истинной дружбы... (Гекторъ становится на стулъ съ правой стороны отъ средней двери и прибавляетъ картину.)

Г-жа Гримо (въ сторону). Онъ по-

смотрѣль на меня... (*Г-жа Мориссе садится снова къ столу.*)

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Г. Гримо, и Г-жа Мориссе, Гекторъ, все еще приколачивающій картину. Гримо въ халатѣ. Костюмы дѣйствующихъ лицъ должны быть вообще смѣшны.

Гримо, (подходя на льва къ жень, съ радостію.) Мамаша! добрая новость!.. пріятнѣйшая новость!.. я буду купеческимъ маклеромъ въ Сен-Мало!

Г-жа Гримо. Въ Сен-Мало?..

Гримо. Да, да... тамъ чудная лояль трески... а я чрезвычайно люблю это животное!.. Условія мои пріятны, я только что получилъ письмо и тотчасъ заплатилъ десять тысячъ франковъ, чтобъ не было неустойки въ словъ.

Г-жа Гримо (съ досадой.) Такъ ужъ все кончено?..

Гримо. Къ счастью, все! (*Г-жа Гримо подходитъ къ Гектору и разговариваетъ съ нимъ, между тѣмъ какъ онъ прибавляетъ картину.*)

Г-жа Мориссе. Г. Гримо вы, кажется, съ удовольствіемъ оставляете насъ?..

Гримо (тихо г-жѣ Мориссе.) Съ удовольствіемъ, говорите вы!.. Стыдитесь... вы должны знать, какъ это для меня тяжело.. Если бы вы захотѣли, я провелъ бы всю жизнь мою на колыбяхъ предъ вами.

Г-жа Мориссе, (слѣясь.) Ну, это было бы не очень легко для васъ...

Гримо. За то пріятно. (*Вздыхал, трюко.*) О, и съ большимъ сожалѣніемъ оставлю Парижъ!.. и можно ли ипаче?.. Съ тѣхъ поръ, какъ мы основали съ Мориссе коммерческій домъ, наша жизнь проходила съ нимъ душа въ душу, наши два семейства составляли одно существо... одно изъ четырехъ... даже изъ пяти, потому что и

любезный Гекторъ... (*увидя его.*) А! да онъ злѣсь!..

Гекторъ. И давно уже!.. (*приколачиваетъ картину.*)

Гримо. Вотъ ужъ и видно, что ему нечего дѣлать: вѣчно за работой!

Гекторъ. Какъ видите.

Гримо. Ахъ, мой милый Гекторъ!.. Я хохочу безъ ума, когда подумаю только, какъ мы подружились съ вами... смѣхъ да и только... честное слово!

Гекторъ, (подходя къ нему весело.) Да... вамъ досталось мое заемное письмо въ тысячу посемь сотъ франковъ... я не уплатилъ ихъ въ срокъ—и вы посчитали на меня еще двѣсти франковъ... и ужъ хотѣлъ было лать тягу...

Гримо, (слѣясь.) Да я принялъ мѣры и посадилъ васъ въ тюрьму...

Гекторъ. Но въ самую ту минуту, какъ заперли меня на пять лѣтъ въ чело-вѣколюбивое заведеніе, въ уицѣ Клиши, вдругъ прелстали вы предо мною...

Гримо. Тутъ рассказали вы мнѣ свои прежнія обстоятельства... Они меня тропули до слезъ!..

Гекторъ. Превосходный человѣкъ!

ГРИМО.

Вы такъ прекрасно разсуждали,
Съ чистосердечіемъ такимъ,
Что тотчасъ же меня связали,
На вѣки съ существомъ своимъ!
Теперь должникъ — мой другъ сердеч-
ный...

ГЕКТОРЪ.

Я имъ надѣюсь вѣчно быть...

(Въ сторону.)

Платить готовъ я дружбой вѣчною,
Лишь только бы денегъ не платить!..
Кредитъ въ насъ дружбу сохраняеть;
Кто деньги намъ на срокъ дастъ
И срокъ до гроба отдадетъ,
Тотъ съ дружбою всегда умретъ!..

Гримо. Да, за эти двѣ тысячи франковъ я приобрѣлъ вѣрнѣйшаго друга.. Это почти даромъ!.. (*жень.*) Мамаша, пойдемъ, пора завтракать!.. я ужасно голоденъ... смертельно ѣсть хочу!..

(Гектору.) До свиданія, любезнѣйшій другъ!

Г-жа Мориссе, (вставал поспѣшно, въ сторону.) Боже мой!... они оставили насъ однихъ!

Гекторъ (въ сторону). Какое счастье!... я останусь съ ней наединѣ!... (Грѣло съ женою уходитъ на льво., Гекторъ ихъ провожаетъ и запираетъ за шпильми дверь.)

=

ЯВЛЕНІЕ III.

Г-жа Мориссе, Гекторъ.

Гекторъ. Вотъ мы и одни... Госпожа Мориссе, прелестная Эмилиа...

Г-жа Мориссе (въ смущеніи.) Помилуйте, что за слова...

Гекторъ. Они идутъ прямо отъ сердца!...

Г-жа Мориссе, (нѣсколько разчувствовавшись, запинаясь въ словахъ.) Я не запираюсь.. бываютъ минуты, когда разсердившись на г. Мориссе, я позволяю вамъ быть со мною... но вы злоупотребляете мою довѣренность... Я люблю своего мужа, я вѣрна обязанностямъ...

Гекторъ. О, безъ всякаго сомнѣнія!... иначе я не могу и думать!... Вы любите своего мужа... я и самъ его люблю!... но что жъ мнѣ прикажете дѣлать съ сердцемъ, когда оно пылаетъ къ вамъ невольной страстью... Вы это знаете!... Прочли ли вы мои куплеты?

Г-жа Мориссе. Какіе куплеты? я ихъ не видала.

Гекторъ, (спохватясь.) Ахъ, точно! (роясь въ карманъ) Они еще у меня въ карманѣ. Вотъ извольте!...

Г-жа Мориссе, (не принимал.) Нѣтъ, я не должна читать.

Гекторъ. Ну, что жъ, и не читайте!... послушайте только...

Г-жа Мориссе. Ахъ! сдѣлайте одолженіе... перестаньте...

Гекторъ, смотря на бумагу, поетъ.

Ты услаждаешь сновидѣнья
Всегда мечтами упоеня!...

Мориссе (за сценой.) Маргарита!.. Маргарита!... поди сюда! Заплати за кобріолетъ! скорѣе, скорѣе!

Г-жа Мориссе, (испугавшись.) Мой мужъ! (поспѣшно садится къ конторкѣ).

Гекторъ, (также испугавшись.) Ахъ, да... да!... (поспѣшно удалится отъ г-жи Мориссе, подходитъ къ двери направо и начинаетъ поправлять замокъ).

Г-жа Мориссе, (про себя, садясь.) Ахъ, Боже мой! (беретъ книгу и какъ будто читаетъ ее къ большимъ вниманіямъ).

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

Г-жа Мориссе сидитъ у конторки; Мориссе входитъ въ среднюю дверь; Гекторъ у дверей на право.

Мориссе, (входитъ на льво, про себя.) Заравствуй, дружокъ! (женъ, которая все еще занята чтеніемъ.) Ты вѣрно не ожидала меня къ завтраку? и безподобно. Я встрѣтилъ своего корреспондента изъ Бордо, и позавтракалъ съ нимъ. Намъ пужно было поговорить о дѣлахъ.

Г-жа Мориссе. Вѣчная дѣла!...

Мориссе. Что дѣлать... безъ нихъ не возможно обойтись! (увидя Гектора.) А! Гекторъ! здорово!... ну вотъ теперь ужъ вы попали въ слссаря... не троньте этотъ замокъ, онъ удивительно хорошъ.

Гекторъ, (повертывал ключъ въ замкъ.) Можетъ быть, любезный другъ, только въ пемъ что-то попортилось.

Мориссе. Неужели?... Посмотримъ, что такое! (подходитъ къ двери почти противъ желанія Гектора и повертываетъ ключъ.) Кажется, хорошо вертится... и запираетъ и отворяетъ...

Гекторъ (съ смущеніемъ.) Да, съ

этой стороны... точно... но съ другой... все что-то зацѣпляетъ.

Мориссе (весело.) Вотъ!... Экъ васъ взбѣнилъ этотъ замокъ... вы что-то не въ духъ... (*Входитъ въ дверь и запираетъ ее за собой.*)

Гекторъ, (запирая ее на замокъ.) Ну, видите ли, въ чемъ дѣло!

Г-жа Мориссе, (поспѣшно вставал, со страхомъ.) Что вы дѣлаете?

Гекторъ (г-жѣ Мориссе.) Мнѣ необходимо вашъ отвѣтъ... я ужъ такъ давно его добиваюсь!

Г-жа Мориссе. Замолчите...

Мориссе (за дверью.) Въ самомъ дѣлѣ, не вертится!... ну, что... идетъ ли на ладъ?

Гекторъ (г-ну Мориссе.) Худо, очень худо! (*Г-жѣ Мориссе сердито и громко, какъ бы разговаривалъ съ ея мужемъ.*) Рѣшительно; нѣтъ никакого толка!... (*тихо*) Что хотите, прелестная Эмилиа, а я долженъ вамъ прочесть эти куплеты.

Г-жа Мориссе (съ большимъ безпокойствомъ.) Послѣ, послѣ...

Мориссе, (за дверью, стука въ нее.) Ну, что же, Гекторъ?

Гекторъ (поспѣшно.) Поверните ручку на лѣво... вы все вертите на право... вы сдѣлаете еще хуже... (*Г-жѣ Мориссе.*) Эмилиа!

Г-жа Мориссе. Да отворите дверь.

Гекторъ. Отворю, если вы обѣщаете мнѣ дать такой отвѣтъ, какова я желаю.

Г-жа Мориссе. Отворите!

Гекторъ (въ сторону, съ радостію.) Я торжествую! (*Г-жа Мориссе садится слова къ конторкѣ и принимаетъ за чтеніе; Гекторъ подходитъ къ двери на право и отворивъ ее, оборачивается къ Мориссе.*) Ну, видите ли, какъ испорченъ этотъ замокъ.

Мориссе, (съ неудовольствіемъ толкая въ дверь.) Чортъ бы ее побралъ!

Гекторъ, (у двери на право, повер-

тывая ключъ въ замокъ.) Я поправлю... не безпокойтесь... я знаю, отчего онъ худо дѣйствуетъ... сейчасъ, только схожу къ Гримо за отверткой.

Мориссе. Ступайте, ступайте!... (*въ сторону.*) Чортъ, знаетъ, что за замокъ!... съ одной стороны запираетъ, а съ другой нѣтъ... Это что то удивительно!

Гекторъ (прячетъ стихи свои въ рабочую корзинку г-жѣ Мориссе.) Она вѣрно не измѣнитъ слову... прочтеть мои стихи... (*Мориссе оборачивается къ Гектору въ ту самую минуту, какъ онъ спряталъ стихи.*) Я сейчасъ возвращусь! (*Мориссе оглядываетъ Гектора, который уходитъ въ дверь на лѣво.*)

=

ЯВЛЕНІЕ V.

Мориссе, г-жа Мориссе.

Мориссе, (держась лѣвой стороны.) Гмъ! гмъ! (*перемѣнивъ намѣреніе и потиралъ лобъ, весело.*) Что это! никакъ я съ ума сошелъ!... я ужъ дѣлаюсь реввивымъ. (*Подходитъ къ конторкѣ, между тѣмъ какъ г-жа Мориссе переходитъ на право.*)

Г-жа Мориссе. Ты, какъ кажется, намѣрепъ заняться работой... здѣсь, подлѣ меня... (*Мориссе, стоя у конторки открываетъ одну изъ счетныхъ книгъ, какъ бы подтверждавалъ слова жены.*)

Мориссе. Да, мнѣ нужно сдѣлать расчеты съ Гримо... Этотъ человекъ ничѣмъ болѣе не занимается, какъ только наблюдаетъ за своей супругой... Онъ не понимаетъ, что любовь и довѣренность должны быть вѣрнѣйшимъ доказательствомъ нашего счастья... (*Подходя къ жени и взявъ ее за руку*) Не правда ли, дружокъ, что любовь и довѣренность..

Г-жа Мориссе. О, конечно!...

Мориссе. Гримо жепать уже во второй разъ, а между тѣмъ... (*весело.*) вѣрно ужъ разъ обжегся... я не желаю ему

ла, но признаю, онъ егозаслуживаетъ!.. у него что то такое на умъ... все что-то вертится около тебя!...

Г-жа Мориссе. Это и тебѣ сказала.

Мориссе. Да, ты, дружокъ!... самъ я признаюсь, не замѣчалъ еще за нимъ такихъ проказъ. Неограниченная довѣренность, вотъ моя система... (*Смотри со вниманіемъ на жену.*) Я увѣренъ... если бѣ другой кто осмѣлился... ты бы мнѣ сказала.

Г-жа Мориссе (съ маленькимъ зампшательствомъ.) О, безъ сомнѣнія... однакожъ, я пойду одѣнусь... (*хочетъ идти.*)

Мориссе. Кстати, дружокъ... ты, кажется, забыла, что сегодня 31-е число?

Г-жа Мориссе, (остановясь.) Тагъ что жъ такое?

Мориссе. Да какъ же это, ты не спрашиваешь денегъ на туалетные расходы?.. вѣдь тебѣ слѣдуетъ на три мѣсяца.

Г-жа Мориссе, (подходя къ нему.) Ахъ, я и позабыла...

Мориссе. А я такъ помню... возьми; вотъ триста франковъ.

Г-жа Мориссе, (взявъ деньги и положи ихъ въ рабочий столикъ.) Мнѣ нѣтъ большой надобности въ деньгахъ, и я ужъ успѣла накопить порядочную сумму, въ эти пять лѣтъ...

Мориссе. Ничего... я люблю точность... она составляетъ добродѣтель коммерціи.

Г-жа Мориссе, (подходя къ мужу и опираясь на его руку, ласково.) У тебя, и безъ меня много другихъ расходовъ... Прощай!...

Мориссе, (съ смущеніемъ.) Прощай, дружокъ! (*Г-жа Мориссе подходит къ двери на право и обращившись къ мужу, также ласково.*) Прощай!...

Мориссе, (съ большимъ смущеніемъ.) Прощай, дружокъ! (*Г-жа Мориссе уходитъ въ дверь на право.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Мориссе (одинъ.)

Гмъ! гмъ!... что за любезности такія?.. чтобы это значило?... Сегодня она даже не разсердилась на меня за то, что я не завтракалъ дома!... съ нѣкотораго времени моя супруга что-то слишкомъ ласкова со мною... Это дурной знакъ! (*успокоилсь.*) Да что я въ самомъ дѣлѣ!... прежде бывало самъ всегда смѣялся надъ ревностью мужей... а теперь; неужели и я съ ума сошелъ?... быть ревнивымъ!.. да это сушая бѣда!... тутъ какъ разъ обманетъ жена!... Ревность тоже, что громовой отводъ... онъ защищаетъ домъ отъ молніи, а самъ всегда ее притягиваетъ. Этотъ бѣсенокъ Гекторъ, съ тѣхъ поръ какъ лишился мѣста, принялся за все роды промышленности, за все искусства... да съ такимъ неистовствомъ, что невольно рождаетъ во мнѣ подозрѣніи. Напримеръ, этотъ замокъ... Чортъ знаетъ, что такое! Не повимаю, что съ нимъ могло сдѣлаться! (*подходитъ къ двери, поворачиваетъ ключи и говоритъ со страхомъ.*) Вертится! и запираетъ и открываетъ!... (*успокоилсь.*) Да, съ этой стороны, такъ... а вотъ съ другой... (*отворитъ дверь, вкладываетъ ключи съ другой стороны замка и также поворачиваетъ.*) И съ этой также!... чортъ возьми! да это чистый обманъ!... (*старался себѣ успокоить.*) Однакожъ, надо изслѣдовать дѣло порядкомъ; не повнапрасну ли я тревожу себя?... я во все не ревнивъ... но вотъ вопросъ... я замѣтилъ, онъ что-то вертѣлся около корзины... къ чему бы это?... я бовее не ревнивъ... я только любопытенъ... любопытство мужьямъ позволительно!... (*открываетъ корзинку.*) Что это? бумажка!... стихи!...

(Поетъ на другой голосъ, чѣмъ Гекторъ.)

Ты услаждаешь сновидѣнья
Всегда мечтами упоенья...

Не подходитъ подь музыку!... (*читаетъ про себл.*) Вотъ тебѣ па!... говорить о какихъ-то надеждахъ!... Слава Богу! это все таки не то, что воспоминавія.. (*проглядываетъ бумагу.*) Просить свиданія... сегодня... каковъ! вотъ вамъ и задумевные друзья!

Другъ истинный—нашъ врагъ, нечто иное! Вотъ парочка друзей досталась мнѣ, А толкъ такой отъ нихъ,—что эти деос Хотять попасть въ друзья къ моей жень! Теперь друзья продажныя все души, Ипой изъ нихъ съ тобою мнѣ, хорошъ, А волю только дай, разеесь-ка только уши,—Продасть тебл, ей Богу, ни за грошъ!..

Нѣтъ, г. Гекторъ, я вамъ этого не позволю!... и остановлю ваши маневры... мы съ вами объяснимся иначе.. на пятнадцати шагахъ!... Шпаги... пистолеты.. для меня все равно!... да, все равно... если я говорю все равно... значитъ, я готовъ поступить иначе... пожалуй, меня еще сочтутъ ревнивымъ... я могу огорчить, ұнизить жену... быть можетъ, непорочвую, псвинную жену!... Если я его убью... она будетъ плакать; если онь меня убьетъ... тогда онь... Нѣтъ, нѣтъ... такое мшеніе никуда не годится! Посмотримъ, подумаемъ, нѣтъ ли другаго средства... А! такъ... такъ... мысль не дурна.. Гримо ревнивъ отъ природы... я его спущу на Гектора, какъ борзую собаку.... Онь меня спасетъ отъ быды! Bravo! (*послѣ минутнаго молчанія, разгорчалась.*) О, Боже мой, Боже мой!.. Что этого ужаснѣе! У меня два соперника и я не могу ихъ растерзать. (*Схватываетъ стулъ, вертитъ его по воздуху и готовъ уже ударить объ полъ, какъ вдругъ явлется Гримо.*)

Я В Л Е Н І Е У Н .

Гримо, Мориссе.

Гримо, (*выходя изъ двери на льво; онь все еще въ халатъ.*) Что вы это дѣлаете?

Мориссе, (*ставя спокойно стулъ и садясь на него.*) Ничего!.. какъ видите, сижу.

Гримо. Вы, кажется, занимались гимнастикой?

Мориссе. Съ чего вы это взяли?... что за вздоръ!... а вы что? вѣрно хотѣли о чемъ нибудь поговорить со мною?

Гримо. Я?... (*про себл.*) Кажется, и не думалъ! я не затѣмъ сюда пришелъ!...

Мориссе, (*вставая, ставитъ стулъ на мѣсто.*) Такъ, стало быть, у насъ нѣтъ викакого важнаго дѣла?... вы пришли такъ ..

Гримо. Нѣтъ, не такъ!... меня прислала сюда жена... она забыла здѣсь... свое шитье... (*Осматриваетъ конторку и стулъ на льво.*)

Мориссе. Скажите, Гримо, часто ли бываетъ у васъ Гекторъ? я думаю вслѣдній день.

Гримо (*весело.*) Да, почти!... Отличный малый... я сейчасъ оставилъ его у себл... вчера я разбилъ фарфоровую назу, такъ онь се теперь склѣиваетъ... преискусный человекъ! на весь руки!

Мориссе (*съ намъреніемъ.*) Да, на весь руки!

Гримо, (*замѣтя шитье на рабочемъ столикѣ, подходитъ, чтобъ взять его.*) А, вотъ оно!

Мориссе (*съ намъреніемъ.*) Вы говорите, что Гекторъ теперь одинъ съ вашей супругой?

Гримо, (*съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.*) Одинъ съ моей женой?... ну да.

Мориссе. И она отправила васъ нескать свое шитье?

Гримо (*съ большимъ безпокойствомъ.*) Къ чему вы спрашиваете меня объ этомъ?

Мориссе (*холодно.*) Такъ... ни для чего!

Гримо (*съ безпокойствомъ, болѣе и болѣе возрастающимъ до самаго ухода.*) Но... позвольте.. вы сказали: одинъ съ моей женой...

Мориссе (очень холодно.) Что жь такое? тутъ нѣтъ большой бѣды, Гекторъ вашъ другъ... вашъ истинный другъ...

Гримо Конечно... истинные друзья—друзья нашего дома... Это всякой скажетъ! *(въ сторону.)* Тутъ что-то не ладно... я самъ истинный другъ его, а строю куры г-жѣ Мориссе. *(Хочетъ идти.)*

Мориссе, (удерживая его.) Куда же вы?...

Гримо. Я сейчасъ приду... сейчасъ...

Мориссе. Оставьте здѣсь.

Гримо. Сейчасъ приду... теперь нельзя... *(въ сторону, поспѣшно уходя въ дверь на лѣво.)* Мнѣ и въ голову никогда не приходило такое подозрѣнiе!...

ЯВЛЕНIЕ VIII.

Мориссе (одинъ, смотря въ слѣдъ г. Гримо.)

Первый выстрѣлъ удался... теперь, почтеннѣйшій мой товарищъ, вы не станете заниматься чужими женами... теперь по неволѣ займетесь своею!... но однакожъ одного подозрѣнiя для него мало... ему надобно дать доказательство!.. Чѣмъ же въ немъ возбудить ревность?... *(съ восторгомъ.)* А! стихи этого негодяя Гектора... *(вынимаетъ стихи изъ кармана.)* Положу ихъ въ ридикюль г-жи Гримо... въ нихъ не сказано ни слова объ имени той особы, для которой они писаны... а при томъ эти стихи не могутъ слѣзть никому безчестiя... *(прочетъ стихи въ ридикюль находящiйся на столѣ.)* Вотъ и безподобно!... Господи Боже мой!... что за ужасное дѣло, быть мужемъ!.. выигрышь всегда этихъ волокитъ... они являются всегда прелѣ нашими супругами причесанными да приглаженными... въ модныхъ фракахъ, съ веселыми рожицами, съ раздушенными платками, да съ сладкими словами... а нашъ братъ, несчастный супругъ, показывайся женѣ и въ халатѣ, и въ колпа-

кѣ... растрепанный, занятый полъ часъ не въживостями, а дѣлами... нельзя же намъ спать во фракахъ... нельзя же горорить въ жиности, когда нечего есть...

У женщинъ, признаться, престраивыл чувства! Имъ нравится часто мундиръ или фракъ, Накладки, подкладки—вотъ чудо искусства; И что жь имъ противно? халатъ да колпакъ! Хотя чистымъ уроломъ къ дѣвицѣ явился, Лишь былъ бы по модѣ ты милъ и хорошъ, А только женися, въ колпакъ нарядися, Такъ, смотришь, въ мужья колпаки попадешъ!

=

ЯВЛЕНIЕ IX.

Гримо, Мориссе.

Гримо. (выходя, съ веселымъ видомъ, изъ двери на лѣво, въ ридинготъ и въ шляпѣ.) Ну, вотъ милый другъ, я и здѣсь!... Вы, я думаю, считаете меня теперь ужаснѣйшимъ глупцомъ?

Мориссе. О, напротивъ...

Гримо. Нѣтъ, вѣрно считаете?

Мориссе. Съ чего вы взяли? я и не думалъ...

Гримо. Не можетъ быть! вѣрно подумали!... не понимаю самъ, что со мною слѣзлось... такое подозрѣнiе!... однакожъ, только что я разстался съ вами...

Мориссе. Ну?

Гримо. Прибѣжалъ домой—и ничего не бывало!

Мориссе. Ну, что же?

Гримо. Я увѣрился, что жена меня просто обожаетъ!

Мориссе (холодно.) Конечно... она ни на волосъ не виновата въ этомъ происшествiи.

Гримо. Въ какомъ происшествiи?...

Мориссе (значительно.) Послушайте, любезный другъ Гримо...

Гримо. Слушаю!...

Мориссе. Люди должны защищать, сохранять другъ друга.

Гримо. Должны!... не только должны: это ихъ обязанность!

Мориссе. Вы мой другъ, Гримо?

Гримо. Другъ истинный!

Мориссе, (взявъ ея за правую руку.)

И я вамъ другъ!

Гримо, (пожимая ему руку.) Я въ

этомъ и не сомнѣвался.

Мориссе. Вы мой товарищъ, Гримо?...
А я вашъ!

Гримо, (пожимая ему лѣвую руку.)

Мориссе, (дѣлая изъ своей стороны тоже.) Я въ этомъ не сомнѣвался!... я люблю васъ всѣмъ сердцемъ!...

Гримо, (схвативъ его за обѣ руки.) И я также!

Мориссе, (показывая на свое сердце.) Оно говоритъ мнѣ: ты не дашь упасть твоему другу въ пропасть... ты остережешь его...

Гримо (кричитъ.) Избавишь отъ опасности!

Мориссе. Именно... вотъ настоящее назначеніе друга.

Гримо. Какое назначеніе?

Мориссе. Избавлять отъ опасности себя подобныхъ!

Гримо. Да! вотъ настоящее назначеніе друга!

Мориссе. Гекторъ нашъ другъ...

Гримо (поспѣшно.) Что такое?

Мориссе. Я сейчасъ видѣлъ его здѣсь.

Гримо (поспѣшно и трясомъ.) Онъ вѣрно цѣловалъ мою жену?

Мориссе. О, вѣтъ... вѣдь я сказалъ вамъ, что она ни въ чемъ не виновата.

Гримо (добродушно.) Слава Богу!

Мориссе. Я вилѣлъ, какъ онъ положилъ какую-то бумагу въ ридикюль г-жи Гримо.

Гримо, (подбѣгалъ къ столу и шарил въ ридикюль.) Я сейчасъ розыщу!... (вынимая изъ ридикюля стихи) А! злодѣй! попался!... что это? стихи!... (жалкимъ тономъ) Другъ мой! это стихи!... это стихи, куплеты!

Мориссе (къ Гримо, между тѣмъ какъ тотъ читаетъ.) Я ужъ разсуждалъ самъ съ собою не разъ... Думаю, что за

услужливость такая.. все онъ чистить, поправляетъ у васъ.. не можетъ быть, чтобъ это дѣлалось даромъ... а вотъ, и вышло наружу: (показывая на стихи) вотъ ужъ и стихи сочинилъ!

Гримо. О, я отомщу ужасно!... я поступаю съ нимъ, какъ кровожадное животное!

Мориссе. Помилуйте, что вы хотите дѣлать?

Гримо (съ усиленіемъ.) Я потребую отъ него... (смлгчась), чтобъ и ноги его здѣсь не было.

Мориссе. Безподобно! только, пожалуйста, не вмѣшивайте въ это дѣло вашу супругу. Надобно, однакожъ, найти какойнибудь прелогъ... поссорьтесь съ нимъ при первомъ случаѣ.. скажите, на примѣръ, что идетъ дождь... онъ будетъ увѣрять, что вовсе нѣтъ дождя... вы скажите, что онъ жжетъ и попросите его вонъ изъ дома, какъ негодля...

Гримо (съ усиленіемъ.) Непремѣнно исполю!... будьте спокойны... только что онъ прилетѣтъ къ вамъ...

Мориссе (поспѣшно, съ безпокойствомъ.) Ко мнѣ?

Гримо. Да! я сей часъ видѣлъ вашу кухарку... она искала его, чтобъ пригласить къ вашей супругѣ на грибы.

Мориссе. Къ моей женѣ?... не можетъ быть! (хочетъ идти.)

Гримо, (удерживая ея.) Что съ вами?

Мориссе, (съ большимъ безпокойствомъ.) Ничего, ничего... необходимая надобность... я совсѣмъ забылъ.

Гримо. Такъ вы куда нибудь идете?

Мориссе (также.) Я сейчасъ возвращусь... сейчасъ!

Гримо. Вотъ и съ вами теперь происходить тоже, что сейчасъ со мною... ха, ха, ха! (хохочетъ.)

Мориссе, (остановясь и насильно хохоча.) Вотъ выдумали!... (въ сторону) Я выдаю самъ себя!... эти грибы ужасно меня безпокоятъ!

Гримо. Вы ужъ ихъ кушали?

Мориссе. Что?

Гримо. Грибы?

Мориссе. Нетъ еще; я только теперъ иду за этимъ... подождите, я пришлю и вамъ.

Гримо. Хорошо, хорошо.

Мориссе (съ притворнымъ спокойствіемъ.) Да поляоте же тревожиться, любезнѣйшій другъ Гримо... Будьте спокойны, какъ я! (прохоживается по сценѣ, принявъ спокойный видъ.)

Гримо, (не смотря на Мориссе.) Желалъ бы я, чтобъ онъ былъ на моемъ мѣстѣ. (Мориссе, замѣтя, что Гримо на него не смотритъ, поспѣшно уходитъ въ дверь на право.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Гримо, потомъ Гекторъ.

Гримо. Какимъ же это образомъ мнѣ съ нимъ поссориться?... за чтобы? ума не приложу!... Неужели въ самомъ дѣлѣ, затѣять споръ изъ погоды?... Это что-то слишкомъ обыкновенно... тутъ не можетъ быть важной причины къ ссорѣ... а вотъ и онъ!... погоди, голубчикъ, погоди! я съ тобой раздѣлаюсь!

Гекторъ, (выходя изъ двери на право.) Мнѣ сказалъ сейчасъ Мориссе, что вы, любезнѣйшій другъ Гримо, хотите о чемъ-то поговорить со мною.

Гримо. Да! дѣло важное!... (помолчалъ) Скажите, пожалуйста...

Гекторъ. Что прикажете?

Гримо (въ сторону.) Схватимся за политику!... Она скорѣй всего васъ поссоритъ!... (вслухъ) Ну, вотъ... вѣдь идти на ладъ, идти славно!

Гекторъ. Что такое?

Гримо. Прошеніе объ избирательной реформѣ.

Гекторъ (въ сторону, съ удивленіемъ.) Къ чему это онъ говоритъ мнѣ?...

Гримо. Такъ, вотъ, всѣ его и подписываютъ!

Гекторъ, (старался угадать намереніе Гримо.) Да... ла... очень многіе подписываютъ.

Гримо. Чтожъ вы на это скажете?

Гекторъ (также). Я и говорю... очень многіе подписываютъ!

Гримо (съ неудовольствіемъ.) Очень многіе! очень многіе!... а вамъ вѣрно это не нравится?

Гекторъ. Нѣтъ-съ, напротивъ... (въ сторону.) Да что же это все значитъ?

Гримо, (раздражаясь.) Я не терплю безхарактерныхъ, слабыхъ людей! я тотчасъ же подписалъ прошеніе и считаю только того моимъ другомъ, кто поступилъ, какъ я!

Гекторъ. Помилуйте, я вашъ истинный другъ!

Гримо. А подписали ли вы?

Гекторъ (поспѣшно.) Подписалъ изъ первыхъ!

Гримо (въ сторону.) Чортъ бы его взялъ!... (вслухъ) И теперь, я думаю, вы хвастаетесь предъ всѣми, что подписали!

Гекторъ. Признаюсь, хвастаюсь... ужасно хвастаюсь!

Гримо, (съ усиленіемъ.) А я... я расканваюсь!

Гекторъ, (съ удивленіемъ.) Что-съ?

Гримо. И вы не повнимаете причины?

Гекторъ. Очевъ понимаю... я не мѣняю васъ расканваюсь... сначала я увлекся другими... а послѣ, какъ поразсудилъ... такъ самому стало досадно.

Гримо (поспѣшно.) Но отъ чего же это?

Гекторъ. Отъ чего?

Гримо. Да-съ, отъ чего?... Если человекъ досадуетъ на что вѣдуть, такъ тутъ должна быть причина!

Гекторъ. Непремѣнно должна быть причина.

Гримо. Мы требуемъ, чтобъ вся національная гвардія имѣла голосъ избирателей... Это справедливо!

Гекторъ. Справедливо!

Гримо. Да!

Гекторъ. Да!

Гримо (съ крикомъ). Такъ отчего же вы раскаиваетесь?

Гекторъ. Да какъ же... а горбуны?

Гримо (съ сердцемъ). Что такое горбуны?

Гекторъ. Они не состоятъ въ національной гвардіи, по все таки люди умные!... вѣдь у насъ ихъ тридцать тысячъ... больше! тридцать двѣ тысячи!... во всей Франціи считается тридцать двѣ тысячи горбуновъ!

Гримо (съ удивленіемъ). Вотъ!

Гекторъ. Да! и эти тридцать двѣ тысячи гражданъ лишены своихъ правъ, не имѣютъ голоса избирателей, потому только, что они горбуны! (*съ негодованіемъ.*) А мы подаемъ голоса, потому что природа дала намъ гладкія спины! Ну, скажите, справедливо ли это?

Гримо (съ добродушіемъ). Правда! не совсѣмъ справедливо!

Гекторъ (въ сторону). Такъ неужели опъ за этимъ звалъ меня?

Гримо (въ сторону). Пусть накажетъ его само небо... а ужъ я не знаю, что и говорить ему.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Гримо, Мориссе, г-жа Мориссе, Гекторъ, потомъ г-жа Гримо.

Г-жа Мориссе, (выходя изъ двери на право.) Что это у васъ, не совѣщанія ли какія, господа? (*Мориссе входитъ за женой.*)

Гримо. Нѣтъ, не болѣе, какъ политическій споръ.

Гекторъ. Я очень счастливъ, что и мысли мои, и чувства совершенно согласны съ мыслями и чувствами моего друга Гримо.

Мориссе, (тихо г. Гримо, съ удивленіемъ.) Какъ, развѣ вы не нашли ни какого повода къ ссорѣ?

Гримо (тихо Мориссе.) Нѣтъ ника-

кой возможности! Его мысли черезъ чуръ мягки... точный носкъ или смола... какую захочешь, такую и принимаютъ форму.

Г-жа Мориссе, (мужу.) Ты ни куда не пойдешь сегодня, мой другъ?...

Мориссе (съ намъреніемъ.) Нѣтъ, я останусь дома... у меня есть дѣло; нужно слѣвать нѣкоторые расчеты....

Г-жа Гримо, (показываясь изъ дверей на лѣво.) Гекторъ! Гекторъ!... какъ я рада, что вы еще не ушли... вы обѣдаете съ нами?

Гекторъ, (подбѣгая къ ней.) А! г-жа Гримо! (*разговариваетъ тихо съ г-жею Гримо; г-жа Мориссе уходитъ на минутку въ дверь на право.*)

Гримо, (къ Мориссе.) Что за вѣжное приглашеніе! Это ужъ черезъ чуръ не скромно!

Мориссе, (тихо къ Гримо, жалкимъ тономъ.) Бѣдный, несчастный другъ!

Гримо (печально.) О, неужели это правда?

Г-жа Гримо (Гектору, все еще въ дверяхъ). Я приказала приготовить для васъ макароны... я знаю, что вы ихъ очень любите!

Гримо (тихо къ Мориссе.) Она знаетъ, что опъ любитъ! Слышите!

Мориссе (тихо къ Гримо.) Слышу; вамъ остается одно средство—выгнать его изъ дома! другаго средства нѣтъ!

Гримо (печально.) Ижелалъ бы очень, да какъ это сдѣлать?... опъ во всемъ согласенъ со мною... что ему не скажешь, все по немъ хорошо!

Мориссе (жалостно.) Боже мой! это ужъ истинное несчастіе!

Г-жа Гримо (г-жѣ Мориссе, которая входитъ въ шляпъ и въ шаль). Вы идете, мой дружокъ?

Мориссе (женъ съ изумленіемъ). Какъ, ты идешь?

Г-жа Мориссе, (поправляясь у зеркала.) Да, мой другъ... мнѣ нужно слѣвать кой какія покупки.

Гекторъ (въ сторону, съ радостію).
Она идетъ! какая надежда!

Г-жа Мориссе. Мнѣ недалеко итти, только до панорамы.... я скоро возвращусь!

Гекторъ (въ сторону, съ радостію).
Это отвѣтъ на мои куплеты!... я долженъ итти за ней...

Мориссе (въ сторону). У нея вѣрно назначено свиданіе!

Г-жа Мориссе (мужу). Ты на меня не разсердись за это, мой другъ?

Мориссе, (стараясь успокоиться). Я? помилуй; да за что?

Г-жа Мориссе. Я не замѣшкаюсь! Прощай! *(она уходитъ въ среднюю дверь, до которой провожаетъ ее Мориссе. Во все это время Гримо наблюдаетъ за своей женой.)*

Г-жа Гримо. Мнѣ также нужно бы было сходить...

Гекторъ. Въ такомъ случаѣ, позволите мнѣ быть вашимъ сопутникомъ...

Гримо (зорько). Г-жа Гримо! я вамъ не позволю съѣзжать ни шагу изъ дома!

Г-жа Гримо. Это что значитъ? Вотъ мило! Какъ это деликатно! *(беретъ шляпу и шаль, которыя находятся на стулѣ, въ глубинѣ театра, на правой сторонѣ.)*

Гримо. Да-съ, очень деликатно!

Г-жа Гримо. Я не хотѣла итти... но теперь *(надвѣваетъ шляпу)* если вы изволите запрещать... я пойду, на зло же вамъ — пойду!

Гримо.

Я властелинъ вашъ, вы забыли?

Г-жа Гримо.

А я, я дама, сударь мой!

Мы съ сотворенья мира были

И будемъ вашей головой! *(хохочетъ).*

Гримо.

Смотрите, да она хохочетъ;

Какъ будто итъ за ней вины!

Г-жа Гримо.

Когда мужъ властвовать захочетъ,

Добра не будетъ отъ жены.

Вы дамамъ угождать должны:

Мы и на свѣтъ съ тмъ рождены!

Гримо.

Безъ насъ вы, просто, пропадете!

Г-жа Гримо.

Скорѣ вамъ бѣда безъ насъ!

Вы нами только и живете,

Мы какъ слѣпцовъ проводимъ васъ! *(хохочетъ)*

Гримо.

Она таки, все знай хохочетъ...

Я мужъ вашъ, вспомните о томъ!

Г-жа Гримо.

Ужъ женщина чего захочетъ,

Поставитъ вѣрно на своемъ!

Хоть бейтесь объ стѣну вы любви,

А я поставлю на своемъ!

(Г-жа Гримо уходитъ въ среднюю дверь, до которой провожаетъ ее Гекторъ. Дверь эта остается открытою.)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Мориссе, Гримо, Гекторъ. Мориссе удерживаетъ Гектора, который готовъ уже войти въ дверь.

Мориссе. Пойдите, пойдите, любезный другъ... а вы забыли о замкѣ?... Нѣтъ, вы отъ меня не уйдете до тѣхъ поръ, пока его не почишите!... Гдѣ же отвѣрка?

Гекторъ, (въ сторону.) Вотъ бѣда пришло же ему въ голову... въ такое... время.... *(вслухъ)* О, и въ минуту исправляю! *(взявъ щипецъ съ гвоздями.)* Мнѣ довольно и этого... *(подходитъ къ двери на право и какъ будто занимается починою замка.)*

Гримо, (который въ это время ходилъ по комнатѣ въ большомъ безтолковствѣ, подходитъ къ Мориссе и отводитъ его на льво, разговариваетъ съ нимъ тихо.) Благодарю васъ, безцѣнный другъ! благодарю, что вы не допустили его итти съ этой ужасной женщиной!

Мориссе. Не за что, мой другъ не за что!

Гримо. Я теперь вижу ясно... жена моя съ тѣмъ и отпиралась изъ дома, чтобъ имѣть случай переговорить съ этимъ разбойникомъ!... Что мнѣ теперь дѣлать?...

Мориссе. Остается одно средство.

Гримо. Какое?

Мориссе. Слѣдуйте вездѣ по слѣдамъ Гектора... какъ тѣнь его... будьте всегда съ нимъ неразлучны, подобно сіамскимъ близнецамъ.

Гримо. Мысль безподобная! согласенъ, съ удовольствіемъ!

Мориссе. Ужъ онъ тутъ не увернется отъ васъ.... всегда будетъ подѣ вашими глазами.

Гримо. Bravo!

Гекторъ (въ сторону.) Она пошла къ напорамъ... *(Затрагиваетъ дверь на право и скрывается за нею.)*

Мориссе. Смотрите, только не зѣвайте... отъ этого зависить ваша честь!

Мужъ честь свою въ женѣ беречь обязанъ!

Гримо.

О, съ Гекторомъ теперь я разочтусь!
Когда ужъ онъ къ женѣ моей привязанъ,
Такъ отъ него и я не отвязусь!
Вотъ чрезъ жену изволь терпѣть мученье!

Мориссе.

Нельзя всегда оправдывать и насъ...
Запретный плодъ насъ вводитъ въ искушенье:
Чуть случай есть — съядимъ его тотчасъ!

Гримо. О, я ему не позволю!

Мориссе. А для этого и надобно наблюдать за Гекторомъ.... чтобъ не было случая... *(осматривался)* Но гдѣ же онъ? неужели ушелъ? *(Въ это время Гекторъ, выйдя изъ двери на право, пробирается на цыпочкахъ около стѣны къ средней двери.)*

Гримо, (замѣтилъ Гектора и подбѣгала къ нему) А! вотъ и онъ... *(приведя его на аван-сцену:)* Куда вы?

Гекторъ. Замокъ починаеть! теперь онъ въ совершенномъ порядкѣ!... прощайте, милые друзья... *(хочетъ итти.)*

Мориссе, (удерживалъ его.) Такъ вы хотите непременно итти?

Гекторъ. Да-съ, непременно... мнѣ ужъ пора! *(хочетъ снова итти.)*

Гримо, (удерживалъ его.) Въ какую сторону вы идете?

Гекторъ. Къ италянскому бульвару.

Мориссе. Ахъ, какъ это кстати! Гри-

мо также долженъ итти въ эту сторону, подѣламъ на рынокъ... вотъ и отправитесь вмѣстѣ... не правда ли?

Гекторъ (съ замѣшательствомъ). Очень радъ... только, изволите видѣть... мнѣ прежде надобно зайти къ тетущкѣ... въ Адскую улицу... она очень не здорова: ужасно простудилась...

Гримо (съ участіемъ.) Скажите пожалуйста! экая бѣднѣжка!... о, и также долженъ непременно ее навѣстить.

Гекторъ. Развѣ вы ее знаете?

Гримо. Нѣтъ, не имѣю чести знать.

Мориссе. Но не все ли равно!... Она тетка нашего друга, истиннаго друга.... Это по мнѣ болѣе, чѣмъ родная тетка!

Гекторъ (въ сторону, съ безпокойствомъ.) Что бы это все значило?... что за стпричуды у нихъ? *(вслушавъ)* нѣтъ, ужъ я не пойду къ ней... далеко... я только немножко прогуляюсь...

Гримо. И я также.

Гекторъ. Я вѣдь не помогу тетущкѣ своимъ визитомъ... пусть же она безъ меня кашляетъ... ея ужъ такія лѣта.... А ваши дѣла на рынокъ?

Мориссе. Не важныя дѣла! они относятся ко обоимъ насъ... я лучше возьму ихъ на себя.

Гекторъ (въ сторону.) Боже мой! нѣтъ возможности отъ нихъ отвязаться... Мнѣ, право, сонѣстно васъ безпокоить...

Гримо, (взявъ его за руку, ласково.) Меня безпокоить?... помилуйте!...

Мориссе (Гектору также.) Что жъ можетъ быть пріятнѣе, какъ проводить время съ друзьями, съ истинными друзьями?

Гримо (Гектору.) Съ такими, напримеръ, друзьями, какъ вы...

Я съ вами радъ итти на край вселенной. *(въ сторону)* О, волокита!

Мориссе (въ сторону.)

О злодѣй!

Гримо.

Другъ варный — это кладъ безцѣнный!

мориссе.

Отрада, счастье для людей!

гекторъ.

Блаженство дружбы въ общей чашѣ!

гекторъ, мориссе и гримо, (выпятивъ за руки.)

Мы — неразлучная семья!

гекторъ.

Все что мое, друзья, то ваше.

Что ваше — то мое, друзья!

Мориссе и Гримо (говорятъ въ сторону. Какъ же бы не такъ!

Гримо и Гекторъ.

Пойдемте, пойдемте!

всѣ трое.

Блаженство дружбы въ общей чашѣ,

Мы — неразлучная семья!

(Гримо, схвативъ руку Гектора, уходитъ съ нимъ въ среднюю дверь).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Мориссе (одинъ, провозжая ихъ до двери). Прощайте, друзья, прощайте. милые мои друзья!.. (возвратясь на авансцену). Желаю, чтобъ на васъ обрушился какойнибудь карнизъ, или печная труба!.. нѣтъ, двѣ трубы!... на каждую голову по одной!... уфъ!... Слава Богу! наконецъ я устроилъ кое-какъ свои дѣлишки... можетъ быть, я первый открылъ настоящее средство — избавляться отъ соперниковъ... мнѣ слѣдуетъ дать на это привилегію... Эта молодежь считаетъ насъ, мужей, какими-то олухами!... нѣтъ-съ, извините! на кого еще попадете!... и какъ не совѣстно имъ обижать васъ! они не постигаютъ всѣхъ трудностей супружеской жизни!... Берегитесь, господа! не троньте женатыхъ людей!... придетъ пора, женитесь, тогда подвергнетесь сами такимъ же пыткамъ, какъ и мы грѣшныя!... Но что-то дѣлаетъ мой другъ, Гримо?... онъ теперь сдѣлался моимъ стражемъ... онъ теперь будетъ охранять меня отъ несчастія... я могу спать спокойно!... Славную, признаться, штуку я выкинулъ!... вотъ тебѣ! не волочись за чужой женой, когда есть своя!

Пусть теперь пострадаетъ.

Милый другъ за меня:

Нынче всякъ поступаетъ

Точно также, какъ я!

Всѣ чужими руками

Любятъ жаръ загребать,

Всѣ чужими умами

Стали хлѣбъ добывать!

(Садится къ конторкѣ, съ довольнымъ видомъ). Теперь мнѣ легче... и сердце спокойно!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Мориссе, Г-жа Гримо (съ бумагой въ рукахъ.)
Гримо; (оба входятъ въ среднюю дверь.)

Гримо (съ сердцемъ, жепъ.) Извольте войти въ свою комнату, сударыня, и не смѣйте выходить изъ нея!

Мориссе, (поспѣшно вставая, въ сторону.) Гримо!

Г-жа Гримо. Но я вамъ говорю, что и не читала ихъ!

Гримо. Вздоръ! притворяетесь!... Эти стихи спрятаны были въ вашемъ ридикюль!

(Г-жа Гримо уходитъ въ дверь на лѣво.)

Мориссе. Боже мой! онъ оставилъ его на свободу!

ЯВЛЕНІЕ XV.

Мориссе, Гримо.

Мориссе (поспѣшно.) Что вы сдѣлали?

Гримо (весело.) Она теперь въ своей комнатѣ! я спокоенъ!

Мориссе. Да я говорю не о вашей женѣ! гдѣ Гекторъ?

Гримо (весело.) Слушайте... вотъ какъ это было: только что я вышелъ съ нимъ отсюда...

Мориссе. Да гдѣ же онъ?

Гримо. Не безпокойтесь! я вамъ говорю, что жена моя дома, теперь нѣтъ никакой опасности. Только что мы вы-

шли отсюда... я его держалъ крѣпко за руку, чтобъ онъ не улизнулъ отъ меня... только что мы вышли, сдѣлали не болѣе двухъ шаговъ, какъ вдругъ намъ на встрѣчу... (смѣясь) кто бы вы думали?... моя жена!... и что же я сдѣлалъ?... тотчасъ оставилъ Гектора, схватилъ руку жены и привелъ ее сюда... какъ вамъ это нравится?

Мориссе (съ безпокойствомъ.) А Гекторъ?

Гримо. Онъ сказалъ, что пойдетъ домой.

Мориссе. Домой! но увѣрены ли вы въ этомъ? (въ сторону) А жены моей все еще нѣтъ!

Гримо. Мнѣ теперь все равно: дома ли онъ, или нѣтъ... была бы только жена моя дома.. а она, слава Богу, теперь въ своей комнатѣ!

Мориссе (въ сторону.) Эготъ человекъ рѣшился мени измучить! Далась ему жена... ему хорошо, а каково-то мнѣ... моей все еще нѣтъ!... Боже мой! меня ужъ пробиваетъ лихорадка!

Гримо. Мориссе! милый другъ! что съ вами?

Мориссе (печально.) Несчастный другъ мой! такъ, такъ я долженъ вамъ все сказать!

Гримо. Что такое? Что еще случилось?

Мориссе. Положение ваше никогда еще не было такъ ужасно, какъ теперь... Это мени такъ тревожить...

Гримо. Въ самомъ дѣлѣ, вы что-то сами не свои...

Мориссе (поспѣшно.) Завтра, послѣ завтра... словомъ, всю свою жизнь вы будете мучиться... ожидать того же...

Гримо. Но что мнѣ дѣлать?... обстоятельство такое неслыханное!...

Мориссе. Конечно... но Гектора жалеть нечего... надобно бы такъ... (въ сторону) Не знаю, что и говорить!... (вслушавъ) надобно бы удалить его, но такимъ манеромъ, чтобъ тутъ не бы-

ло и вида супружеской предосторожности...

Гримо. Да... еслибъ можно было спровести его куда нибудь...

Мориссе. Именно!... въ какое нибудь мѣстечко, гдѣ бы не было ему свободы... отъ куда бы онъ не могъ и носу показать...

Гримо. Позвольте, позвольте...

Мориссе. Что?

Гримо. Я нашелъ предлогъ... онъ мой должникъ!

Мориссе (въ сторону.) Слава Богу! наконецъ догадался!... (вслушавъ) и безподобно! вы можете посадить его подъ стражу... у васъ есть документы?

Гримо. Какъ-же, есть!... они у пристава!

Мориссе. Ну, такъ и дѣло въ шляпѣ! вы отправите его въ тюрьму на пять лѣтъ, онъ вѣрно выльчится отъ своей страсти!

Гримо (съ радостію.) Гигантская мысль! и кто же? и ее сыскалъ!

Мориссе. Вы имѣете полное право просить объ этомъ... ступайте скорѣе къ приставу.

Гримо. Но я не могу оставить жены.

Мориссе. Ну такъ напишите къ нему... и вамъ продиктую...

Гримо, (сидя въ креслѣ.) Ахъ, сдѣлайте одолженіе... у меня голова вотъ такъ... кругомъ... охъ!

Мориссе (диктуя.) «Любезнѣйшій другъ, г-нъ Жодаръ! у васъ есть дѣло о Гекторѣ Анжелардѣ, моемъ должникѣ; покорнѣйше прошу васъ приказать немедленно его схватить; онъ теперь дома...» Точно ли вы увѣрены, что онъ дома?

Гримо. Онъ мнѣ самъ сказалъ, что пойдетъ домой.

Мориссе (въ сторону.) Боже мой! Да гдѣ же моя жена?

Гримо, (говоря послѣднія слова, каторья написалъ.) «Онъ теперь дома...

Мориссе (сз *безпокойствомъ*.) Да, хорошо, если бь точно былъ дома...

Гримо. Я написалъ.

Мориссе. Точка! (*диктуетъ*) «Не жалейте его, пожалуйста; отложите при этомъ случаѣ въ сторону чувствительность, — въ которой всегда почти упрекаютъ людей вашего званія.»

Гримо (сз *довольнымъ видомъ*.) Прекрасно! особенно послѣдняя фраза... она должна уколоть его честь.

Мориссе. Подпишите — и дѣло съ концомъ!... хорошо... теперь запечатайте облаткой... (*подаетъ ему облатку*.)

Гримо. Нѣтъ, желтая ве годиться... другаго цвѣта! (*Мориссе даетъ ему другую*.)

Мориссе, (*подходя къ задней двери*.) Маргарита! Маргарита!

Гримо. Лучше я пойду отламъ комиссионеру: это вѣрнѣе.

Мориссе (сз *сторону*.) Слава Богу!

Гримо, (*подойдя къ задней двери*.) А! вотъ и ваша супруга! (*уходитъ*.)

Мориссе (сз *радостію*.) Жена!... наконецъ!... да... кстати... валобно и мнѣ написать... это будетъ очень хорошо. (*Садится къ конторкѣ и начинаетъ писать*.)

=

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Г. Мориссе, г-жа Мориссе.

Мориссе, (*продолжалъ писать*.) А! ужъ ты возвратилась, мой дружокъ?

Г-жа Мориссе, (*поправляясь у зеркала*.) Долго я ходила?

Мориссе (ласково.) Для меня, конечно; долго. Я тебя такъ мало вижу!

Г-жа Мориссе. Развѣ я виновата?

Мориссе, (*продолжалъ писать*.) И я не виноватъ; несносныя эти дѣла все причиною...

Г-жа Мориссе. И эти несносныя удовольствія!...

Мориссе, (*продолжалъ писать*.) Ты

не справедлива, мой дружокъ. Вотъ тебѣ доказательство: Демарестъ приглашалъ меня на охоту, но я... посмотри, что я ему написалъ.

Г-жа Мориссе. Ты вѣрно отправишься съ нимъ.

Мориссе, (*подавалъ ей письмо*.) Прочти... (*сз сторону*) Посмотримъ, какое дѣйствіе произведетъ на нее это письмо.

Г-жа Мориссе, (*читалъ сз возрастающимъ вниманіемъ*.) «Милый другъ мой, не ждите меня къ себѣ... Я не могу принять вашего предложенія. Я и безъ того часто отлучаюсь изъ дома по своимъ дѣламъ. Любя искренно жепу, мою милую Эмилию, я считаю истиннымъ счастіемъ, когда могу раздѣлить съ ней минуты, свободныя отъ занятій!» (*сз смущеніемъ*) И это ты писалъ? (*отдаетъ письмо*.)

Мориссе. Кажется, ты видишь! (*замытля, что г-жа Мориссе отвернулась отъ него, раздираетъ поспѣшно письмо на клочки и прлметъ ихъ въ карманъ*.)

Г-жа Мориссе (сз *сторону*.) Боже мой! какъ я счастлива, что не увлеклась моей досадою...

=

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Мориссе (у конторки), г-жа Мориссе, г-жа Гримо; потомъ Гримо.

Г-жа Гримо, (*выходя изъ двери на лѣво*.) А! вы ужъ возвратились, госпожа Мориссе?

Г-жа Мориссе. Да... я поспѣшила домой, хочу побесѣдовать съ мужемъ. (*Беретъ стулъ и садится подлѣ Мориссе*. *Г-жа Гримо садится къ столу на право*.)

Гримо, (*выходя изъ средней двери и обращался къ своей жепѣ, сз усиліемъ*.) Зачѣмъ вы изволили выйти изъ своей комнаты, сударыня?... вѣдь я не приказывалъ вамъ...

Г-жа Гримо. А я все такъ пришла сюда! такъ мнѣ вздумалось!

Гримо. Какое отвѣтъ! (*прохаживается съ безпокойствомъ по комнатѣ.*)

Мориссе (своей жень, ласково.) Подвѣсься ко мнѣ поближе, мой дружочекъ!

Гримо (жень, сердито.) Посмотрите, сударыня, посмотрите на этихъ примѣрныхъ супруговъ! Посмотрите, какъ они пѣжны между собою... прислушайтесь къ ихъ разговорамъ... и краснѣйте... Сердцу пріятно смотреть на нихъ... Это не то, что вы...

Г-жа Гримо (иронически.) Да... въ самомъ дѣлѣ, какъ я глупа... и неприласката васъ... вы такъ интересны, такъ мнлы!

Мориссе (жень.) Теперь ужъ не буду отлучаться изъ дома... Теперь я весь принадлежу тебѣ.

Г-жа Мориссе (съ удовольствіемъ.) Ахъ! слава Богу! мое единственное счастье — быть съ тобою, папаша!

Гримо (жень.) Слышите! она его называетъ папашей!... отъ чего же вы не называете меня папашей? а?... отъ чего вы не называете меня папашей и тогда, какъ это было бы очень пріятно вашему супругу!

Г-жа Гримо (иронически.) Отъ того, что ваше обхожденіе слишкомъ неприятно для вашей супруги!

Мориссе (жень.) Ты сама должна знать, мой дружочекъ, что я тогда только и счастлива, когда бываю дома съ тобою!

Г-жа Мориссе. Правда ли это?

Мориссе. Клянусь тебѣ!

Г-жа Мориссе. Хорошо, я тебѣ вѣрю... поцѣлуй же меня! ты этого вполне достоинъ за свою доброту. (*Мориссе цѣлуетъ ее.*)

Гримо (жень.) Смотрите, сударыня, смотрите на эту группу! вотъ что значитъ увѣренность въ своей жень!

Г-жа Гримо, (вставъ, съ оскорбленіемъ.) А подали ли вамъ я хотя малѣйшій повольтъ думать иначе?

Гримо (съ крикомъ.) Не малѣйшій, огромнѣйшій.

Г-жа Гримо. Что такое?

Гримо (въ полголоса, съ гильзомъ.) О, если бѣ и могъ заглянуть въ ваше сердце, точно также, какъ въ вашъ ридикюль.

Г-жа Гримо. Развѣ я виновата, что правлюсь другимъ? (*Гримо съ досадою удаляется отъ нел; въ сторону.*) Этотъ Гекторъ ужасный чудакъ!... нужно было ему положить стихи въ мой ридикюль, какъ будто онъ не могъ ихъ отдать мнѣ прямо въ руки. (*вслухъ, мужу*) Хорошо же... и пойду въ свою комнату... не изъ послушанія къ вамъ, но для того только, чтобъ не видать васъ!... подите отъ меня! чудовище!

Г-жа Мориссе, (поспѣшно вставъ и подоидя къ г-жѣ Гримо.) Г-жа Гримо!

Мориссе, (также вставъ и подоидя къ Гримо.) Милый другъ Гримо!

Гримо (жень.) Чудовище!... Позвольте... вы это на что намекаете? на физическія или моральныя мои средства?

Г-жа Гримо. На тѣ и другія! (*уходитъ поспѣшно въ дверь на льво.*)

Гримо. Какое отвѣтъ!

Мориссе. Да что съ вами сдѣлалось мой другъ? вы точно Отелло!

Гримо. Что жъ такое? Отелло имѣлъ также свои причины... и нисколько не осуждаю поступковъ этого араба! Нѣтъ, надобно принять другія мѣры... сейчасъ пойду къ ней и все покончу!

Мориссе, (удерживая его.) Что вы хотите дѣлать?

Гримо. Еще самъ не знаю!... вижу только, что надъ моей головой собирается гроза! (*идетъ къ двери на льво.*)

Мориссе (идетъ за нимъ.) Гримо!

Гримо. Я долженъ положить этому конецъ! (*поспѣшно уходитъ.*)

Г-жа Мориссе (со страхомъ.) Боже мой! что онъ говоритъ...

Мориссе. У него есть какія-то подозрѣнія... онъ же такъ ревнивъ.

Г-жа Мориссе. Ужасный характеръ!

Ну какъ овъ въ самомъ дѣлѣ что вибудь напроказить.

Мориссе. Да... ихъ теперь не должно оставлять; я сейчасъ пойду къ нимъ; не безпокойся... (*въ сторону, уходя.*) Ну, вотъ, я порѣшилъ свои дѣлишки! Жена моя успокоена, Гекторъ посаженъ въ тюрьму... мнѣ теперь, печего боится. (*Уходитъ, съ торжественнымъ видомъ, въ дверь на лѣво.*)

==

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Г-жа Мориссе, потомъ Гекторъ.

Г-жа Мориссе. Какое странное происшествіе! кто бы могъ думать, чтобъ это г-жа Гримо... Неужели точно она могла кому вибудь понравиться? по кому же?... и не придумаю! вотъ какъ опасно предаваться первымъ впечатлѣніямъ... И сомной было бы тоже, еслибъ я не была такъ осторожна!... Еслибъ и не боялась опечалить мужа, — я готова бы была рассказать ему все... по къ чему мнѣ ссорить его съ другомъ... съ такимъ другомъ, въ которомъ онъ почти не слышитъ души?... вѣтъ, я хорошо сдѣлала, что ничего ему не сказала.

Гекторъ (входитъ въ среднюю дверь, съ большимъ безпокойствомъ.) Ахъ! г-жа Мориссе! спасите меня! спрячьте меня!..

Г-жа Мориссе (поспѣшно.) Что съ вами?

Гекторъ. Боже мой! меня преслѣдуютъ пристава! я ужъ самъ не понимаю, какъ улизнулъ отъ нихъ!... Только что я вышелъ изъ дома — они мнѣ прямо пырь въ глаза! Я давай Богъ попл, они за мной... и теперь остались тамъ, внизу.

Г-жа Мориссе. Внизу, у нашихъ дверей?

Гекторъ. Да... я пахожусь теперь въ осадномъ положеніи... сдѣлайте одолже-

ніе, не оставьте меня... друга вашего мужа!

Г-жа Мориссе (хочетъ идти въ дверь на лѣво.) Я сейчасъ ему скажу... онъ теперь у Гримо.

Гекторъ, (удерживая ее.) Берегитесь!... вѣдь меня и преслѣдуютъ по милости этого злодѣя Гримо!

Г-жа Мориссе. Какъ, неужели Гримо рѣшился...

Гекторъ. Да-съ! и за что же? за совершенную дрянь... за то, что я ему долженъ лѣтъ тысячи франковъ... куда какъ хороши! а еще сегодня утромъ увѣрялъ меня и въ преданности, и въ дружбѣ!... и вотъ вамъ его дружба? Боже мой! можно ли было думать!

Г-жа Мориссе. Но скажите, пожалуйста, что же съ вами сдѣлають, если вы не заплатите долга?

Гекторъ. Известно что: посадить въ тюрьму на пять лѣтъ! — на пять лѣтъ?... что можетъ быть ужаснѣе этого? мнѣ теперь только что пошелъ двадцать шестой годъ... и вдругъ разомъ перейти на тридцать первый?

Г-жа Мориссе. Въ тюрьму?

Гекторъ. Да-съ... они для этого и караулятъ меня...

Г-жа Мориссе. Успокойтесь, г. Гекторъ! я знаю какъ преданъ вамъ мой мужъ... его огорчить ваше несчастіе. (*Открывая личикъ въ рабочемъ столикѣ и роля въ немъ.*) Вотъ двѣ тысячи франковъ.. возьмите, заплатите ихъ своему кредитору и будьте свободны. (*Отдаетъ ему два банковыхъ билета.*)

Гекторъ. Боже мой... неужели я долженъ.. и это вы... вы г-жа Мориссе!

Г-жа Мориссе. Возьмите ихъ отъ имени моего мужа... это ему будетъ очень пріятно! Ступайте же скорѣе!

Гекторъ. Вѣтъ! вы не женщина! вы ангелъ, да, ангелъ! (*идетъ и возвращается*) Или, лучше сказать... да, вы ангелъ! (*уходитъ поспѣшно въ среднюю дверь.*)

Г-жа Мориссе (одна.) Меня вѣрно поблагодарить за это мужъ... да... непре-

мѣнно поблагодарить... пойду скажу ему, какой опасности подвергался его другъ... другъ!...

Да, если бь могъ мой мужъ узнати,
Чѣмъ другъ изволилъ заниматься,
Тогда бь ему не одобровать
И отъ тюрьмы не отыграться!
Другъ вѣренъ только по словамъ,
Онъ тѣмъ опасней, чѣмъ умнѣе,
Онъ для того и вѣренъ вамъ,
Что бь обмануть васъ повѣрилъ! (*Хочетъ идти.*)

Гекторъ, (поспѣшно входя въ среднюю дверь съ бумагами въ рукахъ.) Вотъ мой векселъ! смотрите!

Г-жа Мориссе. Теперь вы свободны?

Гекторъ. Свободенъ! хоть на все четыре стороны!... и вамъ единственно... вашему великодушю обязанъ я своей свободой... могу ли я послѣ этого не любить васъ?... Сердце мое теперь принадлежитъ вамъ, на вѣкъ!...

Г-жа Мориссе (съ достоинствомъ.) Забудьте, прошу васъ!... неужели вы хотите моего униженія?

Гекторъ. На вѣкъ! на вѣкъ!

Г-жа Мориссе, (увидя мужа.) Те! мой мужъ!

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Мориссе, г-жа Мориссе, Гекторъ.

Мориссе, (выходя изъ двери на лѣво и увидя Гектора, вскрикиваетъ.) Что я вижу? Гекторъ здѣсь?

Г-жа Мориссе. Что съ тобою?

Мориссе (поспѣшно Гектору.) Какъ, развѣ вы не въ тюрьмѣ?

Гекторъ. А вы ужь знаете? такъ это васъ и удивило?

Мориссе. Да, признаюсь, очень удивило!... (*увидя, что смотритъ на него жена*) пріятно удивило... я очень доволенъ... (*становясь между Гекторомъ и женою и обращаясь къ первому.*) Мнѣ разсказалъ Гримо, какую онъ штуку взду-

малъ сыграть съ вами!... я ужь не знаю, какъ и назвать такой поступокъ...

Гекторъ. Ужасный, безчеловѣчный поступокъ!

Мориссе. Я тоже самое ему говорилъ. Какъ, говорю я, вы хотите посадить въ тюрьму своего друга, истиннаго своего друга?... нѣтъ этого не будетъ! я спасу его! Только, признаюсь вамъ, я въ такомъ теперь положеніи:

Гекторъ. Въ какомъ положеніи?...

Мориссе. Я теперь рѣшительно безъ денегъ!

Гекторъ. Да мнѣ они ужь не нужны.

Мориссе, (съ удивленіемъ.) Какъ не нужны?

Гекторъ. Я ужь расплатился.

Мориссе (поспѣшно.) Какимъ образомъ?

Г-жа Мориссе. Я помогла ему, мой другъ.

Мориссе (съ крикомъ, поднимая руку.) Можетъ ли быть?

Гекторъ. Но что съ нами?

Мориссе, (потиралъ руку.) Ничего, ничего... судорга свела руку...

Гекторъ. Трите ее крѣпче... крѣпче... тотчасъ пройдетъ! да-съ, я расплатился... кто теперь въ дуракахъ!... ха, ха, ха!...

Мориссе, (смѣясь принужденно.) Ха, ха, ха... (*въ сторону*) Кажется, я!

Г-жа Мориссе. Не правда ли, мой другъ, вѣдь я не могла сдѣлать лучшаго употребленія изъ моихъ денегъ?

Мориссе. Конечно, не могла! (*съ принужденіемъ*) Милый Гекторъ!

Гекторъ. Добрый другъ Мориссе!

Мориссе (въ сторону.) Вотъ, извольте послѣ этого давать деньги супругамъ... вотъ ихъ бездѣлки!

Г-жа Мориссе (прохоживается по сценѣ; потомъ садится къ рабочему столу и принимается за шитье.)

Гекторъ. Какая разница между вами и Гримо!

Мориссе (въ сторону.) Къ несчастію.

Гекторъ. Послѣ того, что онъ сдѣлалъ

со мною, ноги моей не будетъ въ его домѣ!

Мориссе (поспѣшно.) И безподобно!... послѣ такого поступка и не знаю, чтобы и сдѣлалъ на вашемъ мѣстѣ... и растаялъ бы съ нимъ на вѣкъ... уѣхалъ бы въ Китай, въ Турцію, чтобы глаза мои никогда его не видали...

Гекторъ. Напротивъ... я на зло же ему останусь здѣсь... просто, поселись у васъ... съ утра до вечера буду съ вами!... Пусть онъ умираетъ съ зависти... а ужъ у него ноги моей не будетъ...

Мориссе (съ безпокойствомъ, въ сторону.) Вотъ еще новости!... да онъ рѣшился меня измучить!..

Гекторъ. Всякой день буду у васъ объѣдать... вѣдь я сегодня объѣдаю у васъ? не права ли?

Мориссе (въ сторону.) Чтобы тебѣ подавиться.

ЯВЛЕНІЕ XX.

Г. и г-жа Гримо, Гекторъ, Мориссе, г-жа Мориссе.

Гримо, (входя съ женой въ дверь на лѣво.) Да... я долженъ все разъяснить! (*Увидя Гектора, въ сторону.*) Ба! да онъ здѣсь!... Что бы это значило?

Гекторъ, (къ Мориссе.) Вотъ онъ! вотъ онъ, злодѣй!

Гримо (женѣ.) Говорите, сударыня... говорите, точно ли Гекторъ осмѣлился на такое дерзкое объясненіе?

Гекторъ. Что такое?

Гримо (женѣ.) Говори, не бойся... будь только откровенна.

Г-жа Гримо. Это правда, что Гекторъ мнѣ писалъ... но я ему еще не отвѣчала.

Мориссе (Гектору.) Слышите!... ай, ай, — какъ не стыдно!...

Гекторъ. Это чистая клевета! я этого не потерплю... Г-жа Гримо очень обманывается.

Г-жа Гримо, (вынимая изъ кармана стихи) Я обманываюсь!... а это что? вотъ его стихи?

Гримо, (взлѣзъ бумагу.) И какіе стихи! волосъ льбомъ ставовится...

Тѣ улаждаешь сповиданья
Всегда мечтани упоенья!
Внемли, внемли мой любви...

Г-жа Мориссе (въ сторону.) Да это тѣ же самыя, что и у меня...

Гримо (Гектору.) Позвольте спросить — на какую музыку поются эти стишки? Покорнѣйше васъ благодарю! вы исполнѣ доказали мнѣ вашу дружбу.

Гекторъ. Но, помилуйте...

Мориссе (Гектору.) Перестаньте... ужъ вы виноваты, печего запирайтесь...

Гекторъ. Но я могу доказать...

Мориссе, (перебивая его и становясь между нимъ и Гримо.) Пожалуйста, безъ объясненій... льло ясное! (*Гектору*) что за объясненіе... вы ужъ и такъ много его обидѣли! — (*обоимъ*) Друзья мои! милые, добрые мои друзья! позвольте мнѣ быть вашимъ посредникомъ... я человекъ посторошій въ этомъ дѣлѣ... я васъ разсужу... (*обратясь къ Гектору*) Гримо требуетъ отъ васъ удовлетворенія.

Гримо. Да, требую!

Мориссе (къ Гримо.) Онъ согласенъ.

Гекторъ. Но, помилуйте...

Мориссе (Гектору.) Да, вы согласны! (*къ Гримо*) Онъ согласенъ на некоторое время оставить Парижъ.

Гекторъ. Но, помилуйте.

Гримо. На пять лѣтъ, ни какъ не меньше! я требую пяти лѣтъ!...

Мориссе, (къ Гримо.) На пять лѣтъ? да, онъ согласенъ!

Гекторъ (поспѣшно.) Но, помилуйте... позвольте.

Мориссе, (перебивая его.) Умоляю васъ именемъ дружбы, которая меня соединяетъ съ вами... Гекторъ! милый другъ, Гекторъ! вы должны на все рѣ-

шиться для меня! тутъ дѣло идетъ о семейномъ счастьи... какъ будто нельзя жить въ провинціи также какъ въ Парижѣ!

Гекторъ. Конечно, можно... но у меня нѣтъ мѣста... кромѣ двухъ тысячъ франковъ долга у меня ничего нѣтъ... съ этимъ жить нельзя.

Мориссе (къ Гримо.) Онъ справедливъ въ этомъ случаѣ.

Гримо. Точно справедливъ!

Мориссе (къ Гектору.) Гримо и я, мы никогда не забудемъ, что вы были нашимъ другомъ, нашимъ истиннымъ другомъ!

Гримо (печально.) Конечно, не забудемъ.

Мориссе. Мы вамъ уступаемъ эти двѣ тысячи франковъ, которые теперь должны вы мнѣ.

Гримо. Согласенъ!

Гекторъ. Что такое?...

Гримо. Мы не требуемъ вашей благодарности.

Мориссе (Гектору.) Что же касается до мѣста, то вамъ дать его Гримо... Поздравляю васъ, вы назначены коммерческимъ маклеромъ въ Сен-Мало.

Гекторъ. Можетъ ли быть?

Гримо. Но я?

Мориссе (къ Гримо.) Я знаю: вы согласны!

Гекторъ. И я согласенъ... согласенъ съ благодарностью!

Мориссе. Безъ благодарностей!

Гримо (къ Мориссе.) Но я заплатилъ за это мѣсто...

Мориссе (Гектору.) Онъ уже заплатилъ за это мѣсто...

Гекторъ (съ радостію.) Заплатилъ!

Г-жа Гримо (съ неудовольствіемъ.)

Онъ ужъ за него и заплатилъ?

Гримо (къ Мориссе, въ полголоса.) Но отчего же мнѣ не ѣхать въ Сен-Мало... тамъ бы нечего его бояться...

Мориссе (также.) А онъ можетъ по-

ѣхать за вами... между тѣмъ какъ вы вѣрно не захотите ѣхать за нимъ!... выбирайте же... или онъ коммерческій маклеръ, или вы...

Гримо (поспѣшно.) Остановитесь! я не хочу быть... не хочу быть маклеромъ.

Гекторъ (къ Мориссе.) О, мой другъ, милый другъ! вамъ я обязанъ этимъ мѣстомъ!

Мориссе (Гектору.) Безъ благодарностей!... Ну, прощайте...

Гекторъ, (подходя къ 2-жъ Гримо.) Г-жа Гримо!

Гримо, (становясь между ними и обнимая Гектора.) Прощайте, мой другъ!

Г-жа Гримо (съ чувствомъ.) Прощайте...

Гекторъ, (подходя къ 1-жъ Мориссе.) Г-жа Мориссе!...

Мориссе, (схвативъ Гектора и сжимая его объятіяхъ.) Прощайте, милый, безпѣвный другъ!

Гримо и Мориссе, (проводя съ усердіемъ Гектора до среднихъ дверей.) Прощайте, прощайте...

Гекторъ (обарачиваясь, не можетъ освободиться изъ рукъ.) Но гдѣ жъ моя шляпа?... позвольте мнѣ взять шляпу.

Мориссе, (взявъ шляпу съ рабочаго стола и отдавая ее Гектору.) Вотъ ова! прощайте, милый другъ!...

Гекторъ, (не обарачиваясь.) Прощайте, друзья!

Гримо и Мориссе. Добрый путь! *(Гекторъ скрывается. Мориссе и Гримо запираютъ за нимъ двери.)*

Г-жа Гримо, (вздыхая, въ сторону.) Бѣдный Гекторъ!

МОРИССЕ И ГРИМО.

Мы время съ другомъ проводили, Онъ насъ хотѣлъ провести кругомъ. Но друга въ путь мы проводили, Его же провели путемъ.

г-жа морсесе и г-жа гримо.

Впередъ друзей не заводите,
Чтобъ избѣжать хлопотъ и зла,
Къ чему друзья тому, скажите,
Кому судьба жену дала?

морсесе и гримо.

Теперь мы видѣли это сами,
И полагаемся на насъ.

г-жа морсесе и г-жа гримо.

Лишь будьте вѣрными мужьями,
Такъ дружба не оставитъ васъ!

всѣ вместе (къ публикѣ.)

Мы мировую заключили...
Но одного еще хотимъ,
Чтобъ наше дѣло укрепили
И вы рѣшимъ мировымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

Статья Р. М. Зотова.

Русскій народъ представляетъ любопытное зрѣлище и важный предметъ къ размышленію для историка, философа и физиолога. Такое быстрое, непоколебимое развитіе всѣхъ отраслей гражданственности — непостижимо. То, до чего другіе народы достигли трудами многихъ вѣковъ, совершилось у насъ въ одно столѣтіе. — Возьмите Россію въ первые годы XVIII вѣка и сравните ее съ нынѣшней: не постигасъ какимъ образомъ могло все это сдѣлаться. Въ политикѣ — насъ едва считали въ числѣ европейскихъ державъ; въ образованности — мы еще были русью Іоанна Грознаго; въ промышленности — тоже; въ населенности — дѣльце всѣхъ. Законодательство, государственныя учрежденія, общественная жизнь, народное просвѣщеніе — все было въ младенчествѣ, — а теперь!... И словъ не достанетъ для описанія могущественнаго зданія нашей монархіи. Литература и театръ служатъ украшеніемъ въ этомъ величественномъ зданіи; безъ нихъ все дѣло не было бы такъ полно и прекрасно. Безъ литературы погибають въ пучинѣ событій многія великія и достопамятныя дѣла. Безъ театра вѣтъ проявленія народнаго духа и обычая въ текущаго столѣтія. Обѣ эти отрасли составляютъ достояніе и оселокъ народнаго быта, а иногда возвышаются и до патріотизма и народнои славы. Дѣйствуя на толпу, которая всегда поступаетъ по первому и живѣй-

шему впечатлѣнію, литература и театръ принадлежать къ самымъ могущественнымъ двигателямъ гражданского общества, а потому и стѣсненіе, и своевольство сихъ отраслей равно вредны для народнаго благосостоянія и образованности. Въ томъ же государствѣ, гдѣ мудрою волею единовластителя все направлено къ одной, великой цѣли, именно: къ счастью народа и силѣ державы, — литература и театръ составляютъ прекраснѣйшій украшенія общественной жизни, полезное занятіе, пружину умственнаго развитія. Въ Россіи все еще дышетъ силами юности и неопытности. Тогда какъ у западныхъ народовъ давно уже были Шекспиры, Шиллеры и Гёте, у насъ еще и не помышляли о театрѣ. Гаррикъ и Леккенъ уже гремяли въ Европѣ, а нашъ Федоръ Григорьевичъ Волковъ собирался еще въ кожевенномъ сараѣ, въ Ярославлѣ, сыграть въ первый разъ какой-то переводъ съ иностраннаго. — Но русская земля была уже въ томъ періодѣ, когда въ отрасли государственной и гражданской жизни развивались съ непостижимою быстротою и силою. Не прошло еще и полстолѣтія съ первой попытки Волкова, какъ уже у насъ былъ свой театръ, свои литература, свои первоклассныя актеры. Все стремилось къ усовершенствованію съ такою силою, что выходцы западной Европы не вѣрили глазамъ своимъ.

Слабая струна всякаго старожилы со-

стоитъ въ томъ, чтобъ хвалить все прошедшее и порицать настоящее. Это уже въ натурѣ человѣческой. Воспоминаніе молодости всегда такъ пріятно: и все, что мы тогда видѣли, окружено было розовымъ цвѣтомъ юности, которая не любитъ разсуждать, а только наслаждаться. А потому и я, какъ старый театральный ветеранъ, вовсе не намѣренъ безусловно хвалить все настоящее, на счетъ прошедшаго. Много было хорошаго и въ старину. Но все таки—и по правдѣ, и по разсудку, и по убѣжденію—я скажу, что вышшее состояніе петербургскихъ театровъ такъ хорошо, что оно не уступаетъ прежнему. Въ отдѣльных частныхъ вещахъ найдется, можетъ быть, многое, что не достигло до надлежащей степени усовершенствованія, во все цѣлое, весь общій составъ театровъ находится, теперь на такой точкѣ великолѣпія, роскоши и изящества, что большая часть европейскихъ народовъ едва могутъ спорить съ нами въ этомъ отношеніи.

Всѣ человѣческія дѣянія носятъ печать несовершенства. Пройдутъ вѣка, — и современники той эпохи все еще будутъ недовольны состояніемъ театровъ. И очень ясно! — Театръ есть *подражаніе* обществу и природѣ. — Когда же копія равнялась оригиналу? — Слѣдственно и теперь если при обзорѣ частей припомнимъ буду я указать на нѣкоторыя несовершенства, то они не могутъ служить кому-либо упрекомъ, а еще мѣнѣе предположеніемъ, что я изъ какихъ либо видовъ выставляю ихъ для этого. Ошибки и несовершенство принадлежатъ всемъ людямъ, всемъ вѣкамъ. Это будетъ вѣчнымъ, неизмѣннымъ афоризмомъ человечества. Тутъ никто не виноватъ, кромѣ нашей натуры и ограниченныхъ силъ.

Начнемъ по порядку. — Первая и важнѣйшая часть всякаго театральнаго состава — *драматическая труппа*. Она составляетъ часть національнаго достоянія, часть народной славы. Для нея и чрезъ нее рождаются великіе гевіи литературы; она оставляетъ въ потомствѣ имена Гарриковъ, Князевъ, Тальма, Эслеровъ, Дмитревскихъ; она служитъ пружинною

народнаго патриотизма; она представляетъ великія событія древнихъ героевъ народной исторіи; она бываетъ училищемъ добродѣтели и картиною обществяныхъ нравовъ. Для театра же, (или по техническому выраженію — для *дирекции*) драматическая труппа составляетъ основаніе всего званія, какъ по части сборовъ, такъ и по вліянію на литературу и вкусъ общества. Хозяйственная часть драматической труппы вездѣ представляетъ для антрепренеровъ самый обильный источникъ денежныхъ выгодъ. Постановка пьесъ столь незначительна въ сравненіи съ доходами въ случаѣ успѣха, что нѣтъ почти примѣра, и между кончующимися труппами, банкротства антрепренеровъ отъ драматической части. — Тамъ же, гдѣ правительство выдаетъ пособія на сей предметъ, она составляетъ первый и важнѣйшій источникъ доходовъ, соединенный съ цѣлю поощренія народной литературы, народныхъ дарованій.

У насъ давно уже знаютъ эту аксіому и съ самаго основанія *русскаго* театра встѣ усилии лицъ, управявшихъ этою частію, стремились къ достиженію высокой цѣли. Отъ этого-то драматическая часть и развилась у насъ и прежде встѣхъ. У насъ уже были Дмитревской, Яковлевъ, Савдуновъ, Семеева, тогда какъ прочія отрасли театра были въ младенчествѣ, или держались только иностранными талантами. И духъ народной литературы тоже стремился преимущественно къ драмѣ. Мы уже имѣли Сумарокова, Княжвина, Фопъ-Визина, Озерова, князя Шаховскаго, Грибоедова, — тогда какъ въ музыкальномъ мѣрѣ изъ русскихъ только Верстовскій и Глинка трудились для театра.

Теперь ваша русская драматическая труппа состоитъ собственно изъ драмы, комедіи и водевилля. — Трагедіи уже нѣтъ. Древняя классическая форма исчезла. Форма и условія классицизма показались слишкомъ стѣснительными для новѣйшихъ умовъ и вкуса XIX столѣтія. Расинъ, Корнель, Вольтеръ были преданы забвенію; всеобщими образцами сдѣлались Шекспиръ и Шиллеръ. На западѣ героемъ драматической литературы сдѣлался Викторъ Гюго, который, слѣдуя

вкусу своихъ соотечественниковъ, началъ съ Герани и упалъ до Рюи-Блаза. У насъ же сохранилось, славу Богу, столько чувства приличія и эстетическаго вкуса, чтобъ отвергнуть автора *Марионы* и *Королевскихъ забавъ*. За то мы, забросивъ древнихъ классиковъ, привяли за Шекспира и Шиллера, хотя всѣ журналы возгласы не помогли гешю Шекспира на нашѣмъ театрѣ. Ромео и Юлія, Венеціанскій купецъ, Ричардъ III, — не удержались на нашей сценѣ. — Остались только Гамлетъ и Отелло, — да и въ тѣ ходятъ восхищаться однимъ Каратыгнымъ. Изъ Шиллера же играютъ у насъ по праздникамъ — *Разбойниковъ* — и то въ самомъ скромномъ объемѣ; *Коварство и Любовь* — въ случаѣ леботовъ Луизы, и еще рѣже *Донъ-Карлоса*, въ половину урѣзаннаго противъ подлинника. Послѣ этого ясно, что нашъ драматическій репертуаръ очень бѣденъ. Всего 5 пьесъ Шиллера и Шекспира, все прочее — сборная братья. Собственно же *русскаго* — всего меньше. Далѣе при исчисленіи авторовъ увидимъ мы и количество пьесъ оригинальныхъ. Теперь перейдемъ къ комедіи. Высокой классической комедіи у насъ также уже нѣтъ. Не знаю, сожалеютъ ли объ ней зрители, — но послѣ Фовъ-Визива, котораго мы уже не видимъ на нашей сценѣ, послѣ князя Шаховскаго, котораго сочиненія также уже оставлены, новѣйшія попытки Грибоѣдова и Гоголя доказали, что мы можемъ имѣть и свою, *русскую* комедію. Ижалъ только, что труды ихъ оградились однимъ попытками. *Горе отъ ума* останется покуда нашею лучшею комедіею, а *Ревизоръ* — веселою и остроумною пьесою, — но, какъ одинъ жаворопокъ не составляетъ еще весны, такъ и двѣ пьесы, не составляютъ репертуара. Что же у насъ играютъ? — Да все еще французскія передѣлки, во всѣхъ возможныхъ видахъ, — и только. А главнѣе-то мы богаты — водевилями. Но что такое водевиль? Это олицетворенный французъ. Возьмите каждаго отдельно изъ этой націи, поговорите съ нимъ, побесѣдуйте, — и вы будете въ восторгѣ отъ его любезности, веселости, остроумія; но поживите съ нимъ подольше, загляните въ его сердце,

въ его душу, — и вы рѣдко, рѣдко будете довольны своимъ знакомствомъ. Такъ точно и водевиль: почти всякой заставить васъ весело провести полчаса времени, но черезъ день вы вѣрно объ немъ забудете, а если принуждены будете видѣть во второй, въ третій разъ, то всякое представленіе будетъ уменьшать ваше удовольствіе 20-ю процентами, такъ, что послѣ пяти разъ — это уже будетъ не забава, а тоска. Еще бы хорошо было, еслибъ русскіе авторы дѣлали русскіе водевилы. Тогда бы мы, по крайней мѣрѣ, видѣли народный бытъ, привычки, обычаи, повѣрья, образъ мыслей каждаго сословія. Но по большей части водевилы огромною толпою переѣзжаютъ къ намъ съ французской сцены, — и въ какомъ видѣ!... Боже мой! Ну точно французы въ зиму 1812 года!

Не смотри на всю видимую бѣдность репертуара драматической труппы, составъ ея наполненъ талантами во всѣхъ родахъ, — и вотъ можетъ быть почему спектакли Александринскаго театра пріятно постигаемы публикою. И надобно признаться, что если не самую блестящею, то уже вѣрно самую благодарною публикою. Ни гдѣ нѣтъ такихъ рукоприкладсканій, вызововъ, криковъ, восторговъ, радостныхъ возгласовъ, топзанья, хлоппанья, шикаванья. Любо послушать! Любимые актеры успѣвай только выходить, да кланяться.

Начнемъ съ собственно такъ называемой драматической труппы. Первымъ украшеніемъ ея и подпорою служить — В. А. *Каратыгинъ*. Уже 20 лѣтъ занимаетъ онъ первое мѣста и не только не потерялъ ни на волосъ своего дарованія, но съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ становится сильнѣе, глубокомысленнѣе, совершеннѣе; любопытно видѣть, когда и на чемъ онъ остановится. Въ началѣ своего театральнаго поприща игралъ онъ классическія пьесы, — теперь же, когда онъ не существуетъ, репертуаръ его сдѣлался до безконечности разнообразнымъ. Не постигаешь даже, какъ можетъ артистъ съ такимъ великимъ дарованіемъ играть на одной сценѣ разъ по пяти, и въ самыхъ разнокалиберныхъ пьесахъ! — То Шекспирова — Отелло, Гамлета; то Шил-

лерова — Карла Моора, то русскаго — Иголкина, то разслабленнаго Лудовика XI, то французскій водевиль, превращенный въ драму, то Чацкаго, въ «*Горе отъ ума*», то наконецъ въ какомъ-то *Бриллиантъ* или *Двухъ вьщцахъ*. Кажется, недостаетъ физической возможности приготовить и глубоко обдумать каждую роль. — Въ моихъ воспоминаніяхъ о театрѣ я, описывая дарованіе Каратыгина, желаю ему для достиженія полнаго художческаго совершенства имѣть такого же критика-журналиста, какой былъ у Тальмы, — но если теперь подумаешь и о томъ, что Тальма игралъ одинокъ разъ (или много два) въ недѣлю, роли давно выученнаго репертуара, которыхъ зрители также хорошо знаютъ наизусть, какъ сами актеры; что Тальма не болѣе одной или двухъ ролей выучивалъ въ годъ изъ новыхъ пьесъ; что постановка каждой продолжалась по нѣсколькимъ мѣсяцамъ, съ нѣсколькими десятками репетицій, — то не мудрено пропикнуть и обдумать до малѣйшей подробности свою роль. А у насъ, когда Каратыгинъ долженъ поставить каждую почти недѣлю по новой пьесѣ, (потому что бенефисы безъ его имени на афишѣ были бы очень плохи), и кромѣ того играть для дирекціи раза три въ недѣлю въ самыхъ разнообразныхъ пьесахъ, — то вѣроятно и злѣйшій Жофриу не рѣшился бы упрекать его за недостатки, которые происходятъ не отъ ошибокъ въ обсужденіи роли, но просто по неимѣнію времени и физической возможности. Конечно, замѣчанія нашихъ журналистовъ не обезпокоятъ его. Онъ имъ часто можетъ сказать, какъ Чацкій: — *И похвала мнѣ ваша досаждаеть!* Но однакоже В. А. Каратыгинъ вѣрно самъ чувствуетъ, что эта поспѣшность, эти скорыя постановки, эти недостаточныя репетиціи, этотъ огромный, разнокалиберный репертуаръ — не ведутъ къ усовершенствованію. Когда артисты, сыгравши какуюнибудь бенефисную пьесу, говорятъ: *Слава Богу, прошла!* — то это еще вовсе не значитъ, что она очень хорошо *прошла*. Высокая цѣль художческаго совершенства можетъ быть достигнута только медленно и съ обдуманностію, — и надобно упиваться той изуми-

тельной способностію, съ которою Каратыгинъ преодолеваетъ всѣ эти затрудненія. Онъ всегда выходитъ побѣдителемъ изъ этого хаоса. — Честь и слава его высокому дарованію! — Высоко стоитъ онъ на лѣстницѣ изыскаго; но настоящаго его дарованія не надо искать въ эфемерныхъ, бенефисныхъ пьесахъ. Тамъ блещутъ только негры, вельшки его таланта, но полнаго, отчетливаго изящества мудрено тутъ требовать. Смотрите на него въ *Отелло*, въ *Гамлетѣ*, въ *Лудовикѣ XI*, въ *Кориоланѣ* — и вы увидите образецъ совершенства. Остается только пожелать, чтобъ судьба дала русской литературѣ писателей подобныхъ Шиллеру и Шекспиру, — и тогда бы талантъ Каратыгина явился во всемъ своемъ блескѣ. Теперь ивогла и ралъ бы онъ помочь своимъ дарованіемъ какойнибудь пьесѣ, — да не изъ чего созлатъ роли; если изъ льда надо выскать огонь, то и лучшая добрая воля, и величайшій талантъ стануть въ тупикъ. Заключимъ сужденіе о Каратыгинѣ, сказавъ въ итогъ, что онъ нашъ первый артистъ и следовательно первый любимецъ нашей публики; что дарованіе его высоко и разнообразно, но что для достиженія совершенства ему надо не такъ часто играть. Последнее конечно не отъ него зависитъ. Чувства приличія и благородства мѣшаютъ ему отказываться отъ бенефисныхъ ролей для своихъ товарищей, — по я говорю здѣсь о искусствѣ, о высокомъ дарованіи, о цѣли изыскаго и не хочу входить въ разбирательство, какимъ образомъ можетъ отстранено быть гибельное неудобство ежедневныхъ бенефисовъ.

А. М. Каратыгина наша первая драматическая актриса. Она тоже двадцать лѣтъ украшаетъ сцену своимъ прекраснымъ дарованіемъ. Судьба соединила этихъ двухъ артистовъ, кажется, для того, чтобъ имена ихъ составляли синонимъ славы нашего театра. Впрочемъ и тогда еще, когда она была Колосовой, она была украшеніемъ русской сцены. И тогда еще, во всемъ блескѣ молодости и красоты, она обворожала зрителей своею умною, прекрасною игрою. Теперь, къ сожалѣнію, нѣтъ уже того репертуара, нѣтъ пьесъ, въ которыхъ она была такъ

хороша. И это истинная потеря. Со времени существованія русскаго театра, у насъ никогда не было такой превосходной актрисы для комедии. Теперь комедии нѣтъ — и следовательно мы никогда уже не увидимъ г-жу Каратыгину въ настоящемъ ея амплуа. Направленіе вкуса и литературы бросилось теперь на драму. Богъ вѣсть, къ лучшему ли это? Я увѣренъ, что еслибъ судьба намъ дала русскаго Мольера, всѣ бы полюбили комедию. Все дѣло только въ гениальныхъ авторахъ: гдѣ-жъ ихъ взять? А какъ хорошую комедию гораздо труднѣе написать, нежели полдюжины драмъ, то всѣ и цустились писать драмы, увѣряя, что вкусъ вѣка этого требуетъ. Впрочемъ и въ драмахъ А. М. Каратыгина не имѣетъ у насъ соперницъ. Въ ней столько искусства и ума, что она создаетъ каждую роль и послѣ нея очень трудно играть молодымъ актрисамъ, посвящающимъ себя драматическому амплуа. Удивительно, отъ чего зрители вышъ такъ рѣдко ее видятъ на сценѣ. Разнеслись даже слухи, что она намѣрена оставить театръ. Это было бы жестоко. Мы не вѣримъ этимъ слухамъ, потому что истинный артистъ долженъ до послѣдней минуты жизни любить свое искусство и славу. Эти драгоценныя пружины человѣческаго сердца не такъ легко оставляются; должно думать, что слухи эти произошли отъ рѣзкаго ея появленія на сценѣ; зрители не знаютъ настоящей тому причины, и сожалеютъ только объ отсутствіи своей любимицы. Особенно же должны жалеть объ ней бѣдные авторы и переводчики піесъ, часто надѣющіеся, что талантъ г-жи Каратыгиной поддержитъ ихъ трудъ, и вмѣсто того принужденные видѣть неопытныхъ актрисъ, которыя часто замѣняютъ ее; про нее-то можно съ увѣрительностію сказать: *Elle aura des successeurs, mais non des remplaçans.*

Послѣ Каратыгиныхъ, первый и достойнѣйшій любимецъ публики, разумѣется, *И. П. Сосницкій*. — Онъ ужъ болѣе 26 лѣтъ украшаетъ нашу сцену. Онъ все возможное переигралъ и ни въ чемъ не уронилъ своей славы. Первоначальный репертуаръ его, въ которомъ онъ столько прославился, теперь не существуетъ,

но всѣ, которые его помнятъ, увѣрены, что лучшаго актера не будетъ на эти роли. Одна только роль Репетилова осталась теперь, какъ бы образчикомъ прежняго амплуа, — но это незначащее, вводное лицо въ піесѣ, а главныхъ характеровъ мы уже не увидимъ. Теперь Сосницкій занялъ амплуа, не столь блистательное, но болѣе прочное, болѣе достойное истиннаго дарованія. Еслибъ кто лѣтъ 15-ть былъ въ отсутствіи, — и помня еще прежняго ловкаго, любезнаго, блестящаго Сосницкаго, теперь вдругъ увидѣлъ его въ *Мальчищѣ*, въ *Деревенскомъ докторѣ*, въ *Дочери скупаго*, и тому подобныхъ піесахъ, то не только бы не узналъ его, но и не повѣрилъ бы, чтобъ превращеніе таланта могло произойти столь удивительнымъ образомъ. Прежде видѣли въ немъ прекрасный образчикъ ловкости, свѣтскихъ приемовъ и тона высшаго общества, теперь онъ истинный артистъ, изумляющій зрителей обдуманностію и глубокимъ познаніемъ своего искусства. Во всю блистательную половину его молодости никто не подозревалъ въ немъ — сильныхъ чувствъ. Часто даже упрекали его въ холодности: только въ вышнемъ амплуа зрители увидѣли, съ величайшимъ удивленіемъ, что онъ одаренъ и этою высокою способностію. Теперь, то онъ заставляетъ отъ всей души смѣяться своему неподдѣльному комизму, то зелолюно излекаетъ слезы у самыхъ хладнокровныхъ зрителей порывами своихъ чувствъ. На счетъ обширности его репертуара должно замѣтить тотъ же самый недостатокъ, какъ и у Каратыгина. Всюкой бенефициантъ поставяетъ непремѣннымъ долгомъ выставить на афишѣ имя Сосницкаго. Это конечно польза бенефицианта, во отъ этого попадаютъ часто въ репертуаръ Сосницкаго такія роли, которыя не только принадлежать къ второстепеннымъ амплуа, но изученіе которыхъ до того утомляетъ его, что иногда физической нѣтъ возможности исполнить ихъ съ тою обдуманностію, какую привыкли видѣть въ столь хорошемъ артистѣ.

Послѣ Сосницкаго лучшимъ украшеніемъ русскаго драматическаго театра была доселѣ *В. Н. Асенкова*. Природа

все ей дала, чтобъ нравиться; сама же Асенкова употребилась, что могла, чтобъ достигнуть до развитія своего дарованія. Не болѣе 8-ми лѣтъ она на сценѣ, по уже съ перваго шага сдѣлалась любимницею публики. Къ сожалѣнію, дарованіе ея приняло ложное направленіе, именно: страсть къ мужскимъ ролямъ. Но судьба захотѣла сохранить намъ прекрасный талантъ г-жи Асенковой и доставила ей нѣсколько ролей въ драмахъ, въ которыхъ могли вполнѣ развиться ея сильныя и глубокія чувства. Зрители, и она сама увидѣли тогда, къ чему способна г-жа Асенкова. Лучшія ея роли: Параша, Вероника въ «Уголино», Мальвина, Эсмеральда, Дочь скупаго. Дай Богъ ей хорошихъ ролей побольше! Вреднаго самолюбія, которое губитъ у насъ столько большихъ дарованій, у ней, слава Богу, нѣтъ въ такой сильной степени, чтобъ она отвергала совѣты людей благонамѣренныхъ, — а это достоинство составляетъ первый призывъ таланта. Кто воображаетъ себя совершеннымъ, тотъ еще очень далекъ отъ совершенства. Кто оскорбляется замѣчаніями, тотъ имѣетъ въ нихъ большую надобность. Если г-жа Асенкова искренно любитъ свое званіе, свое искусство, то она вѣрно ищетъ хорошихъ совѣтовъ и слушаетъ дѣльные замѣчанія... Если это такъ, то можно предсказать ей въ будущемъ успѣхи и всевозможное усовершенствованіе дарованій! Пріятно сохранить память и о томъ, что первымъ образователемъ ея дарованія — былъ Сосницкій. Публика одолжена ему благодарностію за развитіе такого таланта, но вмѣстѣ съ тѣмъ должна и сожалѣть, что онъ не посвятилъ свой опытности и познаній на образованіе другихъ молодыхъ артистокъ. У насъ нѣтъ настоящихъ профессоровъ драматическаго искусства, нѣтъ учителей декламации, какъ въ парижской консерваторіи. У насъ таланты обязаны едва ли не сами себѣ своимъ усовершенствованіемъ. Это болѣею частью самородки, по при всемъ превосходствѣ самобытныхъ дарованій, нельзя не сознаться, что безъ руководства никакое художество не можетъ достигнуть до совершенства.

Истекшій 1840 годъ былъ очень не-

счастливъ для г-жи Асенковой. Съ самаго начала лѣта публика перестала ее видѣть и вскорѣ узнала, что любимица ея потеряла здоровье. Пришло лѣто; — аиши возвѣстили появленіе ея и выздоровленіе, но это продолжалось не долго. Въ съ сердечнымъ огорченіемъ замѣтили, что силы и средства г-жи Асенковой дѣйствительно упали. Одна любовь и усердіе къ искусству поддерживали ее; но оны были безсильны противъ болѣзни. Это было очень грустно для полюбителей Александринаскаго театра. Впрочемъ, пріятные слухи удостовѣряютъ, что г-жа Асенкова скоро выздоровѣетъ. Изъ всѣхъ городскихъ слуховъ исполненіе этого — всего будетъ пріятнѣе для любителей театра.

Послѣ означенныхъ четырехъ артистовъ слѣдуютъ по старшинству и талантамъ г. и г-жа Брянскіе и г-жа Валберхова. Непостижимыя вещи дѣлаются иногда въ области сценическаго искусства. Мы ли, зрители, бываемъ иногда ослѣплены на счетъ какаго нибудь артиста, который намъ нравится и предполагаемъ въ немъ гораздо болѣе таланта, нежели онъ имѣетъ, или артистъ самовольно почему нибудь перестаетъ совершенствовать свое дарованіе и, падая на прежнее поприще, непримѣтно упадаетъ: во всякомъ случаѣ, когда прежнее очарованіе исчезаетъ, мы часто сами себя удивляемся и не вѣримъ. Я помню очень хорошо первоначальное вступленіе Брянскаго па сцену. Оно было не блистательно и не обшало въ немъ того замѣчательнаго дарованія, которое впоследствии развилось; не прошло пяти лѣтъ, — и Брянскій сдѣлался однимъ изъ любимѣйшихъ артистовъ тогдашней драматической труппы. Знаменитый Яковлевъ уже упадалъ, а онъ поднимался твердо и прочно. Въ 1820 году явился Каратыгинъ — и съ перваго шага сдѣлался любимцемъ публики, по это вовсе не мѣшало Брянскому оставаться на высокой степені, до которой онъ достигъ. Даже дарованіе его усилилось отъ этого соревнованія. Въ немъ было тогда многое, чего въ то время не доставало Каратыгину. Почти 15 лѣтъ сохранилъ Брянскій всю силу и энергію своего таланта. Игра его была не блистательна,

не увлекательна, но всегда обдуманная и отчетливо выполненная. Она не искала рукоприкладной толпы, а заслужила всеобщую любовь. И что же?— Вот уж больше пяти лѣтъ, какъ публика мало по малу, сперва отвыкла его видѣть въ хорошихъ роляхъ, а потомъ, къ большому еще удивленію, отвыкла и дѣть въ немъ и прежняго превосходнаго актера. Какъ, что, почему? Богъ вѣсть!— Но всякому любителю театра грустно вѣдѣть такіе превращенія. Кажется, первую пружиную дарованія артистовъ— есть самолюбіе. Часто переходитъ оно за границы, но это въ натурѣ вещей. Какимъ же образомъ могло случиться, что самолюбіе допустило г. Брянскаго сперва до бездѣйствія, а потомъ до упадка прежняго дарованія. Равнодушіе очень хорошая система въ философіи жизни, но въ художественномъ поприщѣ— это самоубійство. Теперь я знаю многихъ изъ зрителей, которые упрекаютъ насъ, старожилы, въ ослѣпленіи или въ невѣжествѣ, утверждая, что Брянской всегда былъ одинаковъ, я же по твердому убѣжденію говорю, что онъ составлялъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ талантовъ нашей сцены, что онъ былъ любимцемъ нашей публики и вполне заслуживалъ всеобщее уваженіе. Отъ чего же произошла его атакія—извѣстно одному Фебу, но теперь съ грустію должно сознаться, что онъ очень далекъ отъ прежняго Брянскаго. Публика и теперь еще хвалитъ его и ставитъ подлѣ Каратыгина и Сосницкаго, но это анахронизмъ старой привычки.

Г-жа Брянская сохранила доселѣ лучшую часть дарованія. Долго отыскивала она себя ампуа; наконецъ драма *Жизнь игрока* обнаружила въ ней значительное дарованіе. Съ тѣхъ поръ она стала играть и другія роли перваго драматическаго ампуа. Теперь въ сценическихъ ея занятіяхъ царствуетъ чрезвычайная пестрота. Она играетъ то благородныхъ матерей, то комическихъ старухъ, то даже любовницъ. Если это для нея выгодно, то и говорить нечего.

Г-жа Валберхова была некогда одною изъ первыхъ знаменитостей нашего театра. Она во всѣхъ отношеніяхъ и испол-

ня заслужила всеобщую любовь и уваженіе. Теперь и лѣта, и силы измѣняются ей, однако она и теперь умная и прекрасная актриса. Надо только, чтобы роль сообразна была съ ея средствами.

Г. Борецкой окончила, кажется, свое театральное поприще. По крайней мѣрѣ, мы его чрезвычайно рѣдко видимъ на сценѣ. Теперь его сценическія занятія и дарованіе можно причислить къ воспоминаніямъ давно прошедшаго.

Г. Григорьевъ 4-й первоначально начался въ музыканты и очень хорошо игралъ на виолончель; но судьба перебрала его на сцену—и всѣ отъ того выиграли. Съ удивительнымъ трудолюбіемъ достигъ онъ до степеней хорошаго артиста, и, кажется, нѣтъ ни одного сценическаго ампуа, въ которомъ бы онъ не испыталъ своего дарованія. И что удивительнѣе всего: онъ во всемъ имѣлъ успѣхъ. Не знаю, до какой степени можно допустить эту всеобщность въ драматическихъ занятіяхъ, но, по моему мнѣнію, (а я— виноватъ!— привязанъ въскольکو къ односторонней, *классической старинѣ*) излишнее разнообразіе вредитъ истинному развитію дарованія. *Г. Григорьевъ*— артистъ съ талантомъ, но онъ бы больше выигралъ, если бы не игралъ вездѣ и во всемъ. Это усердіе конечно чрезвычайно полезно для репертуара и пріятно для публики, и если бы я былъ антрепренеромъ, то цѣнилъ бы *Г. Григорьева* выше всего, — но какъ любитель драматическаго искусства, я полагаю, что для усовершенствованія дарованія ему бы нужно было ограничить кругъ своихъ сценическихъ занятій. Онъ превосходно играетъ благородныхъ отцовъ, — а это ампуа послѣ *гг. Брянскаго* и *Борецкаго* праздно. Оно очень важно и выполненіе его съ артистическою отчетливостію принесло бы ему болѣе пользы и славы.

Г. Максимовъ одинъ изъ тѣхъ артистовъ, которые съ перваго шага очень много обзачають. И природа, и любовь къ искусству дали ему все, чтобы сдѣлаться однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ артистовъ нашей сцены. Неужели эти прекрасныя семена не дадутъ самой обильной жатвы? До сихъ поръ онъ изъ чи-

сла любимцевъ публики, но, достигнувъ этого, истинный артистъ не останавливается, а напротивъ стремится къ усовершенствованію своего дара. Еще нѣсколько лѣтъ и мы увидимъ, исполнитъ ли г. Максимовъ свое назначеніе. Вотъ уже года три, какъ частыя болѣзни препятствуютъ ему въ безпрерывныхъ занятіяхъ, которыя бы могли вполнѣ развить его талантъ, однакожъ и при всемъ этомъ онъ хорошо играетъ нѣкоторыя роли. Я съ перваго шага ожидалъ отъ Максимова очень многого, но все еще не доволенъ тою степенью, до которой онъ достигъ. Я знаю, что онъ могъ бы стать гораздо выше и мнѣ досадно, что онъ еще не постарался объ этомъ. Еще досаднѣе то, что иногда проскакиваютъ въ его игрѣ вещи, которыхъ не могутъ извинить ни какія личныя отношенія. Кто старается представить другаго въ каррикатурномъ видѣ, тотъ заставитъ конечно смѣяться толпу, но благомыслящій человекъ никогда не одобритъ этихъ выходовъ. Это не что иное, какъ шалость, а для истиннаго артиста она не прилична.

Г. Каратыгинъ 2-й болѣе половины своего поприща провелъ въ амплу молодыхъ любовниковъ и вертопраховъ въ комедіи. Тогда блисталъ въ этихъ роляхъ Сосвиднѣй и съ нимъ трудно было соперничать. Вдругъ тотъ и другой оставили это амплу, и г. Каратыгинъ попалъ на свое настоящее мѣсто. Онъ сдѣлался хорошимъ комикомъ для каррикатуры и публики, которая была къ нему 10-ть лѣтъ холодна, вдругъ стала къ нему благосклонна. Его комизмъ довольно уменъ, такъ что удивляешься превращенію, столь счастливо совершившемуся съ этимъ актеромъ.

Г. Мартыновъ артистъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ, котораго публика и журналы ежедневно осыпаютъ похвалами. Я твердо убѣжденъ, что г. Мартыновъ имѣетъ замѣчательный талантъ, и знаю, что онъ станетъ еще гораздо выше теперешняго. Онъ артистъ съ большимъ дарованіемъ, пусть же усовершенствуется его еще болѣе не для аплодиссмановъ и журнальныхъ похвалъ, а для собственнаго достоинства и прочной славы. Пусть старается раз-

нообразить свою игру, пусть постъ куплеты, какъ требуетъ того условіе сцены, а не старается говорить ихъ. Что можетъ иногда сдѣлать эффектъ въ одинъ моментъ роли, то самое очень наскучитъ въ продолженіе всей пьесы. Я увѣренъ, что Мартыновъ, какъ артистъ, любящій свое искусство, не огорчится моими совѣтами. Если они иногда прискорбны для самолюбія, которое шепчетъ посредственнымъ актерамъ: *ты достигъ совершенства!* — то для истиннаго артиста, каковъ г. Мартыновъ, они могутъ только служить доказательствомъ, что совѣтодатель любитъ и уважаетъ его дарованіе.

Г. Самойловъ. Вотъ еще одинъ изъ артистовъ, который первоначально попалъ не на свое амплу и имѣлъ самый посредственный успѣхъ. Вдругъ судьба перебросила его изъ первыхъ оперныхъ тепоровъ въ водевильные комки и сердце радуется, видя его безпрестанное усовершенствованіе. Природа дала ему все, чтобъ быть истиннымъ актеромъ; нужна только любовь къ искусству, чтобъ онъ достигъ возможнаго совершенства. Онъ еще недавно вступилъ на это поприще. Послѣ незабвеннаго нашего Дюра мудрено играть многія изъ его ролей, однако Самойловъ довольно удачно преодолеваетъ затрудненія и всякой день становится лучше и лучше. Силы, здоровья, терпѣнія, — и онъ, можетъ быть, будетъ со временемъ однимъ изъ хорошихъ актеровъ русской сцены.

Григорьевъ 2-й играетъ неподражаемо русскихъ купцовъ, лавочниковъ, спѣльцевъ и т. д.

Марковецкій хорошъ въ простакахъ. *Афонасевъ* сдѣлалъ свою славу ролью слуги въ «Ревизорѣ.» Ему ли эта роль обизана своею знаменитостію или овъ ей, — но мудрено придумать что-либо лучше въ этомъ родѣ. Афонасевъ также очень хорошъ въ подъячихъ. Онъ часто напоминаетъ знаменитаго Пономарева. Ему нужны характеры мольеровыхъ комедій.

Третьяковъ играетъ благородныхъ отцовъ и резонеровъ. Онъ былъ бы очень не дурень, если бы болѣе занимался своимъ дѣломъ.

Радницъ, Калитинъ и другіе принадлежатъ къ воспоминаніямъ давно прошедшаго времени.

Г. Куликовъ режиссеръ и актеръ, занимающій амплу первыхъ молодыхъ любовниковъ въ водевилахъ. — Какъ актеръ... мы перейдемъ это молчаніемъ. За то объ режиссеръ можно много сказать. Обстановка и постановка пьесъ Александрискаго театра принадлежатъ къ самымъ труднымъ и щекотливымъ вещамъ. Александринскій театръ и русская драматическая труппа составляютъ основную каменъ всѣхъ сценическихъ частей. Национальность, драматическая литература, направленіе вкуса и нравственности, — все зависитъ отъ этой труппы и потому на нее всего болѣе должно быть обращено вниманіе. Балетъ и опера составляютъ забаву для глазъ и ушей, — драма и комедія должны говорить сердцу, уму и народной гордости. Слѣдственно тутъ всякая несообразность отъ не досмотра или незнанія гораздо важнѣе, нежели въ другихъ частяхъ. Сверхъ того кругъ дѣйствій драматической труппы самый обширный, самый хлопотливый. Почти всякую недѣлю бенефисъ и въ немъ отъ одной до пяти новыхъ пьесъ. Ихъ надо твердить, надо имъ надо подумать; ни одной роли, ни одного костюма, ни одной декорации, ни одной мебели и бутфорочной вещи, ни одного выхода не оставить безъ вниманія и строгаго обсужденія, потому что и одна несообразность часто рождаетъ всю пьесу. И обо всемъ этомъ долженъ заботиться всѣхъ болѣе режиссеръ! сколько дѣятельности, ума, познаній, образованности нужно такому человѣку? Мы привыкли къ роскоши, великолѣпію и рудника, то открыла бы неоптѣненное сознаніемъ постановкѣ оперъ и балетовъ, и всякому зрителю пріятно видѣть обширныя средства и попеченія дирекціи по своимъ частямъ, но въ Александринскомъ театрѣ мы нерѣдко видимъ многіе недостатки и промахи, которые тѣмъ ярче видѣются въ глаза, что опера и балетъ блестятъ роскошью. Конечно, нѣтъ возможности заняться всякимъ водевилемъ, котораго эфемерное существованіе продолжаютъ иногда только одинъ вечеръ, съ ламы, сольфеджіями и прочими скучными и не заботливостію, какая употреб-

ляется на большія пьесы; конечно, режиссеръ найдетъ для своихъ дѣйствій тысячу оправданій, — но зритель не можетъ и не долженъ входить ни въ какія разбирательства. Онъ только видитъ, что все это дѣлается на скорую руку, на русское *какъ нибудь и авось*; онъ чувствуетъ, что все это могло и должно бы быть лучше, и прискорбіе его справедливо. Лучше не давать пьесъ, которыхъ паденіе, заранѣе уредвидится и которыя не заслуживаютъ приличной постановки, нежели обременять и себя, и публику подобнымъ баластомъ. Отъ поспѣшности, недостатка репетицій, не твердости ролей могутъ упасть и хорошія пьесы, а тщательно постановкою поддерживаются и слабыя.

Намъ осталось только назвать тѣ новыя свѣтила, которыя всходятъ на горизонтъ Александринской сцены.

Первымъ изъ нихъ *И. В. Самойлова*, дочь знаменитаго отца, сестра бывшей нашей любимицы *М. В. Самойловой*. Она имѣетъ много правъ на благосклонность публики, и съ ея стороны надобно много усердія и стараній, чтобы заслужить всеобщую любовь, которую ей овзываютъ. Вѣроятно, она ихъ употребитъ. Природа надѣлила ее щедро своими дарами. Будемъ ждать, что она исполнитъ разовѣтъ эти прекрасныя сѣмена. Я искренно сожалею, что она бросилась въ вихрь водевилей, гдѣ труда много, а прочной славы очень мало; мнѣніе мое основано на томъ, что г-жа Самойлова одарена однимъ изъ прекрасѣйшихъ голосовъ, какія и на вѣку своемъ слышала, — и я увѣренъ, что если бѣ она рѣшилась заняться обработаніемъ этого богатаго рудника, то открыла бы неоптѣненное сокровище, какъ для себя, такъ и для публики; — но жребій брошенъ! Я, какъ искренній доброжелатель, могъ мечтать о возможномъ лучшемъ для нея, она же должна поступать, какъ судьба и обстоятельства велѣтъ. Занимая первое водевилное амплу, выучивая иногда по двѣ новыя роли въ недѣлю, и сверхъ того, играя раза по четыре, не только мудрено, но даже и невозможно записъ ска-занными опернаго царства. Чтобъ слѣ-

латься хорошо пѣвицею, надобно всякой день неутомимо и *единственно* заниматься механическою частію музыки. Очень ясно, что Н. В. Самойловой и подумать некогда объ этомъ, не только исполнять. А жаль, душевно жаль! Если бѣ этотъ голосъ попалъ въ Италію, то изъ него въ два гола сдѣлали бы европейскую знаменитость. Здѣсь, на Александринскомъ театрѣ, въ толпѣ ежедневныхъ куплетовъ и съ акомпаниментомъ нашего водевилнаго оркестра все это погнбло и навсегда. Остается желать, чтобъ она нашла полное счастье и славу на избранномъ ею поприщѣ. Если сценическій ея талантъ вполнѣ разовьется, то она, можетъ быть, достигнетъ степени первоклассной актрисы и въ водевилѣ, — а владъ Цезарь сказала, что лучше быть въ деревнѣ *первымъ*, чѣмъ въ Римѣ *вторымъ*. Г-жа Гринева, воспитанница театральнаго училища, блистала прекраснымъ своимъ дарованіемъ въ *Царьѣ Сибирльцкѣ*, и какъ ни трудно было ей соперничать съ Асенковой, по г-жа Гринева умѣла обратить на себя всеобщее вниманіе исподальнимъ чувствомъ и неприужденною игрою. Съ гѣхъ поръ она часто вляется на сценѣ и публика привыкаетъ къ идее, что эта актриса будетъ современемъ однимъ изъ лучшихъ украшеній нашей сцены. Въ ней до сихъ поръ еще много неопытности, голосъ у ней иногда рѣзкій и неприятный, но опытность и хороший паставникъ легко истребятъ эти недостатки. Лишь бы похвалы и вызовы не вскружили ея голову, лишь бы она съ усердіемъ и твердою волею рѣшилась учиться драматическому искусству. Само собою дѣлается ничто на свѣтѣ. Родятся и гении, которые порывами своими изумляютъ свой вѣкъ, по безъ ученья, безъ развитія, безъ образованія — всякой талантъ остается алмазомъ, покрытымъ грубою корою, въ которой ролится. Его отаѣмываютъ — овъ бриліантъ, оставляютъ въ первобытномъ видѣ — онъ все имѣетъ свою цѣну, но уже никакого украшенія не можетъ составить. Если у г-жи Гриневой до сихъ поръ не было настоящаго драматическаго учителя, то въ ея сферѣ очень легко пользоваться совѣтами

опытныхъ артистовъ, а это лучшая школа. Надобно только собственное къ этому желаніе, освобожденное отъ равнаго самолюбія и гибельной самопадеянности.

Г-жа Федорова испытываетъ свои способности въ первыхъ драматическихъ роляхъ, и надо отдать полную справедливость, что въ ней много врожденнаго дарованія. Не большой недостатокъ въ выговорѣ легко можно истребить, а нѣкоторый холодъ въ игрѣ изобличаетъ одну неопытность. Можно вавѣрное предсказать, что если г-жѣ Федоровой Фебъ пошлетъ хорошаго учителя, то она сдѣлается замѣчательною актрисою. Теперь покуда видимъ мы въ пей одиѣ владѣды. Авось осуществится!

Кромѣ всѣхъ означенныхъ сюжетовъ, явилась недавно на драматической сценѣ новая актриса: это М. Д. Дюръ. Кто не почтитъ прелестной Новицкой въ роли «Фепеллы»? И кто не удивится слѣдственно, что прекрасный пантомимный талантъ, оставя балетную труппу, переходитъ на первыя драматическія роли! Конечно вышнему балету не нужны пантомимы, это была роскошь прежнихъ временъ. Волю же было Диалло сочинять балеты съ драматическимъ интересомъ. Это были пустыя затѣи, которые теперь отвергнуты. Вкусъ усовершенствовался и балетъ сдѣлался спектаклемъ для глазъ: посмотрѣлъ, похлопалъ и пошелъ домой, ни о чемъ не думая. Это истинная колея балета. На что ему нужны драма и поэзія? Оиъ основанъ теперь на великолѣпнѣйшихъ декорацияхъ, чудесныхъ машинахъ, роскошныхъ костюмахъ и... чего жѣ больше? Слѣдственно пантомимный талантъ г-жи Новицкой-Дюръ былъ почти бесполезенъ балетной труппѣ; Богъ вынулъ ей превосходную мысль испытать свое дарованіе на драматической сценѣ — и вышнимъ лѣтомъ явилась она въ Антигонѣ. Выборъ былъ не совсѣмъ удаченъ: трагедія Озерова у насъ уже не въ модѣ. Намъ нужны теперь потрясающіе эффекты романтизма, — и вкусъ вѣва всегда правъ. Противъ него идти не должно, хотя въ тайнѣ и сожалѣешь объ его паправленіи. Въ Антигонѣ являлись въ

свое время всевозможныя дебютантки, хотя эта роль никогда не была создава для дебютовъ. Было время, что ее играла незабвенная наша К. С. Семенова и нынѣшняя наша любимица А. М. Каратыгина, но, не смотря на все ихъ дарованіе, роль эта никогда не производила большаго энтузіазма. Теперь же, когда и зрители, и актеры отстали отъ трагедій, отъ александрійскихъ стиховъ, отъ классическихъ ходулей, отъ распѣвательной декламациі, мудрено было г-жѣ Дюръ имѣть значительный успѣхъ въ подобной роли. Впрочемъ она удивила всѣхъ. Никто не ожидалъ и половины того дарованія, какое она обнаружила при первомъ своемъ появленіи. Недостатки ея покрыты были искрами не поддѣльнаго таланта и строгая критика не рѣшалась разбирать въ подробности ея игру. Всѣ были увѣрены, что послѣдующія роли вознаграждать за недостатки въ первой. Ожиданіе продолжалось нѣсколько мѣсяцовъ — и она явилась въ *Эсмеральду*. Выборъ опять былъ неудаченъ. Изъ знаменитаго романа Гюго сдѣлали пѣмцы какой-то сдѣвической винегретъ. На русской сценѣ его, разумѣется, еще обрѣзали, обстригли, передѣляли, — и пѣса отъ этого не сдѣлалась ни чуть лучше. Описательное развитіе характеровъ, столь превосходно произведенное въ романѣ, не можетъ имѣть мѣста на сценѣ, которой законы основаны на другихъ условіяхъ и потребностяхъ. Можно ли сыграть *Эсмеральду* съ отбѣнками того характера, какой ей далъ Гюго? Это поэтическое дитя природы, легкое, воздушное, своенравное, пылающее страстію, не заботящееся о причинѣ и нравственности, — эта *Эсмеральда* могла быть порождена перомъ Гюго и превосходна въ романѣ, но на сценѣ, — или надобно было все переименовать и слѣдственно испортить, или представить характеръ нѣсколько щекотливый. Мудрено было г-жѣ Дюръ выпутаться изъ этого лабиринта. Она сдѣлала все возможное. Публика была ею довольна. Критика не входила еще въ свои права. Второй дебютъ актрисы, подающей столь прекрасныя надежды, не могъ еще быть строго судимъ. Общій же голосъ зрителей былъ на сторонѣ

красоты и развивающагося дарованія. Послѣдовалъ третій дебютъ, и на этотъ разъ нельзя было упрекнуть выбора г-жи Дюръ: роль *Гризельды*, созданная А. М. Каратыгиной, была достойна усилій и старавій дебютантки, — и она выполнила ее ко всеобщему удовольствію зрителей. Г-жа Дюръ могла почитать, что это былъ первый ея *дѣйствительный* дебютъ. Первые два были только *опыты*. Роль же *Гризельды* показала зрителямъ, что отъ г-жи Дюръ можно ожидать превосходной актрисы. Послѣ этого дебюта припиалась за свое дѣло и критика. До сихъ поръ она молчала, потому что не могла строго разбирать — *опыты*. Теперь же, увидя въ г-жѣ Дюръ *актрису*, можно уже было требовать отстраненія всѣхъ недостатковъ, которые въ ней существовали. По сему случаю произошла небольшая ошибка между двумя неизвѣстными рецензентами въ *Сѣверной Пчелѣ*. Нѣкій, подъ фирмою *Л. Л.*, написалъ статью въ довольнонисходительномъ тонѣ, и похваливъ г-жу Дюръ за разныя бездѣлицы, подвелъ однакоже печальный итогъ, что она безъ души, безъ чувствъ и безъ искусства. Противъ этого явилась другая статья, очень горячо защищающая г-жу Дюръ. Но мнѣ кажется, что изъ обѣихъ этихъ статей можно извлечь много полезнаго для г-жи Дюръ. Не слишкомъ огорчаясь придирками *Л. Л.* и еще менѣе вѣря преувеличеннымъ похваламъ защитниковъ, г-жа Дюръ (*) должна учиться и учиться. Хорошій драматическій наставникъ очень рѣдкая вещь; я видѣлъ на своемъ вѣку только двухъ. Это были Гнѣдичъ и князь А. А. Шаховской. Но первый не выходилъ изъ древней классической трагедіи, и въ нынѣшней драматической литературѣ совершенно бы растерялся; другой же образовалъ много талантовъ, но былъ нѣсколько пристрастенъ къ ученикамъ своимъ. О наставникахъ же г-жи Дюръ мы можемъ только сказать, что выборъ ролей ея должно дѣлать съ боль-

(*) *Пантеонъ* дастъ своимъ читателямъ подробную и безпристрастную критику этого замѣчательнаго таланта.

шою разборчивостію. Дайте ей сперва утвердиться на новомъ поприщѣ, а тамъ уже заставляйте ее играть всякую величину. Во вторыхъ, на счетъ сценическаго ея образованія должно замѣтить, чтобъ она избѣгала рабскихъ подражаній, вскрикиваній и изысканности. Неопытный артистъ, стараясь порадовать какому нибудь любимому таланту, всего скорѣе перейметъ его недостатки. Надобно искать выраженія чувствъ въ самомъ себѣ, а не въ заученой интонаціи другихъ артистовъ. Г-жа Дюръ еще мало имѣетъ опытности, но въ ней есть все, чтобъ слѣзаться отличною актрисою. Будемъ въ полной надеждѣ, что она достигнетъ этой цѣли. Въ трагедіи: «*Коварство и любовь*» г-жа Дюръ обнаружила столько души, столько жара и искусства, что Фердинандъ былъ правъ съ своею безумною любовью. Конечно, г-жа Дюръ была не Луиза Шиллера, — эта поэтическая, меланхолическая вѣточка, которой легче умереть, нежели нарушить давшую клятву, — г-жа Дюръ сыграла собственную свою Луизу и была хороша. Вотъ какія роли надо было ей выбирать! Очень жаль, что кромѣ Фердинанда, всѣ роли были обставлены второстепенными актерами, неполежащими никакой критикѣ. Шиллеръ не заслужилъ такого превебрешенія. Подобною обстановкою можно уронить даже наилучшія пьесы.

Кажется, вотъ все, что можно было сказать о составѣ русской драматической труппы; въ ней много отдельныхъ талантовъ, но мало общаго художческаго духа (*ensemble*); нигдѣ въ мірѣ не ставится такъ много новыхъ пьесъ и нигдѣ не существуетъ такой бѣдности въ репертуарѣ. — Какая же причина производить это зло? Отвѣтъ не затруднителенъ. Все зло происходитъ отъ бенефисовъ. Скажемъ нѣсколько словъ объ этой извѣстной театральнаго благосостоянія.

Замѣстную все отъ иностранцевъ, мы ввели и бенефисы, однако очень удалились отъ той цѣли, для которой они тамъ существуютъ. Бенефисъ въ Парижѣ — дѣло великое, рѣдкое; артистъ получаетъ его послѣ 20, 30-ти лѣтней службы; — спектакль усиливается всѣми

возможными средствами, цѣны мѣстамъ возвышаются, и публика дѣлается щедрою, по мѣрѣ таланта награждаемаго ветерана. Сборъ съ этого бенефиса составляетъ тогда пожизненный капиталъ артиста, который уже окончилъ этимъ свое поприще. Очень ясно, что для такой цѣли легко заранее приготовить спектакль и расположить въ пользу свою зрителей. Всякой посетитель театра съ удовольствіемъ заплатитъ, второе, вчетверо, чтобъ доставить артисту пожизненное обезпеченіе. Оля знаетъ, что этотъ ялогодъ на его карманъ дѣлается только однократно во время всего театральнаго поприща каждаго артиста, съ своей стороны неразвлекаемаго заботою ни о своемъ, ни о чужихъ бенефисахъ. Его содержаніе извѣстно по контракту. Оля можетъ думать только о своемъ искусствѣ и усовершенствованіи дарованія. Если оля учитъ ловую пьесу, то знаетъ, что она будетъ весьма выучена, вырепетована и со всею тщательностію монтирована. Гдѣ же все это у насъ? Иностранцы артисты, которыхъ въ первоначальное время дирекція сюда выписывала, завели первые ежегодные бенефисы. Всякой иностранецъ, пріѣзжающій сюда, хочетъ поскорѣе обогатиться, чтобъ съ полнымъ карманомъ уѣхать на свою родину. Ежегодные бенефисы принадлежатъ къ наилучшимъ средствамъ. Сначала дирекція казалась выгоднымъ, вмѣсто значительнаго жалованья, которое часто превосходило ея средства, платить артисту уступкою ему одного дня. Артистъ для этого дня самъ хлопочетъ, пріискивалъ новыя пьесы съ заманчивыми названіями, обставляетъ ихъ лучшими сюжетами, которые по дружбѣ къ товарищу берутъ и слабыя роли, расхваливаетъ вслѣдъ заравне свой спектакль, посредствомъ друзей-журналистовъ.... Кажется бы и хорошо. Вышло совсѣмъ противное. И русскіе артисты захотѣли имѣть по всѣмъ правамъ тѣже привилегіи, какими пользовались иностранцы. Выгода отъ этого для дирекціи казалась также сама. У насъ судьба артиста искони обезпечена была милосердіемъ монарховъ. За 20 лѣтъ русскій подмазанный получалъ полный окладъ; иностранцы же за 81 лѣтъ полови-

ву, (потому что ихъ оклады были всегда значительнѣе). Следствено цѣль бенефиса не состояла уже въ обезпеченіи судьбы артистовъ: это была прибавка жалованья, которую дирекція, по средствамъ своимъ, не могла выдавать натурою, а выплачивала уступкою въ пользу актера одного спектакля. — И что-жь? пока эта мѣра оставалась въ границахъ умѣренности, она приносила пользу и артисту, и театру. Но по физиологическому устройству человека, онъ ни въ чемъ не можетъ сохранивъ золотой середины; отъ большихъ до малыхъ дѣлъ, онъ безпрестанно впадаетъ въ крайности. Сперва бенефисы получали одни первоклассные артисты, потомъ эта привилегія распространилась и на второстепенныхъ, — и такимъ образомъ мало по малу стали получать ихъ все желающіе. Видимая выгода дирекціи (безденежное приобрѣтеніе піесъ) казалась такъ полезна, что долго никто не замѣчалъ скрытаго вреда, наносимаго бенефисами и литературѣ, и доходамъ театра, и посягателямъ спектаклей. Скопилось наконецъ въ одной русской труппѣ столько бенефисовъ, что давая каждую недѣлю по одному, далеко не достало бы всѣхъ въ году. Принуждены были иногда откладывать иные бенефисы, и въ концѣ карнавала, даже на масленицѣ, давать ихъ: я помню одинъ годъ, въ который на масленицѣ было пять бенефисовъ. Уже въ новѣйшее время начали серьезно думать объ уменьшеніи числа ихъ, но когда рѣзка разолетелась, то трудно опять привести ее въ берега. Изобрѣли средство, которое служило бы облегченіемъ зла, придумали половинные бенефисы. для того, чтобъ дирекція не терла своихъ дней и сборовъ, но болѣзнь все остается болѣзнію, зло зломъ. *Нить! радикальное потребно тутъ лекарство!*

Теперь бѣдные бенефицианты цѣлый годъ заранѣе думаютъ, бьются, выбираютъ, просятъ — и счастливы, кто за мѣсяць до своего бенефиса успеетъ наконецъ собрать все піесы. А какія піесы? Ему нуженъ сборъ, пышная афиша, слесныя сочиненія: какъ ему собрать все это? Откуда взять ему авторовъ и переводчиковъ, которыхъ имена привлекали бы зрителей. Кто у насъ

въ этой категоріи? Полевой и Кукольникъ (*) и только. Могутъ ли, будутъ ли они губить свое время и трудъ для каждаго бенефицианта, который не въ состояніи вознаграждать ихъ. Выбирать изъ иностранныхъ піесъ? Изъ какихъ же? Французская драматическая литература сдѣлалась или нравственною язвою, или политическими бреднями. Большая половина ихъ не можетъ показаться на нашу сцену, а остальная едва ли стоитъ того, чтобъ ее переводить. Нѣмецкій театръ еще бѣднѣе. Нѣмецкая драматическая литература въ какомъ-то броженіи, изъ котораго изрѣдка на верхъ всплываетъ какойнибудь Шенкъ или Раудахъ: (**) все прочее — одни милые разговоры, тежеловѣсныя шуточки, или абсолютная философія. Ничего нельзя взять для вашей сцены. Что же останется бѣдному бенефицианту? Во первыхъ просить такихъ авторовъ и переводчиковъ, которые бы ничего не взяли за свои піесы; во вторыхъ вовсе не думать о достоинствѣ этихъ піесъ; въ третьихъ ѣздить и за этими піесами ежедневно къ благословеннымъ людямъ, взявшимся за эту литературную поставку, приходи въ отчаяніе отъ того, что они не бросятъ семейныхъ, гражданскихъ и служебныхъ обязанностей, для исполненія ихъ пустячныхъ требованій; въ четвертыхъ, переписывать, расписывать, упрашивать своихъ товарищей; умолять дирекцію о новыхъ платьяхъ, режиссера о репетиціяхъ, машиниста, декоратора, буафора о всякой мелочи, разозлить билеты, навязывать ихъ встрѣчному и

(*) Почтенный авторъ статьи вѣроятно по скромности исключилъ свое имя изъ блестящаго триумфатора нашихъ знаменитыхъ драматурговъ; но намъ читатели простятъ, если мы отведемъ ему должное мѣсто возлѣ Полевого и Кукольника.

Ред.

(**) Осмѣливаемся поспорить съ г. авторомъ. Между нѣмецкими драматургами Шенкъ и Раудахъ составляютъ золотую посредственность. Лучшие современные писатели для театра, суть: Имперманъ, Гуцковъ, Граббе, Германъ Марграфъ, Юлій Мозель, Спигзунъ Визе, и многіе другіе. Все они создали много превосходныхъ вещей.

Ред.

поперечному, — и когда всѣ эти элементарныя испытанія кончатся и наступитъ вожделенный день бенефиса, вдругъ въ 7 часовъ съ невыразимою грустію видѣть, что половина залы пуста, — и что вся *игра не стоитъ свѣчь*.

Вотъ картина бѣдственнаго состоянія бенефициантовъ! Конечно не всѣхъ, но вѣдь мы и не говоримъ о какихъ-нибудь Каратыгинныхъ, по о *большей части* артистовъ, а вѣдь большая половина всегда состоитъ изъ посредственныхъ. А публика, а бѣдные зрители въ такомъ же пріятномъ положеніи со всѣхъ сторонъ. Бенефисы составляютъ для нихъ самый тяжкій палогъ. И по знакомству, и со скуки, и увлеченные краспорѣчіемъ афиши, — они должны платить вдвое, втрое противъ ежедневныхъ цѣнъ, а удовольствіе ихъ рѣдко, рѣдко простирается и на казенную цѣну. А страдальческое состояніе всѣхъ актеровъ, играющихъ въ бенефисы. Имъ даютъ роли за двѣ педѣли, за педѣлю до представленія; тотчасъ же счѣтовка, черезъ два дни проба, а черезъ три дни послѣ первой репетиціи и игры. Счастливы тотъ, у кого память тверда или ухо практиковано подъ суглерскую помощь! Обдумать же роль, прочесть все, что касается до представляемой эпохи, освоиться съ характеромъ окружающихъ персонажей, войти въ духъ играемаго лица: — объ этомъ и подумать пельза! Можно ли же требовать, чтобъ піесы шли хорошо, твердо, обдуманно? Могутъ ли онѣ оставаться въ репертуарѣ? И вотъ плоды бенефисовъ! Наши лучшіе писатели могутъ ли посвящать свое время и труды для бенефисовъ? Только одна дирекція, имѣющая средства и штатныя суммы, чтобъ платить за піесы, могла бы поощреніемъ своимъ поддержать нашу драматическую литературу, но, если бѣ даже она этого хотѣла, такъ у ней нѣтъ времени, чтобъ поставить нѣсколько хорошихъ піесъ. Бенефисы принадлежатъ къ ея дѣйствіямъ по обязанности, бенефисы идутъ каждую педѣлю, бенефисы ставятъ ей еженедѣльно новыя піесы, бенефисами надо заниматься *ex officio*, —

и въ концѣ года, можетъ быть, ей изъ всего годоваго итога этой толпы сыгранныхъ піесъ, печально остаются двѣ, три, которыя поддержать ей репертуаръ и сборъ: — чего же больше? — И все это даромъ!

Разсмотрѣвъ однакоже внимательно всѣ эти вопіющія неудобства бенефисовъ, какія же средства можно было бы употребить къ излеченію этой язвы, къ отвращенію этого зла? Частный человекъ не можетъ судить о внутреннихъ средствахъ дирекціи; но бенефисъ есть вещь публичная. Это палогъ на него, ежегодно усиливающийся и для каждаго изъ зрителей, жертвующаго для театра частію своихъ доходовъ, пріятно бы было, если бѣ подобное бремя облегчилось, (потому что совершенно искоренить его невозможно). Уменьшеніе бенефисовъ есть единственное къ тому средство. Пусть они будутъ принадлежностію первоклассныхъ артистовъ — и тогда публикѣ не такъ жаль будетъ своихъ денегъ. Пусть вмѣсто сорока теперешнихъ бенефисовъ, сдѣлается десять; (а право, больше 10-ти первоклассныхъ артистовъ у насъ нѣтъ!) Пусть эти 10-ть бенефисовъ распределяются каждый мѣсяць по одному, и тогда нѣтъ сомнѣнія, что *всѣ* отъ этого выиграютъ: и актеры, и авторы, и театръ и самыя піесы. Тогда можно не позволять актеру брать піесу не обещающую никакого успѣха; тогда можно рѣшиться на приличную постановку каждой; тогда авторы найдутъ возможность работать для театра; тогда артисты будутъ заниматься серьезно своими ролями и обдумывать ихъ; тогда режиссеръ можетъ дать имъ столько репетицій, сколько для піесы нужно; тогда самая журнальная критика, которая теперь точно также пишетъ свои статьи, какъ актеры ставятъ бенефисныя піесы, будетъ, можетъ быть, дѣльная и умная. Однимъ словомъ: и драматическая труппа, и литература, и доходъ театра, и любовь публики — все будетъ процвѣтать. Но какъ же сбить съ рукъ остальные 30 бенефисовъ? спроситъ меня. Конечно кроме денегъ, нѣтъ никакихъ другихъ

средствъ. Надобно до 60 тысячъ ежегодно, чтобъ согласить всѣхъ второстепенныхъ артистовъ къ уступкѣ своихъ бенефисовъ, и здѣсь не мѣсто входить въ сужденіе: изъ какихъ источниковъ взять эти деньги, но можно ручаться, что приобретемъ 30 дней и всѣхъ вышеназванныхъ выгодъ, театръ не останется въ накладе отъ этой сделки. И это касается не одной русской труппы. Наводненіе бенефисовъ второклассныхъ артистовъ дѣлаетъ точно такой же вредъ и въ прочихъ труппахъ, и каждая выиграетъ чрезвычайно много, стряхнувъ съ себя эту безполезную тягость. А ужъ какъ будетъ рада публика!

Что еще сказать о русской драматической труппѣ? Развѣ объ авторахъ, коихъ труды поддерживаютъ нашъ театръ и честь литературы. Ихъ очень мало! Но гдѣ же и когда ихъ бываетъ много? Англичане уже нѣсколько столѣтій жрутъ новаго Шекспира; Германія послѣ Шиллера и Гёте, еще не имѣла имъ равныхъ, да и Франція со всѣми своими теперешними знаменитостями едва ли скоро доидетъ до возвышенности Корнеля, чистоты языка Расина и эффектныхъ сценъ Вольтера. У насъ же, конечно, еще не было великихъ гениевъ въ этомъ родѣ, — но давно ли у насъ и языкъ-то образовался? Давно ли Державинъ показалъ удивленному свѣту, что русской стихъ не уступить въ силѣ, звучности и красотѣ ни одному европейскому языку? Фонъ-Визинъ и Озеровъ были нашими свѣтлами въ первыхъ опытахъ драматической литературы, но ихъ творенія уже не играютъ на нашей сценѣ. Послѣ нихъ князь Шаховской завладѣлъ сценою, но и его сочиненія, исполненные ума и вкуса, уже рѣдко являютъ на театрѣ. Грибоедовъ блеснулъ, какъ волшебный метеоръ — и исчезъ, оставя намъ основной камень, на которомъ будущіе гении нашей литературы будутъ строить великолѣпное зданіе національной славы. «Ревизоръ» Гоголя, при всемъ своемъ одностороннемъ достоинствѣ, былъ утѣшительнымъ явленіемъ въ нашей литературной пустынѣ.

Явился Кукольникъ; онъ написалъ: «Рука Всевышняго отечество спасла,» «Жизль Скопинъ Шуйскій» и «Роксолана». Н. А. Полевой доказалъ нѣсколькими пьесами сряду, что человекъ, съ дарованіемъ и познавшимъ, можетъ также легко писать для театра, какъ заниматься другими отраслями словесности. Его «Параша Сибирячка,» «Дядушка русскаго флота» и другія пьески доставили удовольствіе нашей публикѣ. Дайте намъ Парашу, Дядушекъ русскаго флота, Иголкиныхъ, Рябовыхъ — и это для насъ будетъ лучше всѣхъ созданій Шекспира, Гёте, Шиллера Гюго! Намъ надо русское! Мы хотимъ одного русскаго! И больше ничего, кромѣ русскаго! Г. Полевой постигъ эту идею. Онъ ухватился за эту важную *трусиную сценическаго успѣха*, — и его пьесы имѣли величайшій успѣхъ. Въ нихъ, конечно замѣтна ностальность созданія, но это узнается уже при чтеніи, въ тиши кабинета: на сценѣ же онъ увлекаетъ народностію всѣхъ выставляемыхъ предметовъ и патриотическими чувствами.

Кто жъ послѣ этого остается для нашей сцены? Увы! напрасно будемъ осматриваться. Печальному взору предстать одна фаланга переводчиковъ. Но что имъ переводить? Чему насъ научать, чѣмъ порадовать иноземные гении!

Одинъ человекъ съ дарованіемъ между переводчиками — г. Ободовскій, подаря нашей сценѣ много хорошихъ пьесъ, не знаетъ теперь откуда и что брать для своихъ занятій. Вездѣ бѣдность и нищета.

Все это однако же представляетъ весьма печальную перспективу для нашего театра. Ни своихъ, ни чужихъ! — Кака же причина такой бѣдности? — У насъ очень испая. У насъ нѣтъ отдѣльнаго сословія литераторовъ, нѣтъ цѣха писателей. Всякой молодой человекъ, учившійся чему нибудь, кипитъ охотою къ литературнымъ занятіямъ. Этихъ писателей у насъ больше всего, но отъ нихъ-то меньше всего пользы. Въ 18, 19 лѣтъ не дѣлаются гениями. Нужна опытность и познаніе свѣта. Все, что слишкомъ рано развидось — слабо и не прочно. И дѣйствительно отъ всей этой

когорты молодых писателей обыкновенно черезъ нѣсколько лѣтъ не остается на литературной сценѣ ни одного. Всѣ они должны служить и служить. Проза общественной жизни, занятія по должности, по семейству, по связямъ, вскорѣ истребляютъ всякой порывъ къ литературѣ. То времени нѣтъ, то лѣнь. А ужъ какъ разъ отстаешь, такъ трудно послѣ приучать свою упрямую музу къ механизму литературныхъ занятій! Да и каковъ польза отъ этихъ занятій! Надо бы жить и служить, а литература не можетъ служить ни къ тому, ни къ другому. У насъ слышкомъ мало примѣровъ такихъ людей, которые бы составили себѣ состояніе и карьеру литературною. Примѣръ ихъ не долженъ увлекать никого. Всѣ прочіе бьются съ горемъ пополамъ на этомъ трудномъ поприщѣ, — и вѣрно никого не приохотятъ къ подражанію. Слѣдовательно область литературы остается въ удѣлъ немногимъ людямъ, которыхъ рѣшительное призваніе, страсть, отвергаетъ всякое затрудненіе, не обезокочивается никакими не удачами, не надѣется ни на какія блага жизни, не ищетъ покровительства, не пугается бѣдности. Такихъ людей очень мало. Что же касается до причинъ литературной бѣдности, то постараемся изложить ихъ. Всякой въ свѣтѣ трудъ долженъ быть вознагражденъ, потому что люди должны жить. Литераторы не менѣе другихъ любятъ подобныя вознагражденія. Во Франціи театральныя постановленія служатъ изобильнымъ источникомъ богатства для драматическихъ писателей. Въ каждомъ порядочномъ городѣ, гдѣ есть постоянный театръ, антрепренеръ обязанъ откладывать автору играемыхъ ежедневно пьесъ ту часть, которая по законамъ слѣдуетъ. И всѣ театры исполняютъ эту обязанность, потому что въ случаѣ процесса надо бы было вдвое заплатить. Вообразите же себѣ всю эту Францію, наполненную театрами, съ которыхъ ежедневно авторы получаютъ часть сборовъ! Эта лакомая перспектива воспламенитъ по неволѣ писателя. Два, три успѣха и онъ богатъ. Ему всякой годъ будутъ присылать отовсюду деньги. Онъ уже обезпе-

чевъ на всю жизнь. У насъ конечно существуетъ тоже самое правило, по какая тутъ аналогія! Правило это касается до двухъ столицъ, въ которыхъ дѣйствуютъ императорскія труппы, а прочія труппы по всей Россіи играютъ даромъ все, что имъ вздумается. Кака же перспектива для нашихъ писателей? Какое поощреніе трудовъ? Какое обезпеченіе судьбы ихъ? Мы уже выше сказали о паводкѣ бенефисовъ. Они поглощаютъ всѣ труды нашихъ писателей, и послѣ бенефиса театръ уже цѣлую вѣчность играетъ бездарно, безошливно пьесу, которую бѣдный артистъ для себя выпросилъ, а бѣдный авторъ съ горемъ пополамъ далъ ему. — И что здѣсь дано въ бенефисѣ, то уже и въ Москвѣ ставится вѣчною принадлежностію театра.

Пріемъ пьесъ въ дирекціи и денежная плата за нихъ, выпче стали очень рѣдки. При пріемѣ пьесъ установленъ прекрасный правило. Дирекція собираетъ комитетъ литераторовъ и ихъ мнѣніе рѣшаетъ судьбу пьесы. Слѣдственно и успѣхъ, и не удача должны быть безпристрастны. Жаль только одного! Комитеты сіи не всегда состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же лицъ, а засѣданія ихъ чрезвычайно рѣдки; главное же затрудненіе при этомъ состоитъ въ избраніи судей. У насъ много литераторовъ, профессоровъ, ученыхъ, по драматическихъ писателей — почти нѣтъ. И вообще очень мало охотниковъ къ слушанію драматическихъ повостей. Кто заплѣтъ дѣломъ, кто службою, а кому просто не хочется. Какой же результатъ сихъ собраній? Вовсе не тотъ, какой бы долженъ быть. Если бы это былъ постоянный комитетъ изъ извѣстныхъ, непремѣнныхъ членовъ, обязанныхъ являться по призыву въ собранія и получающихъ какое либо вознагражденіе за потерю времени, въ такомъ случаѣ онъ бы былъ полезенъ. Теперь же судить не кого и не кому.

Обратимся къ русской оперѣ. Съ нѣкоторыхъ поръ существованіе ея сдѣлалось нѣсколько загадочнымъ. Давно ли, кажется, эта труппа славилась своимъ *Робертомъ*? Давно ли въ русскія оперы публика стекалась толпою и

восхищалась этими спектаклями? Давно ли вседневные разговоры города твердили о русской опере? Давно ли... Увы! Такъ проходитъ слава міра сего! Теперь, какъ говорится, и калачемъ не заманишь зрителей въ русскую оперу. Отчего же случилась такая бѣда? Персонажи не только тѣ самые, которые прежде привлекали публику, но еще число ихъ увеличилось многими хорошими талантами. Оперы не только тѣ же самыя играютъ, но никогда репертуаръ нашъ не былъ такъ богатъ всеми лучшими и повѣйшими произведеніями Италіи. Роскошная обстановка не только не сдѣлалась бѣнше, но еще увеличилась во всѣхъ отношеніяхъ. Что же наконецъ за причина рѣшительнаго упадка русской оперы? А вотъ видите ли, во первыхъ причина та, что *русской оперы* не существуетъ. Одинъ Петровъ съ женою и Степанова остались на сценѣ представителями русской націи, всѣ прочіе составляютъ прививки, перепесенные изъ подъ чужеземнаго неба на нашу русскую почву. Конечно, диетантамъ все равно: финш или камчадалъ поетъ мотивы Россіи и Бедлини, лишь бы звуки были вѣрны и пріятны; но, къ сожалѣнію, диетанты нигдѣ не составляютъ большинства зрителей, тѣмъ болѣе, что вездѣ ужасно много диетантовъ - самозванцевъ. Вся прочая масса зрителей съ грустію видитъ и слышитъ, что, *такъ называемую, русскую оперу* поютъ такими словами, которыхъ смысла не отыщешь ни въ какомъ лексиконѣ, и это не пустая придирка, не вздорное требованіе; нѣтъ! Повѣрьте мнѣ, что русскіе зрители непременно хотѣтъ видѣть на русской сценѣ — своихъ соотечественниковъ, что для нихъ прискорбно слышать, какъ иностранцы коверкаютъ ихъ языкъ; и что эти иностранцы непременно хотѣтъ быть здѣсь *первыми*. Народное самолюбіе—самая щекотливая струна въ зрителяхъ. Является вдругъ передъ ними какой-то г-жа Вейраухъ и заранѣе объявляетъ о себѣ: въ афишѣ, что она опредѣляется первою пѣвицею въ *русскую оперу*. И что жъ? Въ ней не было ровно ничего ни *перваго*, ни *русскаго*. Она упала, и Богъ съ нею. Вслѣдъ за

тѣмъ явился г. Ковти и съ тою же самовольностію объявилъ о себѣ заранѣе, что онъ ангажируется *первымъ* теноромъ въ *русскую оперу*. Вышло, что онъ только не дуревъ, но во всякомъ случаѣ гораздо бы было лучше, если бъ со скромностію сдѣлать свои дебюты и уже по приѣму публики судить *первымъ* ли онъ теноръ? Самъ себѣ никто не судилъ,—это дѣло публики, которая платитъ деньги за право судить объ артистахъ. Наконецъ присоединился и г. Този. Мы имъ восхищались во время оудъ и въ *италинской труппѣ*, но кто бъ могъ ожидать, чтобъ послѣ десятилѣтняго интервала, въ продолженіе котораго онъ отнюдь не помолодѣлъ и не сдѣлалъ успѣховъ, явился онъ въ *русской оперѣ*, со своими не *русскими* странностями и недостатками. Какъ-же теперь требовать, чтобъ масса зрителей, которымъ музыкальная часть едва ли не второстепенная въ оперѣ, шла по прежнему въ оперныя спектакли? Вообразите себѣ, напримѣръ, русскую любимую оперу: «*Жизнь за царя*», и дайте сесыграть Ковти, Този и Вейраухъ. Они споютъ намъ ее вѣрно, хорошо, да за то каково будетъ *русскими* зрителямъ? Какое чувство патріотизма воспламенитъ эти пѣвцы? Какая сценическая иллюзія будетъ возможна съ ними? А если Господь благословитъ насъ и мы примемъ за *національныя* оперы, если когда нибудь представленія ихъ придется въ такую эпоху политическихъ обстоятельствъ, когда сценическимъ произведеніямъ предстоитъ высокая цѣль прославленія русскаго оружія, можно ли будетъ тогда слышать на сценѣ возванія къ славѣ и отечеству, неокорканныя иностранцами пѣвцами? — Нѣтъ! русская опера должна быть *русскою*, а не сборищемъ вавилонскаго столпотворенія.

Второю причиною упадка оперы я полагаю слѣдующую: теперь на русской сценѣ играютъ оперы Россіи, Бедлини и Довизетти. Однимъ словомъ, *италинская* музыка овладѣла репертуаромъ. Это прекрасно для диетантовъ, но едва ли сообразно со вкусомъ и склонностями главной массы зрителей. Овине музыкалы. Ихъ мало восхищаютъ по-

токи рулады и речитативы. Они требуютъ сюжета въ операхъ, игры въ актерсахъ и великолѣпія спектакли. Все это болѣе принадлежитъ къ французской оперѣ, а не къ итальянской. Робертъ имѣлъ огромный успѣхъ, потому что сюжетъ былъ волшебный и спектакль великолѣпный. Первоначальные персонажи не всегда хорошо пѣли эту оперу, но всегда играли се отлично. *Жизнь за Царя* была русская опера—и можно заранѣе предсказать успѣхъ всѣмъ національнымъ операмъ. Дайте *Озеро волшебницъ* и вообще оперы французскаго театра—и наша публика опять обратится въ оперные спектакли. Болѣе же всего надо стараться создавать свою оперу, какъ бы она посредственна ни была; повѣрьте, она всегда привлечетъ вѣное зрители, нежели лучшая итальянская. Не давнѣе дава *Царя Сибирлика* Д. Ю. Струйскаго, имѣла успѣхъ—и прекрасно. Русскіе зрители будутъ искренно благодарны за великую русскую попытку. Обозрѣмъ однако же персонажей, составляющихъ нашу оперную труппу.

Двѣ первыя пѣвицы.—г-жа Степанова и г-жа Соловьева. *Г-жа Степанова* изъ воспитаницъ, но талантъ ея образовался уже послѣ выхода ея изъ школы. Труды ея и старанія были немалы. Если бы можно было снять у ея голоса не пріятное иногда вскрикиваніе и дать нижнимъ ея нотамъ вѣсколько полноты, то она была бы прекраснѣйшею пѣвицею. Теперь она у насъ единственная русская пѣвица. Игра ея довольно слаба; метода пѣнія не совсѣмъ выработана, но за то вѣрность и чистота составляютъ неоспоримыя качества. Прже руководителемъ ея былъ незабвенный Кавось,—теперь нѣтъ никого. *Г-жа Соловьева* — пересаженный цвѣтокъ на нашу почву, и однако же, какъ говорятъ, привалезающій русской землѣ. Она оларела всѣмъ, чтобъ быть первокласною пѣвицею: пріятный, звучный голосъ, легкость и гибкость необыкновенныя, метода прекрасная. Къ сожалѣнію, иногда слышно въ ея голосѣ, что она мало его обрабатываетъ, что не завивается ежедневно солфеджіями и скалами, а иногда не вѣрно поетъ. Главный ея музыкальный недостатокъ состоитъ въ

томъ, что она самовольно измѣняетъ тему и украшаетъ ее безчисленными фюритурами. Это прекрасно, когда авторъ самъ назначилъ пассажи, или въ ферматахъ, но съ самаго начала какойнибудь арии—это не простительное отступление. Лучшими ея ролями можно почесть *Антониду*, въ *Иизви* за Царя, *Эльвиру* въ *Пуританахъ* и *Луцію* въ *Ламермурской вѣствѣ*.

Г-жа Петрова. Пужно ли говорить объ этомъ рѣдкомъ явленіи на нашей сценѣ? Русский контръ—альго вещь не выдавшая, не слышанная. Да и какой контръ—альто? Звукъ, доходящій прямо до сердца; пламенные чувства, увлекающія самого хладнокровнаго зрителя; превосходная игра, заставляющая забыть и ростъ ея, и полъ! Все это непостижимо! Что, если бы ей побывать въ Итали! Какой бы феноменъ явился на горизонтѣ русской оперы! Теперь нечего и говорить объ ней. Всякія похвалы будутъ излишними. Не большое прожваніе голоса составляетъ единственный недостатокъ ея пѣнія, но и оны иногда производятъ эффектъ. *Арзасъ, Ромео, Валл, Цараша*;—составляютъ вѣнецъ ея славы.

Г-жа Шелихова б. Мы уже рѣдко вышче видимъ эту прекрасную актрису. Но было время, и очень не давно, какъ она одна занимала всѣ первыя оперныя роли. Прекраснѣйшая наружность, отчетливая игра и вѣрность пѣнія были всегдашними ея качествами. Теперь она изрѣдка играетъ въ водевиляхъ. Не наше дѣло судить о причинахъ такого перехода, но мы увѣрены, что она и теперь бы не испортила ни одной изъ прежнихъ своихъ ролей.

Первые теноры: Леоновъ и Контини—оба изъ иностранцевъ,—но г. Леоновъ, кажется, здѣсь роился и воспитывался. По крайней мѣрѣ выговоръ его нисколько не изобличаетъ чужеземнаго происхожденія. Голосъ его звученъ и пріятенъ. Въ первые годы своей службы онъ видимо былъ слабъ, теперь грудь его укрѣпилась и голосъ приобретаетъ силу и твердость. Метода его очень хороша. Видно по всему, что онъ любитъ свое искусство и старается усовершенствоваться. Еще

нѣсколько побольше силы и гибкости — и онъ будетъ хорошимъ пѣвцомъ.

Г. Кошты. Мы уже говорили о немъ выше. Впрочемъ, отброся то, что онъ коверкаетъ русскій языкъ, онъ хорошій пѣвецъ; метода его чисто италіянская, пѣніе вѣрно, игра слаба. Для пользы его и удовольствія слушателей надо бы попросить его, чтобъ онъ не старался выговаривать словъ. Это стараніе все портитъ. У насъ и русскіе иногда такъ поютъ, что словъ не разслушаешь, зачѣмъ же ему хлопотать о томъ, чтобъ смѣшить зрителей?

Первые басы: г. Петровъ и Този. — Первый — паша собственности, второй иноземная прививка. Г. Петровъ можетъ служить примѣромъ удивительныхъ старій и неунынаго ученья. Когда онъ прибылъ въ Петербургъ, то былъ просто ученикомъ. Теперь онъ безспорно первый пѣвецъ нашей оперы. Голосъ его обширенъ, пріятенъ, и гибокъ; метода хорошая, интонація вѣрная. И онъ до этого достигъ самъ собою. Страсть его къ своему искусству — примѣрная. Твердость воли и стараніе — удивительныя. Вотъ какъ надо учиться, какъ стараться о своемъ усовершенствованіи! Если бы половина артистовъ была одушевлена такимъ жаромъ, то у насъ образовался бы театръ первый въ мірѣ.

Г. Този. О немъ уже сказано выше. Прибавить нечего.

Г. Смирновъ. Объ этомъ артистѣ грустно и говорить. Никому природа столько не дала всего пужаго, чтобъ сдѣлаться отличнымъ артистомъ, и ни одинъ не былъ такъ не благодаренъ къ этимъ дарамъ. Хоть бы половину той любви къ искусству, какою одушевленъ Петровъ, и изъ Смирнова сдѣлался бы прекрасный талантъ. Теперь же...

Г. Лихалекій дублеръ первыхъ те-

норовъ. Необширный, но пріятный и вѣрный голосъ. Методы не много. Собственнаго старанія и ученья, кажется, еще меньше. Очень жаль! Онъ бы легко могъ замѣнить Кошты.

Вотъ однако же и всѣ персонажи нашей, такъ называемой, русской оперы. Они все дѣлаютъ, что могутъ; не ихъ вина, если публика не хочетъ ихъ слушать.

Что сказать объ авторахъ нашего музыкальнаго міра? У насъ былъ незабвенный Кавось, который первый положилъ основаніе русской національной оперѣ. Его имя, заслуги и творенія не умрутъ. Въ новѣйшее время блеснулъ прекрасный талантъ г. Глинки, — п это было самымъ отраднымъ явленіемъ для русской публики. Съ тѣхъ поръ (а ужъ этому 5-й годъ!) одинъ только г. Струйскій не давно порадовалъ насъ своею оперой.

Давно говорятъ о Русланѣ и Людмилѣ Глинки, давно идутъ слухи и о другихъ авторахъ, которые хотятъ порадовать вашу сиротствующую оперную сцену: но все еще ничего не видно и не слышно.

Страшное дѣло! Во всѣхъ журналахъ увѣрляютъ насъ, что Петербургъ наполненъ музыкантами, любителями и дилетантами. Поминутно видишь новыя романсы, кадрили, вальсы нашихъ соотечественниковъ. Но далѣе этого мы не идемъ. Припяться за долговременный, серьезный трудъ, — это не въ нашемъ характеръ. Умолимъ васъ, гг. русскіе композиторы и дилетанты! оставьте свои вальсы и вѣчные романсы. Все это уже такъ приторпо! Займитесь, хоть въ компаніи на акціяхъ, сочиненіемъ русскихъ оперъ. Разработайте эту прекрасную почву. Повѣрьте, она принесетъ вамъ богатую жатву.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.)

НОВОСТИ РУССКАГО ТЕАТРА.

Музыкальная пора въ Петербургѣ кончается и, кажется, оческьстати, именновъ то время, когда музыкальная страсть, каждый годъ волшебю или неволелю паходящая на вашу публику въ известное время, начала остывать. Наступаетъ шумный, всесенний карнавалъ, за которымъ потянется разнообразная толпа увеселеній разнаго рода, а за ними пестрая, тѣсная толпа бенефисовъ... Любителямъ Александринскаго театра предстоить много трагическихкихъ и водевильныхъ удовольствій или по крайней мѣрѣ надеждъ на эти удовольствія... Сбудутся ли вполнѣ надежды — сказать, даже и въ отношеніи къ нашему театру, утвердительно нельзя. Чего добраго... на грѣхъ мастера нѣтъ, говорить пословица. Сообщаемъ нашимъ читателямъ нѣсколько достоверныхъ театральныхъ слуховъ, между которыми есть въ самомъ дѣлѣ нѣсколько утѣшительныхъ.

Первый бенефисъ послѣ свитой будетъ пащей даровитой актрисы В. Н. Асенковой, о долговременной болѣзни которой публика Александринскаго театра такъ искренно соболѣзнуетъ. Главною, капитальною пьесю въ ея бенефисъ будетъ *Болрское слово*, драма П. Г. Ободовскаго. Даровитый переводчикъ «Велизарія» выступаетъ на повое поприще: новалъ драма его иметъ, какъ уже видно и изъ заглавія, основу чисто русскую. Съ петербургскимъ ждемъ ея появленія, а между тѣмъ пожелаемъ г. Ободовскому успѣха на новомъ его поприщѣ, па которомъ съ такою честію подвизались

доселѣ гг. Зотовъ, Полевой и Кукольникъ. Еще будетъ очень умный и милый водевиль «*Любовныя записки мюзса*» соч. П. И. Григорьева, котораго уморительный «Губкинъ» такъ много смѣшилъ насъ въ последнее время. «*Габріэль или адъютанты*», водевиль П. С. Осдорова, и «*Все для двушекъ и ничего для мальчиковъ*» водевиль перевеленный съ французскаго Н. И. Филимоновымъ; въ немъ, какъ мы догадываемся будетъ особенно хороша сама бенефициантка.

Вслѣдъ за бенефисомъ г-жи Асенковой будетъ бенефисъ г. Максимова, артиста любимаго публикою. Въ этотъ бенефисъ публика увидитъ водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ Д. Т. Ленскаго, «*Павелъ Степановичъ Мочаловъ въ провинціи*», который имѣлъ въ Москвѣ успѣхъ и, по уверенію досто- вѣрныхъ людей, дѣйствительно есть одна изъ лучшихъ пьесъ Ленскаго. Еще будетъ небольшая драма «*Лауретта или красная печать*» и еще оригинальный водевиль *Шила въ мышки не утаишь, — двушки подъ замкомъ не удержишь*, соч. Н. А. Перенельскаго, известнаго читателямъ «Пантеона» по статьямъ его, помѣщаемымъ въ этотъ издаіи... Будетъ и еще водевиль... однимъ словомъ, пьесъ будетъ довольно... а чѣмъ больше вѣстъ, тѣмъ надежнѣе, что между ними будетъ что нибудь хорошее.. За этимъ бенефисомъ послѣдуетъ бенефисъ Григорьева 1. Отъ этого бенефиса мы надѣмся очень, очень многого. Кому неизвѣстенъ превосходный комическій талантъ почтеннаго *Грицко Основьяпенко*; кто не смѣялся до

упалу надъ его «Папомъ Халавскимъ»; кто не плакалъ, читалъ его милую «Мариусю». Но до сихъ поръ г. Основьяненко былъ извѣстенъ намъ только, какъ превосходный рассказчикъ. Въ бенефисъ П. И. Григорьева публика познакомила съ другой свѣтлой стороной его таланта—стороной драматической. Г. Григорьевъ даетъ въ свой бенефисъ: «Шельменко-денщикъ,» комедію въ пяти актахъ, сочиненія Грицка Основьяненка. Комедія исполнена занимательности, комизма и драматическаго движенія и вѣроятно заслужитъ одобреніе. Главный характеръ «Шельменки-денщика» выдержавъ до конца прекрасно и вѣроятно дастъ средство даровитому бенефицианту, который самъ будетъ играть эту роль, выказать новую, блестящую сторону его таланта. Пантеонъ надѣется дать своимъ подписчикамъ эту замѣчательную комедію въ будущемъ номерѣ... Потомъ будетъ дана «Русская Крѣпость,» современный военной анекдотъ и еще полевилъ презабавный, водевилъ... Нопѣтъ, этакъ мы пожалуй выболтаемъ всѣ тайны почтеннаго П. И. Григорьева и поставимъ его въ невозможность блеснуть передъ вами поностью... Скажемъ одно, что бенефисъ составленъ не на авось, и подаетъ большія надежды...

Есть и еще много театральныхъ новостей, но ограничимся пока этими. Много будемъ знать—скоро состарѣмся!

НЕОБХОДИМОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

Г. Н. Н. въ прошлшемъ номерѣ «Текущаго репертуара русской сцены» въ «Лѣтописи русскаго театра» между прочимъ сказалъ, что въ бенефисъ г-жи Каратыгиной

данъ была давно уже игравшая пѣса: «Женскій умъ лучше всякихъ думъ». Этой пѣсенью было, несмотря на то, что она была объявлена на афишѣ, въ первый разъ возвѣстившей бенефисъ г-жи Каратыгиной. Эта афиша и ввела въ заблужденіе г. Н. Н., которому, по несчастію, непопалась тогда *вторая* афиша г-жи Каратыгиной, въ которой возвѣщено было объ отмѣненіи этой пѣсы. Просмотрѣвъ всѣ новыя пѣсы упомянутаго бенефиса, г. Н. Н., не досидѣвъ спектакля, ушелъ изъ театра, думая, что еще будутъ играть давно уже видѣнную имъ пѣсу: «Женскій умъ и пр.» Вотъ какимъ образомъ произошло то, что г. Н. Н. упомянулъ въ «Лѣтописи» о пѣсѣ, которая не была дана. Все это г. Н. Н. почитаетъ пужнымъ довести до свѣдѣнія читателей, не потому, чтобъ онъ почиталъ это дѣломъ большой важности, но потому—что «Сѣверная Пчела» въ разборѣ своемъ перваго номера «Пантеона и Текущаго Реперта» глядитъ на это, какъ на уголовное преступленіе и изъ всей мочи *изволилъ острить*, съ извѣстными читателямъ приѣмами и ловкостію... ралехонька, что нашла случай... Чтобы показать публикѣ дѣло въ настоящемъ видѣ, г. Н. Н. не стыдится повторить, что столь важное, по мнѣнію «Сѣверной Пчелы», преступленіе, произошло по ошибкѣ, точно также какъ, нѣкогда г. Булгаринъ объявлялъ печатно въ Сѣверной Пчелѣ, что «Угольно» драма г. Полеваго плоха и скучна, а что опъ, г. Булгаринъ, за нѣсколько недѣль превознесъ ее до небесъ въ той же самой «Сѣверной Пчелѣ», не выдавъ ея на сценѣ, по причинѣ, которую читатели могутъ отыскать въ «Сѣверной Пчелѣ».

НОВЫЯ КНИГИ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

В. ПОЛЯКОВА,

На Невскомъ Проспектѣ, на углу Михайловской улицы, въ домѣ графини Строгановой и въ Гостиномъ Дворѣ, по Суконной Лини, № 17, поступили въ продажу:

РАЗГОВОРЫ СЪ ДВѢТЬМИ

О

ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ,

ПОСВЯЩЕННЫЕ ЮНЫМЪ РУССКИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ И ЧИТАТЕЛЬНИЦАМЪ.

СЪ КАРТИНАМИ.

Соч. АФТОНАСЬЕВА.

Спб., 1841 года. Цѣна одна рубль серебромъ.

ПРАВИЛА для употребленія холодныхъ и теплыхъ водъ или ваннъ на дому и въ заведеніяхъ. Спб., 1841. Цѣна 75 к. сереб.

ИСПОВѢДЬ или Собраніе разсужденій доктора Ястребцова. Спб., 1841 года. Цѣна 5 руб. ассиг.

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ. Соч. автора «Путешествія ко Святымъ Мѣстамъ», «Писемъ о Богослуженіи» и проч. Второе изданіе. Спб., Цѣна 1 руб. 45 коп. сереб.

НА СОНЪ ГРЯДУЩЕЙ. Отрывки изъ всеневской жизни. Соч. графа Соллогуба. Спб., 1841 г. Цѣна 1 руб. 50 коп. серебромъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ М. Лермонтова. Спб., 1840 г. Цѣна 1 руб. серебромъ.

ХОЗЯЙСТВЕННО - практическое наставленіе о содержаніи всѣхъ огородныхъ овощей; хлѣба, табаку, аниса, мака, рапса, и важнѣйшихъ красивыхъ и масляныхъ прозрачныхъ; плодовыхъ деревъ, ягодныхъ кустовъ, алычавъ, раннихъ персиковъ, алычавъ, вишенъ, сливъ и винограда; разныхъ цветныхъ кустовъ и деревъ, какъ садовыхъ такъ и тепличныхъ, комнатныхъ и оранжерейныхъ, съ присовокупленіемъ правилъ о поливкѣ горшечныхъ растений и проч., и общаго садоваго календаря. Извлечено изъ сочиненій извѣстнаго русскаго садовода — Ивана Цигры; переводъ съ Пѣлецкаго И. Р.—на. 3 части. Спб., 1840 года. Содержаніе: Часть 1-я: Огородникъ. Часть 2-я: Садовникъ. Часть 3-я: Садовый календарь. Цѣна 3 руб. сереб.

Иногороднымъ особы благоволятъ адресоваться какъ за сими, такъ и за другими книжками, журналами и газетами, издаваемыми на 1841 годъ, и публикуемыми прочими издателями и книгопродавцами, на имя Василья Петрова Полякова.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОЙ КНИЖКИ.

- I. МАНФРЕДЪ, драматическая поэма въ трехъ дѣйствіяхъ. Соч. *Лорда Байрона*, переводъ съ англійскаго *А. Бородина*.
- II. РОЗЫ И МАСКА, анекдотическая драма изъ жизни Шекспира; въ 3 дѣйствіяхъ. Соч. *П. Каменскаго*.
- III. ИСТОРИЯ ИСПАНСКАГО ТЕАТРА, отъ самаго его начала до времени *Лопе-де-Вега*. Статья *К. Тимковскаго*.
- IV. МАДРИДСКІЙ ДОГОВОРЪ, повѣсть *Леона Гозлана*.
- V. БИОГРАФИЧЕСКІЕ СЛЮЭТЫ АРТИСТОВЪ:
 1. ИПОЛИТА МАРСЪ, первая кокетка и трагическая актриса Франціи.
 2. ВУФФЕ, современный комикъ Франціи.
 3. ЛЕОНТИНА ЖУЧКОВСКАЯ, первая артистка польскаго театра.
- VI. СТИХОТВОРЕНІЯ И КУПЛЕТЫ:
 1. ПЕТЕРБУРГСКАЯ КРѢПОСТЬ, *С. Джуковскаго*.
 2. ИТАЛІЯНКЪ, *Князя Элима Мещерскаго*.
 3. ВЫБОРЪ, *В. Соколовскаго*.
 4. ДВА ПОДАРКА, романсъ *М. Воскресенскаго*.
 5. Я ДОМА, *В.*
 6. ЭЛЕГІЯ, *Н. Грекова*.
 7. ЖЕНЩИНА, (изъ *В. Гюго*) *Н. Грекова*.
 8. ТОЛКЪ СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ. ...
- VII. ПАНОРАМА ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ:
 1. Франція.
 2. Австрія.
 3. Новости — итальянскихъ театровъ.
- VIII. ПРИЛОЖЕНІЯ:

№ 2-й ТЕКУЩАГО РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ, котораго содержаніе слѣдующее:

 - I. ПАЖИ ВАССОМЪБЕРА, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, *Д. Т. Ленскаго*.
 - II. ЗАДУШЕВНЫЕ ДРУЗЬЯ, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, *П. С. Оедорова*.
 - III. НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ, статья *Р. М. Зотова*.
 - IV. НОВОСТИ РУССКАГО ТЕАТРА.
 - V. НЕОБХОДИМОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

(Приложенія художественныя и музыкальныя, слѣдующія къ этому номеру, будутъ раздаваться 10 Апрѣля, а гг. иногороднымъ будутъ разосланы при слѣдующей книжкѣ.)

